ISSN 2687-1440

ЕЖЕГОДНИК

ЯПОНИЯ

2021

日本

Институт востоковедения Российской академии наук

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ
2021

том 50

МОСКВА
2021

УДК 94(520)
ББК 66.2(5Я)я5
Я70

http://yearbookjapan.ru

Редакционная коллегия:

Стрельцов Д. В. д.и.н. МГИМО (главный редактор)
Гришачев С. В. к.и.н. НИУ ВШЭ (ответственный редактор)
Дьяконова Е. М. к.филол.н. ИМЛИ РАН
Казаков О. И. ИДВ РАН
Лебедева И. П. д.э.н. ИВ РАН (зам. главного редактора);
Мещеряков А. Н. д.и.н. НИУ ВШЭ
Нелидов В. В. к.и.н. МГИМО

Редакционный совет:

Алпатов В. М. д.филол.н., академик РАН
Войтишек Е. Э. д.и.н. НГУ (г. Новосибирск)
Гордон Эндрю профессор (США)
Гуревич Т. М. д. культурологии МГИМО
Дацышен В. Г. д.и.н. СФУ (г. Красноярск)
Ивасита Акихиро профессор (Япония)
Каварадзи Хидэтакэ профессор (Япония)
Катасонова Е. Л. д.и.н. ИВ РАН
Кистанов В. О. д.и.н. ИДВ РАН
Корчагина Т. И. к.филол.н. МГУ
Нечаева Л. Т. д.пед.н. ИСАА МГУ
Нумано Кёко профессор (Япония)
Панов А. Н. д.полит.н. МГИМО
Пестушко Ю. С. д.и.н. ТОГУ (г. Хабаровск)
Симонова-Гудзенко Е. К. д.и.н. ИСАА МГУ
Симотомаи Нобуо профессор (Япония)
Стефан Джон профессор (США)
Стоквин Артур профессор (Великобритания)
Судзуки Ёсикадзу профессор (Япония)
Тимонина И. Л. д.э.н. ИСАА МГУ
Чугров С. В. д.социол.наук. МГИМО
Шодиев Ф. К. к.полит.н. Фонд Ф. Шодиева

Издание осуществляется при поддержке
Японского фонда и Международного фонда Шодиева

Ежегодник Япония . 2021 . Т . 50 / Ин-т востоковедения РАН ; Ассоциация японоведов . — М . : Наука — Вост. лит . , 2021. — 368 с . : ил. — ISBN 978-5-02-039883-2

В настоящем выпуске Ежегодника Япония представлены статьи российских японистов, посвященные анализу проблем современного японского общества и государства, а также анализу проблем истории и культуры Японии.

Издание рассчитано на специалистов-страноведов и на широкий круг читателей, интересующихся Японией.

ISBN 978-5-02-039883-2
ISSN 2687-1432 (в переплете)
ISSN 2687-1440 (он-лайн)

© Межрегиональная общественная организация «Ассоциация японоведов», 2021
© Институт востоковедения РАН, 2021

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Association of Japanologists of Russia

YEARBOOK
JAPAN
2021
vol. 50

MOSCOW
2021

http://yearbookjapan.ru

Editorial Board:

Streltsov Dmitry V. Professor, MGIMO-University (Editor in Chief)
Dyakonova Elena M. Professor, Gorky Institute of World Literature of RAS
Grishachev Sergei V. Associate Professor, HSE University (Executive editor);
Kazakov Oleg I. Institute of Far Eastern Studies of RAS
Lebedeva Irina P. Professor, Institute of Oriental Studies of RAS (Deputy Editor in Chief);
Meshcheryakov Aleksander N. Professor, HSE University
Nelidov Vladimir V. MGIMO-University

Editorial Council:

Alpatov Vladimir M. Member of the Russian Academy of Sciences
Chugrov Sergei V. Professor, MGIMO-University
Datsyshen Vladimir G. Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
Gordon Andrew (USA) Professor, Harvard University
Gurevich Tatiyana M. Professor, MGIMO University
Iwashita Akihiro (Japan) Professor, Hokkaido University
Katasonova Elena L. Institute of Oriental Studies of RAS
Kawaraji Hidetake (Japan) Professor, Kyoto Sangyo University
Kistanov Valerii O. Institute of Far Eastern Studies of RAS
Korchagina Tatiyana I. Associate Professor, Moscow State University
Nechaeva Lyudmila T. Professor, Institute of Afro-Asian Studies (IAAS) of Moscow State University
Numano Kyoko (Japan) Professor, Tokyo University of Foreign Studies
Panov Aleksander N. Professor, MGIMO-University
Pestushko Yurii S. Professor, Pacific National University, Khabarovsk
Shimotomai Nobuo (Japan) Emeritus Professor, Hosei University
Shodiev Fattah K. (Belgium) Head of International Chodiev Foundation
Simonova-Gudzenko Ekaterina K. Professor, Institute of Afro-Asian Studies (IAAS) of Moscow State University
Stephan John J. (USA) Emeritus Professor, University of Hawaii
Stockwin Arthur (UK) Emetirus Professor, University of Oxford
Suzuki Yoshikazu (Japan) Professor, Tokyo University of Foreign Studies
Timonina Irina L. Professor, Institute of Afro-Asian Studies (IAAS) of Moscow State University
Vojtishek Elena E. Professor, Novosibirsk State University

With the support of Japan Foundation and International Chodiev Foundation

Yearbook Japan. 2021. Vol. 50 / Institute of Oriental Studies of RAS; Association of Japanologists of Russia. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2021. 368 p., ill. ISBN 978-5-02-039883-2

The present issue of Yearbook Japan presents articles by leading Russian Japanese Studies scholars analyzing the problems of the present-day Japanese society and state, as well as the problems of history and culture of Japan. The edition is aimed at specialists in country studies, as well as at all those interested in Japan.

ISBN 978-5-02-039883-2
ISSN 2687-1432 (print)
ISSN 2687-1440 (online)

© Association of Japanologists of Russia, 2021
© Institute of Oriental Studies of RAS, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Добринская О. А. Японский подход к четырехстороннему сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе 9

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Лебедева И. П. О бедности и неравенстве в Японии 32

Тимонина И. Л. Япония на пути к устойчивому развитию: «зеленое финансирование» 61

Жилина Л. В. Япония: Поколение локдауна 89

Григорьева Н. С. Деятельность неправительственных организаций Японии: пример Японского Фонда поощрительных стипендий для российских студентов (1992–2006) 111

ИСТОРИЯ

Бакшеев Е. С. Погребальные сооружения периодов Яёй-Кофун и зарождение японской государственности 130

Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: японская экспансия в Китае и политический мир Франции 163

Саркисов К. О. Инцидент в Тяньцзине: «дальневосточный Мюнхен» 184

Зорихин А. Г. Боевые действия на Южном Сахалине и Курилах в августе 1945 г. в свете новых архивных материалов 202

Дацышен В. Г. Иркутское отделение общества «СССР – Япония»: из истории народной дипломатии в советско-японских отношениях 222

КУЛЬТУРА

Петрова А. А. Амидаистские практики в *«Дзоку хонтё одзёдэн»* 250

Федянина В. А. Женщина и власть в *«Гукансё»*: японские государыни 265

Шорохова Э. С. *«Женская дуэль»*: литературные опыты Дадзай Осаму 297

Кикнадзе Д. Г. Путь японской прозы жанра *сэцува* в советском и российском японоведении 320

Магера Ю. А. Семиотическая концепция Нацумэ Фусаносукэ в исследовании выразительных средств манги 342

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Нечаева Л. Т. О 3-й международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве» 358

АВТОРАМ 367

CONTENTS

INTERNAL AND FOREIGN POLICY

Dobrinskaya O. A. Japan's Approach Towards Quadrilateral Cooperation in the Indo-Pacific Region 9

ECONOMICS AND SOCIETY

Lebedeva I. P. About Poverty and Inequality in Japan 32

Timonina I. L. Japan on the Way to Sustainable Development: Green Financing 61

Zhilina L. V. Japan: Lockdown Generation 89

Grigorieva N. S. Activities of Non-Governmental Organizations in Japan: The Case of the Japan Foundation for Incentive Scholarships for Students, 1992–2006 111

HISTORY

Baksheev E. S. Funerary Structures of the Yayoi and Kofun Periods and the Birth of Japanese Statehood 130

Molodyakov V. E. Continental Policy of Japan as Seen from France: Japanese Expansion in China and French Political World 163

Sarkisov K. O. The Tianjin Incident: The "Far Eastern Munich" 184

Zorikhin A. G. The Fighting in South Sakhalin and the Kuril Islands in August 1945 Based on New Materials 202

Datsyshen V. G. Irkutsk Branch of the USSR-Japan Society: From the History of People's Diplomacy in Soviet-Japanese Relations 222

CULTURE

Petrova A. A. Amidaist Practices in *Zoku Honchō Ōjōden* 250

Fedianina V. A Woman and Power in *Gukanshō*: Japanese Female Sovereigns 265

Shorokhova E. S. *"Women's Duel":* Dazai Osamu's Literary Experiments 297

Kiknadze D. G. The Path of Japanese *Setsuwa* Prose in Soviet and Russian Japanese Studies 320

Magera Yu. A The Semiotic Concept of Natsume Fusanosuke in the Study of Manga Expressions 342

ACADEMIC LIFE

Nechaeva L. T. About the 3rd International Scientific and Practical Conference "Japanese Language in Educational Space" 358

FOR THE AUTHORS 367

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 9–31
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 9–31
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-9-31

Японский подход к четырехстороннему сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе

О. А. Добринская

Аннотация. В статье освещены особенности подхода Японии к четырехстороннему стратегическому диалогу, *Quad* в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Токио выступил инициатором такого формата с 2007 г., когда С. Абэ предложил придать сотрудничеству Японии, США, Австралии и Индии постоянный характер. По ряду причин, в том числе в связи с уходом С. Абэ с поста премьер-министра, *Quad* прекратил существование. В 2017 г. в Токио вернулись к идее возрождения «четверки», рассматривая это как один из способов поддержания внимания США к региону и балансирования против Китая. Возобновление четырехстороннего сотрудничества в 2017 г. в условиях более явно выраженных противоречий между игроками «четверки» и Китаем обозначило новые приоритеты региональной повестки дня Токио. Интерес к четырехстороннему сотрудничеству тесно связан с выдвинутой С. Абэ в 2016 г. стратегией Свободного и открытого ИТР, которая предусматривает тесное политическое взаимодействие с ключевыми игроками региона и активное инфраструктурное строительство.

Правительство Ё. Суга продолжило внешнеполитический курс, провозглашенный С. Абэ, а внимание администрации Дж. Байдена к «четверке» дает основания полагать, что это направление станет ключевым в японо-американском сотрудничестве в ИТР. Участие в «четверке» является логическим продолжением тесного двустороннего и трехстороннего диалога Японии с США, а также с Индией и Австралией, отношения с которыми выходят на уровень, который можно характеризовать как квази-альянсы. При этом Япония заинтересована в том, чтобы *Quad* не воспринимался как эксклюзивный формат, сводящий установление правил поведения в регионе к волеизъявлению четырех игроков. Рассматривая «четверку» как инструмент

сдерживания Китая, Токио подчеркивает открытый характер этого механизма и стремится к расширению формата взаимодействия, который включал бы страны АСЕАН и европейских партнеров.

Ключевые слова: ИТР, внешнеполитическая стратегия С. Абэ, Ё. Суга, Япония, «четверка», Китай, АСЕАН.

Автор: *Добринская Ольга Алексеевна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: Doa_78@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan's Approach Towards Quadrilateral Cooperation in the Indo-Pacific Region

O. A. Dobrinskaya

Abstract. The article highlights the peculiarities of Japan's approach to the Quadrilateral Strategic Dialogue, the Quad, in the Indo-Pacific region. Tokyo initiated this framework since 2007, when S. Abe proposed establishing permanent cooperation between Japan, the USA, Australia, and India. For several reasons, including the departure of S. Abe from the post of prime minister, the Quad ceased to exist. In 2017, Tokyo returned to the idea of reviving the quadrilateral dialogue, seeing this as one of the ways to keep the US focused on the region and balance China's influence. The resumption of quadrilateral cooperation in 2017, in the face of more pronounced contradictions between the members of the Quad and China, marked new priorities for Tokyo's regional agenda. Interest in quadrilateral cooperation is closely related to the strategy of a Free and Open Indo-Pacific, put forward by S. Abe in 2016, which provides for close political interaction with key players in the region and active infrastructure construction. Y. Suga's government continued the foreign policy course proclaimed by S. Abe, and the attention of the Biden administration to the Quad gives reason to believe that this direction will become a key one in Japan-US cooperation in the Indo-Pacific. Participation in the Quad is a logical continuation of Japan's close bilateral and trilateral dialogue with the United States, as well as with India and Australia, relations with which are reaching a level that can be characterized as quasi-alliances. At the same time,

Japan is interested in the Quad not being perceived as an exclusive format that reduces the establishment of the rules of conduct in the region to the will of four players. Regarding the Quad as a tool to contain China, Tokyo emphasizes the open nature of this framework and seeks to expand the format of interaction that would include ASEAN countries and European partners.

Keywords: Indo-Pacific, Abe diplomatic strategy, Suga, Japan, Quad, China

Author: *Dobrinskaya Olga A.,* PhD, research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12.

ORCID:0000-0002-5967-366X

E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

В 2017 г. состоялась первая за 10 лет встреча старших должностных лиц США, Японии, Индии и Австралии, обозначившая возрождение четырехстороннего механизма сотрудничества, *Quad*. Динамика контактов в рамках «четверки» позволяет говорить о том, что она постепенно превращается в устойчивую платформу регионального сотрудничества. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты ее деятельности через призму интересов Японии, а также роль Японии в *Quad*. В исследовании ставится вопрос о том, насколько долгосрочной является приверженность Японии идее четырехстороннего сотрудничества, каким образом она вписывается в ее внешнеполитическую стратегию. Для ответа на этот вопрос предлагается опираться на реалистскую парадигму международных отношений, использовать хронологический метод, контент-анализ и ивент-анализ. С этой целью проведен краткий обзор зарождения механизма «четверки», появление этой идеи во внешнеполитическом лексиконе Токио, роль и место четырехстороннего сотрудничества в индо-тихоокеанской стратегии Японии при С. Абэ и его преемнике Ё. Суга.

История четырехстороннего сотрудничества

История четырехстороннего взаимодействия берет начало еще в 2004 г., когда Япония, США, Австралия и Индия объединили усилия для работы по ликвидации последствий цунами в Индийском океане. Образованная тогда группа имела конкретную задачу и не

предполагала долгосрочного сотрудничества, выходящего за ее рамки. В 2007 г. премьер-министр С. Абэ выдвинул предложение на основе уже испытанного формата наладить четырехсторонний стратегический диалог. Идея получила положительный отклик у остальных участников, и в августе 2007 г. состоялась первая и на тот момент единственная встреча «четверки» на полях саммита Регионального форума Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на Филиппинах.

Сам факт политического взаимодействия в таком формате, а также почти совпавшие по времени военные учения Малабар, в которых приняли участие страны «четверки» и Сингапур, были резко негативно восприняты в КНР. Нежелание провоцировать Пекин в конечном счете оказалось той причиной, по которой формат вскоре распался. Первой о выходе объявила Австралия, где пришедшее к власти правительство К. Радда отказалось проводить курс на конфронтацию с Китаем, поскольку считало это противоречащим национальным интересам. За ней вскоре последовала Индия, утратившая интерес к продолжению сотрудничества. В сентябре 2007 г. С. Абэ ушел в отставку, а сменивший его Я. Фукуда взял курс на сближение с Китаем, и идея «четверки» была постепенно забыта.

К идее сотрудничества в ИТР Япония вернулась осенью 2017 г. В октябре 2017 г. в интервью газете «Никкэй» министр иностранных дел Т. Коно озвучил идею возрождения формата четверки, которая позволила бы обеспечить мир на морском пространстве, простирающемся от Азии до Африки [Hayashi, Onchi 2017]. В ноябре 2017 г., после десятилетнего перерыва, работа четверки возобновилась. На первой встрече старших должностных лиц, прошедшей в Маниле, обсуждались вопросы безопасности на море, борьбы с терроризмом, ликвидации последствий стихийных бедствий. На этот раз четверка оказалась более жизнеспособной, за четыре года ее существования состоялось несколько встреч старших должностных лиц с периодичностью примерно дважды в год, три министерских заседания (включая телефонный формат). Знаковым событием стало проведение первого в истории четырехстороннего саммита 12 марта 2021 г. в формате видеоконференции, продолжением чего стала личная встреча лидеров четырех государств в Вашингтоне 24 сентября 2021 г. Ожидается, что саммиты приобретут регулярный характер и будут проходить ежегодно.

Постепенно вырисовывается постоянная повестка дня «четверки». Она включает в основном вопросы невоенной безопасности, такие как борьба с терроризмом, обеспечение безопасности на море, ликвидация последствий стихийных бедствий. В результате проведенных в 2021 г. двух саммитов она была расширена и конкретизирована — провозглашено партнерство в сфере борьбы с коронавирусом, с изменением климата, сотрудничество в сфере новейших технологий, кибербезопасности, космоса, совместное инфраструктурное строительство. Практическое сотрудничество в основном сосредоточено в тех областях, взаимодействие в которых не будет восприниматься Китаем как непосредственная угроза.

Новой тенденцией становится включение в повестку дня обсуждения конкретных стран. Так, на состоявшихся осенью 2019 г. встречах темами дискуссий стали ситуация вокруг КНДР, в Шри-Ланке и на Мальдивах. В заявлении лидеров в марте 2021 г. упомянуты вопросы морского порядка в ВКМ и ЮКМ, проблема денуклеаризации КНДР, решение вопроса похищенных, ситуация в Мьянме[1].

Сам факт появления и существования механизма «четверки» воспринимается неоднозначно. В Пекине не скрывают критического отношения к нему, и со временем китайская риторика приобрела новые оттенки: если в 2018 г. министр иностранных дел Ван И сравнивал «четверку» с морской пеной, которая вскоре исчезнет, то уже в 2020 г. он назвал *Quad* «Индо-Тихоокеанским НАТО», тем самым подчеркивая, что объединение четырех региональных игроков несет риск безопасности в регионе [Rej 2020]. Квартет критикуют за попытку создания некоего эксклюзивного блока государств, что способствует возрождению логики холодной войны. По словам замминистра иностранных дел И. В. Моргулова, реализация концепции ИТР несет угрозу фрагментации общего пространства и углубления имеющихся разделительных линий[2].

Появление «четверки» было с настороженностью воспринято в ЮВА и нередко трактовалось как попытка преуменьшить роль АСЕАН в регионе. Эти опасения были вполне естественны с учетом

---

[1] Quad leaders' joint statement: "The spirit of the Quad". 12.03.2021. The White House. https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/

[2] Моргулов: Россия и Япония пока в самом начале пути к заключению мирного договора. ТАСС. 4.05.2018. https://tass.ru/politika/5175651

того, что США нередко в наиболее значимых вопросах де-факто игнорировали региональные институты, в лучшем случае отводя им второстепенную роль в обсуждении вопросов безопасности [Колдунова 2017, с. 62].

В ответ на это страны «четверки» вскоре заговорили о центральной роли АСЕАН в сотрудничестве на пространстве ИТР. В заявлениях, касающихся ИТР, подчеркивается его открытость и инклюзивность, что снижает остроту восприятия четверки как формата избранных игроков. Стороны публично выражают поддержку принципу асеаноцентричности, а также выработанному Ассоциацией в 2019 г. «Взгляду АСЕАН на ИТР» (Indo Pacific outlook). Существуют прецеденты сотрудничества с другими государствами региона: в разгар борьбы с коронавирусом в марте 2020 г. четверка собралась в расширенном формате, с участием представителей Новой Зеландии, Южной Кореи и Вьетнама.

Накануне сентябрьского саммита четверки два ее участника — США и Австралия, — заключили трехсторонний пакт с Великобританией, предусматривающий приобретение Австралией британских атомных подводных лодок. Оценки влияния этого события на *Quad* разделились: часть аналитиков считает, что новое партнерство укрепит четырехсторонний механизм, а другие, напротив, опасаются, что оно приведет к снижению значимости четырехстороннего сотрудничества [Rajagopalan 2021].

«Четверка» во внешнеполитическом курсе Японии

Япония изначально выступала самым активным сторонником «четверки». Именно по предложению С. Абэ в августе 2007 г. состоялось первое заседание в этом формате. Внешняя политика Японии в период первого пребывания С. Абэ у власти демонстрировала явно выраженную геополитическую направленность, а также акцент на дипломатию ценностей. В недрах японского МИД была разработана концепция Дуги свободы и процветания, направленная на укрепление солидарности Японии со странами, разделяющими с ней ценности демократии, рыночной экономики, защиты прав человека и т. п

Эта Дуга простиралась от стран Прибалтики через Центральную и Южную Азию, доходя до ЮВА и далее до Австралии. Япония намеревалась тесно сотрудничать со странами Дуги и при необходимости

оказывать им финансовую помощь. Тот факт, что Дуга огибала и Китай, и Россию, позволил многим наблюдателям трактовать ее как инструмент сдерживания. Примерно в то же время в Японии зазвучала риторика, отражающая новое понимание границ Азиатско-Тихоокеанского региона. Речь идет об укоренившемся сегодня понятии Индо-Тихоокеанского региона, или Большой Азии (*какудай Адзиа*).

Понятие ИТР, хотя и давно не новое (в годы холодной войны оно фигурировало в стратегических наработках США и Великобритании), в постбиполярный период впервые появилось в статье индийского аналитика Г. Хураны, посвященной японо-индийскому сотрудничеству в обеспечении безопасности морских линий коммуникаций. В статье доказывалось, что по мере экономического роста Индии ее интересы все более связаны с морскими коммуникациями, таким образом во многом совпадая с интересами Японии, чьи жизненно важные торговые артерии пролегают через Тихий и Индийский океан [Khurana 2007, p. 140]. Концепция ИТР вскоре была взята на вооружение в Токио и появилась в японском внешнеполитическом лексиконе в 2007 г. Находясь в Дели с визитом, японский премьер выступил в индийском парламенте с речью «Слияние двух океанов», в которой подчеркнул важность сотрудничества Японии и Индии по вышеупомянутым вопросам.

В сентябре 2007 г. С. Абэ ушел в отставку, и вместе с ним отошли на второй план его инициативы, касающиеся увеличения роли Японии в обеспечении региональной и международной безопасности. Концепция Дуги свободы и процветания при новом премьер-министре Я. Фукуда постепенно перестала упоминаться в качестве одного из столпов японской дипломатии. Потерял Токио интерес и к «четверке». Период потепления отношений с Китаем оказался недолгим, а курс пришедшей к власти оппозиционной ДПЯ на сближение с Азией, создание восточноазиатского сообщества и проведение независимой от США внешней политики потерпел крах, что стало очевидно после скандала вокруг авиабазы Футэмма и кризиса 2010 г. в японо-китайских отношениях.

Вернувшись к власти в 2012 г., С. Абэ возродил многие начинания, связанные с его первым премьерским сроком. Это касается и дальнейшего развития взглядов на четырехстороннее сотрудничество в регионе. На следующий день после победы С. Абэ на выборах вышла в свет его статья «Демократический ромб безопасности». В ней говорится

о необходимости сформировать механизм, крайними точками которого будут Австралия, Индия, Япония и американский штат Гавайи, с тем чтобы охранять общее морское пространство, простирающееся от Индийского океана до западной части Тихого океана [Abe 2012]. Концепция, прежде всего, направлена на сдерживание Китая, который, по словам С. Абэ, стремится превратить ЮКМ в «Пекинское озеро». Концепция не стала частью официальной дипломатической повестки, скорее ее можно рассматривать как личное видение премьера, что, тем не менее, не умаляет ее значения.

Выдвижение Китаем инициативы «Один пояс, один путь» подтолкнуло Японию к еще более активному поиску путей противостояния геополитическому и экономическому усилению Китая, распространяющемуся от Восточной Азии до Ближнего Востока и берегов Африки [Галимзянова 2018, с. 161]. Ответом на китайский проект стало наращивание японского экономического присутствия в Центральной Азии, активизация дипломатии в ЮВА, усилившийся интерес к Африканскому континенту. На шестой встрече ТИКАД в августе 2016 г. в Кении С. Абэ изложил положения стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, сделав упор на взаимосвязи Азии и Африки и на перспективах их совместного процветания. Эта стратегия, отправной точкой которой является Восточная Азия, охватывает также Южную Азию, Ближний Восток и Африку, где планируется развернуть деятельность по созданию инфраструктуры, торговле, инвестициям, налаживанию условий для ведения бизнеса, развитию, воспитанию человеческих ресурсов[3]. ИТР характеризуется как пространство, где уважаются свобода, верховенство закона и рыночная экономика.

Три столпа индо-тихоокеанской стратегии включают:

1) распространение и укоренение принципов верховенства закона, свободы навигации, свободной торговли;

2) достижение экономического благосостояния;

3) обеспечение мира и стабильности.

Первое явно относится к Китаю, поскольку, по словам японских аналитиков, единственным игроком, который угрожает свободе

[3] Дзию: дэ хиракарэта Индо Тайхэйё: сэнряку Jiyūde hirakareta Indo Taiheiyōsenryaku [Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона]. Синяя книга дипломатии Японии. МИД Японии. www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003

навигации и верховенству закона на морском пространстве ИТР, является Китай. Второе — это признание важной роли АСЕАН. Одной из целей концепции является укрепление солидарности с АСЕАН. Причиной этого является не только географический фактор, поскольку ЮВА связывает Тихий и Индийский океаны, но и тот факт, что уже существуют многосторонние механизмы, ядром которых является АСЕАН (АРФ, ВАС, встречи министров обороны «АСЕАН плюс» и др.). Япония собирается не создавать новые структуры сотрудничества для осуществления своей индо-тихоокеанской стратегии, а намерена использовать существующие механизмы, осью которых является АСЕАН. В рамках третьего направления Япония делает особый акцент на развитие Африки. Неслучайно стратегия была озвучена на конференции ТИКАД. Планируется создание экономических коридоров, связывающих внутренние районы и побережье таких стран, как Мозамбик и Кения [Okamoto 2019].

Понятие ИТР, вновь прозвучавшее спустя много лет из уст С. Абэ, приобрело новое содержание, поскольку охватывает не только Индию, но и более отдаленные страны, доходя до Африканского побережья. Кроме того, стратегия опирается на основополагающие внешнеполитические принципы С. Абэ — панорамную дипломатию и активный пацифизм. Панорамная дипломатия предполагает расширение круга внешнеполитических партнеров и укрепление существующих партнерств, а активный пацифизм направлен на более заметное участие Японии в деятельности по обеспечению международной безопасности, расширяя диапазон возможностей Сил самообороны. Очертания региональной направленности стратегии Свободного и открытого ИТР явно схожи с китайской концепцией «Один пояс, один путь», охватывающей ключевые порты на побережье Индийского океана и простирающейся до берегов Африканского континента.

Можно сказать, что видение ИТР в версии С. Абэ 2.0 стало приобретать более выраженную антикитайскую направленность, что стало отражением растущего восприятия действий Пекина как вызова национальным интересам Японии. Жесткая риторика Китая, его действия в районе ВКМ и ЮКМ, растущее экономическое могущество, перспективы усиления геополитического влияния по мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» побудили японское руководство искать новые пути сдерживания своего соседа.

После выдвижения С. Абэ стратегии Свободного и открытого ИТР японцы заговорили о возможности возобновления формата многостороннего взаимодействия с США, Австралией и Индией. В то же время смена власти в Вашингтоне поставила перед С. Абэ задачу удержать внимание Белого дома на проблемах региона. По словам японских аналитиков, идея обратиться к понятию ИТР рассматривалась в Токио как способ вдохнуть новую жизнь в азиатско-тихоокеанскую политику Д. Трампа. Именно в ходе первого азиатского турне упоминание об ИТР активно зазвучало из уст нового президента. Интерес Японии заключался в том, чтобы не допустить ухода Вашингтона от решения проблем региональной безопасности в свете общей тенденции к изоляционизму республиканцев, снижению роли США в азиатских делах и ожиданий того, что влияние Китая в регионе превысит американское. Япония заинтересована в укреплении своего лидерства в регионе, о чем свидетельствует ее активная дипломатия, в том числе отношения со странами ЮВА, а также довольно жесткая позиция С. Абэ в спорных вопросах с соседними государствами и его инициативы в сфере поддержания безопасности в Азии.

В Токио обратили внимание на то, что в своих выступлениях президент США Д. Трамп использовал понятие ИТР, к которому премьер-министр С. Абэ обратился несколькими месяцами ранее. Это дало повод аналитикам сделать вывод о том, что на этот раз, в отличие от обычно принятого алгоритма действий, не Япония подстраивается под США, а, скорее, наоборот [Miyake 2018].

В заявлениях «четверки» проводится мысль об общности не только интересов, но и ценностей, что подразумевает широкий характер взаимодействия. Хотя Япония изначально строила свою индо-тихоокеанскую стратегию вокруг понятий «свободный» и «открытый», в ее политическом лексиконе стали фигурировать упоминания о его «инклюзивности», не без влияния Индии, настаивающей на таком понимании регионального сотрудничества. С. Абэ неоднократно подчеркивал, что концепция не направлена на сдерживание Китая и даже считает возможным его включение в сотрудничество в ИТР, если Китай выразит такое желание. Токио декларирует готовность взаимодействовать со всеми странами, разделяющими принципы свободного и открытого ИТР, и сегодня к ним причислены не только участники «четверки» и АСЕАН, но и страны Европы. По словам японского министра иностранных дел Т. Мотэги, свободный и открытый ИТР

позволяет участвовать в нем всем странам, разделяющим базовые ценности свободы, демократии, верховенства закона, свободы навигации[4], однако можно предположить, что Токио вряд ли видит Китай в числе этих стран.

Придя к власти в сентябре 2020 г., Ё. Суга в целом демонстрировал преемственность внешнеполитической линии своего предшественника. На первой пресс-конференции 16 сентября 2020 г. он упомянул стратегическое продвижение свободного и открытого ИТР как одну из главных целей своей дипломатии. Это относится и к сотрудничеству в рамках «четверки», которое сохранило значение в японской региональной политике и в японо-американском диалоге. На премьерство Ё. Суга пришлось два саммита «четверки», причем на второй он поехал за несколько дней до ухода с должности, тем самым демонстрируя приверженность работе этого форума и готовя задел на будущее своему преемнику.

Сентябрьский саммит четверки прошел в условиях формирования нового оборонного союза США, Австралии и Великобритании (AUKUS). На заседании четверки Ё. Суга приветствовал новое партнерство, подчеркнув его роль в обеспечении мира и стабильности в ИТР [Holland, Brunnstrom 2021]. С точки зрения Японии появление такого механизма повышает потенциал сдерживания Китая в ИТР, в том числе без ее военного участия, которое негативно сказалось бы на отношениях с КНР, ее важнейшим торговым партнером, и, вероятно, было бы отрицательно воспринято японской общественностью. Со всеми тремя участниками AUKUS у нее сложились тесные отношения в сфере безопасности, все они разделяют озабоченность развитием событий в ИТР. Что касается *Quad*, то, вероятно, он сохранит роль политического и экономического противовеса китайскому влиянию, что соответствует национальным интересам Японии.

Инфраструктурное сотрудничество в ИТР

Если политическое сотрудничество со странами «четверки» для Японии связано, прежде всего, с выстраиванием фронта солидарности против Китая, то его экономический аспект преследует цели наращивания экспорта инфраструктуры за рубеж. Инфраструктурное

[4] Press conference by foreign minister Motegi Toshimitsu. 6.10.2020. MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000852.html

строительство, в том числе увеличение экспорта японской инфраструктуры являлось одной из основ экономической политики С. Абэ. Еще в марте 2013 г. была создана экспертная комиссия по разработке инфраструктурной стратегии, а с появлением китайской инициативы «Один пояс, один путь» это направление получило значительный импульс. В мае 2015 г. С. Абэ объявил о выдвижении Инициативы качественной инфраструктуры, выделив порядка 110 млрд долл. на строительство и модернизацию различных объектов в Азии, а через год она была преобразована в Расширенное партнерство качественной инфраструктуры, увеличившее сумму содействия до 200 млрд долл. и охватывавшее не только Азию, но и Африку и Южную часть Тихого океана. Если в одиночку Япония вряд ли способна всерьез конкурировать с китайским проектом, то объединение усилий со странами «четверки» придаст иной масштаб ее зарубежному инфраструктурному строительству. Такое сотрудничество позволит наполнить содержанием формат четырехстороннего взаимодействия, придать ему долгосрочный характер, поскольку не будет восприниматься Китаем столь негативно, как, например, взаимодействие в военной сфере и в сфере безопасности.

Инфраструктурное сотрудничество в третьих странах уже несколько лет присутствует в повестке дня отношений Японии со странами «четверки». Намерение сотрудничать в создании качественной инфраструктуры неоднократно выражали Д. Трамп и С. Абэ[5], а во время визита вице-президента М. Пенса в Токио было подписано совместное заявление о продвижении свободного и открытого ИТР путем сотрудничества в сферах энергетики, инфраструктуры и цифровой связи. В ноябре 2016 г. С. Абэ и Н. Моди выдвинули программу «Коридора роста Азия – Африка», нацеленную на повышение уровня благосостояния и взаимосвязанности стран Азии и Африки, для чего планируется выделить порядка 40 млн долл. на проекты в сфере развития, качественной инфраструктуры, институциональной взаимосвязанности, обучения и наращивания возможностей [Добринская 2019, с. 41].

На настоящее время существуют трехсторонние договоренности о совместном налаживании инфраструктуры между Японией, Индией и США, а также Японией, Австралией и США. В сентябре 2017 г. на

[5] Japan-US summit meeting. 18.04.2018. MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page3e_000845.html

встрече министров иностранных дел Японии, США и Индии было принято решение сотрудничать в деле создания инфраструктуры в ИТР, прежде всего, в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности, в таких странах как Непал, Бангладеш, Мьянма. Ожидается, что Индия займется развитием портовой инфраструктуры, Япония — созданием промышленных парков, а США — строительством электростанций. Существуют договоренности об инфраструктурном партнерстве и между Японией, Австралией и США. В ноябре 2018 г. Японский банк международного сотрудничества, американская Корпорация по частному инвестированию за рубежом и австралийское министерство иностранных дел и торговли, а также Корпорация по финансированию и страхованию экспорта подписали меморандум о взаимопонимании, давший старт трехстороннему инфраструктурному партнерству в ИТР. Первым проектом был выбран завод по производству СПГ в Папуа Новой Гвинее, в который планировалось вложить порядка 1 млрд долл. [Алифирова 2019]. В 2020 г. было утверждено финансирование 30-миллионного проекта прокладки подводного оптоволоконного кабеля на Палау.

В 2019 г. на бизнес-форуме в Бангкоке США обнародовали инициативу «Сеть голубых точек» (*Blue dot network)*, предполагающую сертификацию проектов, отвечающих высоким стандартам качества, экологичности и транспарентности, что должно привлечь инвесторов к финансированию инфраструктуры. Эта программа схожа с выдвинутым С. Абэ Расширенным партнерством качественной инфраструктуры и с австралийской программой Партнерство для инфраструктуры и сразу получила поддержку этих стран, однако долгое время ее потенциал не был задействован. Администрация Дж. Байдена приняла решение активизировать работу на этом направлении, в июне 2021 г. прошла первая встреча консультативной группы, собравшая более 150 представителей бизнеса.

Идея инфраструктурного сотрудничества неоднократно обсуждалась на встречах «квартета», однако до сих пор конкретных проектов одобрено не было. По итогам встречи в ноябре 2019 г. четыре страны согласились усилить координацию инвестиций в качественную инфраструктуру на основе международных стандартов, таких как «Принципы G20 для инвестиций в качественную инфраструктуру», в том числе путем укрепления партнерских отношений и поддержки существующих региональных структур. С приходом администрации

Дж. Байдена внимание США к этому направлению работы возросло, на сентябрьском саммите было объявлено о запуске нового инфраструктурного партнерства *Quad*, и можно ожидать появления конкретных проектов сотрудничества в третьих странах.

Политический диалог Японии со странами «четверки»

Помимо вырисовывающихся перспектив многостороннего инфраструктурного сотрудничества с участниками «четверки» Япония уже на протяжении многих лет успешно взаимодействует с ними в военно-политической сфере, как в двустороннем, так и в мини-многостороннем формате.

На первой после прихода Д. Трампа встрече министров иностранных дел и обороны Японии и США в августе 2017 г. стороны выразили намерение усилить сотрудничество в сфере безопасности и обороны с Австралией, Индией и странами ЮВА. С японской стороны было заявлено о выделении помощи размером в 500 млн долл. для поддержки программ наращивания возможностей в сфере морской безопасности береговых государств в ИТР[6]. Если деятельность Д. Трампа, его склонность к изоляционизму вселяли в японцев неуверенность по поводу приверженности США свободному и открытому ИТР, то инициативы Дж. Байдена, напротив, были восприняты как возврат к привычному разделению ролей. Япония стала первой страной, с которой были проведены консультации в формате 2+2, а Ё. Суга — первым иностранным лидером, с которым встретился Дж. Байден. Стороны подтвердили уже ставшие классическими формулировки о значении альянса как краеугольного камня мира и безопасности в ИТР и в мире, распространении Договора безопасности на острова Сэнкаку (Дяоюйдао), приверженности США обеспечению безопасности Японии. В заявлении по итогам саммита присутствовали необычно жесткие формулировки, касающиеся Китая, включая ситуацию в Тайваньском проливе, в Гонконге и СУАР. Токио поддержал настрой Вашингтона, объявившего КНР главным стратегическим соперником.

Одним из первых шагов президента стало проведение первого в истории саммита четверки, что позволяет рассматривать *Quad* как

[6] Japan-US security consultative committee. 17.08.2017. MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/na/st/page3e_000714.html

ключевой элемент азиатской стратегии новой администрации. Внимание Белого дома к ИТР, намерение выполнять роль движущего звена квартета, соответствует интересам Токио и особенно важно после ухода С. Абэ, который с особым энтузиазмом отстаивал концепцию четырехстороннего сотрудничества. Ё. Суга продолжил заложенный С. Абэ курс и полностью поддержал инициативы Вашингтона в ИТР. Уже в ходе первого телефонного диалога лидеры Японии и США обсудили идею проведения саммита «четверки», который был организован в онлайн формате 12 марта 2021 г. В заявлении по итогам двусторонней встречи в Вашингтоне Ё. Суга и Дж. Байден подтвердили решимость работать с Австралией и Индией в рамках «квартета», который «силен как никогда». Тематика встреч «четверки» все больше схожа с тем, что обсуждается в рамках японо-американского диалога. В совместном заявлении по итогам встречи Ё. Суга и Дж. Байдена отмечено сотрудничество в сфере борьбы с коронавирусом, а также запущено климатическое партнерство и партнерство в сфере технологий, что соответствует направлениям работы *Quad*. Таким образом, четырехсторонний формат и альянс дополняют и усиливают друг друга в областях невоенного сотрудничества.

Сближение с Индией, наметившееся при первом сроке С. Абэ, продолжается и набирает скорость сейчас. Внешнеполитическое видение С. Абэ коррелировало с индийской политикой «Действовать на Востоке (в восточном направлении)», проводимой Н. Моди. В ноябре 2016 г. лидеры двух стран провозгласили наступление новой эпохи в отношениях, основанной на сочетании японской стратегии свободного и открытого ИТР и индийской политики «Действовать на Востоке» [Добринская 2019]. Сотрудничество распространяется на ядерную энергетику, космос, информационные технологии и другие области, представляющие взаимный интерес.

В ноябре 2016 г. Япония и Индия заявили о намерении совместно реализовать программу «Коридор роста Азия – Африка» стоимостью 40 млрд долл., которая предполагает проекты в сфере развития качественной инфраструктуры, институциональной взаимосвязанности, обучения и наращивания возможностей. В качестве сильных сторон, отличающих японо-индийские инфраструктурные проекты от китайских, стороны акцентируют финансовую ответственность реципиентов, привлечение местной рабочей силы и ее обучение, а также устойчивость с точки зрения длительного использования. В отличие

от китайского, японо-индийский проект делает акцент на финансовую ответственность, не поощряя невозвратные долги, как в случае Шри-Ланки, попавшей в долговой капкан Китая.

Отношения Японии и Индии в сфере безопасности в последнее время вышли на новый уровень. Между странами установилось тесное оборонное сотрудничество, включающее обмен секретной информацией и перспективы взаимного использования военных объектов, развивается военно-техническое сотрудничество, проводятся многосторонние и двусторонние учения, и хотя Индия придерживается политики неприсоединения, по многим вопросам, касающимся обеспечения безопасности, ее позиции близки американской и японской [Добринская 2019]. В связи с новой волной коронавируса Ё. Суга был вынужден отменить визит в Индию, однако успел провести личную встречу перед саммитом «четверки», где лидеры подтвердили важность японо-индийского партнерства и приверженность сотрудничеству в ИТР.

Австралия как военно-политический союзник США является естественным партнером Японии, и за последние пятнадцать лет их отношения в сфере безопасности вышли на новый уровень. В 2007 г. стороны обнародовали Совместное заявление о сотрудничестве в сфере безопасности, придавшее импульс двустороннему взаимодействию. В 2010 г. было подписано соглашение о взаимных поставках оборудования и услуг между военными ведомствами, причем Австралия стала второй после США страной, с которой Япония заключила такое соглашение. В мае 2012 г. стороны зафиксировали договоренность о защите информации, позволяющее эффективно обмениваться секретными данными, а в июле 2014 г. подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве, в рамках которого Япония и Австралия могут обмениваться технологиями и осуществлять взаимную подготовку военнослужащих. Согласовано подписание соглашения о взаимном доступе, регулирующего статус ВС двух стран на территории друг друга. Япония и Австралия регулярно принимают участие в двусторонних и многосторонних учениях, поддерживают интенсивные военные обмены.

Австралия разделяет японское видение свободного и открытого ИТР, что было подтверждено во время поездки С. Абэ в Австралию в ноябре 2018 г. и визита С. Моррисона в Токио в ноябре 2020 г. В июне 2021 г. лидеры двух стран объявили о начале партнерства

в сфере снижения выбросов углекислого газа с помощью технологий, таким образом выведя на двусторонний уровень заложенную «четверкой» в марте 2021 г. программу сотрудничества.

Помимо вышеперечисленного, несколько лет действуют трехсторонние диалоговые механизмы США-Япония-Австралия, США-Япония-Индия, Япония-Индия-Австралия, встречи министров обороны США-Австралия-Япония. В 2002 г. состоялась первая трехсторонняя встреча старших должностных лиц Японии, Австралии и США, а в 2005 г. уровень диалога был повышен до министерского. Несколько лет существует переговорный механизм Япония-Индия-США: в Дели в апреле 2018 г. прошел четвертый диалог старших должностных лиц, а в ноябре 2018 г. и в июне 2019 г. состоялись встречи лидеров трех стран. В июне 2015 г. прошла первая встреча в рамках трехстороннего формата Япония-Австралия-Индия. Все это свидетельствует о том, что у Японии уже сложились тесные военно-политические связи со всеми участниками квартета, созданы предпосылки для налаживания многостороннего сотрудничества в четырехстороннем формате.

Основным сдерживающим фактором являются отношения его участников с Китаем, в том числе это относится и к Японии. С одной стороны, в Токио уже давно популярен тезис о «китайской угрозе», и, в отличие от Индии и Австралии, Япония более последовательно выступает за сдерживание Пекина. В то же время Токио с присущим ему прагматизмом подходит к сочетанию политики вовлечения Китая в сотрудничество в Азии и сдерживания его влияния в других регионах.

Японо-китайским отношениям присуще чередование периодов потепления и похолодания, на фоне усиления американо-китайских и американо-японских торговых противоречий в 2018–2019 гг. в отношениях Токио и Пекина наблюдалось сближение, которое, однако, не является свидетельством кардинальной смены внешнеполитического курса.

Скорее, речь идет об ограниченном улучшении отношений Китая и Японии, в выгодных обеим странам формах, не перетекающих тем не менее в существенное сближение при сохранении стратегического соперничества в сфере политики и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе [Киреева 2020, с. 41].

Возможности партнерства в ИТР за пределами «четверки»

Японская сторона неоднократно подчеркивала, что видение свободного и открытого ИТР объединяет не только США, Японию, Австралию и Индию, но и включает АСЕАН и Европу. Токио стремится заручиться поддержкой со стороны АСЕАН своей индо-тихоокеанской стратегии, что приводит к активизации не только экономического, но и военно-политического взаимодействия.

Япония на протяжении последних нескольких лет стремится повысить свою роль в обеспечении безопасности ЮВА. Как и Вашингтон, Токио оказывает помощь странам АСЕАН, оснащая их береговую охрану, позволяя более эффективно патрулировать морское пространство и развивать свой потенциал противостояния Китаю. Это сопровождается активными дипломатическими усилиями по сближению со странами, имеющими территориальные противоречия с Китаем.

Отношения со странами ЮВА занимают особое место во внешней политике Японии, что продемонстрировала энергичная дипломатия С. Абэ. Неслучайно и первый визит нового премьер-министра состоялся именно в страны ЮВА — Индонезию, Вьетнам и Таиланд. За первый год пребывания у власти С. Абэ успел посетить все страны АСЕАН, задав тон активной дипломатии на этом направлении. Регулярные встречи на высшем уровне сопровождались установлением отношений стратегического партнерства (например, с Камбоджей, Малайзией), а также укреплением существующих партнерств (с Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией). Премьер-министр Ё. Суга также совершил первые зарубежные поездки во Вьетнам и Индонезию, визиты сопровождались договоренностями о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности. Помимо плотного политического диалога и экономического взаимодействия Япония в последнее время проявляет интерес к военному сотрудничеству, в особенности со странами, имеющими территориальные противоречия с Китаем [Добринская 2021, с. 62].

Для Японии важна поддержка АСЕАН ее региональных инициатив, поскольку это придает им более масштабный и легитимный в глазах региональной общественности характер, не сводя их к активности японо-американского альянса, поэтому в японских официальных

документах говорится о центральной роли АСЕАН в обеспечении свободного и открытого ИТР. Япония приветствовала обнародование АСЕАН «Взгляда на ИТР» и поспешила подтвердить его общность со своими взглядами. В выдвинутой С. Абэ программе оборонного сотрудничества под названием «Вьентьянское видение» содержится формулировка о сочетании АСЕАНовского «Взгляда на ИТР» с японской стратегией свободного и открытого ИТР, и присутствует тезис о центральной роли АСЕАН на пространстве Индо-Тихоокеанского региона. В ноябре 2020 г. на двадцать третьем саммите Япония — АСЕАН принято совместное заявление о сотрудничестве в духе Взгляда АСЕАН на ИТР.

Проблемы безопасности и поддержания стабильности в ИТР все чаще фигурируют в диалоге Японии с европейскими странами: с Великобританией, Францией и даже с Германией. Очевидно, что регион становится предметом более пристального внимания европейских стран: если до недавних пор из стран ЕС только Франция обозначала свое присутствие в ИТР, то к настоящему времени стратегии в отношении региона выработаны у Германии и Голландии. В январе 2021 г. министр иностранных дел Т. Мотеги был приглашен выступить в Совете по внешней политики ЕС с речью, посвященной свободному и открытому ИТР, что способствовало предметному обсуждению проблем региона и выработке ЕС собственной индо-тихоокеанской стратегии в апреле 2021 г. Намерение сотрудничать в ИТР зафиксировано и на двустороннем уровне между Японией и некоторыми странами Европы. В августе 2017 г. Япония и Великобритания подписали совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, включая взаимодействие в ИТР. Перспективы взаимодействия в ИТР обозначены в принятой в июне 2019 г. японо-французской Дорожной карте новых горизонтов исключительного партнерства и подтверждены в совместном заявлении по итогам встречи Э. Макрона и Ё. Суга на Токийской Олимпиаде. В сентябре 2019 г. прошел первый раунд морского диалога Японии и Франции. И Великобритания, и Франция принимают участие в учениях или в патрулировании в районе ЮКМ. Внимание к проблемам ЮКМ демонстрировала Германия. Так, например, ситуация в ЮКМ обсуждалась на встрече С. Абэ с А. Меркель в октябре 2014 г. Выступая перед Центром стратегических международных исследований, министр иностранных дел Т. Мотэги подчеркнул, что Япония заинтересована в создании сети единомышленников

в ИТР с целью построения свободного и открытого миропорядка, основанного на законе. Помимо Европы и АСЕАН он упомянул страны Ближнего Востока и Африки [Moriyasu 2021].

Все это свидетельствует о том, что Токио стремится расширить круг партнеров на основании общих интересов, связанных с поддержанием баланса сил в ИТР и нейтрализацией активности Пекина. Можно говорить о его стремлении к созданию «мягких коалиций» вместе со странами, которые разделяют озабоченность по поводу современной траектории подъёма Китая, ужесточения его внешней политики и его возможного доминирования [Киреева 2020, с. 29]. Это определяет заинтересованность Японии не столько в изолированном формате «четверки», сколько в создании широкого фронта единомышленников, который объединил бы ее с другими игроками. Именно сочетание мини-многосторонних механизмов с участием как региональных, так и внерегиональных игроков, озабоченных ростом Китая, представляется оптимальным для Японии.

Выводы

Налаживание четырехстороннего сотрудничества в ИТР, выдвинутое премьер-министром С. Абэ в 2007 г., в настоящее время закрепилось в качестве стратегического направления политики Японии на Индо-Тихоокеанском пространстве. Внимание Токио к «квартету» стало естественным продолжением политики балансирования против Пекина, и в условиях нарастания двусторонних противоречий Япония видит в нем инструмент сдерживания наступательной политики Китая. «Четверка» рассматривалась правительством С. Абэ и как инициатива, позволяющая удержать внимание США к региону и в то же время компенсировать риски, связанные с возможным снижением американского влияния в регионе, за счет формирования сети единомышленников, выступающих против чрезмерного усиления китайского влияния. Позиционируя Японию как ведущего глобального игрока, осуществляя «панорамную дипломатию» С. Абэ также стремился через эту инициативу реализовать лидерские позиции Японии в мире.

Особое значение «четверка» приобрела в контексте выдвинутой С. Абэ в 2016 г. концепции Свободного и открытого ИТР. Во-первых, ее можно считать конструктом, позволяющим Японии наращивать политическое присутствие на широком пространстве от Азии и Тихого

океана до берегов Африки. Во-вторых, важность «четверки» для Японии определяется возможностями, открывающимися в случае осуществления многостороннего инфраструктурного сотрудничества, что позволило бы представить мощную альтернативу инициативе «Один пояс, один путь». Япония уже сотрудничает со странами «четверки» в двустороннем и трехстороннем формате, и налаживание соответствующей деятельности в рамках *Quad* позволило бы существенно усилить это взаимодействие и придать ему масштабный характер.

Внимание администрации Дж. Байдена к «квартету» дает основания считать его ключевым элементом американской политики в ИТР, что отвечает интересам Японии. «Четверка» во многом является продолжением деятельности японо-американского альянса, усиливает его региональную роль, в том числе в сфере невоенной безопасности (например, гуманитарного сотрудничества, здравоохранения, охраны окружающей среды). Поскольку ее повестка охватывает области, напрямую не связанные с военно-политическим противостоянием США или Японии с Китаем, это позволяет снизить опасения других участников и партнеров «четверки», стремящихся уйти от конфронтации с Пекином.

Формат «четверки» является одним из звеньев в широкой глобальной сети взаимодействия Японии с государствами, разделяющими опасения по поводу растущего влияния Китая. Он усиливает японо-американский союз, а также открывает перспективы налаживания на его основе, а в широком плане — на основе самой «четверки», взаимодействие с единомышленниками, заинтересованными в сохранении баланса сил в ИТР. Именно значение «четверки» не как изолированного клуба избранных государств, а как платформы для налаживания расширенного взаимодействия позволит Японии реализовать внешнеполитическую стратегию мягкого сдерживания Китая.

Библиографический список

Алифирова Е. (2019) США, Япония и Австралия в противовес Китаю создают собственный «Пояс и Путь», решив проинвестировать СПГ-проект в Папуа-Новой Гвинее. *Нефтегаз*. 26.06. 2019. https://neftegaz.ru/news/politics/455892-ssha-yaponiya-i-avstraliya-v-protivoves-kitayu-sozdayut-sobstvennyy-poyas-i-put-reshiv-proinvestirov/ (дата обращения: 22.02.2021)

Галимзянова А. К. (2018) Экономическая деятельность Китая в Африканских странах *Вестник молодых ученых-международников.* № 3. С. 160–167.

Добринская О. А. (2021) Военно-политическое сотрудничество Японии и АСЕАН: новые тенденции. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* Том II, № 2 (51). С. 49–64.

Добринская О. А. (2019) Индия во внешней политике С. Абэ. *Ежегодник Япония.* Т. 48. С. 25–55.

Киреева А. А. (2020) Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит. *Японские исследования.* № 1. С. 21–47.

Колдунова Е. В. (2017) «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН *Международные процессы.* 2017. Т. 15. № 3. С. 55–66.

Моргулов: Россия и Япония пока в самом начале пути к заключению мирного договора. (2018) *ТАСС.* 4.05.2018. https://tass.ru/politika/5175651 (дата обращения: 15.12.2019)

References

Abe, S. (2012, December 27). Asia's democratic security diamond. *Project–syndicate.* Retrieved December 20, 2019, from http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe

Alifirova, E. (2019, June 26). SShA, Yaponiya i Avstraliya v protivoves Kitayu sozdayut sobstvennyi «Poyas i Put'», reshiv proinvestirovat' SPG-proekt v Papua-Novoi Gvinee [USA, Japan, and Australia build their own Belt and Road as a counterweight to China by deciding to invest in LNG project in PNG]. *Neftegaz.* Retrieved June 10, 2021, from https://neftegaz.ru/news/politics/455892-ssha-yaponiya-i-avstraliya-v-protivoves-kitayu-sozdayut-sobstvennyy-poyas-i-put-reshiv-proinvestirov/ (In Russian).

Dobrinskaya, O. (2019). Indiya vo vneshnei politike S. Abe [India in Shinzo Abe's foreign policy]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 25–55. (In Russian).

Dobrinskaya, O. (2021). Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo Yaponii i ASEAN: novye tendentsii [Military-Political Cooperation Between Japan and ASEAN: New Trends]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya,* Vol. II, № 2 (51), 49–64. (In Russian).

Galimzyanova, A. (2018). Ekonomicheskaya deyatel'nost' Kitaya v Afrikanskikh stranakh [China's economic activity in African countries]. *Vestnik molodykh uchenykh-mezhdunarodnikov*, 3, 160–167. (In Russian).

Hayashi, S., Onchi, Y. (2017, October 26). Japan to propose dialogue with US, India and Australia. *Nikkei Asian Review.* Retrieved December 20, 2019, from asia.nikkei.com/Politics/Japan-to-propose-dialogue-with-US-India-and-Australia

Holland, S., Brunnstrom, D., Bose, N., Martina, M. (2021, September 25) Quad leaders press for free Indo-Pacific, with wary eye on China. *Reuters.* Retrieved September 27, 2021, from https://www.reuters.com/world/china/quad-leaders-meet-white-house-amid-shared-china-concerns-2021-09-24/

Khurana, G. (2007). Security of sea lines: prospects for India-Japan cooperation. *Strategic analysis*. 1, 139–153.

Kireeva, A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaisko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?]. *Yaponskie issledovaniya*. 1, 21–47. (In Russian).

Koldunova, E. (2017). «Dialogovye partnerstva» vo vneshnei politike ASEAN [Dialogue partnerships in ASEAN foreign policy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 15 (3), 55–66. (In Russian).

Miyake, K. (2018). Indo taiheiyō senryaku to wa nani ka [What is Indo-Pacific strategy?]. *The Canon Institute of global studies.* Retrieved December 10, 2019, from www.canon-igs.org/column/security/20180608_5078.html (In Japanese).

Moriyasu, K. (2021, March 4). Quad should work with ASEAN, Europe, Middle East and Africa: Motegi. *Nikkei Asia*. Retrieved June 6, 2021, from https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/Quad-should-work-with-ASEAN-Europe-Middle-East-and-Africa-Motegi

Okamoto, J. (2019). Nihon to Gōsyū no Indo taiheiyō kōsō [Japan's and Australia's Indo Pacific concepts]. *Asiaken brief*, № 130. Institute of developing economies. JETRO. Retrieved May 20, 2021, from https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/AjikenPolicyBrief /pdf/130.pdf (In Japanese).

Rajagapolan, R. P. (2021, September 23). Does AUKUS augment or diminish the Quad? *The Diplomat.* Retrieved September 27, 2021, from https://thediplomat.com/2021/09/does-aukus-augment-or-diminish-the-quad/

Rej, A. (2020, October 15). China and the Quad: from sea foam to Indo-Pacific NATO. *The Diplomat.* Retrieved June 2, 2021, from https://thediplomat.com/2020/10/china-and-the-quad-from-sea-foam-to-asian-nato/

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 32–60
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 32–60
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-32-60

О бедности и неравенстве в Японии

И. П. Лебедева

Аннотация. В результате старения населения, сдвигов в структуре домохозяйств, изменений на рынке труда в последние два-три десятилетия в Японии происходит постепенное усиление расслоения населения по первичным доходам, а также некоторый рост относительной бедности. Однако через механизмы перераспределения доходов, встроенные в системы пенсионного обеспечения и медицинского страхования, а также посредством оказания материальной поддержки наименее защищенным слоям населения государству удается сдерживать эти процессы. Особую важность имеют принятые в последние годы меры, направленные на поддержку семей с детьми, что позволило снизить показатель относительной детской бедности и удержать расслоение по доходам среди этой группы семей на весьма низком уровне.

Очевидно, что текущий доход, по которому измеряются уровень относительной бедности и степень расслоения населения, не может однозначно свидетельствовать о том, что та или иная семья или тот или иной человек живут в бедности. Уровень жизни помимо текущего дохода зависит также от объема финансовых накоплений, наличия недвижимости, обладания ценными бумагами и т. д. Так, например, пожилые граждане, которые по уровню текущего дохода относятся к наименее обеспеченным слоям населения, обладают наибольшей долей накопленных в стране финансовых активов. О том, что происходящие в стране изменения не привели к превращению японского «общества среднего класса» в «разделенное общество», свидетельствуют и результаты опросов общественного мнения, ежегодно проводимых канцелярией премьер-министра. На протяжении более полувека абсолютное большинство японцев — порядка 90% — отвечая на вопрос, как бы они оценили уровень жизни своих семей на общем фоне, выбирают ответ «средний». При этом в самом составе среднего класса произошел сдвиг в сторону повышения доли более обеспеченных слоев (среднего и высшего). В целом японское общество остается здоровым и благополучным. Что же касается бедности,

то в отличие от России, где она является следствием вопиющей социальной несправедливости, запредельных социальных контрастов, в Японии, на наш взгляд, она не носит системного характера и возникает вследствие каких-то особенно неблагоприятных, исключительных обстоятельств, в которых оказалась та или иная семья или тот или иной человек.

***Ключевые слова*:** бедность, неравенство, распределение доходов, депривация, старение населения, структура домохозяйств, рынок труда, социальное обеспечение.

Автор: *Лебедева Ирина Павловна*, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, 103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About Poverty and Inequality in Japan

I. P. Lebedeva

Abstract. As a result of the ageing of the population, shifts in the structure of households, changes in the labor market in the last two to three decades, in Japan, there is a gradual strengthening of the initial income disparity, as well as some increase in relative poverty rate. However, through the mechanisms of redistribution of income embedded in the pension system and medical insurance system, as well as through the provision of material support to the least protected segments of the population, the state has managed to restrain these processes. Measures taken to support families with children in recent years have been particularly important. They made it possible to reduce the rate of relative child poverty and keep income inequality among this group of families on a relatively low level. Obviously, current income, by which the level of relative poverty and income inequality are measured, cannot clearly indicate that a family or a particular person live in poverty. In addition to the current income, the standard of living also depends on the amount of financial savings, the availability of real estate, the possession of securities, etc. For example, older citizens, who are among the least well-off in terms of current income, have the largest share of the country's accumulated financial assets. The results of opinion polls conducted annually by the Prime Minister's Cabinet Office show that the changes taking place in the country have not led to the transformation of the Japanese "middle class society" into a "divided society". For more than half

a century, the absolute majority of the Japanese, about 90 percent, when asked how they would rate their families' standard of living, chose the answer "middle level". At the same time, in the composition of the middle class, there was a shift towards the increasing share of the more well-off (middle and higher) strata. In general, Japanese society remains healthy and prosperous. As for poverty, unlike Russia, where it is a consequence of blatant social injustice and extreme social contrasts, in Japan, in our opinion, it is not systemic and arises as a result of some particularly unfavorable, exceptional circumstances in which a family or a person find themselves.

***Keywords*:** poverty, inequality, income distribution, deprivation, population ageing, household structure, labor market, social security.

Author: *Lebedeva Irina P.,* Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interest. The author states that there is no conflict of interest.

С начала 2000-х гг. проблема бедности и социального неравенства стала привлекать все большее внимание японских средств массовой информации, ученых и политиков. Для широкой публики возникновение этой темы было довольно неожиданным. Еще в 1960-е гг. правительство перестало публиковать статистику по бедности, поскольку небывалый экономический рост обеспечил резкое повышение уровня жизни всех слоев населения, и проблема бедности как таковая была снята с политической повестки. Более того, убежденность в том, что в результате успешного экономического развития Япония стала эгалитарным обществом, в котором для абсолютного большинства граждан был обеспечен уровень жизни среднего класса, долгое время подпитывала национальную гордость японцев и стала одним из базовых элементов национального самосознания.

Показатели бедности

Проблема бедности вновь встала на повестку дня после публикации в 2009 г. данных об относительной бедности в стране. В отличие от показателя абсолютной бедности, который применяется для оценки ситуации в наиболее отсталых странах мира и касается семей, чьи

доходы не достигают уровня, обеспечивающего элементарное физическое выживание (т.е. получение количества калорий, необходимого для поддержания жизни), показатель относительной бедности оценивает положение бедных слоев на фоне ситуации в обществе в целом. Он является основным индикатором измерения бедности в странах с высоким и средним уровнем развития и отражает долю семей, на членов которых приходится менее половины от медианного располагаемого эквивалентного дохода[1].

Несовершенство этого показателя состоит в том, что уровень и качество жизни людей помимо текущих доходов определяет и целый ряд других факторов, таких как объем накоплений, наличие собственного жилья, трудовой потенциал (образование, способности, состояние здоровья), социальные связи и т. д. Иными словами, феномен бедности может быть не связан напрямую с уровнем текущего дохода. Кроме того, поскольку показатель относительной бедности зависит от уровня жизни в каждой конкретной стране, международные сравнения в данном случае репрезентативны лишь применительно к странам с примерно одинаковым уровнем развития. Тем не менее, наряду с некоторыми другими показателями, о которых речь пойдет ниже, уровень относительной бедности позволяет не только судить о ситуации с бедностью в стране, но и прослеживать общую динамику этого процесса.

Данные опубликованные Министерством здравоохранения, труда и благосостояния в 2009 г., представили довольно неожиданную картину. Оказалось, что в Японии, которая считалась едва ли не образцом общества среднего класса, уровень относительной бедности не только постепенно возрастает, но и превышает показатели большинства высокоразвитых государств и стран со средним уровнем развития. Так, по данным ОЭСР, в середине 2000-х гг. среди тридцати наиболее развитых стран мира Япония занимала двадцать седьмое место по общему показателю относительной бедности и девятнадцатое место по показателю детской бедности (отражающему долю детей

[1] Эквивалентный доход рассчитывается путем деления располагаемого дохода домохозяйства (т.е. дохода после вычета налогов и взносов в систему социального обеспечения) на квадратный корень из числа его членов. Медианный доход делит все домохозяйства на две равные части: у одной половины доходы выше медианного, у другой — ниже (см.: OECD. Society at a Glance 2019. P. 76. https://www.oecd.org/social/society-at-a-glance-19991290.htm).

в возрасте до 17 лет, проживающих в семьях с доходом ниже 50% от медианного эквивалентного располагаемого дохода)[2].

О том, какова была динамика этих показателей в период 1985–2015 гг., дают представление приводимые ниже данные (%) [Abe, 2018]:

	1985	**1988**	**1991**	**1994**	**1997**	**2000**	**2003**	**2006**	**2009**	**2012**	**2015**
I*	12,0	13,2	13,5	13,8	14,6	15,3	14,9	15,7	16,0	16,1	15,6
II*	10,9	12,9	12,8	12,2	13,4	14,4	13,7	14,2	15,7	16,3	13,9

I* — общий уровень относительной бедности, II* — уровень детской бедности.

Как показывают эти данные, со второй половины 1980-х гг. общий показатель относительной бедности, и что более важно — показатель детской бедности — демонстрировали тенденцию к росту. Для того чтобы уяснить, насколько серьезна эта ситуация, целесообразно сравнить японские данные с данными по другим высокоразвитым странам, примерно сопоставимым с ней по масштабам экономики и уровню развития, т.е. странам G7.

Таблица 1. Уровни относительной бедности в странах G7(%)*

	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015	2016	2017	2018
Канада	12,9 16,6	12,9 16,2	12,7 15,6	13,1 15,7	13,3 16,81	12,6 15,01	14,2 17,1	12,4 14,2	12,0 11,4	11,8 11,8
Франция	7,0 –	7,2 9,5	7,2 9,3	7,9 11,0	8,5 12,0	8,1 11,5	8,1 11,3	8,3 11,5	8,1 11,2	8,5 11,7
Германия	8,3 10,0	8,0 –	8,5 7,9	8,8 9,1	8,4 7,4	9,5 9,5	10,1 11,2	10,4 12,3	10,4 11,3	– –
Италия	12,2 15,7	12,3 15,5	11,9 16,1	13,4 18,0	13,0 17,7	13,7 19,3	14,4 18,3	13,7 17,3	13,9 18,7	–
Велико- британия	11,6 13,1	12,6 14,4	12,3 117,3	11,0 10,5	10,5 10,4	10,5 11,0	10,9 11,2	11,1 11,8	11,9 12,9	11,7 12,4
США	17,0 –	16,8 20,6	17,3 21,6	17,4 21,2	17,4 20,8	17,5 20,2	16,8 19,9	17,8 20,9	17,8 21,2	– –

Источник: OECD. Income Distribution Database. http://www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm.

* Верхняя строка — общий уровень относительной бедности, нижняя строка — уровень детской бедности.

[2] Ministry of Health, Labour and Welfare. Annual Health, Labor and Welfare Report 2009/2010. Chart 2-33. https://www.mhlw.go.jp/english/wp/wp-hw4/dl/honbun/2_2_3.pdf

Как видно из приведенных данных, на фоне стран, известных своей сильной социальной политикой (таких, как Франция, Германия, Великобритания), японское общество выглядит не слишком благополучно, имея существенно более высокие, чем в этих странах, показатели и обшей, и детской бедности. По общему показателю относительной бедности Япония следует за США, а по показателю детской бедности занимает срединное положение (вслед за США и Италией). Комментируя эти цифры, необходимо подчеркнуть следующие моменты.

Во-первых, успехи в борьбе с бедностью, которая ведется во всех развитых странах, зависят от расходов государства на эти цели, которые, в свою очередь, коррелируются с долей национального дохода, изымаемого в бюджет через налоговую систему и систему социального обеспечения. Как показывают приводимые ниже данные, по этому показателю Япония существенно опережает США, вплотную приближается к Великобритании, но заметно уступает Франции и Германии.

Доля налогов и взносов в систему социального обеспечения в национальном доходе (%)*

	Налоги	Взносы в систему соц. обеспечения	Бремя населения
Япония	25,4	17,4	42,8
США	24,7	8,4	33,1
Великобритания	36,6	0,5	46,9
Германия	31,2	22,2	53,4
Франция	40,8	26,5	67,2

Источник: Japan Institute for Labour Policy and Training. Kokusai rōdō hikaku dētabukku 2019. P. 305. https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2019/09.html

*Данные по Японии за 2019 г., по остальным странам — за 2016 г.

Во-вторых, в целом ряде высокоразвитых стран ситуацию с бедностью усугубляют проблемы, связанные с наплывом мигрантов, расовыми и религиозными конфликтами. Япония, имея практически гомогенное население и строго контролируя миграцию, в этом плане представляет собой редкое исключение,

Иными словами, аккумулируя в бюджете достаточно высокую долю доходов населения и не испытывая острых социальных проблем, отягчающих борьбу с бедностью, Япония тем не менее имеет

весьма высокие показатели относительной бедности. Но при этом следует иметь в виду что, во-первых, она является одной из наиболее богатых стран мира, и что, во-вторых, несмотря на экономические неурядицы последних десятилетий уровень жизни населения продолжал возрастать. Так, в пересчете по покупательной способности валют (PPP) валовой национальный доход на душу населения составил: в 1990 г. — 19, 620 тыс. долл., в 2000 г. — 27,220 тыс. долл., в 2010 г. — 35,900 тыс. долл., в 2019 г. — 45, 180 тыс. долл., т. е. возрос за этот период в 2,3 раза[3]. Оба эти обстоятельства, безусловно, способствовали сглаживанию социальных последствий нарастания бедности.

Наряду с показателем относительной бедности в социальной статистике используется также так называемый индекс депривации (Deprivation Index), предложенный еще в 1970-е гг. английским социологом П. Таунсендом. Он отражает долю людей (семей), лишенных того или иного блага, признанного необходимым для нормальной жизни в данной стране. При этом в расчет принимаются не только материальные блага, но и доступ к разного рода услугам (образовательным, медицинским и т. д.), возможность участия в общественной жизни и проч. Понятно, что международные сравнения в данном случае затруднены, поскольку понятие «нормальной жизни» в каждой стране формируется под влиянием не только достигнутого уровня материального благосостояния, но и существующих в ней норм и обычаев. Очевидно также, что с течением времени состав этих благ существенно меняется.

С момента своего появления индекс депривации претерпел определенные изменения, в частности, в расчеты был введен такой элемент, как значимость того или иного блага. В упрощенном виде методика подсчета индекса депривации сводится к следующему. Группу респондентов (аудитории различаются в зависимости от целей исследования) спрашивают о том, обладают ли они тем или иным благом. Положительный ответ (а также ответ «мне это не нужно») оценивается 0, отрицательный — 1. Для получения сводного индекса полученные ответы взвешиваются по степени значимости соответствующего блага, определяемой долей тех, кто им располагает, среди общего числа опрашиваемых[4].

---

[3] The World Bank. World Development Indicators. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD

[4] Методика приводится по: [Abe 2006, p. 2-8].

При этом с целью повысить репрезентативность опросов из списка благ, признаваемых необходимыми для «нормальной жизни», часто исключаются некоторые «обычные» товары (продукты, одежда, бытовая техника), поскольку общее повышение уровня жизни сделало их доступными практически для всех граждан страны. Так, например, в опросе, проведенном профессором А. Абэ в 2006 г., из материальных благ в список вошли только микроволновые печи, нагревательное оборудование, кондиционеры. Основная же его часть касалась бытовых условий (наличие туалета, кухни, ванны в пользовании только данной семьи, наличие отдельной спальни – помимо гостиной и столовой, доступ к телефонной связи), финансовых возможностей для поддержания социальных контактов (посещение разного рода мероприятий, визиты к родственникам с учетом расходов на подарки и транспорт).

В расчет принимались также возможности откладывать деньги на старость, делать ежемесячные сбережения, а также доступ к социальным услугам (посещение врача, дантиста, когда это требуется) и т. д. Как показали расчеты профессора А. Абэ, 65% японских семей имели все необходимые для нормальной жизни блага, 35% были лишены, по меньшей мере, одного из них, 14% — двух, 9% — трех. Анализ индекса применительно к разным социальным группам, различающимся по уровню дохода, возрасту и типу семей, показал, что наиболее высок риск депривации среди лиц с доходами ниже 50% от медианного, а также среди тех, чей образ жизни отклоняется от «стандартного». Например, среди 30-60-летних неженатых мужчин риск депривации оказался выше, чем среди женатых. Но в то же время в группе 20–29-летних молодых людей и мужчин старше семидесяти лет заметных различий в индексе депривации в зависимости от матримониального статуса не наблюдалось (в этих возрастных группах не иметь жены не считается отклонением от нормы). Резкие контрасты в индексе депривации наблюдались среди семей, имеющих детей. В «стандартных» семьях с двумя родителями он оказался в два раза ниже, чем в семьях, где детей растит мать-одиночка. Известно, что последний тип семей до сих пор рассматривается в Японии как некая аномалия [Abe 2006, p. 10–13].

В силу особого социального звучания проблемы детской бедности безусловный интерес представляют исследования, анализирующие ситуацию с депривацией среди японских детей и подростков. Вот, например, какую картину представили результаты обследования, про-

веденного А. Абэ и Дж. Такэдзава в рамках проекта UNICEF “Child Well-being in Rich Countries”.

Доля детей (в возрасте 1–12 лет), лишенных следующих благ (%)

Книги для соответствующего возраста, исключая учебники	1,0
Предметы для развлечений вне дома (велосипеды, ролики и т. д.)	2,0
Домашние игры (обучающие игрушки, конструкторы, настольные и компьютерные игры)	3,0
Деньги для участия в школьных мероприятиях	1,0
Наличие тихого светлого помещения (места) для выполнения домашних заданий	10,0
Подключение к интернету	11,0
Новая одежда (не сэконд-хэнд)	7,0
Возможности праздновать дни рождения, именины и проч.	2,0

Источник: [Abe, Takezawa 2013, p. 35].

Приведенные цифры говорят о том, что абсолютное большинство японских детей живут в условиях, вполне отвечающих представлениям о том, каким должно быть детство в XXI веке. Однако в международном контексте ситуация выглядит несколько иначе. По доле детей, не имеющих хотя бы двух из перечисленных в списке благ, — 7,8% — Япония оказалась на двадцатом месте среди тридцати одной из обследованных стран. При этом она существенно уступала высокоразвитым государствам со средним показателем менее 5,0%, соседствуя главным образом со странами Восточной Европы [Abe, Takezawa 2013, p. 9].

Очевидно, что риск депривации особенно велик среди детей из бедных семей, что наглядно подтверждают результаты опроса восьми тысяч семей, проживающих в Токио, проведенного в 2016 г. При том, что в целом лишь порядка 3% детей ответили, что их семьи время от времени сталкиваются с трудностями в оплате коммунальных услуг, погашении кредитов, внесении арендной платы и т.д., разрыв между семьями с разным уровнем дохода не может не поражать. Так, если трудности с оплатой коммунальных услуг испытывают порядка 30% семей с низкими доходами и 5-6% семей со средними доходами, то богатым семьям эта проблема вовсе не знакома. Различия такого же

порядка характерны и в отношении внесения арендной платы и погашения кредитов: трудности испытывают соответственно 20% и 29% бедных семей, 4% и 9% семей со средним достатком при полном отсутствии подобных проблем у богатых семей. Различия в уровне жизни сильно сказываются и на возможностях детей посещать музеи, театры, спортивные секции, тематические парки, выезжать с родителями на природу и т.д. Так, по финансовым соображениям этих удовольствий были лишены порядка 30-35% детей из бедных семей, 6-10% детей из семей со средними доходами и менее 1% детей из семей с высокими доходами [Abe 2018].

Как и в случае с индексом депривации среди взрослых, среди детей он значительно выше в семьях, отклоняющихся от общепринятых представлений о «нормальности». Так, по данным за 2015 г. в семьях с двумя родителями этот показатель составлял 9,7%, в семьях, состоящих из трех поколений, — 12,8%, а в случае семей с одним родителем — 43,6% [Abe 2018].

Индикаторы неравенства

Наряду с показателями относительной бедности и депривации для анализа социально-экономической ситуации специалисты используют еще ряд индикаторов, главным среди которых является коэффициент Джини. Он показывает, насколько реальное распределение доходов среди населения (отображаемое кривой Лоренса) отклоняется от теоретически предполагаемого абсолютно равного их распределения. Этот показатель меняется в диапазоне от 0 до 1, где 0 обозначает состояние абсолютного равенства, а 1 — положение, при котором все доходы получает одно домохозяйство. Таким образом, чем выше коэффициент Джини, тем выше социальное расслоение по доходам [Mira d'Ercole 2006, p. 13].

Как и в других высокоразвитых странах с рыночной экономикой, в Японии коэффициент Джини по первичным доходам довольно высок — более 0,5, но по доходам после перераспределения он заметно снижается (табл. 2).

Рассмотрению факторов, приведших к возрастанию коэффициента Джини по первичным доходам, будет посвящен следующий раздел статьи. Здесь же хотелось бы обратить внимание на то, что по мере усиления расслоения населения по первичным доходам усиливалась

и перераспределительная функция государства, благодаря чему по доходам после перераспределения коэффициент Джини в рассматриваемый период даже несколько снизился.

Таблица 2. Динамика коэффициента Джини (доходы домохозяйств)

Годы	Первичные доходы (1)	Доходы, (включая соц. пособия) за вычетом взносов в систему соц. обеспечения (2)	Доходы (2) за вычетом налогов	Доходы после перепрераспределения (3)	Изменение коэффициента (%) (3) : (1)	За счет системы соц. обеспечения (%)	За счет налоговой системы (%)
2005	0,526	0,406	0,393	0,387	26,4	24,0	3,2
2008	0,532	0,402	0,387	0,376	29,3	26,6	3,7
2011	0,554	0,407	0,389	0,379	31,5	28,3	4,5
2014	0,570	0,406	0.387	0,376	34,1	31,0	4,5
2017	0,559	0,402	0,382	0,372	33,5	30,1	4,8

Источник: Ministry of Health, Labour and Welfare. Shotoku saibumpai 2017 chyōsa hōkokusho [Survey on Income Redistribution 2017]. P. 6. https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf

Поскольку домохозяйства состоят из разного числа членов, даже при одинаковом доходе уровень жизни может существенно различаться. Для того, чтобы элиминировать влияние этих различий, специалисты рассчитывают коэффициент Джини по эквивалентному доходу (напомним, что он определяется путем деления дохода семьи на квадратный корень из числа ее членов).

Хотя расслоение населения по первичным эквивалентным доходам заметно ниже, чем по рыночным доходам домохозяйств, тем не менее, по обоим показателям тенденции совпадают: рост коэффициента Джини по первичным доходам и его снижение по доходам после перераспределения. Иными словами, благодаря политике государства социальное неравенство, измеряемое распределением текущих доходов, существенно (на 1/3 и даже более) сокращается, а социальная

структура усредняется. Так, по данным за 2017 г., структура домохозяйств меняется следующим образом: доля семей с самыми низкими доходами (до 500 тыс. иен в год) снижается с 25,9% по первичным доходам до 1% по доходам после перераспределения, доля самых богатых семей (с доходом свыше 10 млн иен) снижается соответственно с 10,6% до 8,2%, а доля «середняков» (с доходом от 1 млн иен до 8 млн иен) возрастает с 50,5% до 80,0%[5].

Таблица 3. Динамика коэффициента Джини (по эквивалентному доходу)

Годы	Первичные доходы (1)	Доходы, (включая соц. пособия) за вычетом взносов в систему соц. обеспечения (2)	Доходы (2) за вычетом налогов	Доходы после перераспределения (3)	Изменение коэффициента (%) (3) : (1)	За счет системы соц. обеспе-чения (%)	За счет налоговой системы (%)
2005	0,435	0,336	0,322	0,322	25,9	22,5	4,1
2008	0,454	0,343	0,327	0,319	29,7	26,2	4,7
2011	0,470	0,342	0,322	0,316	32,8	28,6	5,8
2014	0,482	0,335	0.316	0,308	36,1	32,1	5,8
2017	0,480	0,340	0,319	0,312	35,0	30,8	6,0

Источник: Ministry of Health, Labour and Welfare. Shotoku saibumpai 2017 chyōsa hōkokusho [Survey on Income Redistribution 2017]. P. 16. https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf

В материалах обследований перераспределения доходов, проводимых раз в три года специалистами Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, приводится и ряд других данных, показывающих степень изменения коэффициента Джини применительно к разным группам населения. Вот, например, каковы результаты расчетов в привязке к возрасту глав домохозяйств[6]:

[5] Ministry of Health, Labour and Welfare. Shotoku saibumpai 2017 chyōsa hōkokusho [Survey on Income Redistribution 2017]. P. 3. https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf

[6] Ibid. Pp. 28–29.

Коэффициент Джини	*Возраст глав семей*							
	до 29 лет	30–34	35–39	55–59	60–64	65–69	70–74	свыше 75
первичные доходы	0,384	0,253	0,313	0,402	0,498	0,498	0,672	0,799
доходы после перераспределения	0,379	0,240	0,274	0,372	0,399	0,382	0,355	0,400
степень изменения к-та (%)	1,0	5,5	12,6	7,6	19,9	35,2	47,2	49,9

Как показывают эти данные, инструменты перераспределения доходов, используемые государством, направлены, прежде всего, на смягчение неравенства в группах, где оно особенно велико, а именно среди пожилых граждан. Так, среди семей, где возраст глав перевалил за семьдесят лет, за счет перераспределения доходов степень социального неравенства уменьшается почти наполовину. И, наоборот, эти инструменты практически нейтральны или применяются в гораздо меньшей степени в отношении более молодых семей.

Применительно к домохозяйствам разного типа картина выглядит следующим образом[7]:

Коэффициент Джини	*Типы домохозяйств*					
	Один человек	Только супруги	Супруги и дети	Один родитель и дети	Три поколения	Прочие
первичные доходы	0,676	0,646	0,389	0,454	0,389	0,547
доходы после перераспределения	0,378	0,311	0,265	0,345	0,295	0,403
степень изменения к-та (%)	44,1	51,9	21,9	24,0	24,0	26,4

[7] Ibid. Pp. 30–31.

Поскольку значительная часть домохозяйств, состоящих из одиноких людей или супружеской пары, представлена пожилыми гражданами, именно эти типы семей демонстрируют наиболее высокие показатели расслоения по первичным доходам и резкое (почти двукратное) их снижение после перераспределения.

К вопросу о том, какие инструменты перераспределения доходов использует государство, мы вернемся в заключительной части статьи, в следующем же разделе будут рассмотрены факторы, обусловившие рост бедности и неравенства в стране.

Факторы нарастания неравенства и бедности

Одним из главных факторов, приведших к усилению неравенства и росту уровня относительной бедности, стало быстрое старение населения страны. За тридцать лет — с 1989 по 2019 г. — число пожилых граждан (65 лет и старше) возросло с 14 млн 890 тыс. до 35 млн 890 тыс. или в 2,4 раза, а их доля в структуре населения — с 12,1% до 28,4%[8]. Старение населения влияет на возрастание уровня относительной бедности и неравенства следующим образом. Во-первых, у пожилых граждан (особенно пенсионеров) текущий доход, как правило, ниже, чем у работающих поколений (пенсии в Японии составляют порядка 40–50% от средней зарплаты), поэтому рост их доли приводит к увеличению разрыва в доходах между поколениями.

Таблица 4. Сдвиги в структуре японских домохозяйств по типам семей и уровень их дохода

Семьи, состоящие из:	Число семей соответствующего типа (тыс.)		Их доля в общем числе семей (%)		Доход семьи в месяц (тыс. иен)
	1990 г.	2019 г.	1990 г.	2019 г.	2017 г.
1	2	3	4	5	6
одного человека	8446	14907	21,0	28,8	280,9

[8] Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2021. Table 2-6. http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/1431-02.html

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6
одного родителя и не состоящих в браке детей	2060	3616	5,1	7,0	408,7
супругов без детей	6695	12639	16,6	24,4	529,1
супругов с детьми	15398	14718	38,2	28,4	774,6
трех поколений	5428	2627	13,5	5,1	873,4
прочие*	2245	3276	5,6	5,3	573,3
Всего	40273	51785	100,0	100,0	560,2 (в среднем)

Источник: Ministry of Health, Labour and Welfare. Handbook of Health and Welfare Statistics 2019. Table 1-56. https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/1-3.html; Ministry of Health, Labour and Welfare. Kōsei rōdō hakusho 2020 zenpan [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020 Full Text]. P. 13. https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/19-2/dl/01.pdf

* Прочие типы включают семьи, состоящие из супружеской пары и одного или двух родителей.

Во-вторых, как видно из приведенных выше данных, разрыв в первичных доходах наиболее высок именно в группах старше 65 лет (главным образом — за счет разницы между теми, кто продолжает работать, и теми, кто вышел на пенсию), что также способствует росту общего показателя неравенства. В этом же направлении действуют и изменения в структуре японских домохозяйств.

Очевидно, что повышение в структуре японских домохозяйств семей с доходами ниже средних показателей (состоящих из одного человека, из одного родителя с детьми, а также только из супругов) сказалось как на усилении расслоения по первичным доходам, так и на росте показателя относительной бедности. При этом следует иметь в виду, что главами значительной части домохозяйств, состоящих из одного человека или только из супругов, являются опять же пожи-

лые люди. Общее число семей пожилых граждан (сюда включаются и домохозяйства, состоящие из пожилых граждан и проживающих совместно с ними несовершеннолетних детей) возросло с 3113 тыс. в 1990 г. до 14 878 тыс. в 2019 г., а их доля — соответственно с 7,7% до 28,7%. При этом их доходы заметно ниже показателей домохозяйств, чьи главы относятся к более молодым когортам[9]:

Возраст главы семьи	до 29 лет	30–39	40–49	50–59	свыше 65	свыше 70
Доход семьи (тыс. иен)	362,6	614,8	694,8	756,0	425,4	394,8

Кроме того, к усилению разрыва в доходах между японскими семьями приводит и рост доли домохозяйств, формируемых не состоящими в браке молодыми японцами обоих полов. Как известно, доля последних заметно повысилась за последние десятилетия, и по данным за 2019 г. в возрасте 35–39 лет среди мужчин в браке не состояли 35%, а среди женщин — 23,9% (в 1989 г. — соответственно 19,1% и 7,5%)[10]. В более молодых когортах эти цифры еще выше. Между тем доходы таких домохозяйств оказываются существенно ниже средних, так как в условиях повозрастной оплаты труда, до сих пор применяемой в японских компаниях, заработки молодежи в начале карьеры невысоки.

Что касается семей, состоящих из супругов с детьми, то хотя их доля заметно снизилась, и они перестали быть преобладающей формой домохозяйств, процессы, идущие внутри этой группы, оказывают заметное влияние на общую ситуацию с бедностью и неравенством. Это связано с ростом доли семей, в которых работают оба супруга, и, соответственно, сокращением доли семей с *сэнгё сюфу* (профессиональными домохозяйками). Так, за период 1989–2019 гг. число семей с двумя работающими супругами возросло с 7830 тыс. до 12450 тыс., а число семей с неработающей супругой сократилось с 9300 тыс. до

[9] Ministry of Health, Labour and Welfare. (2020). Kōsei rōdō hakusho 2020 zenpan [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020 Full Text]. P. 14. https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/19-2/dl/01.pdf

[10] Ministry of Health, Labour and Welfare. Kōsei rōdō hakusho 2020 gaiyō [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020 Overview]. P. 2. https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf

5820 тыс. Если в 1989 г. на семьи первого типа приходилось немногим более 40% , то в 2019 г. — уже 2/3[11].

Хотя решение устроиться на работу и стать в семье вторым добытчиком женщины принимают с учетом самых разных обстоятельств, соображения материального порядка играют далеко не последнюю роль. Так, по данным за 2016 г., в семьях, где доход супруга составляет от 2 до 5 млн иен в год, работали почти 70% женщин, при доходе от 5 млн иен до 10 млн иен — порядка 2/3, а при доходе свыше 10 млн иен — 55%. Но при этом в семьях, где доход супруга не превышает 2 млн иен, работали лишь порядка 55% женщин[12].

Поскольку для домохозяйства из четырех человек уровень относительной бедности составляет 2,44 млн иен в год, очевидно, что семьи, где доход главы не превышает 2 млн иен, живут в весьма стесненных обстоятельствах. Тем не менее, 45% (порядка полумиллиона) женщин из таких семей не работают. Более того, по данным социолога Янфэй Жу, лишь 20% из них намерены устроиться на работу в скором времени, 2/3 планируют это сделать «когда-нибудь в будущем», а 11% вообще не хотят работать [Yanfei Zhou 2018, p. 7]. Янфэй Жу, изучавшая феномен бедности среди японских матерей, в качестве главной причины такой ситуации отмечает приверженность этих женщин традиционным представлениям о том, какой должна быть семья и в чем состоят их обязанности. В частности, они убеждены, что должны воспитывать детей сами, а не отдавать их в детский сад. Янфэй Жу называет их поведение нерациональным, поскольку обследования показывают, что выросшие в таких семьях дети и в плане здоровья, и в плане достижений в учебе уступают детям, посещающим детский сад. Готовность мириться с бедностью и отсутствие стремления преодолеть ее тем выше, чем ниже уровень образования и квалификации этих женщин. Поскольку на рынке труда они могут найти лишь низкооплачиваемую работу, им представляется гораздо более ценной вся та работа, которую они выполняют по дому [Yanfei Zhou 2019, p. 6–7].

---

[11] Ministry of Health, Labour and Welfare. Kōsei rōdō hakusho 2020 gaiyō [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020 Overview]. P. 7. https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf

[12] Ministry of Health, Labour and Welfare. Heisei 29 nenpan rōdō keizai hakusho [White Paper on Labor Economy 2017]. Pp. 129, 132. https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/roudou/17/17-1.html

От себя добавим, что, судя по заработкам их мужей, они, скорее всего, также не отличаются высоким уровнем образования и выполняют работу, не требующую высокой квалификации. Иными словами, недостаточный социальный капитал таких семей становится фактором их застойной бедности. Очевидно, что существование этой группы семей — с одной стороны, и выход на рынок труда женщин из богатых семей (с доходом мужа свыше 10 млн иен в год) — с другой, способствуют увеличению разрыва по доходам между японскими домохозяйствами.

Наконец, еще одним фактором нарастания бедности и неравенства по первичным доходам стали изменения, происшедшие на рынке труда. Речь идет, прежде всего, о резком повышении в структуре занятости доли непостоянных работников. За 30 лет — с 1989 по 2019 г. — их численность возросла в 2,7 раза (с 8 млн 170 тыс. до 21 млн 650 тыс.), а доля в структуре занятых — с 19,1% до 38,3%[13]. Не вдаваясь в анализ различий в положении постоянных и непостоянных работников и причин, их обусловивших[14], отметим лишь моменты, имеющие отношение к доходам этих двух категорий занятых, т. е. к оплате труда.

Еще в 2007 г. в Японии был принят закон, который обязал предпринимателей платить равную зарплату за равный труд — независимо от того, нанят ли работник на постоянной основе или по временному контракту. В 2018 г. в рамках пакета мер по изменению стиля работы эти требования были конкретизированы и ужесточены. Однако и после этого разрыв в оплате труда между постоянными и непостоянными работниками сохраняется, хотя и несколько сократился по сравнению с прошлыми годами. Например, в 2019 г. почасовая зарплата женщин-*пато* (частично занятых, т. е. работающих менее 35 часов в неделю), составила в промышленности 2/3 от зарплаты постоянных работников, а в сфере здравоохранения и социальных услуг (где наблюдается наибольший дефицит кадров) — 73,5%[15].

---

[13] Ministry of Health, Labour and Welfare. Kōsei rōdō hakusho 2020 gaiyō [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020 Overview]. P. 2. https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf

[14] Подробно см.: [Лебедева 2019, с. 36–66].

[15] Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2021. Table 19-8, 19-11. http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/1431-02.html

Хотя примерно 2/3 всех непостоянных работников составляют женщины, особенностью последних 10-15 лет стал заметный рост численности молодых мужчин среди лиц этой категории. Так, если в 2006 г. численность непостоянно занятых мужчин в возрасте 25–34 лет составляла 470 тыс. человек, а их доля в общем числе работников-мужчин этого возраста — 6,0%, то в 2019 г. — соответственно 830 тыс. и 14,5%[16]. Это не только увеличивает разрыв в доходах как среди молодежи, так и между поколениями, но и приводит к снижению числа заключаемых в стране браков, поскольку заработки этих молодых людей далеко не соответствуют ожиданиям японских девушек.

Среди непостоянных работников выделяется особая группа — так называемые работающие бедные (*вакингу пуа*, working poor). Хотя у многих непостоянных работников заработки не дотягивают до уровня минимального дохода, далеко не все они относятся к этой категории. По определению профессора К. Гока *вакингу пуа* — это непостоянные работники, которые работают столько же, сколько и постоянно занятые (40 и более часов в неделю), но зарабатывают менее 2 млн иен в год. По данным за 2016 г. среди непостоянных работников более 40 часов в неделю работали 5 млн 420 тыс. человек, из них 2 млн 450 тыс. или 45% относились к категории *вакингу пуа.* О составе этой группы позволяют судить данные табл. 5.

Таблица 5. Состав *вакингу пуа* (работающих бедных), 2016 г.

Годовой доход	В возрасте от 15 до 64 лет (тыс. чел.)			В возрасте 65 лет и старше (тыс. чел.)		
	Всего: в т. ч.	мужчины	женщины	Всего: в т. ч.	мужчины	женщины
до 2 млн иен, в том числе	2170	730	1440	280	160	120
до 1 млн иен	340	150	190	50	20	30
от 1 млн до 1 млн 990 тыс. иен	1830	580	1250	230	140	90

Источник: [Goka 2017, p. 34].

[16] Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2006. Table 4. Japan Statistical Yearbook 2009. Table 1-4. http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/1431-02.html

Очевидно, что люди, получающие столь низкие доходы, заняты неквалифицированным трудом. Тем не менее, с учетом режима их труда такие заработки представляются неоправданно низкими, свидетельствуя о жестком водоразделе, пролегающем между постоянной и непостоянной занятостью в Японии. Существование *вакингу пуа* не только становится фактором нарастания бедности и неравенства, но и представляет собой серьезный вызов для японского общества, считающего себя эгалитарным.

Таким образом, целый ряд факторов обусловил возрастание разрыва по первичным доходам и подтолкнул вверх показатели относительной бедности. Как отмечалось выше, негативные социальные последствия этого процесса смягчает тот факт, что он происходит в стране с высоким уровнем жизни. Кроме того, на сглаживание социального неравенства и борьбу с бедностью направлена и социальная политика государства.

Меры по сокращению разрыва в доходах и поддержке бедных

Как видно из данных табл. 3, основную роль в перераспределении первичных доходов населения играет система социального обеспечения, хотя определенный вклад вносит и налоговая система. Главными инструментами выравнивания доходов через систему налогообложения являются прогрессивная шкала налога на доходы физических лиц, а также дифференцированные ставки налога на наследство. В 2007 г. ставки налога на доходы физических лиц, составлявшие 10% для лиц с наименьшими доходами и 37% для получателей наивысших доходов, были раздвинуты еще больше. Теперь они составляют 5% для тех, кто получает менее 1 млн 950 тыс. иен в год, и 40% для тех, чьи доходы превышают 18 млн иен в год. При этом при начислении налогов широко применяются разного рода скидки и вычеты из налогооблагаемой базы (на иждивенцев, инвалидов и т. д.). Что же касается налога на наследство, то он дифференцирован в зависимости от величины (и вида) наследства. Например, в случае небольших состояний (до 10 млн иен) налог составляет 10%, при сумме наследства от 10 до 30 млн иен — 15%, от 30 до 50 млн иен — 20% и т. д. А наследники наиболее крупных состояний (более 300 млн иен)

выплачивают государству до 50% от стоимости наследуемого имущества[17].

В системе социального обеспечения можно выделить два основных канала перераспределения доходов: через пенсионную систему и через систему медицинского страхования.

В Японии действуют три схемы пенсионного страхования: для работников частных предприятий (пенсия благосостояния — *косэй нэнкин),* для государственных служащих и работников частных школ и университетов (пенсии ассоциаций взаимопомощи — *кёсай кумиаи*) и для остальных граждан, не подпадающих под первые две схемы (национальная пенсия — *кокумин нэнкин*). Они заметно различаются между собой и по условиям страхования, и по размерам пенсий, и по соотношению между числом подписчиков и получателей пенсий. При этом перераспределение средств в пользу наименее обеспеченных граждан происходит следующим образом.

Во-первых, если в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи* пенсии покрываются целиком за счет взносов застрахованных (половину платят сами работники, половину — их работодатели), то в системе *кокумин нэнкин* половину расходов на ее выплату берет на себя государство. Социальная значимость этого механизма заключается в том, что пенсия *кокумин нэнкин* является основным источником дохода в старости для наименее обеспеченных слоев населения (которые составляют и основную часть ее подписчиков). Во-вторых, определенным категориям подписчиков *кокумин нэнкин* предоставляется возможность частичного или полного освобождения от уплаты взносов, но при этом право на получение пенсии за ними сохраняется.

Система медицинского страхования состоит из нескольких звеньев, но по способам страхования ее можно разделить на две группы:

1) страхование по месту работы или в привязке к профессии,
2) страхование по месту жительства через муниципалитеты.

Под первую схему подпадают все лица, работающие по найму, а также члены их семей, а под вторую — все прочие категории граждан (фермеры, самозанятые, пенсионеры, студенты и т. д.). Перераспределение финансовой нагрузки в пользу наименее защищенных граждан обеспечивают следующие механизмы.

---

[17] Kokuzeichyō tōkei nempōsho 2014 nendohan [Yearbook of the National Tax Agency 2014 Fiscal Year]. The National Tax Agency. Tokyo, 2016. Pp. 52, 246.

Во-первых, учет уровня дохода и материального положения застрахованных при определении величины страховых взносов. Так, в системах страхования, привязанных к месту работы или виду профессии, взносы зависят от уровня дохода. А в системе страхования здоровья по месту жительства, где застрахованы наименее обеспеченные граждане, взносы состоят из двух частей — фиксированной части, одинаковой для всех домохозяйств, и части, рассчитываемой муниципалитетами с учетом уровня доходов, объема активов, состава семьи, т. е. разной для разных домохозяйств.

Во-вторых, перераспределение финансовых ресурсов между различными системами страхования. С 1983 г. осуществляется перевод средств из более благополучных систем (привязанных к страхованию по месту работы или виду профессии) в менее благополучные (привязанные к страхованию по месту жительства).

В-третьих, поддержка наиболее уязвимых слоев населения. Хотя для всех схем страхования установлена одинаковая доля страховых выплат в покрытии расходов граждан на медицинские услуги (70%), она повышается для определенных категорий (для лиц старше 70 лет, детей в возрасте до 15 лет, инвалидов и т. д.). При этом граждане с высокими доходами независимо от возраста оплачивают услуги по обычной схеме, а для граждан с низкими доходами, напротив, предусмотрены разного рода льготы вплоть до освобождения от уплаты взносов при сохранении права доступа к медицинским услугам[18].

Если механизмы перераспределения доходов в пользу наименее защищенных граждан, встроенные в системы пенсионного обеспечения и медицинского страхования, оказывают косвенное влияние на ситуацию с неравенством и бедностью, то оказание государством материальной помощи определенным категориям граждан влияет на нее напрямую.

Материальная поддержка населения — одна из самых старых социальных программ Японии. Она осуществляется на основании Закона о государственной поддержке, принятого еще в 1950 г., и опирается на четыре принципа:

— оказание помощи гражданам, находящимся за чертой бедности, является обязанностью государства;

[18] Ministry of Health, Labour and Welfare. Annual Health, Labor and Welfare Report 2017. P. 28. https://www.mhlw.go.jp/english/wp/wp-hw11/dl/10e.pdf

— все граждане, соответствующие определенным критериям, имеют право на получение этой помощи на равной, исключающей дискриминацию основе;

— государство гарантирует всем гражданам минимальный уровень дохода, необходимого для поддержания здоровой, цивилизованной жизни;

— государственная поддержка основана на требовании, чтобы живущий в бедности человек использовал собственные накопления, способности и все другие доступные ресурсы для поддержания минимальных стандартов жизни[19].

Если в первые послевоенные годы государственная поддержка была направлена на обеспечение физического выживания людей, то в современном обществе ее цель — гарантировать гражданам минимальный уровень дохода, необходимого для здоровой, цивилизованной жизни или, по выражению профессора А. Абэ, «жизни без чувства стыда» [Abe 2010, p. 32].

Государственная поддержка включает восемь видов пособий: на питание, на жилье, на получение образования, на медицинское обслуживание, по беременности и родам, по долговременному уходу, на осуществление профессиональной деятельности, на погребение. При расчете пособий учитываются различия в потребностях между людьми разных возрастных групп, домохозяйствами разного состава, а также между регионами. Вся помощь оказывается в форме денежных переводов (за исключением медицинских услуг и услуг по долговременному уходу).

Как отмечалось выше, одним из принципов оказания государственной поддержки является требование к заявителю использовать собственные ресурсы для получения дохода на уровне не ниже прожиточного минимума. В частности, если человек признается трудоспособным, но не может трудоустроиться, он не может рассчитывать на государственную поддержку. Помимо работы под этими ресурсами имеются в виду использование накопленных финансовых активов, продажа лишней недвижимости, а также помощь родственников, которые по гражданскому праву обязаны поддерживать членов семьи, нуждающихся в этом.

---

[19] Ministry of Health, Labour and Welfare. Population and Social Security in Japan 2019. P. 51. http://www.ipss.go.jp/s-info/e/pssj/pssj2019.pdf

Акцент на необходимости использовать собственные ресурсы, прежде всего, работать (если позволяет возраст и состояние здоровья), приводил к тому, что лица в возрасте до 65 лет часто сталкивались с отказом в помощи или получали кратковременную помощь, предоставление которой сопровождалось строгим контролем за поиском ими работы [Sekine 2008, p. 59]. С целью улучшения ситуации в 2004 г. Министерство здравоохранения, труда и благосостояния издало инструкции, обязывающие местные власти оказывать помощь таким людям «на пути к обретению независимости» (т. е. в трудоустройстве). А в 2014 г. вступил в силу Закон о поддержке тех, кто испытывает лишения (Law to Assist those Experiencing Hardship), предусматривающий создание по всей стране комплексных центров «одного окна», куда люди, оказавшиеся в тяжелой ситуации, могут обратиться за консультацией и получить помощь[20].

Особо следует сказать о Законе о мерах борьбы с детской бедностью, принятом в 2014 г., вскоре после того, как стало очевидно, что в этой чувствительной сфере ситуация в Японии выглядит хуже, чем во многих развитых странах. Целью этого закона было провозглашено «создание общества, в котором на будущее ребенка не будут оказывать влияние обстоятельства, в которых он был рожден»[21].

С середины 1990-х гг. объем средств, направляемых на оказание материальной помощи, стал довольно быстро возрастать (в связи с расширением круга лиц, имеющих право на получение этой помощи, и повышением размеров самих пособий). Так, за период 1990–2019 гг. расходы на эти цели возросли с 11,3 трлн иен до 27,2 трлн иен, а их доля в общих социальных расходах государства — с 10,6% до 22,0%[22]. Основными адресатами этой помощи являются семьи пожилых граждан, семьи, в составе которых есть инвалиды или больные, а также матери-одиночки. По данным за 2016 г. среди домохозяйств-получателей государственной помощи их доли составили соответственно более 50%, 26% и 6%, что

[20] Ministry of Health, Labour and Welfare. Population and Social Security in Japan 2019. P. 55. http://www.ipss.go.jp/s-info/e/pssj/pssj2019.pdf

[21] Ibid. О мерах поддержки семей с детьми см.: [Лебедева И. П. 2021].

[22] Ministry of Health, Labour and Welfare. Kōsei rōdō hakusho 2020 zenpan [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020 Full Text]. P. 20. https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/19-2/dl/01.pdf

говорит о ее прямой нацеленности на борьбу с бедностью. Всего же материальную помощь получают 1,6 млн домохозяйств или 2,3 млн граждан[23].

Заключение

«Общество среднего класса» или «разделенное общество»?

С начала 2000-х гг. в Японии все сильнее стали звучать голоса о превращении японского «общества среднего класса» в «разделенное общество» (*какуса сякай* или gap society). На наш взгляд, действительность не дает достаточных оснований для такого рода заключений.

Как было показано выше, под влиянием старения населения, сдвигов в структуре домохозяйств, изменений на рынке труда в Японии действительно происходит постепенное усиление расслоения населения по первичным доходам, а также рост показателей относительной бедности. Однако через перераспределение доходов государству удается сдерживать эти процессы. Так, по доходам домохозяйств после перераспределения коэффициент Джини удерживается на уровне 0,37–0,38. Тот же коэффициент, рассчитываемый по эквивалентным доходам (т.е. скорректированным по числу членов семьи), находится на уровне 0,31–0,32, что считается весьма умеренным показателем.

По уровню относительной бедности японские показатели не столь благополучны: по показателю общей бедности среди стран G7 она следует за США, а по показателю детской бедности — за США и Италией. Что касается общей бедности, то ее довольно высокий уровень объясняется, прежде всего, тем, что среди развитых стран японское общество является не только самым старым, но и стареющим самыми быстрыми темпами. Это приводит к непрерывному нарастанию в структуре населения доли пожилых людей, чьи текущие доходы существенно ниже доходов работающих поколений. Что же касается детской бедности, то судя по последним из доступных данных, уже к 2015 г. ее уровень заметно снизился. Есть основания полагать, что сейчас он стал еще ниже, поскольку в последние годы правительство С. Абэ предприняло целый ряд мер, направленных

[23] Ministry of Health, Labour and Welfare. Population and Social Security in Japan 2019. P. 52. http://www.ipss.go.jp/s-info/e/pssj/pssj2019.pdf

на поддержку семей с детьми с целью элиминировать влияние материального положения семьи на будущее ребенка. По данным за 2017 г. показатель Джини по эквивалентному доходу в привязке к возрасту детей составил: в группе 0–4 года — 0, 245, 5–9 лет — 0,255, 10–14 лет — 0,272, 15–19 лет — 0,310, что говорит о весьма незначительном разрыве в доходах после перераспределения между семьями с детьми[24]. Показатели депривации среди японских детей также свидетельствуют о том, что абсолютное их большинство живут в весьма благополучных условиях, вполне отвечающих стандартам высокоразвитых стран.

Говоря о бедности, следует иметь в виду, что низкий текущий доход, по которому измеряется уровень относительной бедности и степень расслоения по доходу, не может однозначно свидетельствовать о том, что та или иная семья или тот или иной человек живут в бедности. Уровень жизни помимо текущего дохода зависит также от объема финансовых накоплений, наличия недвижимости, обладания ценными бумагами и т. д. Так, пожилые граждане, которые по уровню текущего дохода относятся к наименее обеспеченным слоям населения, обладают наибольшей долей накопленных в стране финансовых активов. По данным за 2014 г., среди домохозяйств, состоящих из двух и более человек, финансовые активы распределялись следующим образом: доля домохозяйств с главами старше 70 лет составляла 30,9%, в возрасте 60–69 лет — 33,6%, в возрасте 50–59 лет — 18,9%, 40–49 лет — 11,7%, 30–39 лет — 4,5%, моложе 30 лет — 0,5%[25]. О том, что бедность среди пожилых японцев — явление довольно редкое, позволяет судить и крайне незначительная доля среди них получателей материальной помощи государства. Среди граждан старше 65 лет она составляет менее 3% (2,9% в 2015 г.)[26].

Наконец, важным индикатором, не подтверждающим тезис о превращении японского «общества среднего класса» в «разделенное общество», служат результаты опросов общественного мнения, еже-

[24] Ministry of Health, Labour and Welfare. Shotoku saibumpai (2017) chyōsa hōkokusho [Survey on Income Redistribution 2017]. Pp. 40–41. https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf

[25] Cabinet Office (2019). *Kokumin seikatsu ni kansuru seron chyosa 2019* [Public Opinion Survey on the Life of the People 2019], from https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/gairyaku.pdf

[26] Ministry of Health, Labour and Welfare. Population and Social Security in Japan 2019. P. 10. http://www.ipss.go.jp/s-info/e/pssj/pssj2019.pdf

годно проводимых канцелярией премьер-министра. Они тем более показательны, что эти опросы проводятся с середины 1960-х гг., т. е. охватывают и тот период (1960–1980-е гг.), когда японское общество считалось едва ли не образцом «общества среднего класса». Результаты этих опросов не могут не поражать. На протяжении более полувека абсолютное большинство японцев — порядка 90% — отвечая на вопрос, как бы они оценили уровень жизни своих семей на общем фоне, выбирают ответ «средний». Причем в последние годы доля людей, относящих себя к среднему классу, оказалась даже несколько выше, чем в 1960–1970-е гг. Так, если в 1964 г. она составила 87,1%, в 1976 г. — 89,5%, то в 2015 г. — 92,1%, в 2019 г. — 92,8%. При этом доля тех, кто относит себя к среднему слою среднего класса, возросла с 50,2% в 1964 г. до 57,7% в 2019 г., доля относящих себя к нижнему слою «середняков» снизилась с 30,3% до 22,3%, а доля тех, кто относит себя к высшему слою среднего класса, повысилась с 6,6% до 12,8%. Что же касается полюсов социальной структуры, то доля бедных снизилась с 8,5% до 4,2 %, а доля богатых повысилась с 0,5% до 1,3%[27].

Таким образом, судя по самоощущениям самих японцев, японское общество не только не поляризовалось, но стало даже более благополучным и устойчивым. Средний класс не только по-прежнему составляет его основу, но даже несколько усилил свои позиции, при этом в самом его составе произошел сдвиг в сторону повышения доли более обеспеченных слоев (среднего и высшего).

Разумеется, сказанное выше не означает, что в Японии нет людей, живущих в бедности. Конечно, они есть, особенно среди матерей-одиночек, пенсионеров, семей с инвалидами или больными людьми. Но в отличие от России, где бедность является свидетельством вопиющей социальной несправедливости, запредельных социальных контрастов, в Японии, на наш взгляд, это скорее следствие каких-то особенно неблагоприятных, исключительных обстоятельств, в которых оказалась та или иная семья или тот или иной человек. В целом же японское общество остается здоровым и благополучным, чему в немалой степени способствует социальная политика государства, направленная на борьбу с бедностью и сдерживание расслоения населения по доходам.

---

[27] Cabinet Office. Kōrei shyakai hakushyo reiwa ninen [White Paper on Ageing Society 2020]. P. 17. https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2020/zenbun/pdf/1s2s_01.pdf

Библиографический список

Лебедева И. П. (2021) Вименомика: достижения и проблемы. *Японские исследования*. № 1, с. 101–120 DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-101-120 http://japanjournal.ru/images/js/2021/js_2021_1_101-120.pdf

Лебедева И. П. (2019) *Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы*. — Москва: Институт востоковедения РАН.

References

Abe, A. (2006). Empirical Analysis of Relative Deprivation and Poverty in Japan. *IPSS Discussion Paper Series No 2005-07 National Institute of Population and Social Security Research.* Retrieved May 5, 2021, from http://www.ipss.go.jp/publication/j/DP/dp2005_07e.pdf

Abe, A. (2010). Understanding Poverty: Concepts and Its Consequences. *The 8th ASEAN & Japan High Level Officials Meeting on Caring Societies.* Aug. 30 to Sep. 2, 2010, Tokyo. Retrieved March 5, 2021, from https://www.mhlw.go.jp/bunya/kokusaigyomu/asean/2010/dl/day1-1-abe.pdf

Abe, A. (2018). Poverty among Japanese Children and Youths: Issues & Policies. *The 16th ASEAN & Japan High Level Officials Meeting on Caring Societies.* December 2018. Retrieved March 3, 2021, from https://www.mhlw.go.jp/english/policy/affairs/asean/dl/16th_sum_01.pdf

Abe, A., Takezawa, J. (2013). Child Well-being in Rich Countries: Comparing Japan. National Institute of Population and Social Security research. December 2013. Retrieved March 3, 2021, from http://www.ipss.go.jp/international/files/labo_rc11ja_en.pdf

Goka, K. (2017). Hitode busoku shita-no koyō to hatarakikata-no hinkon. [The Employment under Shortage of Labor Force and Poverty among Working People]. *Keizai,* 9, 26–35. (In Japanese).

Lebedeva, I. P. (2019). *Yaponskiy rynok truda v XXI veke. Economicheskie i sotsial'nye problemy* [Japanese labor market in the 21st century. Economic and social problems]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2021). Vimenomika: dostizheniya i problemy [Womenomics: achievements and problems]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 101–120. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-101-120 (In Russian).

Mira d'Ercole, M. (2006). Income Inequality and Poverty in OECD Countries: How Does Japan Compare? *The Japanese Journal of Social*

Security Policy, 5 (1), 1–15. Retrieved March 12, 2021, from http://www.ipss.go.jp/webj-ad/WebJournal.files/SocialSecurity/2006/jun/marco.pdf

Sekine, Yu. (2008). The Rise of Poverty in Japan. The Emergence of the Working Poor.

Yanfei, Zh. (2018). Japan's Married Stay-at-Home Mothers in Poverty. *Japan Labor Issues*, 2 (8), 4–9. Retrieved March 3, 2021, from https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2018/008-00.pdf

Yanfei, Zh. (2019). Poverty and Income Polarization of Married Stay-at-home Mothers. *Japan Labor Issues*, 3 (16), 6–11. Retrieved May 14, 2021, from https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/016-02.pdf

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 61–88
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 61–88
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-61–88

Япония на пути к устойчивому развитию: «зеленое финансирование»

И. Л. Тимонина

Аннотация. Проблема сохранения окружающей среды остается одной из актуальных как для отдельных стран, так и в глобальном масштабе. Япония заслуженно занимает высокое место в ряду государств, которые добились заметных успехов в деле создания достойных в экологическом отношении условий жизни для своих граждан — и ныне живущих, и будущих поколений.

Однако уже в 1980–1990-е гг. по мере расширения масштабов воздействия на окружающую среду, изменения требований граждан к состоянию среды обитания, расширилось и усложнилось и само понятие *качество окружающей среды*. В этих условиях потребовался пересмотр концепции экологического регулирования, в том числе его финансово-экономических основ, как на национальном, так и на международном уровне.

В предлагаемой статье автор предпринимает попытку проанализировать *модель циркулирующей и экологической экономики* — масштабную и многоуровневую концепцию национальной экологической политики, «объединяющую действия по достижению устойчивого будущего».

Главным отличием современного этапа решения проблем окружающей среды стала ориентация на использование встроенных механизмов регулирования. В основу современной концепции экологической политики Японии заложен принцип партнерства всех заинтересованных сторон (all stakeholders), предполагающий солидарную ответственность (в том числе и финансовую) бизнеса, государства и общества, изменение поведенческих моделей всех акторов, образа жизни людей, системы государственного регулирования.

Основное внимание в исследовании уделяется формированию современной модели финансирования экологической политики. Автор делает вывод, что в наши дни само понятие финансирования этой политики в его традиционном понимании уходит в прошлое: сейчас речь идет о системе много-

канального финансирования экологически устойчивого развития. В статье анализируются основные компоненты этой системы, раскрываются особенности инвестиционной и кредитной деятельности государственных и полугосударственных банков, корпораций и фондов, а также корпоративного сектора в сфере зеленого финансирования, рассматриваются проблемы экологизации налоговой системы, а также практика применения в Японии принципов *ответственного инвестирования* (ESG-инвестирования), включая развитие рынка «зеленых облигаций», который становится все более динамичным сегментом «зеленых финансов».

Несмотря на активные усилия правительства и общества в направлении построения эко-дружественного, устойчивого общества и экономики, переход всей экономики на экологически устойчивую модель развития и трансформация бизнес-моделей сталкивается с серьезными проблемами, многие из которых имеют объективный характер. В частности, это относится к проблеме прекращения финансирования энергетических компаний, что может привести к обратному результату и сделать для них невозможным снижение выбросов CO_2.

В целом, как резюмирует автор, целый ряд фактов свидетельствует о том, что правительство Японии демонстрирует довольно гибкий подход к финансированию политики перехода к низко- и безуглеродному обществу и противодействия климатическим изменениям. В правительственных, финансовых и промышленных кругах Японии проблема зеленого финансирования и конкретных путей и сроков построения безуглеродной экономики продолжает оставаться дискуссионной при наличии консенсуса по поводу необходимости такого перехода.

***Ключевые слова*:** экология, устойчивое развитие, безуглеродное общество, ответственное финансирование, зеленые облигации.

***Автор*:** *Тимонина Ирина Львовна*, доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки МГУ, Россия, 125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 1; ИБДА РАНХиГС, Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1

E-mail: timonina2000@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan on the Way to Sustainable Development: Green Financing

I. L. Timonina

Abstract. The problem of environmental conservation remains one of the most urgent both for individual countries and on the global scale. Japan deservedly occupies a high place among the nations that have achieved notable success in creating environmentally decent living conditions for their citizens – both living and future generations.

However, already in the 1980s–1990s, with the expansion of the scale of environmental impact and changes in the requirements of citizens to the state of the environment, the very concept of *environmental quality* expanded and became more complex. In these conditions, it was necessary to revise the concept of environmental regulation, including its financial and economic foundations, both at the national and international level.

In this article, the author attempts to analyze the model of *circulating and ecological economy* – a large-scale and multi-level concept of national environmental policy, "combining actions to achieve a sustainable future". The main distinguishing feature of the current stage of solving environmental problems is the focus on the use of built-in regulatory mechanisms. The modern concept of Japan's environmental policy is based on the principle of partnership of all stakeholders, which implies joint responsibility (including financial responsibility) of business, the state, and society, changing the behavioral models of all actors, people's lifestyle, and the system of state regulation.

The main attention of the study is paid to the formation of a modern model of environmental policy financing. The author concludes that, nowadays, the very concept of financing this policy in its traditional sense is becoming a thing of the past: now we are talking about a system of multi-channel financing for environmentally sustainable development. The article analyzes the main components of this system, reveals the features of investment and credit activities of state and semi-state banks, corporations, and foundations, as well as the corporate sector in the field of green financing, examines the problems of greening the tax system, as well as the practice of applying the principles of *responsible investment* (ESG-investment) in Japan, including the development of the "green bonds" market, which is becoming an increasingly dynamic segment of green finance.

Despite the active efforts of the government and society towards building an eco-friendly, sustainable society and economy, the transition of the entire economy to an environmentally sustainable development model and the transformation of business models face serious problems, many of which are objective in nature.

In particular, this applies to the problem of stopping financing energy companies, which can lead to the opposite result and make it impossible for them to reduce their CO_2 emissions.

In general, as the author summarizes, a number of facts indicate that the Japanese government demonstrates a fairly flexible approach to financing the policy of transition to a low- and carbon-free society and countering climate change. In the governmental, financial, and industrial circles of Japan, the problem of green financing and specific ways and deadlines for building a carbon-free economy continues to be debatable while there is a consensus on the need for such a transition.

***Keywords*:** ecology, sustainable development, carbon-free society, responsible financing, green bonds.

Author: *Timonina Irina L.*, Doctor of Economics, Professor of the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, p. 1, IBS RANEPA, Russia, 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 82, p. 1

E-mail: timonina2000@yahoo.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

Япония столкнулась с катастрофическим ухудшением природной среды, приведшим в ряде регионов страны к массовым заболеваниям людей в результате загрязнения воды и воздуха промышленными отходами (болезни *минамата*, *итай-итай*, *астма Ёккаити*) еще в 1960-е гг. В 1963 г. было проведено расследование причин болезни *астма Ёккаити*, в 1965 г. был создан Консультативный совет по проблемам загрязнения, а в 1970 г. принят Основной закон о защите окружающей среды. В 1971 г. было создано Управление окружающей среды на правах министерства (Environment Agency). Впоследствии в Японии были приняты десятки законов, регулирующих охрану отдельных сред (закон об охране атмосферного воздуха, водных ресурсов, прибрежных вод, почвы), деятельность организаций и служб по охране среды и распределение соответствующих расходов, конкретные методы мониторинга состояния среды. Создав эффективную систему управления качеством природной среды, страна сумела не только преодолеть экологический кризис, поразивший ее на рубеже 1960–1970-х гг., но и существенно улучшить многие экологические параметры.

В наши дни экологическая политика приобрела новый смысл и стала одной из важнейших составляющих стратегии устойчивого развития Японии, концептуально связанной с Целями устойчивого развития ООН.

Основные направления и приоритеты современной экологической политики Японии

В 1993 г. был принят Новый Основной экологический закон, а в 1994 г. — первый Основной экологический план (The Basic Environment Plan). Современная концепция и механизм экологического регулирования отражены в ныне действующем пятом плане (принят в 2018 г.). План носит междисциплинарный характер и включает 6 приоритетных взаимодополняющих стратегий в следующих областях: Экономика, Национальная территория, Сообщества, Жизнь, Технологии, Международное сотрудничество.

Одной из основополагающих концепций Плана и всей экологической политики Японии стало формирование *циркулирующей и экологической экономики* (Circulating and Ecological Economy, CEE), которая представляет собой современную интерпретацию концепции общества замкнутого материального цикла. Закон о создании такого общества был принят в Японии в 2000 г., и для реализации концепции начала проводиться так называемая политика *3 R*:

Reduce — сокращение количества отходов, получающихся в процессе производства товаров;

Re-use — повторное использование частей и компонентов товаров;

Recycling — повторное использование остатков продуктов в качестве сырья.

Современная же модель *циркулирующей и экологической экономики* — это более масштабная и многоуровневая концепция, объединяющая действия по достижению устойчивого будущего и опирающаяся на:

1) принцип циркуляции энергии и переход к декарбонизированному, или низкоуглеродному, обществу. Ключевую роль в этом обществе будут играть возобновляемые источники энергии. Генерация энергии на основе возобновляемых источников будет способствовать децентрализации энергетической инфраструктуры и использованию потенциала региональных ресурсов, что поддержит оживление местных экономик;

2) принцип циркуляции и рециркуляции материальных ресурсов: сведение к минимуму использование первичного сырья за счет создания цикла повторного использования;

3) принцип гармонии общества и природы: поиск взаимовыгодных взаимодействий между сельскими и городскими районами, между сельскими производителями и городскими потребителями [Takeuchi, Fujino 2019, p. 7; SDGs and a Circulating and Ecological Economy 2019, pp. 2–4].

В основе этих трех принципов лежит идея о том, что экологические, экономические и социальные проблемы по своей сути взаимосвязаны и решать их по отдельности невозможно. Разработка и принятие японской концепции СЕЕ и соответствующих стратегических планов и решений идейно связаны с концепцией устойчивого развития, принятой на международном уровне и воплотившейся в Целях устойчивого развития ООН (ЦУР) 2015 г. и Парижском соглашении по климату 2015 г. Эти международные документы в настоящее время рассматриваются в Японии, как и во многих других странах, как ключевые для решения экономических, социальных и экологических проблем, что и нашло отражение в пятом Основном экологическом плане[1].

Среди приоритетных направлений современной экологической политики, помимо создания *циркулирующей и экологической экономики*, следует выделить также участие в международном сотрудничестве в экологической сфере, включая действия по сокращению выбросов парниковых газов, в соответствии с Парижским соглашением и Целями устойчивого развития ООН, участие Японии в различных международных проектах, направленных на решение глобальных проблем (противодействие исчезновению лесов на планете, международное экологическое образование и др.). В то же время в числе актуальных сохраняются и традиционные цели экологической политики Японии — предотвращение ухудшения качества воздушной и водной среды, почв, регулирование шумов, вибраций, зловония, сохранение биологического разнообразия и расширение возможностей контакта людей с природой.

---

[1] Ministry of the Environment. Annual Report on the Environment, the Sound Material-Cycle Society and Biodiversity in Japan 2018. https://www.env.go.jp/en/wpaper/2018/pdf/2018_all.pdf

Проблема распределения ответственности и основные субъекты экологической политики

Важнейшей проблемой и соответственно элементом концепции экологической политики и «достижения устойчивого будущего» в Японии, как и в любой стране, является распределение ответственности, в том числе финансовой, за возможное ухудшение состояния среды и ее поддержание в нормальном состоянии в соответствии с целями экологической политики. В основу современной концепции экологической политики Японии заложен принцип партнерства всех заинтересованных сторон (all stakeholders) и солидарной ответственности бизнеса, государства и общества, что требует изменения поведенческих моделей всех акторов, в том числе и определенной корректировки философии бизнеса и качества корпоративного управления.

Попутно отметим, что идея партнерства всех стейкхолдеров стала одной из основополагающих на Давосском форуме 2021 г., где обсуждался вопрос о том, что такое капитализм заинтересованных сторон и станет ли он лучшим способом организации экономики. В своем выступлении на форуме основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума и один из авторов книги *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet* К. Шваб подчеркнул, что концепция, появившаяся еще в 1950-е гг., в наши дни «готова к возвращению, хотя и в обновленной, более всеобъемлющей форме. Мы сталкиваемся с целым рядом социальных, экономических кризисов… и лучшим ответом на эти вызовы было бы то, чтобы все субъекты общества ориентировались на более широкие, а не узкие краткосрочные личные интересы… Экономика, общество и окружающая среда сейчас более тесно связаны друг с другом, чем 50 лет назад. То, что когда-то рассматривалось как внешние факторы при разработке национальной экономической политики и принятии индивидуальных корпоративных решений, теперь необходимо будет включить или интернализировать в деятельность каждого правительства, компании, сообщества и отдельного человека» [Schwab, Vanham 2021].

Как представляется, концепция партнерства и взаимодействия всех заинтересованных сторон в деле сохранения окружающей среды и обеспечения устойчивого развития, которая обсуждалась в Давосе, особенно близка и даже естественна для японского бизнеса. Корпо-

ративная концепция японских компаний справедливо характеризуется как плюралистическая, что означает их ориентацию на интересы широкого круга заинтересованных сторон — не только акционеров и менеджмента, но и работников, партнеров, местных сообществ. Иными словами, столь популярные ныне принципы социальной ответственности присутствовали в корпоративных кодексах японских корпораций довольно давно.

Однако, что касается отношения к проблемам окружающей среды, то вплоть до 1980-х гг. дело обстояло не столь благополучно. Известно, что в период высоких темпов экономического роста (вторая половина 1950-х — начало 1970-х гг.) компании пренебрегали интересами окружающей среды, за что впоследствии крупные металлургические и химические комбинаты вполне справедливо были объявлены главными виновниками катастрофического ухудшения состояния среды в ряде регионов страны.

Поэтому вполне закономерно, что в период становления экологической политики в Японии — в конце 1960-х – начале 1970-х гг. — значительная часть расходов, связанных с предотвращением загрязнения и восстановлением среды, возлагалась на компании-загрязнители. Основополагающим стал принцип *загрязнитель платит* (PPP — Polluter Pay Principle), принятый в то время и в других развитых странах и одобренный международным сообществом[2].

---

[2] Принцип *загрязнитель платит* (PPP) был впервые упомянут в рекомендации ОЭСР от 26 мая 1972 г. и подтвержден в рекомендации от 14 ноября 1974 г. В Декларации Конференции ООН по окружающей среде 1972 г. в Стокгольме эти принципы не фигурировали, но в 1992 г. в Рио-де-Жанейро было закреплено государственно-частное партнерство (принцип 16 Декларации ООН по окружающей среде и развитию). Европейское сообщество приняло рекомендацию ОЭСР в своей первой Программе действий по охране окружающей среды (1973–1976 гг.), а затем в Рекомендации от 3 марта 1975 г. относительно распределения расходов и действий государственных органов по вопросам охраны окружающей среды. С 1987 г. этот принцип также был закреплен в Договоре Европейских сообществ и во многих национальных законодательствах по всему миру.

В качестве основной функции этого принципа в рекомендациях ОЭСР указывается распределение «расходов на меры по предотвращению загрязнения и борьбе с ним с целью поощрения рационального использования скудных экологических ресурсов и предотвращения перекосов в международной торговле и инвестициях». Загрязнитель должен нести расходы на осуществление мер, «принятых государственными органами для обеспечения того, чтобы окружающая среда находилась в приемлемом состоянии» (European Commission. Principles of EU Environmental Law. The polluter pays principle. https://ec.europa.eu/environment/legal/law/pdf/principles/2%20Polluter%20Pays%20Principle_revised.pdf).

В то же время и японское правительство от имени общества также несло часть финансового бремени по сохранению природного потенциала и на основе прямых (законодательно-нормативных) и косвенных (финансово-экономических) методов регулирования обеспечивало поддержание нормального состояния окружающей среды. Пропорция, в которой расходы на природоохранную деятельность распределялись в Японии между государством и частным сектором, составляла в 1960–1970-е гг. примерно 60:40. Сочетание принципа *загрязнитель платит*, прямого государственного контроля и государственной финансовой поддержки природоохранной деятельности компаний дало в Японии весьма ощутимые положительные результаты и позволило, как мы уже отмечали выше, в относительно короткие сроки не только сократить масштабы ущерба окружающей среде, но и выстроить эффективную систему предотвращения такого ущерба.

Однако впоследствии обнаружились и негативные последствия применения принципа *загрязнитель платит*. Его критиковали одновременно и за чрезмерное финансово-экономическое бремя, которое возлагалось на компании (расходы компаний на очистные сооружения колебались в названный период в пределах от 3,5 до 17% всех частных инвестиций в машины и оборудование), и за предоставление компаниям возможности перекладывать экологические издержки через цены на потребителя, а благодаря системе государственного субсидирования и льготного кредитования компаний на экологические цели — и на все общество.

Однако необходимость пересмотра экономических основ экологического регулирования была в большей степени обусловлена не этими недостатками, а изменением и экологической, и социально-экономической ситуации уже в 1990-е гг. Изменились требования граждан к состоянию среды обитания, соответственно расширилось и усложнилось и само понятие *качество окружающей среды*, критерии его оценки. В связи с этим, по мнению как японских, так и международных экспертов, на новом этапе экологическая политика должна была быть нацелена на инкорпорирование с окружающей средой. Общество должно отказаться от точки зрения, что окружающая среда — это бесплатный актив (free asset) или бесплатный товар (free good), который может использоваться бесконечно, и прийти к пониманию того, что среда — это драгоценное достояние, которое должно быть

передано следующим поколениям. Новый подход предполагал платность использования всех природных ресурсов и несение бремени по восстановлению среды всем обществом.

Вместе с тем в Японии не наблюдается полного отказа от принципа *загрязнитель платит*, но произошла его трансформация в двух направлениях. Во-первых, это внедрение принципа *расширенная ответственность производителя* (Extended producer responsibility), предполагающая его ответственность за весь жизненный цикл продукта — от сырья до утилизации.

И, во-вторых, это переход к принципу общей социальной ответственности, который предполагает, что расходы на сохранение среды несет все общество. Эти расходы распределяются справедливо: ни одна географическая территория, социальный слой, общественный сектор не должны нести чрезмерное по сравнению с остальными бремя. При этом экологическое регулирование не должно вызывать значительный отрицательный экономический эффект. И судя по тому, что в *Белой книге* Министерства окружающей среды подчеркивается, что в Японии имеются большие личные финансовые активы (более 1400 трлн иен), власти рассчитывают в том числе и на этот финансовый ресурс. Об этом прямо говорится в том же документе: для продвижения «зеленых инноваций» жизненно важно обеспечить эффективную и достаточную денежную массу, включающую эти личные активы, а также другие фонды[3].

В соответствии с модернизацией концепции ответственности произошло и обновление всей операционной системы экологической политики Японии. Если на ранних этапах она преимущественно базировалась на своего рода внешних по отношению к хозяйственным агентам регуляторах — нормативах и соответствующих мерах поощрения со стороны государства, — то сейчас используются постоянно действующие и встроенные в экономическую системы механизмы, направленные на непосредственное включение бизнеса и граждан в дело построения экологически дружественной экономики.

[3] Ministry of the Environment. Annual Report on the Environment, Society Cycle-Material Sound and the Biodiversity in Japan. http://www.env.go.jp/en/wpaper/2012/pdf/07_chpt4.pdf

Каналы финансирования экологической политики

С самого начала проведения активной экологической политики в 1960–1980-е гг. в Японии и государство, и компании выделяли весьма значительные средства на цели охраны среды (от 1,3% до 1,8% ВВП). В начале 1990-х гг. эти расходы в расчете на душу населения в Японии были самыми высокими среди стран-членов ОЭСР (за исключением Швейцарии). Впоследствии относительные показатели таких расходов в Японии, как и в других странах, несколько снизились — примерно до 1,6% ВНП, но в абсолютном выражении они достигали весьма внушительных размеров. При этом прямые расходы компаний относительно сократились, поскольку современное производственное оборудование и технологические процессы уже изначально отвечали требованиям экологической безопасности.

Более того, представляется, что в условиях перехода к концепции *циркулирующей и экологической экономики* в настоящее время оценить общенациональные расходы Японии, связанные с защитой окружающей среды, не представляется возможным, т. к. расходы и инвестиции разнесены по различным направлениям, программам, часто направленным на решение комплексных задач, и различным субъектам, источникам и формам финансирования[4]. Поэтому рискнем предположить, что в наши дни само понятие финансирования природоохранной политики в его традиционном понимании уходит в прошлое: сейчас речь идет о системе многоканального финансирования экологически устойчивого развития. Обратимся к основным компонентам этой системы.

Государственные расходы. Бюджет Министерства (ранее Управления) окружающей среды Японии начиная с 1970-х гг. постоянно увеличивался и в абсолютном выражении, и по доле в общих расходах центрального бюджета (см. Рис. 1).

В 2000–2010-е гг. финансирование министерства продолжало постепенно увеличиваться, и в бюджетном запросе на 2021 финансовый год оно составило 320 млрд иен (0,3% общих расходов центрального

[4] Обращение к международным статистическим базам также не решает проблемы. Так, статистика ОЭСР предоставляет обобщенные данные лишь по нескольким странам, среди которых Японии нет. Программа ООН по окружающей среде (UNEP) отсылает нас на статистический портал Европейского союза, аккумулирующий данные по членам Союза (OECD Green Growth Indicator. Organization for Economic Co-operation and Development s Japan. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GREEN_GROWTH#).

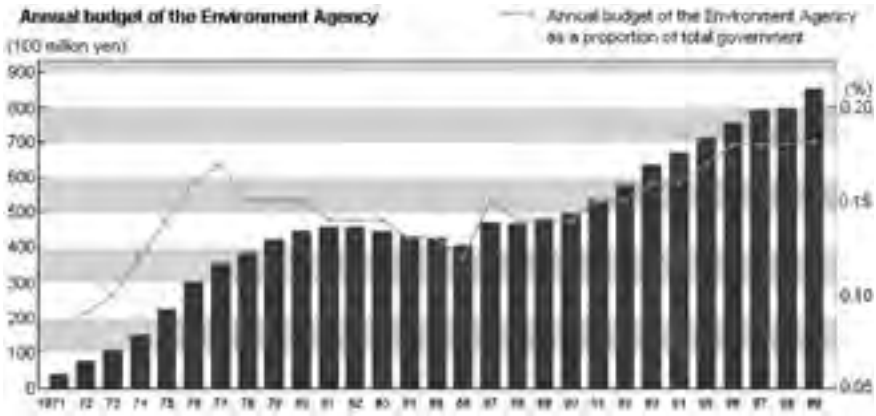


Рис 1. Годовой бюджет Управления окружающей среды (1971–1999 гг.)
Источник: Ministry of the Environment. Environment Agency's Policy Focus for FY1999. https://www.env.go.jp/en/policy/plan/focus.html

бюджета)[5]. Кроме того, в проекте бюджета на 2021 финансовый год предусмотрены расходы на низкопроцентное кредитование (всего 1 трлн иен кредитов в течение следующих трех лет), на разработку инновационных технологий для обеспечения углеродной нейтральности энергетики, НИОКР и внедрение возобновляемых источников энергии, а также мероприятия по энергосбережению для компаний, которые сокращают выбросы CO_2[6].

В целом же дополнительные инвестиции для расширения использования возобновляемых источников энергии и проектов повышения энергоэффективности оцениваются экспертами Центрального совета по окружающей среде (Central Environment Council) в огромную сумму — от 135 до 163 трлн иен[7]. По оценке С. Осида, руководителя

[5] Подсчитано по: Ministry of Finance. Highlights of the FY2021 Draft Budget. https://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2021/01.pdf; Ministry of Finance. Reiwa 3 nendo ippankaikei gaisanyōkyū yōbō [Request for a general budget account for 2021]. https://www.mof.go.jp/budget/budger_workflow/budget/fy2021/sy021007.pdf; Ministry of Finance. Reiwa 3 nendo saishutsu gaisanyōkyū sho] [Budget offer for 2021]. https://www.env.go.jp/guide/budget/r03/r03-gaisanyokyu/01.pdf

[6] Ministry of Finance. Highlights of the FY2021 Draft Budget. https://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2021/01.pdf

[7] Оценка сделана в 2012 г. (Ministry of the Environment. Summary of Environmental Finance Programs. http://www.env.go.jp/en/policy/economy/efp/summary_EFP.pdf).

отдела кредитных исследований Manulife Investment Management, затраты, связанные с переходом к безуглеродной энергетике, составят около 3,2 трлн долл. [Uranaka, Hagiwara 2021].

Достижение целей построения экологически устойчивого общества в Японии, как и в других странах, планируется осуществлять на основе разработки и использования самых передовых технологий, что требует и соответствующего финансирования НИОКР по экологической тематике, в том числе и в первую очередь по энергетике (см. Таблицу 1). При этом обращает на себя внимание факт относительного отставания в финансировании разработок возобновляемых источников энергии по сравнению с Германией, которая в данном случае может служить типичным примером для оценки ситуации в европейских странах.

Таблица 1. Государственные расходы на исследования по экологической тематике (1990–2019).

	Расходы на исследования, связанные с окружающей средой/общие государственные расходы на НИОКР, %	Расходы на разработку возобновляемых источников энергии/общие государственные расходы на энергетику, %
Япония		
1990	0,47	3,80
2019	4,18	11,18
США		
1990	0,62	4,35
2019	0,37	10,56
Германия		
1990	3,53	18,53
2019	2,77	19,66

Составлено по: OECD Green Growth Indicator. Organization for Economic Co-operation and Development, Japan. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GREEN_GROWTH#

Весьма заметную роль в финансовом обеспечении природоохранной деятельности в Японии традиционно играют государственные

корпорации и банки — Японский банк развития, Корпорация поддержки малого и среднего бизнеса, Корпорация содействия развитию сельского, лесного и рыбного хозяйства и, конечно, Японская экологическая корпорация. В качестве примера рассмотрим деятельность Японского банка развития (далее DBJ), который еще в 1960-е гг. начал предоставлять кредиты и инвестировать в проекты по борьбе с загрязнением. В 2001 г. банком было подписано соглашение с так называемой Финансовой инициативой Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП ФИ), которая представляет собой глобальное партнерство ЮНЕП с финансовым сектором.

Финансирование природоохранной деятельности Банка распространяется на следующие сферы:

1. кредиты и инвестиции в целях реализации природоохранных мер (меры по предотвращению глобального потепления и созданию общества, ориентированного на переработку отходов; поддержка распространения принципов экологически устойчивого корпоративного управления своими клиентами; оценка экологических рисков инвестиционной и кредитной деятельности клиентов);
2. содействие повышению осведомленности общества и бизнеса о проблемах окружающей среды, включая распространение за рубежом информации об экологических инициативах Японии;
3. содействие проведению мероприятий по повышению осведомленности о проблемах окружающей среды в офисах Банка в целях создания экологически чистой офисной среды благодаря энергосбережению и переработке ресурсов, использованию экологически чистых источников поставок и др. мероприятий;
4. содействие мероприятиям по повышению осведомленности об окружающей среде в региональных сообществах (создание экологически чистых региональных обществ);
5. усилия по экономии ресурсов и энергии в офисах (определение количественных показателей экономии, использование плакатов и других средств информирования сотрудников);
6. зеленые закупки (определение ежегодных количественных целей по закупке продуктов и услуг, эффективных с точки зрения снижения воздействия на окружающую среду)[8].

---

[8] Development Bank of Japan. Consideration for the Environment. DBJ's Environmental Management. https://www.dbj.jp/en/sustainability/effort/foundation/environment.html

С 2004 г. DBJ реализует специальные кредитные программы для компаний с экологическим рейтингом, который был разработан им самим с учетом Принципов предоставления экологических кредитов и кредитов, связанных с устойчивостью, выпущенных Министерством окружающей среды Японии. В 2011 г. DBJ создал систему сертификации зеленого строительства для финансирования строительных проектов, осуществляющихся с учетом интересов окружающей среды и общества (зеленые здания)[9].

Помимо DBJ в финансировании экологической политики участвуют и другие специализированные государственные корпорации и фонды[10]:

Environmental Restoration and Conservation Agency (ERCA)	Создана в 2004 г. Предшественниками являются 2 специальных государственных института: — Ассоциация Компенсации и предотвращения ущерба здоровью, связанного с загрязнением окружающей среды (PHDCPA, 1974). Деятельность PHDCPA заключалась в сборе налогов с промышленных предприятий и переводе их местным органам власти для компенсации жертвам загрязнения, а также в обеспечении и содействии программам предотвращения загрязнения. — Японская экологическая Корпорация (JEC, 1965), которая осуществляла перемещение заводов, создание зеленых зон и другие мероприятия по предотвращению промышленного загрязнения.
Фонды в составе ERCA	
Japan Fund for Global Environment PCB Treatment Fund Environmental Research and Technology Development Fund Asbestos-related Health Damage Relief Fund	

[9] Development Bank of Japan. Environmental Consciousness Through Investments and Financing. DBJ Certification Programs. https://www.dbj.jp/en/sustainability/effort/resolution/solution.html

[10] Подробнее см.: Environmental Restoration and Conservation Agency of Japan. History of ERCA. https://www.erca.go.jp/erca/english/history.html; Japan Environmental Storage & Safety Corporation. https://www.jesconet.co.jp/eg/

Другие корпорации	
Japan Environmental Storage & Safety Corporation (JESCO)	Специальная компания, полностью принадлежащая правительству. Основана в 2004 г., заменив проект по переработке отходов ПХД бывшей Японской экологической корпорации (JEC). В 2014 г. правительство поручило JESCO осуществлять деятельность, связанную с временным хранением этих отходов.

В 2013 г. после того, как министр окружающей среды объявил о Финансовой инициативе по созданию низкоуглеродного общества, которая предусматривала необходимость использования частного капитала для борьбы с глобальным потеплением, в Японии был создан *Японский зеленый фонд* (Japanese Green Fund, JGF), который должен был капитализировать часть доходов специального налога на потребление ископаемого топлива (углеродного налога), введенного в 2012 г. в рамках политики по смягчению последствий изменения климата (о нем пойдет речь ниже). Зеленый фонд инвестирует (в том числе в форме мезонинных инвестиций[11]) в акционерный капитал (до 50% от общей суммы собственного капитала) малых и крупных проектов в области чистой энергетики, которые требуют высоких первоначальных капитальных затрат и отличаются длительным периодом окупаемости, что сопряжено с повышенными проектными рисками для девелоперов. Объектами инвестирования могут быть проекты, благодаря которым не только сокращаются выбросы парниковых газов, но и на основе партнерства с местными компаниями и местными сообществами стимулируется местная экономика.

Зеленый фонд занимается также распространением информации о реализуемых проектах, чтобы продемонстрировать их техническую и финансовую осуществимость и преимущества низкоуглеродной энергетики (ветровых, солнечных, маломасштабных гидроэнергетических, геотермальных станций и др.). С момента своего создания

[11] Мезонинное финансирование — это гибрид долгового и долевого финансирования, который дает кредитору право конвертировать долю в акционерном капитале компании в случае дефолта, как правило, после выплаты венчурным компаниям и другим старшим кредиторам (Investopedia. Mezzanine Financing. https://www.investopedia.com/terms/m/mezzaninefinancing.asp).

в 2013 г. и до 2017 г. JGF взял на себя обязательства по 24 проектам на общую сумму около 8,8 млрд иен, что позволило мобилизовать более 72 млрд иен частного финансирования[12].

Ответственное инвестирование

В последние годы в Японии, как и в других странах, получает все более широкую популярность *концепция ответственного инвестирования* (ESG-инвестирование, *environmental* — экология, *social* — социальное развитие, *governance* — корпоративное управление). Следование принципам ESG означает, что инвесторы при принятии решений учитывают влияние компании-объекта инвестирования на общество и экологию (климатические риски, уровень выбросов CO_2 и др.). По мере распространения этого принципа в стране формируются условия для привлечения капитала в проекты, направленные на решение социальных и экологических проблем, а также в социально и экологически ответственные компании, складывается рынок зеленого финансирования. В настоящее время используется целый набор критериев оценки бизнеса с точки зрения соответствия целям устойчивого развития, в том числе и не в последнюю очередь экологических (изменение климата из-за деятельности компании, выбросы парниковых газов и других отходов, негативное влияние на окружающую природу, леса, водоемы и т.п.)

Хотя переход к принципам ESG-инвестирования считается трендом XXI века и часто рассматривается в контексте развития принципов корпоративной социальной ответственности, справедливости ради следует упомянуть, что практика инвестирования на принципах социальной ответственности зарождалась еще в 1960-х гг., когда инвесторы исключали из своих портфелей акции компаний на основе негативной оценки их деятельности с точки зрения этичности бизнеса. Принципы ESG-инвестирования широко используются и в Японии. В контексте решения экологических проблем *ответственное финансирование* решает две взаимосвязанные задачи — содействие экологизации бизнеса и мобилизация ресурсов, в том числе негосударственных, для реализации экологически значимых проектов и может рассматриваться в качестве встроенного инструмента зеленого

[12] Ministry of the Environment. Summary of Environmental Finance Programs. http://www.env.go.jp/en/policy/economy/efp/summary_EFP.pdf

финансирования. По информации Министерства окружающей среды, в Японии наблюдается быстрое расширение инвестиционного баланса ESG — примерно в 6 раз в 2016–2019 гг. и рост доли страны в глобальном инвестиционном балансе ESG с 2% в 2016 г. до 7% в 2018 г.[13].

В 2020 г. продажи бумаг ESG выросли на 68% — до рекордных 21 млрд долл. Инвестирование, основанное на принципах ESG, стало очень популярно даже среди религиозных организаций Японии, что также является отражением бума устойчивых инвестиций в стране[14]. Развитие системы зеленого финансирования связано в том числе с запуском в 2018 г. Сети зеленых финансов Японии (Green Finance Network Japan GNFJ) — объединения участников финансового рынка с целью развития рынка зеленого финансирования Японии[15]. В Сеть вошли представители государственных организаций Японии — Агентства международного сотрудничества Японии (Japan International Cooperation Agency), Банка международного сотрудничества Японии (Japan Bank for International Cooperation), Банка развития Японии (Development Bank of Japan), а также ведущие институциональные инвесторы и страховые компании (Axa Life Insurance, Nippon Life Insurance, Amundi Japan и др.), представители ведущих научных учреждений и аналитических центров Японии[16].

Зеленое финансирование в Японии, как и в других странах, осуществляется с помощью различных финансовых инструментов, среди которых особенно высоким динамизмом отличается выпуск так называемых *зеленых облигаций* (green bonds)[17]. Они появились на рынке

[13] Ministry of the Environment, Government of Japan. Annual Report on the Environment, the Sound Material-Cycle Society and Biodiversity in Japan 2020. https://www.env.go.jp/en/wpaper/2020/index.html

[14] У буддийских монахов Японии стали популярны «зеленые» инвестиции. РБК, 14.01.2021. https://quote.rbc.ru/news/article/60001d729a79473ccce687ba

[15] Инициаторами создания Сети выступили Х. Такада, бывший старший аналитик по вопросам политики, зеленых финансов и инвестиций ОЭСР, ставший Генеральным секретарем GFNJ, Т. Суэёси, генеральный директор Организации зеленых финансов (управляющей организации Зеленого фонда Японии, о котором мы упоминали выше), Р. Тамаки, Президент Японского центра международных финансов, бывший заместитель Генерального секретаря ОЭСР (Climate Bonds Initiative. Tokyo: Launch of Green Finance Network Japan: A new high-level green initiative. Climate Bond Initiative. https://www.climatebonds.net/2018/11/tokyo-launch-green-finance-network-japan-new-high-level-green-initiative).

[16] https://investinfra.ru/mezhdunarodnaya-praktika/v-yaponii-sozdano-nacionalnoe-obedinenie-v-oblasti-zelenyh-finansov-green-finance-network-japan.html

[17] Зеленая облигация — это вид долгового инструмента с фиксированным доходом, который специально предназначен для сбора средств на климатические и экологические

Японии в 2014 г. (это были облигации *уридаси*, ставшие очень популярными среди инвесторов вторичного рынка и розничных инвесторов). Пионером выпуска таких облигаций стал Японский банк развития (эмиссия под государственные гарантии и страхование за счет таких кредитных организаций, как Bank Of America, Merrill Lynch, Morgan Stanley, Citi Bank и Daiwa)[18]. В 2015–2016 гг. к нему присоединились банковская корпорация Сумитомо Мицуи (эмиссия под строительство в соответствии с зеленым сертификатом Банка, о котором мы упоминали выше), финансовая группа Мицубиси UFJ (под проекты возобновляемой энергетики), правительство Токио (под проекты энергосбережения на объектах, принадлежащих городским властям). С тех пор масштабы их эмиссии показывают ежегодный уверенный рост. Так, в 2020 г. рынок зеленых облигаций в Японии вырос на треть по сравнению с предыдущим годом[19].

По данным за 2019–2020 гг. выпуск зеленых облигаций в Японии возглавили финансовые корпорации (доля на рынке 32%, 3,4 млрд долл.) и аффилированные с правительством организации (доля рынка 29%, 3 млрд долл.), которые проявляют все большую активность. Японское агентство финансирования жилищного строительства (Japan Housing Finance Agency) и Японское агентство по железнодорожному строительству, транспорту и технологиям (Japan Railway Construction, Transport and Technology Agency JRTT), бывшие крупнейшими эмитентами и в предыдущие годы[20], сохранили лидирующие позиции и в 2020 г., выпустив зеленых облигаций на сумму 1,8 млрд долл. и 680 млн долл. соответственно. Новым эмитентом

проекты. Зеленые облигации обычно сопровождаются налоговыми льготами для повышения их привлекательности для инвесторов. Всемирный банк выпустил первую официальную зеленую облигацию в 2009 г. В 2019 г. было выпущено зеленых облигаций на сумму около 157 млрд долл. (Investopedia. Green Bond. https://www.investopedia.com/terms/g/green-bond.asp#:~:text=A%20green%20bond%20is%20a%20bond%20specifically%20earmarked,and%20are%20also%20referred%20to%20as%20climate%20bonds).

[18] Подробнее о становлении рынка зеленых облигаций, а также других инструментах финансирования устойчивого развития см. подробнее: [Ноздрева Р. Б. 2018]

[19] Climate Bonds Initiative. Japan. Green Finance State of the Market – 2020. https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_jpn_sotm_20_02d.pdf

[20] Climate Bonds Initiative. Tokyo: Launch of Green Finance Network Japan: A new high-level green initiative. Climate Bond Initiative. https://www.climatebonds.net/2018/11/tokyo-launch-green-finance-network-japan-new-high-level-green-initiative; Climate Bonds Initiative. Japan. Green finance state of the market – 2019. https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_japan_gfsotm2019.pdf

в этой группе в 2020 г. стала Японская финансовая организация для муниципалитетов (Japan Finance Organization for Municipalities), которая вышла на рынок со сделкой, деноминированной в евро (500 млн евро или 546 млн долл.) с целью финансирования проектов водоснабжения на местах.

На долю нефинансовых корпораций в 2020 г. пришлось 26% (2,8 млрд долл.) общего объема эмиссии зеленых облигаций, и крупнейшая сделка была заключена корпорацией Toyota Motor Credit Corporation (750 млн долл.). Большая часть поступлений от зеленых облигаций в 2020 г., как и в предыдущие годы, была направлена в строительство (36%), транспорт (32%) и энергетику (23%)[21]. Выпуск зеленых облигаций также имеет целью и финансирование зарубежных проектов, направленных на содействие социально-экономическому развитию в развивающихся странах в рамках ЦУР ООН. Примером может служить размещение облигаций Японского агентства инвестиционного сотрудничества (JICA) Группой Японского фондового рынка (JPX) в 2018 г.

Рост рынка зеленых облигаций стимулируется, по крайней мере отчасти, и государственной политикой. С 2018 г. в Японии действует Программа финансовой поддержки их выпуска, которая предусматривает предоставление субсидий для покрытия расходов на консультационные услуги в размере до 50 млн иен на выпуск.

Зеленые налоги

Одним из действенных инструментов экологического регулирования и мобилизации финансовых ресурсов на природоохранные цели в Японии, как и других странах, выступают налоги. Налоговое регулирование использовалось в Японии уже в период становления экологической политики, причем его стимулирующая функция, как правило, преобладала над рестриктивной. Широко применялась система ускоренной амортизации для оборудования и сооружений, связанных с защитой среды и обезвреживанием отходов. Предприятиям, устанавливающим такое оборудование, предоставлялись скидки по некоторым видам государственных и местных налогов. В разное время для отдельных районов Японии вводились дифференцированные налоги

[21] Climate Bonds Initiative. Japan. Green finance state of the market – 2019. https://www.climatebonds.net/files/reports/cbi_japan_gfsotm2019.pdf

на автотранспорт для контроля за выхлопными газами, специальные (льготные) налоги для электромобилей, надбавки к налогам за опасные производства и товары, платежи за выбросы двуокиси серы сверх установленных норм.

В настоящее время в Японии, как и во многих странах, происходит так называемое «позеленение» (greening) налоговых систем, под которым подразумевается переориентация налоговой системы на охрану среды и более эффективное использование ресурсов. Министерство окружающей среды Японии определяет этот процесс следующим образом: «налоги должны быть разработаны в соответствии с воздействием на окружающую среду, чтобы заставить экономические стимулы работать на подавление экологической нагрузки с точки зрения построения устойчивого общества»[22]. К экологическим (Environment-related Taxes) в Японии относят налоги на углеводородное топливо, и условно делят их на 2 группы — энергетические и транспортные (см. Таблицу 2)

Таблица 2. Группы и виды экологических налогов в Японии

Вид налога (суверенный налоговый орган)	Объект налогообложения	Субъект/направление распределения налоговых поступлений
1	2	3
Энергетические налоги		
Налог на бензин (государство)	Бензин	Центральный бюджет
Местный налог на бензин (государство)	Бензин	Центральный бюджет (100% переводится префектурам)
Налог на нефть и газ (государство)	Нефть и газ для транспортных средств	Центральный бюджет (50% переводится префектурам)
Налог на поставку дизельного топлива (префектуры)	Дизельное топливо	Центральный бюджет

[22] Ministry of the Environment. Greening of Whole Tax System and Carbon Tax in Japan. https://www.env.go.jp/en/policy/tax/20170130_greening.pdf

Продолжение табл. 2

1	2	3
Налог на авиационное топливо (государство)	Авиационное топливо	Общественные работы в аэропортах (2/9 распределяется между префектурами и муниципалитетами, имеющими отношение к аэропортам)
Налог на нефть и уголь (государство)	Нефть, нефтепродукты, газообразные углеводороды и уголь	Политика обеспечения стабильного снабжения топливом • Разработка месторождений нефти и природного газа и создание запасов для обеспечения стабильных и недорогих поставок ископаемого топлива
Налог для смягчения последствий изменения климата	Дополнительная ставка, в зависимости от налога на углеводороды в соответствии с выбросами CO_2 каждого вида ископаемого топлива (нефти и угля). ※Вступил в силу с октября 2012 г.	Политика модернизации структуры спроса/предложения на энергию • Меры по повышению энергоэффективности и использованию новых источников энергии, а также меры по контролю за выбросами CO_2, производимыми энергокомплексами, для создания стабильной энергетической структуры, адаптированной к состоянию экономики и окружающей среды.
Налог на увеличение электрогенерации (государство)	Продаваемая электроэнергия	Меры политики в отношении регионов расположения электростанций • Предоставление гранта в соответствии с Законом о развитии региона • Финансовая поддержка мер безопасности в регионе и другая финансовая поддержка для создания и бесперебойной работы объектов по производству электроэнергии и поддерживающих объектов

Окончание табл. 2

1	2	3
Налог на увеличение электрогенерации (государство)	Продаваемая электроэнергия	Меры по использованию источников энергии • Финансовая поддержка использования и безопасности объектов электроэнергетики, а также бесперебойной поставки электроэнергии с электростанций Меры по регулированию ядерной безопасности • Меры по обеспечению безопасности атомной электростанции (включают предоставление гранта JNES)
Транспортные налоги		
Налог на массу автомобиля (государство)	Автомобиль: при выдаче свидетельства о прохождении техосмотра автомобиля и указанного номера автомобиля (легкового транспортного средства)	Центральный бюджет (407/1000 распределено между муниципалитетами) Часть доходов направляется на выплату компенсаций жертвам загрязнения окружающей среды.
Автомобильный налог (префектуры)	Автомобиль: в собственности на 1 апреля	Центральный бюджет
Налог на Легкие транспортные средства (муниципалитеты)	Легкое транспортное средство или мотоцикл: в собственности на 1 апреля	Центральный бюджет
Налог на приобретение автомобиля (префектуры)	Автомобиль: при приобретении	Общий бюджет (95/100×7/10 распределено между муниципалитетами)

Составлено по: Ministry of the Environment. Greening of Whole Tax System and Carbon Tax in Japan. https://www.env.go.jp/en/policy/tax/20170130_greening.pdf

В 2015–2019 гг. экологические налоги составляли от 6,8% до 7,5% всех налоговых поступлений в стране, что превышает средний показатель по странам ОЭСР. Из них 65% приходилось на энергетические налоги и 35% — на транспортные[23].

Представление о специальных налоговых режимах, введение которых направлено на достижение целей устойчивого развития и решение экологических проблем, дает Таблица 3.

Таблица 3. Специальные налоговые режимы, связанные с целями устойчивого развития и решением экологических проблем

Стратегическая цель	Сфера действия специальных налоговых режимов	Специальные налоговые режимы
1	2	3
Создание общества без отходов	Бизнес, связанный с обращением отходов	Освобождение от налога на имущество объектов, связанных с обращением отходов Освобождение от налога на поставку дизельного топлива для бизнеса по утилизации отходов
Достижение гармонии с природой	Сохранение биоразнообразия	Освобождение от налога на имущество национальных парков Специальный налоговый режим при передаче земель в национальных парках Особый режим налога на наследство в случае наследования земель в особых охраняемых зонах национальных парков
Создание низкоуглеродного общества	Предотвращение климатических изменений	Специальный дополнительный налог на нефть и уголь в соответствии с выбросами CO_2

[23] Ministry of the Environment. Greening of Whole Tax System and Carbon Tax in Japan. https://www.env.go.jp/en/policy/tax/20170130_greening.pdf; OECD Green Growth Indicator. Organization for Economic Co-operation and Development, Japan. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GREEN_GROWTH#

Продолжение табл. 3

1	2	3
Создание низко-углеродного общества	Продвижение возобновляемых источников энергии	Освобождение от налога на имущество объектов возобновляемой энергетики
	Транспортные средства	Для экологически чистых транспортных средств: пересмотр налога на массу транспортного средства (снижение налога для экологически чистых автомобилей) Сокращение автомобильного налога на приобретение эко-автомобилей
	Энергосберегающие дома	Льгота по налогу на инвестиции для вновь построенных энергосберегающих домов (Специальный вычет из налога на прибыль) Льготы по налогу на приобретение недвижимости и налогу на имущество для специально сертифицированных высококачественных домов Освобождение от налога на имущество домов, отремонтированных в целях энергосбережения
	Инвестиции, связанные с окружающей средой	Налоговые льготы по инвестициям, связанным с окружающей средой
	Биотопливо	Особый режим налога на бензин для бензина, смешанного с биоэтанолом
Создание безопасного общества	Реализация концепции общества с низким уровнем загрязнения окружающей среды	Освобождение от налога на бизнес-офисы и на имущество общественных объектов, обеспечивающих предотвращение загрязнения
	Восстановление и реконструкция после Великого землетрясения в Восточной Японии (2011)	Особый режим подоходного налога для объектов по удалению отходов

Составлено по: Ministry of the Environment. Greening of Whole Tax System and Carbon Tax in Japan. https://www.env.go.jp/en/policy/tax/20170130_greening.pdf

Как мы можем убедиться, в общем перечне налоговых инструментов, применяемых в рассматриваемой нами области, по-прежнему преобладают поощрительные, что весьма характерно для Японии, где такие меры относятся к разряду активных, в то время как ограничительные инструменты считаются пассивными.

Заключение

Проблемы зеленого финансирования

Несмотря на рост популярности и количественное расширение зеленого финансирования, переход всей экономики на экологически устойчивую модель развития и трансформация бизнес-моделей не происходит абсолютно гладко и бесконфликтно. Многие так называемые «коричневые» (т.е. потенциально и реально экологически опасные предприятия и компании) сталкиваются или могут столкнуться в ближайшем будущем с серьезными финансовыми трудностями. И в первую очередь это относится к компаниям энергетического сектора.

Такасима Макото, председатель Ассоциации японских банкиров (Japanese Bankers Association), президент и исполнительный директор финансовой корпорации Sumitomo Mitsui Banking Corp. полагает, что помощь крупным загрязнителям в преобразовании в более экологичные предприятия является одной из самых больших проблем, стоящих перед японскими банками, и простое прекращение финансирования «коричневых» компаний может поставить под угрозу их усилия по переходу. Отметив то обстоятельство, что некоторые банки в Европе и других странах прекратили финансирование компаний, которые считаются крупными эмитентами CO_2, Такасима подчеркнул, что, по его мнению, эти шаги могут перекрыть инвестиции, необходимые для достижения углеродной нейтральности и банки должны оказать финансовую поддержку переходному процессу [Uranaka, Hagiwara 2021].

По мнению экспертов Bloomberg, цитирующих японского банкира, стремление Такасима поддержать фирмы, совершающие поворот к низкоуглеродному производству, свидетельствует о том хрупком равновесии, с которым сталкиваются глобальные кредиторы, когда они переходят от финансирования отраслей, работающих на ископаемом топливе, к более экологичным компаниям и проектам. Зеленые облигации и кредиты мирового банковского сектора впервые

в 2020 г. превысили объемы финансирования компаний, работающих на ископаемом топливе, что является беспрецедентным изменением с момента заключения Парижского соглашения в 2015 г. Этот сдвиг происходит медленнее в некоторых азиатских странах, в том числе и в Японии, где 70% электроэнергии вырабатывается за счет ископаемого топлива. При этом Банк Японии также демонстрирует осторожность в отношении политики ESG, полагая, что его новая программа по финансированию противодействия климатическим изменениям должна быть гибкой, поскольку до сих пор нет общего соглашения о том, какие проекты будут считаться экологически чистыми [Uranaka, Hagiwara 2021].

От себя подчеркнем, что правительство Японии в данном случае не отступает от своего принципа экономического регулирования — действовать постепенно и поэтапно, не допускать опрометчивых решений и использовать преимущественно стимулирующие, а не ограничительные меры. В 2021 г. правительство Японии опубликовало руководящие принципы финансирования переходного периода, в которых подчеркивается необходимость поддержки усилий по обезуглероживанию в труднодоступных секторах, таких как энергетика. Тем не менее, динамика рынка зеленого финансирования свидетельствует о растущем спросе инвесторов на устойчивое кредитование. И то, что японские банки в настоящее время проводят более строгую экологическую политику и повышают целевые показатели в области зеленого финансирования — это тоже реальный факт. В мае 2021 г. руководство финансовой корпорации Sumitomo Mitsui заявило, что не будет финансировать новые энергетические проекты, работающие на угле, и пообещало выделить около 180 млрд долл. зеленого финансирования в течение 10 лет. В то же время три крупнейших банка Японии, включая Sumitomo Mitsui, подвергаются критике со стороны экологических групп и других организаций за финансирование проектов по производству электроэнергии на угле на развивающихся рынках Азии [Uranaka, Hagiwara 2021].

Таким образом, целый ряд фактов свидетельствует о том, что в правительственных, финансовых и промышленных кругах Японии проблема зеленого финансирования и конкретных путей и сроков перехода к низко- и безуглеродному обществу продолжает оставаться дискуссионной при наличии консенсуса по поводу необходимости такого перехода.

Библиографический список

Ноздрева Р. Б. (2018) «Зеленые бонды» как современный инструмент экологического финансирования в бизнесе Японии. *Финансовый бизнес.* № 3 (194). С. 45–49 https://mgimo.ru/upload/iblock/b50/zelenye-bondy-kak-sovremennyj-instrument-ehkologicheskogo-finansirovaniya-v-biznese-yaponii.pdf (дата обращения: 10.07.2021)

References

Nozdreva, R. B. (2018). «Zelenye bondy» kak sovremenniy instrument ekologicheskogo finansirovaniya v biznese Yaponii [“Green bonds” as a modern tool of environmental financing in Japan’s business]. *Finansovyi biznes*, 3 (194), 45–49. Retrieved July 10, 2021, from https://mgimo.ru/upload/iblock/b50/zelenye-bondy-kak-sovremennyj-instrument-ehkologicheskogo-finansirovaniya-v-biznese-yaponii.pdf (In Russian).

Schwab, K., Vanham, P. (2021). What is stakeholder capitalism? *World Economic Forum*. Retrieved July 10, 2021, from https://www.weforum.org/agenda/2021/01/klaus-schwab-on-what-is-stakeholder-capitalism-history-relevance/

SDGs and a Circulating and Ecological Economy. (2019). *Japan Environment Quarterly*, 21, 2–4. Retrieved July 10, 2021, from http://www.env.go.jp/en/focus/jeq/issue/pdf/Volume21March2019.pdf

Takeuchi, K., Fujino, J. (2019). Circulating and Ecological Economy — Regional and Local CES: An IGES Proposal. *Institute for Global Environmental Strategies.* Retrieved July 10, 2021 from https://www.iges.or.jp/en/publication_documents/pub/discussionpaper/en/6744/Circulating+and+Ecological+Economy+-+Regional+and+Local+CES%2C+An+IGES+Proposal.pdf

Uranaka, T., Hagiwara, Y. (2021). Japan Bank Head Says Transition Funds Are Critical for Climate. *Bloomberg*, June 30. Retrieved July 10, 2021, from https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-30/japan-bank-head-says-transition-funds-are-critical-for-climate

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 89–110
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 89–110
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-89-110

Япония: поколение локдауна

Л. В. Жилина

Аннотация. В 2020–2021 гг. к проблемам японской молодежи, связанным со старением населения страны и увеличением трудовой нагрузки на молодое поколение, прибавились трудности, обусловленные наступлением на Японию нескольких волн пандемии COVID-19. Молодые японцы сталкиваются с многочисленными потрясениями, вызванными сбоями в образовании и обучении, падением занятости и доходов, большими трудностями с поиском работы, эмоциональными и психологическими проблемами, связанными с изменениями в привычном образе жизни.

Пандемия COVID-19 вынудила многие школы и университеты прервать работу или перейти на форматы удаленного обучения. Новая реальность заставила ускорить процесс активизации онлайн-обучения и внедрения новых ИТ-технологий для студентов и преподавателей. Это обстоятельство имеет множество положительных последствий, например, таких как возможность продолжения образования и работы молодежи в интернете. Однако исследования также показывают, что в стране наблюдается углубляющееся неравенство в доступе молодых людей к современным передовым технологиям и различным видам онлайн-деятельности.

Традиционный японский образ жизни предполагает тесное и постоянное взаимодействие между людьми в трудовых коллективах, школьных классах, институтских аудиториях. В этих условиях необходимые во время пандемии меры дистанцирования и изоляции могут восприниматься как принудительные. Одним из ответов на подобные вызовы стала быстро распространившаяся практика *onrain dōsei* (совместной жизни в сети), когда молодые участники видеочатов даже не разговаривают, а просто занимаются повседневными делами, оставаясь в сети.

В данной работе этот круг вопросов рассматривается применительно к японской молодежи, проблемы которой (уже на первом этапе эпидемии (2020 — начало 2021 гг.) обнаружили свои особенности, связанные со спецификой политической, экономической, общественной и повседневной жизни страны. Производится сравнение японских подходов с методами решения

схожих проблем, применяемыми в других странах, прежде всего, в государствах АТР и США.

Ключевые слова: японская молодежь, эпидемия COVID-19, поколение изоляции, проблемы дистанционного обучения.

Автор*: Жилина Лариса Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент, факультет Иностранных языков ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, Омск, проспект Мира д. 55 а.

ORCID 0000-0002-6337-3870.

SPIN-код РИНЦ: 6910-2963

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan: Lockdown Generation

L. V. Zhilina

Abstract. In 2020–2021, in Japan, the problems caused by several waves of the COVID-19 pandemic have been added to the challenges related to the aging of the population and the increasing workload of the young generation. Young Japanese face numerous shocks caused by disruptions of educational system, employment, and income, as well as great difficulties regarding job hunting and emotional and psychological problems associated with changes in the usual style of life.

The COVID-19 pandemic forced schools and universities to close and this reality has forced a crash course of online learning and adopting new IT technologies on students and faculty. Digitalization of the education has progressed quickly as a result of the pandemic, and it has many positive effects, such as enabling the youth to continue receiving education and working online. However, a digital “gap” has emerged with regard to young people’s unequal access to technology and various online activities.

The traditional lifestyle of the Japanese people presupposes close and constant interaction between people in companies and school classes. Thus, the social distancing and self-isolation measures required during the pandemic can be perceived as coercive. One of the responses to these challenges was the rapidly spreading practice of *onrain dōsei* (living together online), when young visitors of video chats do not even communicate, but simply stay online together to go about their daily activities.

In this paper, the above-mentioned range of issues is considered in relation to the Japanese youth, whose problems have already (at the first stage of the epidemic, in 2020 – early 2021) revealed their own characteristics associated with the specifics of the political, economic, social, and everyday life in the country. We compare the Japanese approaches with the methods of solving similar problems used in other countries, firstly in the Asia Pacific and the USA.

Keywords: Japanese youth, lockdown generation, COVID-19 pandemic, problems of remote learning.

Author: *Zhilina Larisa V.*, PhD in History, Associate Professor, Department of Foreign Languages, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, 644077, Omsk, Mira avenue, 55a.

ORCID 0000-0002-6337-3870,

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interest.

В связи со старением населения в Японии происходит довольно быстрое сокращение числа лиц трудоспособного возраста. На первый взгляд, подобная ситуация должна была бы привести к улучшению позиций молодых людей на рынке труда. Однако затяжная экономическая депрессия сильно осложнила положение молодежи [Лебедева 2016, с. 44].

Наступление пандемии COVID-19, которое началось в январе 2020 г. и продолжается до сих пор, оптимизма в подобных вопросах не прибавило. Воздействие пандемии на общество стало изучаться исследователями уже на первых этапах распространения пандемии. Как отмечается во многих работах, (см., например, [Miller 2020]), помимо глубокого воздействия пандемии на социальную, экономическую и политическую жизнь общества, эпидемия COVID-19 затрагивает людей как эмоционально, так и психологически. Особенно уязвимыми в этом плане исследователи считают представителей так называемого «поколения Z», которым сейчас не более 18-25 лет; к 2025 г. они будут составлять почти четверть населения Азиатско-Тихоокеанского региона [Kim, McInerney, Smith, Yamakawa 2020]. Причины очевидны: пандемия с ее периодически объявляемыми локдаунами и режимами чрезвычайных ситуаций (ЧС) затруднила получение образования. Усугубляя негативные тенденции в виде упущенных возможностей и молодежной безработицы, она делает молодежь «поколением локдауна». Теперь вместо мира, полного возможностей,

представителей поколения Z ждет мир, полный неопределенностей [Parker, Igielnik 2020].

В данной работе этот круг вопросов рассматривается применительно к японской молодежи, проблемы которой на первом этапе эпидемии имели свои особенности, связанные со спецификой политической, экономической, общественной и повседневной жизни страны. В иллюстративных целях производится сравнение с положением дел в других странах, прежде всего, в государствах АТР и США. Следует подчеркнуть, что анализ относится к начальному периоду распространения COVID-19 (январь 2020 – апрель 2021 гг.)

Локдаун по-японски

Япония стала одной из первых (после Китая) стран, столкнувшихся с COVID-19. На начальной стадии эпидемии по темпам вакцинации она шла позади многих других государств, потому что импортных вакцин не хватало, а разработка собственных затягивалась. Тем не менее, в Японии не вводили ни одного полноценного локдауна. Так, в апреле 2021 г. правительство Японии в третий раз объявило режим ЧС, надеясь, что это помешает людям путешествовать и таким образом распространять вирус во время *Золотой недели* — короткого периода праздников и отпусков. Школы в Японии продолжили работать, но университеты все же попросили перейти на дистанционное обучение. При этом ношение масок, самоизоляция и некоторые другие меры оставались для граждан рекомендательными.

Отметим, что если в Китае, США и странах Европы для того, чтобы люди оставались дома, использовались юридически обязательные меры вмешательства, то в Японии такое вмешательство приняло форму правительственных обращений, призывающих людей воздерживаться от выхода из дома без острой необходимости. Весной 2020 г. в Японии было много людей, реально обеспокоенных тем, что такие обращения не дадут достаточного эффекта. Однако дальнейший анализ сложившейся в стране ситуации показал, что объявление чрезвычайного положения в определенной степени способствовало изменению поведения людей. В частности, в префектурах, где было объявлено чрезвычайное положение, выходы из дома сократились на 8,5%, а, например, в США количество клиентов, посещающих розничные магазины, в округах, в которых была введена изоляция,

уменьшилось только на 7,0% [Goolsbee, Syverson 2020, p. 2]. Таким образом, эффекты от государственного вмешательства были и в Японии, и в Соединенных Штатах, но их амплитуды оказались немного разными.

Принудительная изоляция в США и добровольная изоляция в Японии определенно повлияли на мобильность людей: в обеих странах передвижение людей существенно сократилось по сравнению с допандемийным. Однако, по мнению некоторых исследователей [Watanabe, Yabu 2020], ограничения оказали на это влияние лишь частично. Важную роль также сыграло то обстоятельство, что принимаемые меры повысили осведомленность людей о серьезности пандемии посредством правительственных заявлений в средствах массовой информации и публикации данных о количестве инфицированных и числе летальных исходов.

Иными словами, основной эффект был связан с распространением информации, сопровождающей ограничительные меры, — именно она заставляла людей добровольно воздерживаться от выхода из дома. Таким образом, полученный урок, как в Японии, так и в США заключался в том, что для сдерживания инфекции необходимо своевременно информировать людей, предоставлять достоверные данные и поощрять добровольные изменения в поведении граждан.

По-разному в двух странах решался и вопрос о том, что предпочтительнее при вмешательстве государства: принудительная или добровольная изоляция. Преимущество принудительного локдауна заключается в том, что его последствия можно в определенной степени предсказать, как можно ожидать и единообразных изменений в поведении широкого круга людей. С точки зрения самих граждан, принудительная изоляция предполагает жесткие ограничения их личной свободы: чтобы избежать наказания в виде штрафа или ареста, люди должны реагировать единообразно, как им предписано, независимо от их индивидуальных обстоятельств. Напротив, при добровольной изоляции каждый гражданин, основываясь исключительно на своих личных обстоятельствах, может решить, соблюдать эту просьбу со стороны правительства или нет.

Таким образом, большинство мер ЧС в Японии представляли собой просьбы и инструкции, их нарушители не могли быть наказаны за невыполнение. Чрезвычайное положение в японском варианте позволяло руководству префектур просить жителей оставаться дома,

рекомендовать закрытие школ, детских учреждений и общественных центров, а также некоторых магазинов и предприятий, предлагать организаторам отменить или отложить определенные мероприятия. Согласно заявлению Кабинета министров, жители могли выходить на улицу для проезда на работу, посещения больниц, покупки продуктов, занятий спортом на открытом воздухе и т. п.

При анализе данной проблемы необходимо учитывать и тот факт, что Япония юридически не могла обеспечить жесткую изоляцию. По мнению экспертов [Yamaguchi 2020], в Японии это связано с историей репрессий при милитаристских правительствах до и во время Второй мировой войны. Это заставляет японскую общественность опасаться чрезмерного вмешательства со стороны правительства. Послевоенная конституция страны предусматривает строгую защиту гражданских свобод. Кроме того, правительство С. Абэ не желало рисковать серьезными экономическими последствиями от принятия более суровых мер. В результате оно объявило о беспрецедентном пакете стимулов для оплаты мер по борьбе с коронавирусом и защиты предприятий и рабочих мест в размере 108 трлн иен (1 трлн долларов), что эквивалентно примерно пятой части годового ВВП Японии. В пакете также предусматривалась выдача наличных в размере 300 тыс. иен (2750 долларов) сильно пострадавшим семьям.

Многие эксперты считают, что именно просьба (а не приказ) японского правительства и послужила толчком для консолидации усилий властей и граждан страны для того, чтобы предотвратить распространение инфекции COVID-19.

COVID-поколение

Каждое поколение и каждая социальная группа японцев по-разному переживала пандемию. Поскольку именно исторический контекст определяет поведение людей, родившихся в одинаковый промежуток времени и у них есть сходные социально-психологические черты, универсальные для всего поколения, то важно понимать: что же определяет и формирует каждое поколение? Здесь исследователи выделяют два основных фактора [Дорси 2020]. Во-первых, важно, чтобы поколение уже было в меру взрослым для того, чтобы осознанно переживать происходящие события и в то же время еще достаточно юным, чтобы эти события смогли существенно повлиять на взгляды,

убеждения и отношение к миру и к будущему. Второй фактор — это вопрос о том, насколько мощные и незабываемые эмоциональные потрясения влекут за собой вышеупомянутые события. Обычно они имеют следствием рост страха и неуверенности, вызывают у представителей поколения чувство уязвимости и заставляют их смотреть на мир не так, как прежде.

Пандемия COVID-19 оказалась именно тем фактором, который определил характеристики японского поколения Z. По мнению исследователей, во-первых, представители этого поколения по большей части пессимисты. Их пессимизм обусловлен сложными обстоятельствами, в которых они выросли — длительный и вялый экономический рост, а также многочисленные стихийные бедствия. Во-вторых, они обладают высоким уровнем грамотности в области использования компьютерных устройств и современных средств связи. Выросшие в высокотехнологичной среде, они умело извлекают для себя пользу из использования гаджетов. Кроме того, представители этого поколения ценят семейные отношения, они формируют очень тесные связи со своими родителями и достаточно широкие, но более поверхностные отношения со своими друзьями [Sakashita 2020, p. 55–70]. Молодые люди из данной социальной группы в целом представляют собой сформированные личности, но при этом их ценности остаются гибкими и подверженными различным влияниям [Загребин 2014]. Сейчас именно эти молодые люди, оказавшись перед лицом разрушений, вызванных пандемией, особенно уязвимы и на решающем этапе их жизненного развития рискуют остаться без образования и экономических возможностей для достижения благополучия [Lavizzari, Escamilla, Roe, Petkovic 2020, p. 14].

Помимо влияния пандемии коронавируса на работу и учебу поколения Z, следует учесть и другие факторы стресса: внешний прессинг СМИ и усталость от ограничительных мер ЧС в стране. Эти драматические изменения серьезно сказались на психическом здоровье молодых людей. Для многих стало очевидным, что коронавирус — это и есть главный фактор, определяющий поколение Z, и чем глубже становится его влияние, тем больше неопределенностей и трудностей он создает.

Удаленка: прорыв или разрыв?

Эпидемия COVID-19 заметно изменила многие области жизни в Японии и не в последнюю очередь — образование. Представители поколения Z, окончившие школу и поступающие в японские вузы, сразу почувствовали неуверенность при выборе учебного заведения. Некоторые колледжи и университеты оперативно отменили занятия в кампусах и перешли на онлайн-обучение, в то время как другие испытывали трудности в связи с масштабами изменений, а также с ограничениями в практической части учебной деятельности — например, с доступом в научные лаборатории. Студентам колледжей и высших учебных заведений из поколения Z есть о чем беспокоиться — они просто не уверены, смогут ли доучиться. По данным ЮНЕСКО, с 1 апреля 2020 г. школы и высшие учебные заведения были закрыты в 190 странах, что затронуло более 1,6 млрд чел.[1]. Из-за пандемии и прекращения работы дистанционное образование внезапно стало необходимостью для учащихся всего мира.

И хотя каждый сегмент образования сталкивается со своими уникальными проблемами, именно проблемы высшего образования могут в конечном итоге вызвать революцию в обучении. Студенты университетов уже достаточно взрослые люди, чтобы справляться с суровыми требованиями онлайн-работы, а как представители поколения Z они достаточно технологически подкованы, чтобы ориентироваться на новых платформах. Как выяснилось, настоящие проблемы заключаются как раз в самих учреждениях, в которые они поступили. Смогут ли традиционные университеты, созданные на базе кампусов, адаптироваться к сложившейся реальности, выбрать правильные технологии и подходы для обучения и привлечения студентов [Kandri 2020]? С одной стороны, распространение коронавируса уже привело к изменениям в японских университетах, например, к признанию необходимости онлайн-обучения (минимум до конца лета 2021 г.). Эти изменения сами по себе уже стали революцией для колледжей и университетов в Японии, где преподавание в значительной степени основано на аудиторных лекциях [Жилина 2020b, с. 46]. Профессор Кобаяси Масаюки из японского университета Оберлин (J.F. Oberlin

[1] From COVID-19 learning disruption to recovery: A snapshot of UNESCO's work in education in 2020. UNESCO. https://en.unesco.org/news/covid-19-learning-disruption-recovery-snapshot-unescos-work-education-2020

University) рассматривает новые вызовы, стоящие перед университетами, как возможность изменить саму образовательную систему, где необходимы реформы. Кроме того, он отмечает, что «онлайн-обучение будет стимулировать студентов задавать больше вопросов и общаться на занятиях, как это происходит в других странах, но успех будет зависеть от стремления к этому самих преподавателей и студентов [Kakuchi 2020]. С другой стороны, как утверждают эксперты, дистанционное образование определяется как стиль обучения, при котором преподаватели и учащиеся физически разделены, и используются различные технологии, позволяющие им эффективно общаться. Первоначально ориентированное на внештатных сотрудников учебных заведений и тех, кто оказался в отдаленных регионах, оно постепенно приобрело другой контекст. По прогнозам, к 2025 г. глобальный рынок онлайн-образования достигнет 350 млрд долларов[2]. Однако за этими большими цифрами стоит реальная история сочетания новых технологий и методов обучения для улучшения онлайн-образования. Насколько плавен будет переход от очного обучения к онлайн-обучению? Этот вопрос остается открытым.

Несмотря на то, что многие преподаватели прошли определенную подготовку по проведению онлайн-уроков, это не было сделано централизованно; в Японии не было доступных центров поддержки онлайн обучения и технологий. Как показал опыт, когда COVID-19 стал причиной закрытия университетских кампусов, большинство высших учебных заведений (не только в самой Японии, но и во всем мире) оказались не готовы перейти на виртуальное обучение. В результате многие учебные заведения Японии, чтобы хоть как-то закончить семестр, выбрали низкотехнологичные решения, такие как видеоконференцсвязь Zoom и т. д. Такой не совсем комплексный подход мог создать у студентов и преподавателей впечатление, что дистанционное образование — это нечто хаотичное и сложное. Однако с продуманно разработанными интегрированными платформами и всесторонним обучением плавный переход на онлайн-образование может оказаться вполне выполнимым. Во время закрытия большинством учебных заведений предлагались такие виды самообучения,

[2] Online Education Market Study. Globe Newswire. www.globenewswire.com/news-release/2019/12/17/1961785/0/en/Online-Education-Market-Study-2019-World-Market-Projected-to-Reach-350-Billion-by-2025-Dominated-by-the-United-States-and-China.html

как отправка отсканированных печатных материалов по электронной почте и/или просмотр предварительно записанных видеолекций, размещенных на YouTube или на таких интернет-платформах, как Classi, Google Classroom и Google Drive. Некоторые из вузов пошли дальше: обеспечили синхронные интерактивные сеансы с использованием Zoom вместе с оцифрованными материалами. Все это делалось для того, чтобы помочь студентам сохранять мотивацию к дистанционному обучению, особенно в некоторых основных предметах. Однако и преподаватели, и родители студентов до сих пор обеспокоены потерей знаний и снижением глобальной конкурентоспособности своих детей из-за закрытия учебных заведений для посещения. В 2020 г. многие японские университеты решили отложить открытие весенних семестров до 6 мая или до конца мая. В период (первого) закрытия некоторые университеты, оказавшись не готовыми предложить свои курсы онлайн, начали создавать свои системы управления обучением, укреплять свою инфраструктуру и обучать преподавателей, в то время как другие — с более развитой инфраструктурой и опытом онлайн-преподавания — в срочном порядке предложили «внеплановое» дистанционное обучение.

Цифровой разрыв и образовательные потребности японских студентов

Реальность оказалась такова, что пандемия COVID-19 сделала дистанционное обучение необходимым для гораздо более широкой аудитории, чем прежде. В результате учебные заведения были вынуждены создавать или ускорять планы онлайн-образования, чтобы как можно быстрее освоить новейшие технологии для преподавателей и учащихся. Определенный набор программных приложений и платформ для облегчения онлайн-образования в мире уже существует, но необходимы дальнейшие улучшения с тем, чтобы облегчить их использование [Dignan 2020]. Хотя веб-технологии и растущая индустрия образовательных технологий значительно улучшили электронное обучение, они принесли пользу только тем, у кого есть доступ к широкополосному Интернету и современным компьютерам. Эпидемия COVID-19 высветила и усугубила так называемый цифровой разрыв, который существует во всем мире. По данным ЮНЕСКО, половина всех студентов в мире, лишенных очных занятий из-за пандемии, не имела

на начальном ее этапе доступа к компьютерам. Так, по состоянию на 2020 г., только 47,1% проживающих в Африке имели доступ в Интернет по сравнению с 59,5% жителей Азии, 87,2% европейцев и 90,3% жителей Северной Америки[3]. Там, где есть доступ в Интернет, есть неравенство в пропускной способности и скорости Интернета, которые зависят от социально-экономических факторов: занятости, образования, дохода домохозяйства. Несмотря на существующие стереотипы, согласно которым Япония — страна с высокими технологиями, многие японцы столкнулись с трудностями удаленной работы из дома именно по техническим причинам [Жилина 2020а, с. 70]. Оказалось, что довольно много молодых людей в Японии проживают в местах, где не было стационарного доступа к Интернету и поэтому для того, чтобы зайти в Интернет, они были вынуждены пользоваться своими мобильными телефонами.

Дистанционное образование принято определять как образовательный процесс, в котором все или большая часть обучения проводится удаленно от ученика, в результате чего все или большая часть общения между учителем и учащимся проходят через искусственный носитель, электронный или печатный. Но как оказалось, «аварийный» характер экстренного дистанционного обучения выявил его слабые места в плане теоретического обоснования и с точки зрения соответствия педагогической концепции.

Сфера дистанционного образования уже доказала свою значимость и ценность. Исследования показали, что в определенных условиях нет разницы между дистанционным обучением и очным обучением. Вопреки широко распространенным представлениям, дистанционное образование конкретно не касается онлайн-образования, а охватывает широкий спектр технологий [Bozkurt 2019, p. 252–273]. Для тех, у кого есть доступ к нужным технологиям, онлайн-обучение может во многих отношениях быть более эффективным: в среднем студенты запоминают на 25-60% больше материала при обучении онлайн по сравнению с 8–10% в аудитории. В основном это связано с тем, что студенты могут быстрее учиться в Интернете; электронное обучение требует на 40–60% меньше времени, чем в традиционном классе, потому что учащиеся могут учиться в своем собственном темпе, возвращаясь и перечитывая, пропуская или ускоряя прохождение той

[3] Internet World Stats 2021. https://www.internetworldstats.com/stats.htm

или иной темы и материала по своему выбору. Кроме того, цифровые образовательные технологии и ресурсы создают непрерывный опыт обучения за пределами аудитории, а аналитика данных обеспечивает адаптивное обучение, оказывая влияние на учебные программы, выявляя пробелы в знаниях. Поддержание высокого уровня инноваций также повышает эффективность всей образовательной системы [Vedrenne-Cloquet 2015].

Вот почему неравенство в доступе к высокоскоростному Интернету, домашним компьютерам и непосредственно к онлайн обучению привело к появлению значительного числа студентов, которые окажутся, в итоге, далеко позади своих сверстников, которые имеют такой доступ. Некоторые исследования показывают, что студенты из малообеспеченных семей и из сельской местности, возможно, потеряли из-за эпидемии COVID-19 целый учебный год [Tadesse, Muluye 2020, p. 162].

Согласно отчету Всемирного экономического форума и сингапурской группы интернет-услуг Sea, молодые люди, не имеющие высшего образования и проживающие за пределами столиц, «гораздо чаще сталкиваются с трудностями при удаленной работе или удаленном обучении во время пандемии»[4].

Отсрочка начала занятий в учебных заведениях вместо перевода уроков в онлайн обнажила слабые места и в японской системе образования. Япония является мировым лидером в области высоких технологий, но, к сожалению, как показала практика, отстает во внедрении и использовании технологий в школьных и университетских системах, а преподаватели, как правило, не обладают достаточной компетенцией в использовании ИКТ. Хотя кризис пандемии COVID-19 принес проблемы и тревоги, с которыми преподаватели, студенты и их родители никогда раньше не сталкивались, сложившаяся ситуация может предоставить японским школам и университетам шанс продвинуться в плане использования ИКТ, повысить их готовность к электронному обучению за счет улучшения инфраструктуры, повышения потенциала профессорско-преподавательского состава и студентов и т. д. [Bozkurt 2020, p. 14–16].

[4] COVID-19 — The True Test of ASEAN Youth's Resilience and Adaptability. Impact of Social Distancing on ASEAN Youth. ASEAN youth survey 2020. World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/WEF_ASEAN_Youth_Survey_2020_Report.pdf

Развитие коммуникационных технологий оказывает глубокое влияние на традиционную систему японского образования, как в начальных школах, так и в высших учебных заведениях. Преподаватели играют решающую роль в оказании помощи молодым людям в приобретении необходимого опыта использования обучающих сетей и доступа к информации, доступной в Интернете, а также в использовании Интернета для мониторинга успеваемости учащихся. Поскольку во всем мире особое внимание уделяется дистанционному обучению, то можно предположить, что сложные времена в японском образовании могут принести и отличные возможности, а эта важная образовательная модель будет продолжать совершенствоваться, становясь более эффективной и менее сложной. В будущем, вероятно, будет внедрена гибридная модель обучения, сочетающая очные занятия с дистанционным обучением. И эта новая модель образования потребует, чтобы ее возглавляли дальновидные профессионалы.

Стресс с ограничениями

У старшей части поколения Z — нынешних студентов и недавних выпускников университетов — также все достаточно неопределенно: они столкнулись с серьезными трудностями именно в тот момент, когда большинство из них начинало самостоятельную жизнь. Тех, кто успел устроиться на работу, во время пандемии увольняли в числе первых [Taylor 2020].

Месяцы ограничений на ведение бизнеса повлияли на рынок труда, который был серьезно нарушен из-за ограничений, вызванных пандемией, в результате чего две возрастные группы страдают по-разному. Те, кому осталось всего несколько лет до выхода на пенсию, — теряют работу или с большей вероятностью выйдут на пенсию раньше, чем ожидалось. Другая возрастная группа, которая особенно страдает, — это молодые люди, впервые вышедшие на рынок занятости [Taylor 2020]. Как сообщила в своем докладе Международная организация труда (МОТ), в Азиатско-Тихоокеанском регионе рабочее время во втором квартале 2020 г. сократилось на 13,5% по сравнению с последним кварталом 2019 г., а это эквивалентно потере 235 млн рабочих мест с полной занятостью. На этом фоне именно молодежь особенно уязвима перед кризисом COVID-19, потому что она страдает от «множественных потрясений,

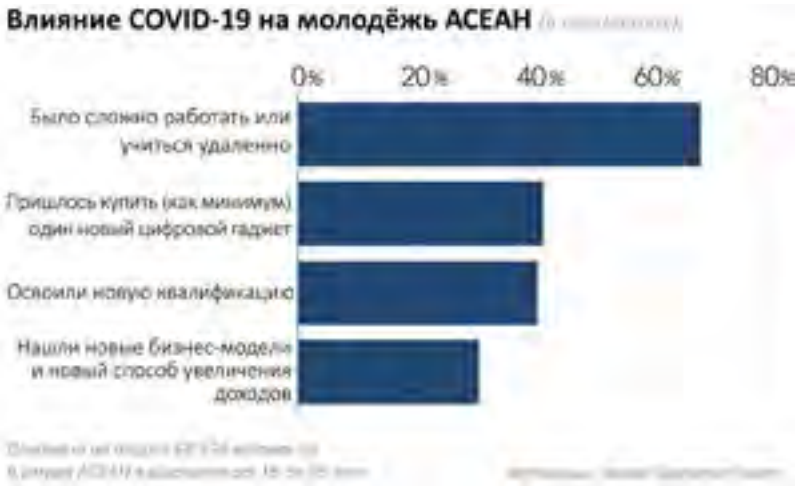


Рис. 1. Как пандемия COVID-19 повлияла на молодежь АСЕАН
Источник: [Okutsu, Iwamoto 2020. NikkeiAsia]

включая сбои в образовании и обучении, занятость и потерю доходов, а также большие трудности с поиском работы»[5].

По данным Всемирного экономического форума (World Economic Forum-WEF) около 70% молодых людей в возрасте 16-35 лет в шести странах АСЕАН, где проводилось исследование «Устойчивость и адаптируемость молодежи и влияние социального дистанцирования на молодежь АСЕАН», отметили, что им было сложно работать или учиться удаленно во время объявленных ограничений связанных с пандемией, а 40% сообщили, что им пришлось нести дополнительные расходы на приобретение, по крайней мере, одного нового цифрового гаджета для осуществления дистанционной работы или учебы, и появилась необходимость освоить новую квалификацию для того, чтобы найти новый способ увеличения доходов[6] (рис.1).

---

[5] ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fourth edition Updated estimates and analysis. ILO. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_745963.pdf

[6] COVID-19 — The True Test of ASEAN Youth's Resilience and Adaptability. Impact of Social Distancing on ASEAN Youth. ASEAN youth survey 2020. World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/WEF_ASEAN_Youth_Survey_2020_Report.pdf

Схожая ситуация существует и в гораздо более развитой Японии. В феврале 2021 г. 32% молодых японцев в возрасте 17-19 лет отметили, что COVID-19 повлиял на их жизненные планы и более 33% — что им пришлось расширить масштабы поиска работы из-за пандемии[7]. И это не может не вызывать тревогу, поскольку «появился риск того, что молодые люди будут травмированы на протяжении всей своей трудовой жизни, что приведет к появлению “изолированного поколения”» [Okutsu, Iwamoto 2020].

Однако, несмотря на сложные условия, в которых оказалась азиатская молодежь, ускоренный запретительными ограничениями сдвиг к цифровизации означает то, что появляется множество ресурсов для получения новых навыков и решения новых задач для тех, у кого есть доступ в Интернет, молодежь будет активно вовлечена в процесс «цифровой социализации» [Smith, Hewitt, Skrbiš 2015, p. 1022–1038]. Некоторые начинающие работать молодые японцы параллельно пытаются заниматься бизнесом в Интернете, поскольку видят в этом определенную подстраховку на случай, если их уволят с работы.

Крупные компании уже давно предпочитают нанимать и обучать новоиспеченных выпускников университетов сразу после окончания учебы. Так, в 2018 г. выпускники получили около 70% открытых вакансий в компаниях, где они и остаются работать: каждый четвертый японский работник проработал в своей компании более 20 лет. В США, например, только один из 10 сотрудников задерживается в компании на такой срок [Takada, Takezawa 2020]. В начале 2021 г. в Японии существовало около 1,5 вакансий на каждого выпускника. И хотя этот показатель значительно снизился по сравнению с 2018 и 2019 гг., он остается достаточно высоким (рис.2).

Как считают эксперты, хотя на первый взгляд эти цифры и не такие удручающие, но студентам, стремящимся найти работу в определенных секторах японской экономики, необходимо будет переосмыслить

---

[7] Japan: Impact of COVID-19 on the future of young people. Statista.com. https://www.statista.com/statistics/1201259/japan-impact-coronavirus-future-young-people/; Statista — статистический портал, который объединяет тысячи данных и фактов по различным темам из самых разных источников на единой платформе. Источники информации включают исследования рынка, отраслевые публикации, научные журналы и правительственные базы данных.

Рис. 2. Как соотносится количество соискателей и вакансий для выпускников в Японии
Источник: [Okutsu, Iwamoto 2020. NikkeiAsia]

свои планы и мечты, поскольку авиакомпании, туристический, гостиничный и ресторанный бизнес сильно пострадали от коронавируса и отменяют или откладывают планы найма. Пока что самые серьезные сокращения приходятся на компании, работающие в наиболее пострадавших отраслях: Japan Airlines Co., All Nippon Airways Co. и туристическое агентство HIS вообще отменили планы по найму выпускников 2021 года, а многие другие компании запланировали сокращения числа нанимаемых работников.

Долгосрочные последствия этого «ледникового периода занятости» вызвали призывы к большей мобильности рынка труда. Нынешняя ситуация требует также большей гибкости от рекрутинговых компаний. Вместе с тем исследователи из лаборатории New Generation Lab японского рекламного агентства Hakuhōdō[8], положительно оценивают способность Интернета предоставлять возможности для самореализации современной молодежи. Но, несмотря на плюсы, также существуют и опасения по поводу воздействия изоляции на отсутствие личного общения молодых людей и их социального развития.

[8] Korona-ka no wakamono-tachi no kurashi to tenbō [Young people's lives and hopes in the COVID-19 crisis]. Hakuhōdō. https://www.hakuhodo.co.jp/magazine/81869/

Жизнь в сети

В период самоизоляции, когда были наложены определенные ограничения на выход из дома и встречи с другими людьми, возможности встречаться в Интернете с помощью видео-чатов резко возросли для всех пользователей, а не только для более молодых возрастных групп. Но именно среди многих молодых людей стало популярным оставаться в сети со своими друзьями и партнерами не менее десяти часов в день. Некоторые люди разговаривают более 20 часов в день. Эти расширенные видео-чаты без определения лимита времени для выхода из интернета, когда участники иногда даже не разговаривают, а просто занимаются другими делами, оставаясь в сети, привели к появлению в обиходе нового словосочетания オンライン同棲 (*onrain dōsei* — совместная жизнь в сети)[9]. Еще до пандемии COVID-19 молодые люди использовали приложения, чтобы делиться своим местоположением, публиковать истории, выкладывать в общий доступ свой распорядок дня и активно делиться информацией о себе или размещать информацию, представляющую интерес для других людей, разделяющих те же увлечения, чтобы получать их комментарии. Не удивительно, что все это помогает стирать границы между публичным и частным, изменяя восприятие конфиденциальности.

При этом общение, как правило, ограничивается только друзьями, с которыми молодые люди регулярно и длительное время общаются в сети. Поскольку сезон апрель-май — начало учебного года в Японии — стал периодом самоизоляции, то студенческие вечеринки, мероприятия, посвященные поступлению в учебные заведения, проводились только онлайн. Несмотря на то, что онлайн-разговоры обычно не вызывают затруднений при повседневном общении, как правило, они затрудняют сближение с людьми, которые только что познакомились. Вот почему влияние пандемии COVID-19 на межличностные отношения молодых людей тоже нельзя игнорировать.

В докладе МОТ отмечалось, что в результате пандемии около 50% молодых людей в возрасте 18-29 лет находятся в депрессии или испытывают сильное беспокойство[10]. Проведенные за последний год

---

[9] Ibid.

[10] Youth and Covid-19: Impacts on jobs, education, rights and mental being. Survey Report 2020. ILO. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_753026.pdf

исследования[11] выявили, что пандемия COVID-19 создала угрозу психическому здоровью молодежи и что карантинные меры и социальное дистанцирование оказали на нее серьезное психологическое воздействие, вызывающее стресс, беспокойство и одиночество. Согласно исследованию ОЭСР, именно молодые люди (в возрасте 18-29 лет) с начала пандемии испытывали более высокий уровень стресса по сравнению с другими возрастными группами.

По результатам опроса, опубликованного министерством здравоохранения Японии, в общей сложности 14% опрошенных студентов заявили, что они «каждый день находятся в депрессии или чувствуют себя подавленным почти весь день». Многие университеты создали веб-сайты для информирования студентов о психическом здоровье и доступной поддержке. Осакский Муниципальный университет (Osaka City University) начал предлагать онлайн-тесты психического здоровья с июня 2020 г. и, по словам профессора Т. Ёсикава, главы центра здоровья и медицины, было обнаружено, что очень много студентов нуждаются в психологической помощи. На фоне такой обеспокоенности по поводу изоляции студентов К. Хагиуда, министр образования Японии, на пресс-конференции обратился к руководству университетов с предложением проводить некоторые занятия в привычном офлайн режиме.

Заключение

Молодые японцы, став основными жертвами социальных и экономических последствий пандемии — «Поколением локдауна», столкнулись с различными потрясениями, вызванными кризисом COVID-19. Главные среди них — сложности с получением образования, проблемы с поиском работы и неизбежные потери доходов. Как говорится в докладе Международной организации труда, «влияние пандемии на молодых людей оказалось систематическим, глубоким и непропорциональным»[12]. По мнению экспертов, еще слишком рано

---

[11] OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). Youth and COVID-19: Response, Recovery and Resilience. www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/youth-and-covid-19-response-recovery-andresilience-c40e61c6/#section-d1e113

[12] ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fourth edition Updated estimates and analysis. ILO. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_745963.pdf

оценивать роль влияния и результаты «экстренного» дистанционного образования в условиях ЧС, а также последствия пандемии для японской системы высшего образования. Воздействие пандемии на японское общество еще станет предметом более серьезного анализа, но некоторые аспекты, рассмотренные в этой работе, стоят того, чтобы задуматься уже сейчас: сможет ли японское поколение локдауна остаться поколением Z?

Библиографический список

Дорси Д. (2020) Поколение Z и COVID-19: момент определяющий сознание. *Россия в глобальной политике.* 02.05.2020. https://globalaffairs.ru/articles/pokolenie-z-covid-19/ (дата обращения: 21.05.2021).

Жилина Л. В. (2020a). COVID-19: Японские традиции против нового вызова. *Ежегодник Япония 2020.* Т. 49. С. 62–85. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003

Жилина Л. В. (2020b). Японские университеты: затянувшаяся перемена. *Азия и Африка сегодня*. 2020. №11. С. 42–47. DOI 10.31857/S032150750012187-7

Загребин В. В. (2014) Подходы к определению категории «молодёжь». *Концепт.* № 2. https://e-koncept.ru/2014/14030.htm (дата обращения: 21.05.2021).

Лебедева И. П. Японская молодежь на рынке труда: экономические и социальные аспекты. *Японские исследования*. 2016, № 2. С. 43–56.

References

Bozkurt, A. (2019). From distance education to open and distance learning: A holistic evaluation of history, definitions, and theories. In S. Sisman-Ugur, G. Kurubacak (Eds.), *Handbook of Research on Learning in the Age of Transhumanism* (pp. 252–273). Hershey, PA: IGI Global. https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8431-5.ch016

Bozkurt, A. (2020). A global outlook to the interruption of education due to COVID-19 pandemic: Navigating in a time of uncertainty and crisis. *Asian Journal of Distance Education*, 15 (1), 1–126.

Dignan, L. (2020, March 22). Online learning gets its moment due to COVID-19 pandemic: Here's how education will change. *ZDNet.* Retrieved

May 21, 2021, from https://www.zdnet.com/article/online-learning-gets-its-moment-due-to-covid-19-pandemic-heres-how-education-will-change/

Dorsi, J. (2020, May 2). Pokoleniye Z i COVID-19: moment opredelyayushchiy soznanie. [Generation Z and COVID-19: The moment that defines consciousness]. *Russia in Global Affairs*. Retrieved May 21, 2021, from https://globalaffairs.ru/articles/pokolenie-z-covid-19/ (In Russian).

Goolsbee, A., Syverson, C. (2020). Fear, lockdown, and diversion: Comparing drivers of pandemic economic decline 2020. *National Bureau of Economic Research*, № 27432, p. 1–23. Retrieved May 21, 2021, from https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27432/w27432.pdf

Kakuchi, S. (2020, May 8). COVID-19 hits student finances, amid calls for wider reforms. *University Worlds News*. Retrieved May 21, 2021, from https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200508141842584

Kandri, S. E. (2020). How COVID-19 is driving a long-overdue revolution in education. *World Economic Forum*. Retrieved May 21, 2021, from https://www.weforum.org/agenda/2020/05/how-covid-19-is-sparking-a-revolution-in-higher-education

Kim, A., McInerney, P., Smith, T. R., Yamakawa, N. (2020, June 29). What makes Gen Z in Asia different? *McKinsey.com.* Retrieved May 21, 2021, from https://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/what-makes-asia-pacifics-generation-z-different

Lavizzari, A., Escamilla, A., Roe, S., Petkovic, S. (2020). Meta analysis of research on the impact of Covid-19 on the youth sector. *Joint (EU-CoE) Programme.* Retrieved May 21, 2021, from https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/72351197/Meta-analysis-of-research-on-the-Impact-of-Covid-19-on-the-youth-sector.pdf/b174580e-4efb-8d02-5be2-c793d7f40b56

Lebedeva I. P. (2016). Yaponskaya molodezh' na rynke truda: ekonomicheskiye i sotsial'nyye aspekty [Japanese Youth at the Labor Market: Economic and Social Aspects]. *Japanese Studies in Russia* № 2, p. 43–56 (In Russian).

Miller, E. D. (2020). The COVID-19 Pandemic Crisis: The Loss and Trauma Event of Our Time. *Journal of Loss and Trauma*, 1–13. https://doi.org/10.1080/15325024.2020.1759217

Moore, M. (1997). Theory of transactional distance. In Keegan, D. (Ed.), *Theoretical Principles of Distance Education* (pp. 22–38). Routledge.

Okutsu, A., Iwamoto, K. (2020, August 25). Lockdown generation: COVID-19 upends Asian students' plans. *Nikkei Asia*. Retrieved May 21,

2021, from https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Lockdown-generation-COVID-19-upends-Asian-students-plans

Parker, K., Igielnik, R. (2020, May 15). What we know about Gen Z so far. *Pew Research Center's Social & Demographic Trends Project.* Retrieved May 21, 2021, from https://www.pewsocialtrends.org/essay/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far/

Sakashita, M. (2020). Generation Z in Japan: Raised in Anxiety. In Gentina, E. and Parry, E. (Eds.). *The New Generation Z in Asia: Dynamics, Differences, Digitalisation (The Changing Context of Managing People)* (pp. 55–70). Emerald Publishing Limited, Bingley. https://doi.org/10.1108/978-1-80043-220-820201007

Smith, J., Hewitt, B., Skrbiš, Z. (2015). Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood. *Information, Communication & Society,* 18(9), 1022–1038. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1007074.

Tadesse, S., Muluye, W. (2020). The Impact of COVID-19 Pandemic on Education System in Developing Countries: A Review. *Open Journal of Social Sciences*, 8, 159–170. https://doi.org/10.4236/jss.2020.810011

Takada, K., Takezawa, S. (2020, September 18). Virus Wrecks Once-in-a-Lifetime Job Chance for Japan's New Grads. *Bloomberg.* Retrieved May 21, 2021, from https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-17/virus-wrecks-once-in-a-lifetime-job-chance-for-japan-s-new-grads

Taylor, T. (2020, June 24). Young Adults Entering COVID-19 Workforce: A Global View. *Conversable Economist*. Retrieved May 21, 2021, from https://conversableeconomist.blogspot.com/2020/06/young-adults-entering-covid-19.html

Vedrenne-Cloquet, B. (2015). *What is EdTech and why is it such a big opportunity?* Retrieved May 21, 2021, from https://www.hottopics.ht/14731/what-is-edtech-and-why-is-it-important/

Watanabe, T., Yabu, T. (2020). Japan's Voluntary Lockdown. *Central Bank Communication Design.* Retrieved May 21, 2021, from https://www.centralbank.e.u-tokyo.ac.jp/wp-content/uploads/2020/08/cb-wp027.pdf

Yamaguchi, M. (2020, April 9). Japan's COVID-19 State of Emergency Is No Lockdown. What's In It? *The Diplomat*. Retrieved May 21, 2021, from https://thediplomat.com/2020/04/japans-covid-19-state-of-emergency-is-no-lockdown-whats-in-it/

Zagrebin, V. V. (2014). Podkhody k opredeleniyu kategorii ‘molodezh’ [Approaches to the definition of the category ‘youth’]. *Concept*, 2. Retrieved May 21, 2021, from http://e-koncept.ru/2014/14030.htm (In Russian).

Zhilina, L.V. (2020a). COVID-19: Yaponskiye traditsii protiv novogo vyzova. [Japanese Traditions Against a New Challenge]. *Yearbook Japan*, 49, 62–85. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003 (In Russian).

Zhilina, L. V. (2020b). Yaponskiye universitety: zatyanuvshayasya peremena. [Japanese Universities: Long-term Breakdown]. *Aziya i Afrika segodnya*, 11, 42–47. DOI 10.31857/S032150750012187-7 (In Russian).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 111–129
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 111–129
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-111-129

Деятельность неправительственных организаций Японии: пример Японского Фонда поощрительных стипендий для российских студентов (1992–2006)

Н. С. Григорьева

Аннотация. В статье представлен краткий обзор неправительственного сектора Японии, рассмотрены общие вопросы его развития, особенности и нормативно-правовое обеспечение деятельности НПО, а также наиболее распространенные типы НПО в Японии. В качестве примера неправительственной организации в статье представлен Японский Фонд поощрительных стипендий для студентов бывшего Советского Союза, созданный в 1992 г. (с 2000 г. — Японский Фонд поощрительных стипендий для российских студентов). Его особенностью является то, что объектом деятельности являются граждане других стран, помощь которым оказывается на основе личного участия японских граждан. Иллюстрацией деятельности фонда являются письма его стипендиатов, а также письма граждан Японии, которые на протяжении 15 лет вносили вклад в его деятельность, публикации в СМИ, а также личные материалы активистов фонда. Механизмы восприятия и понимания информации субъектами деятельности фонда и каналы ее передачи рассмотрены на примере двух изданий организации: *Коннитива* на русском языке и *О гэнки дэска* на японском.

Автор приходит к выводу, что данный фонд является интересным примером самодеятельных организаций гражданского общества Японии, которые функционируют на частные пожертвования и средства, которые поступают в фонд в виде взносов от различных общественных организаций. Фонд принадлежит к типу небольших НПО, создаваемых для решения какой-то конкретной задачи, а для этого объединяющий вокруг себя тех, кто согласен с целями организации, методами ее деятельности и готов к личному участию. Членство в подобных организациях обычно обеспечивается на основе

участия всей семьи либо «ближнего круга» активистов. При этом лидерами чаще всего становятся авторитетные граждане старших возрастов, у которых, с одной стороны, присутствует явное желание быть полезными своему сообществу, а с другой — есть время и возможности для такого рода занятий.

Ключевые слова: гражданское общество Японии, неправительственные организации Японии, Японский Фонд поощрительных стипендий для студентов.

Автор*: Григорьева Наталия Сергеевна*, доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, 119992, Москва, Ломоносовский проспект 27/4.

SPIN-код РИНЦ: 9017–7352

ORCID ID: 0000-0002-7707-6754

Scopus Author ID: 57211140021.

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Activities of Non-Governmental Organizations in Japan: The Case of the Japan Foundation for Incentive Scholarships for Students, 1992–2006

N. S. Grigorieva

Abstract. This article provides a brief overview of the non-governmental sector in Japan with a particular focus on the activities of a specific organization — the Japan Foundation for Incentive Scholarships for Students (1992–2006). The article provides a brief overview of the non-governmental sector in Japan, considers general issues of its development, features and legal support for the activities of NGOs, as well as the most common types of NGOs in Japan. As an example of a non-governmental organization, the article presents the Japan Foundation for Incentive Scholarships for Students of the Former Soviet Union, created in 1992 (since 2000 — Japan Foundation for Incentive Scholarships for Russian Students). Its peculiarity is that the object of its activity are citizens of other countries. Fundraising for assistance is carried out on the basis of personal participation of Japanese citizens. The foundation's activities are illustrated by letters of its fellows, as well as letters from Japanese citizens. In the article, the author uses

materials about the work of the Foundation published in the media, as well as personal materials of active participants of the foundation. The mechanisms of perception and understanding of information by the subjects of the fund's activities and channels of information transmission are considered using the example of two publications of the organization: "Konnitiva" in Russian and "O genki desu ka" in Japanese.

The author concludes that this foundation is an interesting example of amateur civil society organizations in Japan that operate on private donations and funds that come to the foundation in the form of contributions from various public organizations. The foundation belongs to the type of small NGOs created to solve a specific problem and, to do this, it unites around itself those who agree with the goals of the organization, methods of its activities, and are ready for personal participation. Membership in such organizations is usually ensured on the basis of the participation of the whole family or the "inner circle" of activists. At the same time, the leaders are most often authoritative citizens of older ages, who, on the one hand, have a clear desire to be useful to their community, and, on the other hand, have enough time and opportunities for such activities.

Keywords: Japanese civil society, Japanese non-governmental organizations, Japan Foundation for Incentive Scholarships for Students.

Author: *Grigorieva Natalia S.*, DSc (Political science), Professor, Department of Political Analysis, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Russia, 119992, Moscow, Lomonosovsky avenue, 27/4.

ORCID ID: 0000-0002-7707-6754

Scopus Author ID: 57211140021.

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interest.

Неправительственные организации (НПО) стали активно развиваться в Японии в начале 1990-х гг., тогда же возник исследовательский интерес к таким организациям, хотя история гражданского общества в Японии восходит к эпохе Эдо (1603–1868), когда в стране появились первые сельские организации взаимопомощи. Однако в большей мере такого рода организации проявили себя в следующий период, во время демократизации в эпоху Мэйдзи (1868–1912), именно тогда в японском языке появляется понятие *симин* (*гражданин*). НПО же в современном понимании этого слова стали складываться в Японии после Второй мировой войны, а период их активного развития пришелся на первую половину 1960-х гг. Новый импульс массовому волонтерскому движению был задан разрушительным

землетрясением в Кобе 1995 г., когда тысячи добровольцев включились в восстановление города и его окрестностей.

НПО Японии строго ранжированы, поэтому сложно определить их общее число [Белов 2012]. Большинство справочников включает только организации, утвержденные в соответствии со строгими стандартами японского гражданского законодательства, и исключает большую часть тех, кто занимается общественной деятельностью[1]. Цель данной статьи — на примере конкретной организации, Японского фонда поощрительных стипендий российским студентам — проанализировать общее и особенное в развитии неправительственных организации страны.

Ситуация с НПО в Японии: нормативно-правовые и институциональные аспекты

Знаковым для развития неправительственного сектора Японии стал состоявшийся в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 г. Саммит Земли[2], который способствовал усилению внимания людей к глобальным экологическим проблемам и роли НПО в этой области. Как следствие, в Японии появились неправительственные организации, в фокусе которых — защита природы, преодоление последствий стихийных бедствий, а также охрана здоровья граждан от загрязнения окружающей среды в результате работы вредных производств. Примечательно, что такого рода организации стали получать поддержку от государства. Так, Японский фонд глобальной окружающей среды (JFGE) появился вследствие инициативы Агентства по окружающей среде (с 2001 г. — Министерство окружающей среды Японии), направленной на вовлечение НПО в деятельность по охране окружающей среды. Такого рода организации нередко получают значительное финансирование от центрального правительства, а также частные пожертвования. Неправительственные организации зачастую поль-

[1] См., например: https://www.gdrc.org/ngo/japan-ngo.html; https://www.japanplatform.org/E/

[2] Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), состоявшаяся в Рио-де-Жанейро с 3 по 14 июня 1992 г. Мероприятие проходило под девизом «Наш последний шанс спасти планету».

зуются поддержкой бизнеса, который в некоторых случаях является их инициатором. Например, ведущая бизнес-ассоциация Японии Ниппон Кэйданрэн учредила в 1992 г. Фонд охраны природы (Nature Conservation Fund) для поддержки зарубежных и местных НПО, реализующих проекты по охране природы в развивающихся странах, и уже в скором времени многие зарубежные и национальные проекты и программы стали получать поддержку через этот Фонд.

В одном из первых отчетов о деятельности неправительственных организаций, который был подготовлен исследовательской группой, возглавляемой президентом Центра зарубежного экологического сотрудничества Хасимото Митио, содержится классификация наиболее распространенных НПО в Японии на четыре типа. Первый тип — это организации, которые занимаются экономическим и социальным развитием, решают проблемы, связанные с сельским хозяйством, медицинской деятельностью, то есть всем тем, что связано с деятельностью человека. Второй тип — это правозащитные организации, который проводят собственные исследования и, опираясь на полученные в ходе этих исследований данные, дают критическую оценку политики и действий правительства. Третий тип — финансовые организации, чья активность связана со сбором средств, которые потом перераспределяются и используются другими НПО. И, наконец, четвертый тип — это образовательные организации, которые реализуют свои обучающие программы прежде всего в таких областях, как окружающая среда и развитие[3].

Однако, помимо этого, есть в Японии и небольшие организации, деятельность которых не столь масштабна, но от этого не менее значима. Большая часть таких организаций создается для решения какой-то конкретной задачи, объединяя тех, кто согласен с целями организации и методами ее деятельности и готовы к личному участию.

НПО Японии — это добровольные организации, действующие на основе принципа самоуправления [Hirata 2002]. Многие из них занимаются решением таких проблем бытового характера, как очистка улиц, ремонт дорог, поддержка престарелых, охрана правопорядка,

[3] Kokusai Kankyo Seisaku Kenkyukai, Kankyo Mondai Ni Kansuru Seisaku, Seron Keisei Ni Okeru Kokusaiteki na Minkan Soshiki no Yakuwari Ni Kansuru Chosa (Research on the Role of International Private Organizations in Establishing Policies, Public Opinion on Environmental Issues.» (Working Paper of the Study Group on International Environmental Policies, n.d.). In: The Changing Face of NGOs in Japan https://www.gdrc.org/ngo/jpngo-face.html

пожарная безопасность, организация фестивалей и т. д. При этом они находятся в постоянном контакте с государственными органами. В подобных организациях обычно состоят всей семьей, а их лидерами и костяком чаще всего являются люди старшего возраста, у которых, с одной стороны, имеется желание быть полезными своему сообществу, а с другой — есть время и возможности на такую деятельность.

В 1998 г. в Японии был принят Закон *О поощрении специализированной некоммерческой деятельности* (более известный, как Закон об НКО). Этот закон позволил либерализовать процедуру получения статуса юридического лица для различных общественных групп, которые оказывали помощь населению в решении многих проблем, с которыми власти не могли справиться [4].

Создание НПО можно рассматривать как некий процесс свободной самоорганизации ее членов, основанный прежде всего на разделяемых ими ценностях, общей мотивации, общих целей деятельности и совместном участии в работе. Важна при этом и роль лидера, который имеет четкое представление о целях НПО и методах работы и, безусловно, способен увлечь своей идеей других членов организации, повести их за собой. Существует шесть основных форм НПО, и любой, кто хочет создать такую организацию, может выбрать наиболее подходящую форму, ориентируясь на ее преимущества и понимая ее ограничения.

НПО существуют за счет частных пожертвований и различных грантов, а также субсидий, которые предоставляют центральные и местные органы власти, а также иные полуправительственные учреждения. Если речь идет о частных пожертвованиях, жертвователи, как предприятия, так и частные лица, имеют право на налоговые льготы, что стимулирует их в направлении участия в помощи НПО. Гражданское законодательство предусматривает для НПО определённые налоговые льготы, которые обусловлены получением статуса юридического лица и наличием разрешения от соответствующего ведомства [Маркарьян 2012, с. 152–171].

Тем не менее, многие НПО в Японии предпочитают работать без статуса юридического лица, дающего освобождение от налогов при получении финансовой помощи от компаний и частных лиц. Такой путь позволяет НПО начать свою деятельность немедленно и осво-

[4] The Japan Times. 17.12. 2016.

бождает от сложной финансовой отчетности. Однако даже в таком случае у них есть определенные обязательства. Так, НПО без статуса юридического лица должна выбирать официального представителя или иметь назначенного уполномоченного, который несет ответственность за контроль финансовых пожертвований от корпораций и частных лиц, поступающих на его личный счет.

Самоорганизация как объективный процесс развития общества: пример Японского Фонда поощрительных стипендий российским студентам

Одним из примеров подобных НПО, работающих без статуса юрлица, стал Японский Фонд поощрительных стипендий (далее Фонд), созданный в 1992 г., т. е. еще до принятия закона о НПО. История его создания и функционирования позволяет проследить некоторые особенности работы неправительственных организаций Японии, правила их деятельности, роль лидеров, способы коммуникации и другие значимые отличительные черты, которые позволяют понять их природу и современное состояние.

Основателем Фонда стала Ёкоска Тосико[5], общественный деятель, посвятившая свою жизнь различным гуманитарным и политическим проектам в области японо-советских и японо-российских обменов. В 2007 г. она выступила с докладом на ежегодной международной конференции факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, в котором фактически подвела итоги пятнадцати лет работы Фонда стипендий. В своем докладе она пошагово описала свою деятельность по созданию фонда, объединившего людей разных занятий и статусов [Миура 2007, с. 202–203]. О мотивах своего решения она рассказывала на встречах со стипендиатами фонда, общественными и политическими деятелями двух стран, в своих выступлениях в средствах массовой информации, как в Японии, так и в России.

Много лет Т. Ёкоска была членом общества дружбы СССР и Японии, начиная с 1956 г. неоднократно бывала в Советской стране, много и плодотворно работала над развитием отношений между гражданами двух стран, в частности, принимала активное участие в советско-

[5] Ёкоска — это псевдоним, официальное имя — Миура Тосико.

японском постоянном действующем семинаре женщин СССР и Японии *О роли женщин в современном обществе* и других мероприятиях. Большим поклонником Советского Союза был и ее муж, известный философ Миура Цутому, чья книга для детей *1+1 не всегда 2* — прекрасный пример изложения в популярной форме сложных философских вопросов для детей младшего школьного возраста [Миура 1996]. В разных аудиториях она всегда говорила о том, что на создание НПО ее подвигли три принципиально важных для нее причины.

«Я всегда помнила, как и многие люди моего поколения, что именно Советский Союз в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века предоставил Японии несколько миллионов доз советской вакцины от полиомиелита, которая в буквальном смысле спасла миллионы жизней японских детей…».[6]

«Мой муж Миура Цутому, ушел из жизни в 1990 г., он всегда был большим поклонником Вашей страны и в буквальном смысле «завещал мне любовь к Советскому Союзу…, и я должна была исполнить его волю».

«Японо-российский семинар женщин, в котором я принимала активное участия на протяжении многих лет, на тот момент прекратил свое существование, и я задумалась о новых формах наших отношений, о том, как лично я могу быть полезна России в трудные времена начала 1990-х годов…». (Из выступления Т. Миура (Ёкоска) перед студентами Брянского педагогического института в 2002 г.).

В 1992 г. Т. Ёкоска предложила создать специальный фонд, который бы выплачивал стипендии студентам стран постсоветского про-

---

[6] Огромную роль в поставках советской вакцины в Японию в 1961 г. сыграло общественное движение. В 1960 г. количество обнаруженных случаев полиомиелита в стране резко выросло — до 5 600, 80% заболевших был дети. Японская общественность, особенно женские организации, требовали от правительства страны решения проблемы путем ввоза вакцины из СССР, однако официальный Токио первоначально не хотел сотрудничать с Москвой. В конечном счете при посредничестве японской компании Iskra Industry были оперативно организованы поставки вакцины из СССР. Т. Ёкоска была свидетелем того, как авиалайнер «Аэрофлота» с вакциной на борту встречали в аэропорту Ханэда многотысячные толпы граждан страны. В условиях вспышки эпидемии COVID-19 новую актуальность приобрел вопрос о японо-российском сотрудничестве в деле массовой вакцинации населения. Одна из трех российских вакцин, которая может стать объектом такого сотрудничества, была создана в Федеральном научном центре исследований и разработки иммунобиологических препаратов им. М. П. Чумакова РАН (создан в 1955 г. как Институт по изучению полиомиелита, первым директором которого стал М.П. Чумаков). Именно в этом центре в 1956 г. была создана инактивированная вакцина против полиомиелита.

странства, оставшимся без попечения родителей. Она обратилась за поддержкой прежде всего к тем, с кем она многие годы была связана именно по линии общества «Япония – СССР», встречалась с политиками, учеными, простыми гражданами. Так среди тех, кто поддержал ее с самых первых дней работы Фонда, были люди, имена которых хорошо известны в Японии: Дои Такако, возглавлявшая в то время Социалистическую партию Японии и занимавшая пост председателя палаты представителей парламента Японии; Хатояма Юкио, тогда депутат палаты представителей Парламента, помощник секретаря кабинета министров Японии; многие члены семьи Хатояма, которая является влиятельным политическим кланом, представляющим политиков первого эшелона в нескольких поколениях [Панов 2010]; Фусими Кодзи, бывший президент Японской академии наук; Вада Харуки, профессор Токийского университета; Хасигути Кадзуки, заместитель председателя Японского профсоюза бывших учителей и другие. Они вошли в руководящий орган Японского фонда поощрительных стипендий — Попечительский Совет. Состав попечителей периодически менялся, но эти люди были в его составе практически все время его деятельности, исполняя в том числе и обязанности председателя Попечительского совета фонда. Последние годы это был Хатояма Юкио, именно его подпись стоит на сертификатах студентов. Об участии членов семьи Ю. Хатояма говорит, например, тот факт, что его супруга специально нарисовала открытку для стипендиатов фонда, которая стала поздравлением к Новому году.

В России с 1992 г. также была создана рабочая группа по взаимодействию с Японским фондом стипендий, а потом и попечительский совет, в которых входили известные общественные деятели: А. В. Очирова, президент Международного женского центра «Будущее женщины», в 1994–1996 гг. — депутат Государственной Думы; А. А. Серебров, летчик-космонавт СССР, президент ВАКО «Союз»; В. Н. Забелин, председатель общества «Россия – Япония», глава Росуралсибстроя, С. И. Колесников, действительный член РАН, депутат Государственной Думы (1998–2012) и другие. Руководителем рабочей группы все годы работы Фонда была Н. С. Григорьева.

В поименной список тех, кто поддержал идею создания фонда и принял участие в сборе средств, необходимых для старта, были участники женского японо-советского семинара, работники образования (преподаватели вузов и учителя школ) и здравоохранения,

представители бизнеса, лидеры профсоюзов и просто незнакомые люди, которые услышали выступления Ёкоска Тосико по радио или прочитали ее обращения в газетах — всего более 100 человек.

Первоначальное (полное) название организации — Японский фонд поощрительных стипендий для студентов бывшего Советского Союза. Стипендия назначалась поступившим в высшие учебные заведения сиротам — молодым людям, оставшимся без попечения родителей, а также воспитанникам детских домов. Стипендия присуждалась на весь период обучения. Эмблему Фонда нарисовали художники Маруки (рис. 1).

Первые стипендии были вручены 6 ноября 1992 г. 73 студентам из высших учебных заведений Москвы, Рязани, Пскова, Брянска, Хабаровска и Санкт-Петербурга. Сертификат №1 получила Татьяна Полянская — тогда студентка 2-го Московского медицинского института имени Н. И. Пирогова[7]. Деятельность Фонда осуществлялась на средства, которые собирались в виде членских взносов японских граждан, которые поддержали саму идею создания такой организации, а также на пожертвования от предприятий и общественных организаций. Основная часть средств шла на стипендии и лишь небольшая часть на поддержку работы фонда, например, на поездки для вручения стипендий в разные города России. Со временем география стипендиатов Фонда расширилась, и кроме России (Пятигорск, Владимир, Тверь, Пенза, Ульяновск, Владивосток и др.) список стипендиатов пополнился студентами из Украины и Белоруссии. Белорусские студенты получили стипендии целевым назначением от японских неправительственных организаций из Нагасаки. Они предназначались для учащихся медицинских учебных заведений, а позднее при содействии этих организаций будущие медики из Москвы и Минска получили возможность ознакомительной поездки в специализированные медицинские клиники Японии. Были и необычные стипендии — по завещанию, когда граждане Японии завещали часть своих средств фонду в виде стипендии, названной их именем. Например, такая стипендия — Стипендия Мацуура, согласно воле умершей, выплачивалась студентам из Хабаровска, а также студентам Санкт-Петер-

[7] В настоящее время — Российский национальный исследовательский медицинский университет (РНИМУ) им. Н. И. Пирогова г. Москва. Татьяна Анатольевна Полянская — детский гастроэнтеролог-эндоскопист, имеющая в своем активе сотни благодарностей от своих маленьких пациентов или их родителей.

бургской консерватории (в завещании Мацуура было указано, что она была покорена искусством молодых скрипачей из консерватории, на концерте которых она побывала во время своей поездки в Ленинград, и ее воля — знак признания их таланта). Каждому стипендиату вручался именной сертификат, который подписывался Председателем попечительского Совета Фонда (рис. 2). Отбор кандидатов ежегодно осуществлялся Рабочей группой фонда в России. Огромную работу проводили российские активисты Фонда на местах, именно они собирали необходимые документы, связывались с вузами, а потом на несколько лет становились кураторами стипендиатов Фонда, помогая им в решении их насущных проблем не только во время учебы, но и после ее завершения и начала трудовой деятельности.

Надо отметить, что стипендия не была очень большой (хотя на тот момент она превышала государственную стипендию, выплачиваемую студентам российских вузов). И это было принципиальное решение Японского фонда. Его учредители отталкивались при определении суммы от японской традиции *тосидама*, когда родители или родственники в качестве новогоднего подарка дарят детям небольшие деньги, которые те могут потратить в соответствии со своими желаниями. Идея родительского подарка и стала ведущей при определении размера стипендии. Деньги запаковывалась в специальный конверт, к которому прикреплялась расписка о вручении и, кроме того, стипендиат мог написать на этой расписке свои пожелания.

Ежегодно Т. Ёкоска приезжала в Россию — одна или с другими представителями Фонда — и лично вручала стипендии в Москве и Санкт-Петербурге. В каждый такой приезд она обязательно ездила в какой-то еще один город. Такие поездки были очень важны, как для самих стипендиатов, так и для японских активистов, многие из которых впервые оказывались в российской глубинке, посещали местные университеты и даже ходили со стипендиатами в молодежные клубы. Непосредственный контакт со стипендиатами выступал важным условием работы фонда.

Наибольшее число стипендиатов было у Фонда в 1995–96 учебном году — 132. Всего же за пятнадцать лет была оказана поддержка 311 студентам. К пику своей деятельности Фонд стипендий работал уже как хорошо отлаженный механизм. Добиться такого результата было не так просто, особенно если учесть тот факт, что все, кто был причастен к его деятельности, как в Японии, так и в России, зани-

мались делами в свободное от основной работы время. Выдержать такой график было трудно, но в основном все те, кто начинал этот путь в 1992 г., прошел его до 2006 г., когда были вручены последние стипендии и фонд официально завершил свою работу. Это было сделано по трем основным причинам, которые также были озвучены Т. Ёкоска на последнем общем собрании членов фонда в 2006 г.

Во-первых, изменилась внутренняя ситуация в России, ее экономика начала расти, а страна, которая может обеспечить свой экономический рост, по мнению большинства японцев, может поддержать и молодежь в ее стремлении к образованию, особенно тех, кто в силу сложных жизненных условий оказался перед сложным выбором своего будущего;

Во-вторых, изменилось законодательство России в отношении деятельности зарубежных организаций на ее территории, и таким небольшим организациям, которые изначально не планировали наличие какого-то бюрократического оплачиваемого аппарата, а строились исключительно на добровольности, стало сложно (и даже невозможно) выполнять новые требования;

В-третьих, многие формы работы, основанные на исключительно добровольном участии и активности членов, как в Японии, так и в России, исчерпали себя [Миура 2007, с. 207–208]. Однако решением Попечительского совета Фонда тем стипендиатам, которые на тот момент продолжали учебу в вузе, гранты поддержки были выплачены в 2006 г. одноразово до окончания их обучения.

Информация и коммуникация — важнейший ресурс деятельности НПО

Информация нужна для того, чтобы организовать работу наилучшим образом, тем самым успешно справляться со своей миссией. Для НПО — это еще ресурс для привлечения общественного внимания к решаемой проблеме, увеличение общественной поддержки, привлечение новых членов. Но важна также адекватная передача информации от адресата к адресату, что оказывается объективно сложно в условиях, когда в коммуникативном процессе участвуют акторы, говорящие на разных языках.

Еще в 1993 г. стипендиаты решили издавать информационный листок Фонда, инициаторами стали стипендиаты из Москвы и Рязани,

но очень скоро этот листок стал формой коммуникации между студентами из разных городов. Эту самодеятельную газету ребята назвали *Коннитива* (Здравствуйте), выпускалась она 2–3 раза в год. Как правило, в ней печатался список стипендиатов текущего года (по городам), информация о ближайших событиях (поездки, другие мероприятия в которых студенты-стипендиаты фонда принимали участие), информация о японских правилах и традициях и письма ребят, которые стали приходить в адрес Фонда, в которых они рассказывали о событиях своей жизни, порой самых неожиданных, и почти все они начинались со слова «здравствуйте». Теперь эти опубликованные письма стипендиатов фонда могут с известной долей допущения рассматриваться в качестве документальной базы для социологического исследования. Читая их сегодня, можно представить, как протекала в начале 1990-х г. жизнь рано осиротевших и повзрослевших ребят, выросших в подавляющем большинстве в детских домах или находящихся под попечительством родственников (чаще всего это были бабушки), как проходили их студенческие годы в разных городах страны (в буквальном смысле от Калининграда до Владивостока) и в разных учебных заведениях, о чем они мечтали, с какими трудностями сталкивались и даже об их первых годах после окончания вуза. Знакомство с этими письмами позволяет получить представление об эмоциональном состоянии и жизни студентов, протекающей на фоне жизни страны.

«Здравствуйте, … я теперь студент 2 курса консерватории и очень сожалею, что не смог присутствовать на встрече стипендиатов в этом году... был в фольклорной экспедиции и вернулся в Москву только 21 сентября… Эта экспедиция была очень полезна для меня… Мы были в Орловской области, в Дмитровском районе, записывали исчезающие народные песни... Мне все это очень нравится, и сейчас я пишу несколько статей… Но мы еще обязательно встретимся. Будьте здоровы» (Саша И., Москва, 1999 г.)

«Здравствуйте… Со мной вот что случилось… Был ужасно хмурый день, я еле встал и с заспанными глазами приехал в институт… Иду по коридору, а на встречу председатель нашего профкома, который сообщил мне, что одни очень хорошие люди, ждут меня в одном хорошем месте, чтобы сообщить хорошую новость ... Я тут же проснулся и побежал за хорошей новостью, ведь они не так часто случаются… Так я узнал, что стал стипендиатом, даже не сразу понял,

что это за зеленый конвертик... А когда открыл... Завтра в книжный поеду, а в воскресенье к бабушке с тортом, вот она обрадуется...» (Алексей Б., Рязань, 1999 г.)

Эти зеленые конвертики неожиданно стали особенным знаком Фонда, ребята по-разному в своих письмах обыгрывали это слово — и «зеленое счастье», и «зеленый подарочек». И когда однажды конверты оказались голубыми, все очень удивились, а «ошибка» была немедленно исправлена. Но эта незначительная деталь как раз указывает на то, как ребятам хотелось какой-то стабильности в жизни, привычки, соблюдения традиций, как это бывает в обычной семье.

«Здравствуйте... Я много лет была стипендиаткой фонда, пока училась в Санкт-Петербургской педиатрической медицинской академии, и все шесть лет моей учебы вы оказывали мне помощь, поддерживали меня... Спасибо за заботу и внимание... Пока есть на земле такие люди, как вы, мир будет жить... Сейчас я работаю и поступила в Интернатуру на кафедру детских болезней (в этом мне большое содействие оказала Ассоциации женщин с университетским образованием «Вера»[8]). А еще я вышла замуж. И мы с мужем решили, что усыновим ребенка из детского дома, что и сделали. Нашему сыну Святославу 7 лет, и он пошел в этом году в первый класс... За эти годы я поняла простую вещь: помогли тебе — помоги и ты тому, кому это нужно сейчас... Сделай что можешь... И еще — я вступаю в организацию «Вера», чтобы помогать тем, кто нуждается в моей помощи, в том числе и в учебе. Удачи вам и счастья... наши встречи в Питере я не забуду...» (Светлана Г., Санкт-Петербург, 2000).

И это искреннее желание — помочь другому — было присуще многим стипендиатам Фонда. Они выросли, завершили учебу, пошли работать, но и после этого «наши музыканты» достаточно часто принимали (и принимают) участие в благотворительных концертах, «наши врачи» патронируют девочек из неблагополучных семей, а «наши журналисты» помогают выросшим в детских домах молодым людям получить положенные им по закону квартиры.

«Здравствуйте… С шести лет я воспитывалась в детских домах и школах-интернатах… Закончила одиннадцать классов и поступила во Владимирский педагогический университет... Еще в школе я для себя

[8] В настоящее время Санкт-Петербургская общественная организация «Ассоциация женщин с университетским образованием «ВЕРА». В начале 1990-х эта организация патронировала стипендиатов Японского Фонда поощрительных стипендий.

решила, что стану педагогом… Мне нравится общаться с детьми — они такие любопытные. В свободное время люблю шить, ходить на природу с друзьями… Я не чувствую себя потерянной и одинокой, но всегда очень приятно ощущать, что кто-то заботиться о тебе… Я получаю зеленый конвертик, и так много хочется и сразу… Спасибо за эти мгновения… (Наталия Ш., Владимир, 1996)

Письма от ребят приходили в адрес Фонда и после того, как они завершали учебу и начинали работать, но все равно у них оставалась потребность общения, а некоторые даже продолжали приезжать на ежегодные встречи стипендиатов.

«Здравствуйте… в этом году я закончила университет, но мне совсем не хочется расставаться с вами. Я часто бываю у Алексея Тимофеевича[9], чтобы узнать последние новости… Так я познакомилась с новыми стипендиатами… буду им помогать. Я вышла на работу… пока интересно, но я думаю, что перейду на работу в молодежную газету… Мой первый опыт корреспондента оказался удачным… Да, еще я вышла замуж, мужа зовут Михаил, он пока учится, но уже на пятом курсе… мы счастливы. А еще я рада тому, что, когда Вы теперь приедете в Рязань, я смогу пригласить Вас к себе домой… Жду с нетерпением нашей встречи». (Светлана У., Рязань, 1999 г.)

«Здравствуйте... Я давно уже не Ваша стипендиатка, но решила написать это письмо. После завершения учебы я вернулась в свое родное село, в дом моей бабушки… Он почти развалился, но мне в совхозе дали ссуду, дом отремонтировали… и нам здесь хорошо… Я работаю учительницей начальных классов, и кажется… дети меня любят. Я им часто рассказываю о Японии и показываю открытки, поздравления, которые получала все годы учебы... Год назад случились проблемы со здоровьем… и, если бы не помощь московских друзей Фонда — и больница, и операция… все могло закончиться не так благополучно. Спасибо и многократно — спасибо. Никогда этого не забуду и детям своим расскажу…» (Таня Л., Рязанская область, 2002)

---

[9] Игонин Алексей Тимофеевич — курировал стипендиатов Фонда в г. Рязань, Сарченков Сергей Константинович — в г. Псков и г. Великие Луки; Андреева Нина Петровна — в г. Санкт-Петербург, Сушко Галина Александровна — в г. Пятигорск и других городах КМВ; Тарасова Валентина Прохоровна — в г. Брянск и г. Трубчевск; Лактионова Галина Михайловна — в г. Киев (Украина). В указанных городах в разные годы были самые многочисленные группы стипендиатов — от 10 до 20 человек.

А иногда, это были совсем короткие записки, но трогательные и очень значимые.

«Здравствуйте... вчера у меня был день рождения... спасибо за поздравление — оно было первым!» (Таня Х., Пенза, 2001)

Ребята с удовольствием писали о своих учебных заведениях, городах в которых учатся или описывали места, откуда они родом.

«Здравствуйте... В этом письме я расскажу о Пятигорском лингвистическом университете, в котором учусь и о знаменитом курорте Пятигорск — этой жемчужине Кавказских Минеральных Вод... А в своем следующем письме я расскажу о своей родной республике — Северной Осетии–Алании ... и может быть после этой моей «маленькой рекламы» Вы захотите приехать и к нам...» (Алан Д., Пятигорск, 1997)

За те годы, что выходила это самодеятельная газета, в ней было опубликовано сотни писем стипендиатов из разных городов России, Украины, Белоруссии. И в каждом — слова благодарности и признательности, прежде всего, за душевную близость и моральную поддержку, оказываемую Фондом: «Как приятно точно знать, что о тебе волнуются и заботятся…».

С 1995 г. в Японии для участников Фонда стал издаваться на японском языке (на русский делали частичный перевод) другой информационный листок, который сначала назвался *Огэнки дэска* (*Как поживаете?*), а с 1997 г. — *Тикюдзин* (*Землянин*) (рис.3). Через это издание японские участники Фонда обращались к ребятам, рассказывали о себе, о стране, ее традициях, истории национальных праздников, о других участниках Фонда, а также отвечали на вопросы ребят.

«Вы просите рассказать, какие в Японии любимые праздники и как с ними поздравляют? Мы с удовольствием делаем это… на первой странице этого выпуска нашего листка Вы видите поздравление с Новым годом от Дои Такако — первой в истории Японии женщины, которой довелось побывать, как лидером политической партии, так и спикером палаты представителей парламента страны. …Мы также хотим вам рассказать о праздниках, которых нет в российском календаре, например, День взросления — праздник юношей и девушек, которым исполнилось двадцать лет (с этого возраста они имеют право голосовать на выборах)… или, например, «День почитания старших» или «День мальчиков» и «День девочек»... Мы постараемся в следующих номерах рассказать о них подробно… а что-то из ритуалов этих

праздников вы сможете использовать с пользой для себя, особенно те, кто хочет стать учителями…»

В одном из номеров *Тикюдзин* за 2000 г. была рассказана история Колокола Нагасаки. В Минске, на площади Независимости, рядом с Домом правительства и Красным костелом, тогда был установлен мемориальный Колокол Нагасаки[10]. Этот памятник является горьким напоминанием о многочисленных жертвах ядерных катастроф. На его открытии присутствовали стипендиаты Японского фонда поощрительных стипендий из Минска, Могилева и Гродно, годом позже студенты-медики из Белоруссии были приглашены для ознакомления с работой медицинских клиник Нагасаки. Японский информационный листок позволил участникам Фонда напрямую обращаться к стипендиатам, и многие из них рассказывали, почему они стали его участниками.

«Я долгие годы была участницей японо-советского семинара женщин… когда я в Японии попала на семинар первый раз, я почти ничего не знала о вашей стране, но я увидела красивых, уверенных в себе женщин, который имели возможность получить любое образование, какое хотели… В Японии моей молодости это было очень трудно… мне захотелось побывать в такой стране..., и я стала активным участников семинара, в том числе и последнего, о чем вспоминаю с большой грустью… Когда г-жа Ёкоска обратилась ко мне с просьбой поддержать идею Фонда, я без колебаний это сделала и обратилась в профсоюз учителей, выступила на очередном съезде, и его участницы тоже поддержали эту идею и сделали необходимые взносы, с надеждой, что эти гранты будут переданы студентам — будущим учителям…» (Выпуск *Огэнки дэска* № 1, 1995, письмо Хасигути Кадзука).

С 2004 г. Фонд перестал рассматривать новые кандидатуры, что позволило плавно и безболезненно для стипендиатов свернуть работу Фонда в 2006 г. по причинам, которые ужа были объяснены выше.

[10] Он является копией колокола «Ангел», который уцелел после бомбардировки Нагасаки в августе 1945 г. Под постамент памятника заложены капсулы с землей из японских городов, пострадавших от ядерных взрывов — Хиросимы, Нагасаки, Фукусимы, а также из Чернобыля. На деревянной конструкции установлены флаги пяти стран: России, Беларуси, Украины, Японии и Казахстана. Под каждым из них прибита мемориальная доска. К язычку Колокола привязана веревка, дернув которую, каждый желающий может присоединиться к этому набату памяти.

От лица Фонда все стипендиаты получили последнее письмо от его основателей с пожеланием удачи, успеха в работе и семье, счастья и памяти о тех годах, которые японские попечители и российские студенты прошли вместе.

Заключение

Неправительственные организации обычно ассоциируются с гражданским обществом — сферой организованной социальной жизни. НПО отличают такие признаки, как добровольное участие, самопроизвольный, (в основном) самодостаточный и автономный от государства характер деятельности, а также подчиненность закону и иным нормативным правилам. В Японии под НПО чаще подразумеваются некоммерческие организации, занимающиеся зарубежной помощью, выполняющие программы помощи развития или преодоления чрезвычайных ситуаций и чаще всего имеющие государственную поддержку.

В этом смысле Японский Фонд поощрительных стипендий для студентов был не совсем типичной организацией. С одной стороны, по своей цели, задачам, выбору стратегий, сетевой структуре управления он представлял собой классический пример НПО. С другой стороны, по мотивации участия и стилю руководства он, безусловно, имел свою специфику, обусловленную национальной культурой и законодательными ограничениями. Фонд относился, скорее, к числу «внутренних» японских НПО, которые в большом количестве создаются для решения частных задач местного сообщества. Но по своим целям он изначально заявил о себе как организация, которая работает «вне» локального контекста, оказывая помощь студентам нескольких стран на постсоветском пространстве. Отличительной чертой работы Фонда всегда была обязательность участия, важность личных контактов между грантодателями и получателями, когда передаются не деньги, а в какой-то мере «родительская забота» о младших членах семьи, далеких, но дорогих.

Библиографический список

Белов К. В. (2012) Параметры гражданского общества в современной Японии. *Политэкс.* Т. 8. № 2. С. 236–249.

Маркарьян С. Б. (2012) Неприбыльные организации Японии. Анализ повседневной деятельности. *Ежегодник Япония*. С. 152–171.

Миура, Т. (2007) О деятельности японского фонда поощрительных стипендий: история создания, правила деятельности, современное состояние. *Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. Материалы 5-й ежегодной международной конференции факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (31 мая – 2 июня 2007 г.).* Ч. 2. Москва: РОССПЭН. С. 201–208.

Миура, Ц. (1996) *От общепринятого к науке. 1+1 не всегда 2.* Москва: Альфа-Принт.

Панов А. Н. (2010) *Клан Хатояма. Портрет семьи на фоне истории Японии.* Москва: Олма Пресс.

References

Belov, K. (2012). Parametry grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Yaponii [The parameters of civil society in contemporary Japan]. *Politeks*, 8(2), 236–249. (In Russian).

Hirata, K. (2002). Civil Society and NGOs in Japan. In Hirata K. (ed.). *Civil Society in Japan: The Growing Role of NGOs in Tokyo's Aid and Development Policy* (pp. 8–50). St. Martin's Press.

Markar'yan, S. (2012). Nepribyl'nye organizatsii Yaponii. Analiz povsednevnoi deyatel'nosti [Non-profit organizations in Japan. Analysis of daily activities]. *Yearbook Japan*, 152–171. (In Russian).

Miura, T. (1996). *Ot obshcheprinyatogo k nauke. 1 + 1 ne vsegda 2* [From widely accepted things to scientific knowledge. 1 + 1 is not always 2]. Alpha Print. (In Russian).

Miura, T. (2007). O deyatel'nosti yaponskogo fonda pooshchritel'nykh stipendii: istoriya sozdaniya, pravila deyatel'nosti, sovremennoe sostoyanie [About the activities of the Japanese Foundation for Incentive scholarships: history, rules, current state]. In *Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke: traditsii i innovatsii* [Public administration in the 21st century: traditions and innovations]. Materials of the 5th Annual International Conference of the School of Public Administration of the Lomonosov Moscow State University (May 31 – June 2, 2007), 2, 201–208. (In Russian).

Panov, A. (2010). *Klan Khatoyama. Portret sem'i na fone istorii Yaponii*. [The Hatoyama clan. Portrait of a family against the background of the history of Japan]. Olma Press. (In Russian).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 130–162
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 130–162
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-130-162

Погребальные сооружения периодов Яёй-Кофун и зарождение японской государственности[1]

Е. С. Бакшеев

Аннотация. В статье рассматриваются, главным образом, с точки зрения внешней формы, основные типы погребальных сооружений периода Яёй (ок. V в. до н. э. – III в. н. э.) с насыпью, в частности: круглые (円形周溝墓) и квадратные могильные насыпи со рвом (方形周溝墓) и с одним или двумя выступами, могильные насыпи с 4-мя угловыми выступами (四隅突出形墳丘墓) региона Санъин, большие могильные насыпи *функю:бо* 大型墳丘墓 Позднего Яёй, «курганы типа Макимуку» 纒向型前方後円墳 переходного периода от Яёй к Кофун и др.

Если небольшие могильные насыпи со рвом Раннего Яёй, у которых ров пересекается перемычкой, отходящей от насыпи, были лишь отдаленной предтечей «квадратно»-круглых и «квадратно»-квадратных курганов периода Кофун, то большие насыпи *функю:бо* Позднего Яёй уже являются прототипом курганов *кофун*. Курганы *кофун* появились благодаря синтезу многих локальных особенностей насыпей *функю:бо* Позднего Яёй: например, цилиндрические *ханива* (*энто: ханива*) курганов *кофун* развились из сосудов и подставок под них на *функю:бо* в регионе Киби (преф. Окаяма). Между насыпями П. Яёй и курганами Р. Кофун есть очевидное генеалогическое родство; т. н. «квадратно»-круглые курганы *дзэмпо: ко:эн-фун* 前方後円墳 представляют собой развитие круглой насыпи *функю:бо* с одним прямоугольным («квадратным») выступом.

Однако самыми непосредственными предшественниками стандартных «квадратно»-круглых курганов в Кинай, например, Хасихака кофун, стали

[1] Основные проблемы, рассмотренные в данной статье, впервые были изложены в моем докладе «Предшественники курганов Ямато – Погребальные сооружения периода Яёй и их трансформация» на 2-й конференции «История и культура Японии» (Москва, 18 октября 2000 г.; организатор конференции проф. А. Н. Мещеряков). Различные аспекты этой темы подробно рассматриваются в: [Бакшеев 2022].

т. н. «квадратно-круглые курганы типа Макимуку» 纒向型前方後円墳, которые являются переходной формой от насыпей *функю:бо* Позднего Яёй к настоящим курганам Раннего Кофун. Таким образом, истоки культуры «квадратно»-круглых курганов, в частности, их уникальной формы, — при явном континентальном влиянии — лежат в автохтонной традиции (могильные насыпи периода Яёй).

Взаимосвязано с формированием «курганной культуры» происходил процесс политогенеза: «курганы типа Макимуку» появились в начале – 1-й пол. III в. н. э. в местности Макимуку (г. Сакураи, преф. Нара) в т. н. «политии Мива», ставшей зачатком раннего государства Ямато. Появление в различных регионах стандартных курганов *кофун* означало становление в III в. — IV в. н. э. конфедерации (во главе с правителями Ямато) региональных *политий*, связанных общими ритуалами вождеских захоронений и наследования власти.

Ключевые слова: Яёй, Кофун, могильные насыпи *функю:бо*, квадратные и круглые могильные насыпи со рвом, могильные насыпи с 4-мя угловыми выступами Идзумо, ритуальная керамика периода Яёй, ханива, курганы типа Макимуку, Хасихака кофун, курганы *кофун*, «квадратно»-круглые курганы, политогенез, «полития Мива», государство Ямато.

Автор: *Бакшеев Евгений Сергеевич*, кандидат культурологии, консультант Нового института культурологии, 123056 Россия, Москва, ул. Васильевская, д. 13, стр. 1;

E-mail: e.baksheev@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Funerary Structures of the Yayoi and Kofun Periods and the Birth of Japanese Statehood

E. S. Baksheev

Abstract. The article examines the main types of mound-burials 墳丘墓 of the Yayoi period (ca. 5th c. BC – 3rd c. AD), in particular: round (円形周溝墓) and square moated precinct burials (方形周溝墓) with one or two projections, square mounds with four corner projections (四隅突出形墳丘墓) of the San'in region, large round and square mound-burials (with projections) of Late Yayoi, 'Makimuku-style' keyhole mounded burials of the transition period from Yayoi to Kofun, etc.

Small moated precinct burials of the Early Yayoi period, with the projection from the main mound serving as a land-bridge access from outside the moat into the burial precinct, were only the forerunner of keyhole tombs of the Kofun period with round or square rear mounds, while large mound-burials of Late Yayoi can be already considered a prototype of the *kofun* keyhole tombs. Mounded tombs of the Kofun period appeared due to the synthesis of many local features of Late Yayoi mound-burials 墳丘墓, particularly, cylindrical *haniwa* funerary sculptures developed from the Kibi decorated jar and jar-stand combination placed as offerings on top of the Yayoi mound-burials (Okayama Pref.). There is an obvious genealogical relationship between Late Yayoi mound-burials and mounded tombs of Early Kofun; for example, keyhole tombs with round rear mounds (前方後円墳) represent a development of a round mound-burial with one square projection.

However, keyhole-shaped 'Makimuku-style' mounded burials 纒向型前方後円墳, the immediate mound-burial forerunners of standardized keyhole tomb tradition embodied by Hashihaka kofun (Kinai), appeared in the early to mid-3rd century AD in the Miwa area of Nara plain at Makimuku site (modern Sakurai city), which was the location of Miwa polity and the birthplace of the nascent Yamato state. Thus, the origins of the keyhole tomb culture, in particular, of the unique keyhole form, — with an obvious significant continental influence — are in the autochthonic tradition of the Yayoi mound-burials. At the same time, the process of politogenesis took place intertwined with the formation of the "Mounded Tomb Culture". The appearance of the standardized keyhole tombs in different regions signaled development (in the 3rd – 4th centuries AD) of a Yamato-led confederacy uniting several chiefdoms bonded by common rituals of chiefly burial and succession.

Keywords: Yayoi, Kofun, round and square moated precinct burials, Yayoi period mound-burials, square mounds with four corner projections, ritual pottery stands and accompanying jars, *haniwa*, 'Makimuku-style' keyhole mounded burials, mounded tombs, keyhole tombs with round rear mounds, Hashihaka kofun, Makimuku site, Miwa polity, state formation, Yamato state.

Author: *Baksheev Evgeny S.,* Ph.D. in Cultural Studies, Consultant at the New Institute for Cultural Research (Moscow); 123056, Russia, Moscow, Vasil'evskaya street, 13-1.

E-mail: e.baksheev@yandex.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

Погребальные курганы периода Кофун (古墳時代 III — VII в. н. э.), особенно т. н. «квадратно»-круглые[2] (前方後円墳 *дзэмпо: ко:эн-фун*; далее: ДПКЭФ[3]) издавна привлекали внимание исследователей[4]. Решение одной из проблем — происхождение такой уникальной формы[5], — может пролить свет на вопросы формирования единой японской культуры Ямато[6], становления японской государственности, взаимодействия автохтонной и континентальной культур[7].

Период Яёй (弥生 ок. V в. до н.э. – III в. н. э.[8]) можно назвать «революционным» (начало использования металлов, переход к про-

---

[2] На самом деле, передняя, т.н. «квадратная» часть у таких курганов, равно как и у «квадратно»-квадратных курганов (前方後方墳 дзэмпо: ко:хо:-фун / ДПКХФ) периода Кофун, как правило, была прямоугольной или трапециевидной формы. Как показано в данной статье, она развилась из выступов, образовавшихся у могильных насыпей периода Яёй, т. е. из перемычек, которые пересекали ров вокруг таких насыпей. Ранние курганы ДПКЭФ и ДПКХФ сформировались в Японии уже в 1-й пол. III в. н. э.; в Южной Корее обнаружено несколько таких курганов 2-й пол. V в. — 1-й пол. VI в. н. э., т. е. построенных значительно позже; вероятно, это японское влияние.

[3] Сокращенные названия погребальных сооружений:
ФКБ = функю:бо 墳丘墓 «могильная насыпь [периода Яёй]»;
ХСКБ = хо:кэй сю:ко:бо 方形周溝墓 «квадратная могильная насыпь со рвом»;
ЭСКБ = энкэй сю:ко:бо 円形周溝墓 «круглая могильная насыпь со рвом»;
ХДДБ = хо:кэй дайдзё:бо 方形台状墓 «квадратная могильная насыпь-платформа»;
ЭДДБ = энкэй дайдзё:бо 円形台状墓 «круглая могильная насыпь-платформа»;
ЁСТ ФКБ = ё суми тоссюцу гата функю:бо 四隅突出型墳丘墓 «могильная насыпь с четырьмя угловыми выступами [региона Санъин]»;
ДПКЭФ = дзэмпо: ко:эн-фун 前方後円墳 «квадратно»-круглый курган;
ДПКХФ = дзэмпо: ко:хо:-фун) 前方後方墳 «квадратно»-квадратный курган.

[4] В отечественном японоведении эта тема затрагивалась в обобщающих трудах: [Иофан 1974, с. 35–82; Мещеряков, Грачев 2002, с. 85–110]. Российские археологи недавно также обратились к этой теме – см.: [Гнездилова 2020]; см. также [Бакшеев 2022].

[5] Как отмечает Д. Барнс, эволюция формы могильных насыпей важна для определения времени создания погребальных сооружений «квадратно»-круглой и «квадратно»-квадратной формы как основного показателя для элитных захоронений периода Кофун [Barnes 2007, p. 109].

[6] Культура исторического периода Ямато 大和時代 (III – VII в. н. э.).

[7] В Китае возведение массивных пирамидальных (квадратных в плане) курганов над элитными захоронениями началось в 1-м тысячелетии до н.э. К началу эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) эта традиция проникла на Корейский полуостров. Развитие оригинальных форм курганных захоронений начиная с III в. н. э. в Корее и в Японии (ДПКЭФ и ДПКХФ) стало одним из признаков стремительной стратификации местных обществ после падения династии Хань [Barnes 2012, p. 193].

[8] Новая стандартная хронология периода Яёй, используемая сейчас в Японии: Начальный Яёй (со:ки 早期) — V–III вв. до н.э.; Ранний Яёй (дзэнки 前期), или Яёй-I, — III–II вв. до н.э.; Средний Яёй (тю:ки 中期) делится на три фазы: Яёй-II — II в. до н. э.,

изводящему хозяйству — заливному рисоводству)[9] и «переходным» (социальная дифференциация, возникновение политической элиты, появление протогосударственных образований — *политий*) [Barnes 2007, p. 109; Mizoguchi 2013, p. 53; Hudson 1992, p. 175; Мещеряков, Грачев 2002, с. 58; Суровень 2020а, с. 241–242].

Период Яёй также отличался необычайным разнообразием типов погребальных сооружений[10]. Так, в 1-й половине периода Яёй на севере о. Кюсю сосуществовали захоронения в грунтовых могилах *доко:бо* 土壙墓, первичные взрослые захоронения в гигантских широкогорлых глиняных сосудах *камэ* (*камэканбо* 甕棺墓)[11], захоронения в каменных гробах-ящиках *хако-сики сэкканбо* 箱式石棺墓 и в деревянных гробах *мокканбо* 木棺墓.

Только на севере о. Кюсю (от северо-запада Кюсю до севера Кюсю) сооружались «дольмены» *сисэкибо* 支石墓, аналогичные т. н. «модифицированным» дольменам Южной Кореи [Воробьев 1958 с. 61–68; Воробьев 1980, с. 60, 104].

С другой стороны, в Восточной Японии (о. Хонсю) широкое распространение получили вторичные захоронения 再葬墓[12] в узкогорлых сосудах типа *цубо* 壺 («кувшины») в круглых грунтовых могилах (Тюбу, Канто, Хокурику, юг Тохоку), появившиеся еще в Финальном Дзёмон, а также детские захоронения в сосудах типа *камэ* 甕 (*камэканбо*) (юг Тохоку) [Мещеряков, Грачев 2002, с. 74–75; Бакшеев 2001, с. 16–25; Esaka, Serizawa, Sakazume (eds.) 1983, p. 187, 217; Sahara 1987, p. 318–328; Tanaka 1991, p. 112–113; Mizoguchi 2013, p. 60, 92–101].

Яёй-III — II–I вв. до н. э., Яёй-IV — I в. до н. э. — I в. н.э.; Поздний Яёй (ко:ки 後期) делится на две фазы: Яёй-V — I–II вв. н. э. и Яёй-VI — 1-я пол. III в. н. э. Период Ранний Кофун сейчас датируется 2-й пол. III–IV в. н. э. (см.: [Бакшеев 2003, с. 28]). В отечественной науке по-прежнему часто используют старую хронологию Яёй (III в. до н. э. — III в. н. э.). Археологи из Национального музея японской истории 国立歴史民俗博物館 отодвинули начало Яёй к 1000 г. до н.э., но эта дата не является общепринятой.

[9] В период Яёй также начал формироваться японский этнос.

[10] Что частично объясняется тем, что Яёй — это не единая археологическая культура, а группа близких культур (устное сообщение С. В. Лаптева).

[11] Такие захоронения в гигантских урнах в Японии характерны только для С. Кюсю

[12] О традиции первичных и вторичных погребений на Японских о-вах см.: [Бакшеев 2001, с. 7–25; Бакшеев 2005].

Погребальные сооружения периода Яёй с насыпью

В рамках данной статьи для нас основной интерес представляют несколько типов погребальных сооружений периода Яёй с насыпью (см. Рис.1), в частности: *хо:кэй сю:ко:бо* 方形周溝墓 (далее: ХСКБ; «квадратная могильная насыпь со рвом»[13]) (см. Рис. 2–3), *хо:кэй дайдзё:бо* 方形台状墓 (ХДДБ; «квадратная могильная насыпь-платформа») и *энкэй сю:ко:бо* 円形周溝墓 (ЭСКБ; «круглая могильная насыпь со рвом») (см. Рис. 5–6). Эти погребальные сооружения появились в Раннем Яёй; позже к ним добавился такой тип как *энкэй дайдзё:бо* 円形台状墓 (ЭДДБ; «круглая могильная насыпь-платформа»). Рассматриваются также т.н. «могильные насыпи с 4-мя угловыми выступами» 四隅突出型墳丘墓 (см. Рис. 9); этот тип вкупе с ХДДБ также называют *функю:бо* 墳丘墓; в эту группу включают также ХСКБ и ЭСКБ; ХСКБ также называют 方形低墳丘墓 — «низкие квадратные могильные насыпи *функю:бо»* (в целом, в японской науке все захоронения периода Яёй с насыпью называют *функю:бо*, поэтому в каждом случае требуется уточнение)[14] (см. Рис. 3, 10).

Квадратные могильные «насыпи со рвом» и «насыпи-платформы»

«Квадратные могильные насыпи со рвом» (ХСКБ) впервые были обнаружены в 1963 г., и уже к концу 1980-х гг. их количество составляло около двух тысяч[15]; это типичный тип захоронения Яёй. Их открытие — одно из самых значительных достижений послевоенной японской археологии.

---

[13] В отечественной литературе их также называют: «могилы, окруженные рвом с водой» ([История Японии 1998, с. 51] и «захоронения прямоугольной формы, окруженные канавой» [Лаптев 1998, с. 84].

[14] Термин *функю:бо* упоминается в отечественной литературе (см.: [История Японии 1998, с. 22]). В Японии различия между погребениями Яёй с насыпью 墳丘墓 (русский перевод «могильная насыпь» мой – Е.С.Б.) и курганами 古墳 периода Кофун выражены уже на уровне терминологии: насыпи Яёй обозначаются знаком 墓 (могила, захоронение без высокого погребального холма), а курганы Кофун — знаком 墳 (курган, гробница с высоким погребальным холмом). У нас могильные насыпи *функю:бо* Яёй подчас некорректно называют «курганами» — термином, который закреплен за *кофун.* Укажем также англоязычный термин для 墳丘墓; Д. Барнс переводит его как «mound-burial», а 古墳 — «mounded tomb» [Barnes 2007, p. 112].

[15] Отмечено также несколько десятков ХСКБ «квадратно»-квадратной формы, т. е. у квадратной насыпи имелся прямоугольный («квадратный») выступ.

ХСКБ и «квадратные могильные насыпи-платформы» (ХДДБ) почти не отличаются по внешнему виду: это невысокие могильные насыпи квадратной или прямоугольной формы; длина стороны насыпи от 5–6 м. до свыше 30 м, но способы их строительства различны. При сооружении ХСКБ грунт насыпали на ровном месте и утрамбовывали[16]; в случае ХДДБ — срезали верхушку естественного возвышения (холма) и подравнивали его по бокам [Sahara 1987 p. 319]. В период Яёй одновременно существовали: на равнинах — квадратные (ХСКБ) и круглые (ЭСКБ) насыпи со рвом, а на возвышенностях — квадратные и круглые насыпи-платформы.

Главной особенностью ХСКБ является неглубокий ров, окружающий такую насыпь; из грунта, вынутого из рва, формировалась насыпь высотой обычно ок. 1 м. (до 2 м., см.: [Бакшеев 2022, рис. 4]). У ХСКБ ров мог полностью окружать насыпь; один угол насыпи мог как «земляной мост» пересекать ров и соединяться с окружающим территорией; ров мог охватывать насыпь с трех сторон; насыпь могла иметь четыре перемычки по углам. Для периода Яёй характерно прерывание рва по углам (от 1 до 4) или со стороны насыпи и соединение ее с внешним пространством (см. Рис. 3, 4, 6); для периода Кофун — непрерывный кольцевой ров вокруг кургана [Ōtsuka, Kobayashi (eds.) 1982, p. 350].

ХСКБ заключали в себе грунтовую могилу, а также иногда деревянный гроб (или керамическую урну). Они могли содержать одно (в центре насыпи) или несколько погребений; одна ХСКБ могла содержать от 5 до 15 и более погребений мужчин, женщин и детей в простых грунтовых могилах, деревянных гробах или глиняных сосудах (*камэкан*)[17] (в Кинай использовались сборные деревянные гробы-ящики, на Кюсю — каменные гробы-ящики [Воробьев 1980, с. 104]). Считается, что ХСКБ больших размеров с одним погребением — это могилы особ высокого статуса (вождей) [Ōtsuka, Kobayashi

[16] При этом использовали китайский метод трамбовки земли (яп. *хантику* 版築).

[17] На севере Кюсю (городище Ёсиногари, III в. до н. э. — III в. н. э.) переселенцами с континента была сооружена большая могильная насыпь (北墳丘墓 Средний Яёй, I в. до н. э.; ок. 30 × 40 м, высота св. 4,5 м); она не относится к типу ХСКБ того времени, и эта традиция возведения ФКБ не получила в Японии развития еще 200 лет. В ней содержалось 8 элитных захоронений в гигантских урнах. Истоки таких могильных насыпей – в Китае, в области Цзяннань или на полуострове Шаньдун. Насыпь была построена т. н. методом *хантику* по китайским образцам, но технологии Ёсиногари в Японии больше нигде не использовалась до VII в. [Hudson, Barnes 1991, p. 220].

(eds.) 1982, p. 350], а насыпи с несколькими захоронениями — это семейные могилы (супружеских пар) от одного до трех поколений семьи.

Обычно небольшие ХСКБ Раннего Яёй образуют общинное кладбище (группы по 10-30 шт.) рядом с поселением. Так, в преф. Осака, Сига, Айти обнаружены большие скопления ХСКБ, состоящие из нескольких десятков или даже более сотни [Yamada 1982, p. 97]. Но на этих кладбищах есть и другие типы захоронений: отдельные гробы или простые могилы, но без насыпи; такие погребения также могли образовывать отдельные семейные группы, отличные от тех, что под насыпями.

На пам. Ками 加美遺跡 (г. Осака) ХСКБ мега-класса (Средний Яёй) имеется насыпь высотой ок. 2 м, размерами 28 м (юг-север) на 15 м (восток-запад), окруженную рвом шириной 5 м и глубиной 0,5–1 м с 13 захоронениями в деревянных гробах из древесины *ко:ямаки*,[18] некоторые из гробов — двойные. Такие двойные гробы характерны для раннеханьских захоронений и, вероятно, попали в Японию через китайский округ Лэлан (Лолан 楽浪郡) на Корейском полуострове. На пам. Сидака склоны насыпи ХСКБ (Средний Яёй) с длиной стороны 15,5 м и высотой 80 см покрыты камнями. Таким образом, очевидно, что традиция применения «облицовочных камней» (*фукииси*) для обкладки склонов у курганов Кофун восходит к Среднему Яёй.

Распространение квадратных и круглых могильных насыпей со рвом

Большинство исследователей указывают, что «квадратные могильные насыпи со рвом» ХСКБ (см. Рис. 2) появились в Кинай в раннем Яёй [Amakasu 1977, p. 27]; самые старые обнаружены у Осакского залива — пам. Хигаси муко: № 2 (1- я половина Раннего Яёй). Уже в Раннем Яёй они достигли побережья залива Исэ; в Среднем Яёй они начали распространяться по всему о. Хонсю — в начале на восток (Токай, Тюбу, Канто), а затем и на запад (на Кюсю — с конца Яёй до начала Кофун) [Hudson 1992, p. 163]. В Позднем Яёй (I – III в. н. э.) они уже начинают исчезать в Кинай, но получили распространение в Восточной Японии, сооружаются на севере Кюсю, в Тюгоку и на о. Сикоку.

[18] Японская зонтичная пихта コウヤマキ（高野槙 / 高野槇 лат. Sciadopitys verticillata). Из стволов этого дерева в Раннем Кофун также делали гробы–колоды.

По мнению одних исследователей, захоронения типа ХСКБ были завезены в Японию китайскими эмигрантами в период Цинь (221 – 206 г. до н.э.) [Лаптев 1998, с. 84–85]. С другой стороны, считают, что ХСКБ изначально возникли в Корее, и затем были привнесены в Японию с юга Корейского полуострова носителями культуры заливного риса. При этом, на севере Кюсю их крайне мало; причину этого видят в том, что группы переселенцев, практиковавшие захоронения в ХСКБ, после краткой остановки на севере Кюсю, сразу продвинулись в Кинай, который стал центром формирования этого типа в Японии и откуда он распространился по всей Японии, в том числе на о. Кюсю.

Интересно, что при переходе к Кофун число ХСКБ возрастает; их продолжают строить и с началом Кофун (до его середины): иногда в один и тот же период в одной и той же местности встречаются и ХСКБ, и курганы *кофун*, но в целом, исчезновение ХСКБ совпадает с периодом массового строительства курганов[19]. Ареал распространения ХСКБ — вся страна, за исключением Рюкю и Хоккайдо [Tsuboi (ed.) 1987, p. 57; Лаптев 1998, с. 85], т. е. тех регионов, которых не достигла культура Яёй. Продвигаясь на восток, они вытесняют вторичные погребения *сайсо:бо* 再葬墓[20] в Токай еще во II в. до н. э., а в Канто, где ХСКБ получили особенно широкое распространение, в I в. до н. э. Феномен распространения ХСКБ задает модель будущего (IV в. н. э.) быстрого распространения курганов *кофун* и, в целом, культуры Кофун из Кинай на восток и запад [Amakasu 1977, p. 27].

С другой стороны, «круглые могильные насыпи со рвом» (ЭСКБ) (см. Рис. 4, 5, 6) возникли в Раннем Яёй в районе Бисан Сэто 備讃瀬戸 — на береговой полосе Внутреннего Японского моря между преф. Окаяма (о. Хонсю) и преф. Кагава (о. Сикоку). В Среднем Яёй они массово проникли в область Харима 播磨 (преф. Хёго); по побережью Харима они стали продвигаться на восток и север. В конце Яёй они еще больше расширили зону своего распространения на восток — в области Кавати, Ямато, Тамба, в береговую полосу о. Бива — с центром в области Сэтцу. В ЭСКБ, как правило, хоронили только одного человека.

---

[19] Так, вокруг курганов ДПКЭФ (Исидзука и Хокэнояма) и ДПКХФ (Мэкури) в курганной группе Макимуку (г. Сакураи. преф. Нара) имеются насыпи ХСКБ. См: [Yamada 1982, p. 97; Esaka, Serizawa, Sakazume (ed.) 1983, p. 83, 286; Amakasu 1977, p. 27; Tsuboi (ed.) 1987, p. 57].

[20] О вторичных погребениях *сайсо:бо* см.: [Бакшеев 2001, с. 17–18, 24–25, прим. 14].

Встречаются ЭСКБ, у которых ров прерывается перемычкой — выступом, отходящим от круглой части насыпи; такие ЭСКБ с «сухопутным мостом» 陸橋付円形周溝墓 (см. Рис. 4, 6), по мнению исследователей, стали предтечей ДПКЭФ Кофун[21].

В конце Яёй ЭСКБ и ХСКБ уже сооружаются рядом друг с другом: на пам. Сэта исэки 瀬田遺跡 в Финальном Яёй 弥生時代終末期 (г. Касихара[22]) на одном могильнике соседствуют 1 крупная насыпь ЭСКБ и 2 ХСКБ. ХСКБ раннего периода располагаются группами по 10–20 насыпей, образуя коллективные могильники, но имели тенденцию к развитию в привилегированную погребальную систему для лиц высокого статуса и особых семей (знати, вождей). Так, на пам. Уцуги-Мукохара (г. Хатиодзи) на 60 жилищ имелось только четыре ХСКБ. Это означает, что только ограниченное число членов общин хоронилось в них [Amakasu 1977, p. 25–27] — обычно, в деревянных гробах[23]. «Очевидно, что такого рода сооружения представляли собой захоронения знати» [Лаптев 1998, с. 84]. Если наличие насыпи служит индикатором социального статуса, то в среднем Яёй[24] уже существовала социальная стратификация [Tsuboi (ed.) 1987, p. 57]; таким образом, ХСКБ — элитные захоронения (особых семей и вождей) [Yamada 1982, p. 97]. С ростом социальной стратификации появляются индивидуальные вождеские ХСКБ с одним захоронением.

Отметим, что до появления ХСКБ места захоронений в период Яёй специально не отделялись. Возникновение погребений с отдельной насыпью, очевидно, были связаны с новымим представлениями о смерти и загробном существовании человека, которые предполагали необходимость отграничения мест захоронений от внешнего мира.

---

[21] Сираиси Таитиро предположил, что: (1) ФКБ 墳丘墓 Позднего Яёй развились из круглых (円形周溝墓) и квадратных (方形周溝墓) насыпей со рвом Раннего Яёй, у которых выступы оформились как «земляные мосты» через ров для доступа к захоронению; (2) затем, сокращение числа таких выступов до 1 дало начало насыпям «квадратно»-круглой и «квадратно»-квадратной формы (период Финального Яёй – Начального Кофун), когда этот выступ расширился и стал площадкой для проведения обрядов; (3) в конце концов, весь курган был окружен рвом, а перемычки исчезли (по: [Barnes 2007, p. 109].

[22] На месте будущей столицы Фудзивара-кё: (694–710 гг.).

[23] Другие захоронения там были простыми грунтовыми могилами [Pearson 2016, p. 21].

[24] Или уже в конце Раннего Яёй [Imamura 1996, p. 182].

Время появления ХСКБ также совпадает с периодом социальных преобразований: переходом от политических единиц в виде «селений» (*мура* 邑) к «владениям» (*куни* 国 — здесь «община; вождество; полития»), объединяющим несколько таких «селений».

Керамическая утварь на могильных насыпях Яёй как прототип *ханива* периода Кофун

Во рве вокруг ХСКБ часто находят разнообразную керамическую посуду — узкогорлые «кувшины» *цубо* 壺, чаши (вазы) на высокой ножке *такацуки* 高坏, подставки *кидай* 器台. Среди этой утвари особенно много *цубо* с умышленно сделанным после обжига отверстием в дне, которые рассматриваются как предшественники т. н. «*ханива* в форме *цубо*» (*цубо-гата ханива* 壺形埴輪).

Демаркация захоронения в период Яёй, т.е. отделение участка общинного кладбища с помощью рва, а также установка ритуальной посуды на могиле означают появление одной из форм почитания душ усопших и могут считаться первым шагом к погребальным обрядам Кофун. У ранних курганов также можно найти примеры расположения кувшинов *цубо* (с отверстиями в дне) на насыпи в форме квадрата; это означает, что традиция ХСКБ Яёй была унаследована в раннем Кофун.

С конца среднего Яёй в районе Киби (преф. Окаяма) в жилищах использовалась бытовая посуда — *цубо* и подставки *кидай* под них. В это же время на могилы или возле них для проведения погребально-поминальных обрядов выставлялись комплекты такой бытовой утвари (*цубо* с подставками) с жертвенной пищей для усопшего [Ōtsuka, Kobayashi (eds.) 1982, p. 350]. В позднем Яёй такая посуда неожиданно исчезла из поселений; одновременно с этим на элитных ФКБ вместо обычной посуды появились единые комплекты из «особой» керамики. Оказывается, что со временем, в Киби обычные *цубо* и подставки, которые использовались в намогильных обрядах, увеличились в размере, приобрели богатый декор, утратили свою утилитарную функцию и трансформировались в ритуальную утварь большого размера — т. н. «особые *цубо*» (*токусю цубо-гата доки* 特殊壺形土器) и «особые подставки» (*токусю кидай-гата доки* 特殊器台形土器) (Рис. 7), которые устанавливались на таких больших ФКБ, как Татэцуки (см. Рис. 8). Именно такая утварь стала прототипом *ханива*

на курганах раннего Кофун, а именно: «особые подставки» – прототипом «*ханива* в виде особых подставок» (*токусю кидай-гата ханива* 特殊器台形埴輪) и затем — цилиндрических *ханива* (*энто: ханива* 円筒埴輪) [Amakasu 1977, p. 27], а вместе с «особыми» *цубо*, которые ставили на такие «особые подставки», — прототипом т.н. «*ханива* в форме *цубо*» (*цубо-гата ханива* 壺形埴輪), или «*ханива* в форме цветка вьюнка» (*асагао-гата ханива* 朝顔形埴輪).

Крупные могильные насыпи *функю:бо* Позднего Яёй

В раннем Яёй могильные насыпи различных типов были сравнительно небольшими, но в позднем Яёй их размеры резко увеличились; эта тенденция и привела впоследствии к возникновению курганов *кофун*. В начале Позднего Яёй на Японских островах стали распространяться новые формы погребальной обрядности (с новой инфраструктурой): общинные кладбища по-прежнему использовались, но отдельно от них на вершинах холмов, в отдалении от поселений, создавались погребения с относительно большими насыпями квадратной, круглой или «квадратно»-круглой формы с каменной камерой вертикального типа, расположенной в центре насыпи. Часто камни окружали подножие могильной насыпи, образуя род ограды

Характерный пример — Татэцуки функю:бо 楯築墳丘墓 в Киби (Поздний Яёй; 2-я пол. II в. – 1-я пол. III в. н. э.; см. [Бакшеев 2022, рис. 13]). При этом, это захоронение редкой формы — круглая могильная насыпь с двумя боковыми прямоугольными («квадратными») выступами (*со:хо:тю:энкэй-гата функю:бо* 双方中円形墳丘墓). Центральная насыпь диаметром 43 м и высотой 4,5 м, с двумя выступами трапециевидной формы с противоположных сторон (на северо-востоке и юго-западе[25]). Ширина выступов около 15 м; длина юго-западного выступа св. 20 м (северо-восточный выступ сильно разрушен)[26]. На склонах насыпи было установлено два ряда вертикально стоящих камней высотой 1–2 м. Между рядами камней насыпан слой гравия. Подобно каменным оградкам неолитических курганов в Европе стоящие камни здесь были предназначены для того, чтобы сохранить форму насыпи, а также чтобы отделить могильную насыпь от внешнего мира [Tsuboi (ed.) 1987, p. 57].

[25] В период Яёй многие ХСКБ были ориентированы по оси восток-запад.

[26] Сейчас общая длина этого сооружения — 72 м; это самая большая насыпь ФКБ Яёй.

В центре Татэцуки функю:бо — большая грунтовая могила (9 м × 5,5 м, глубиной 1,8 м). Внутримогильные погребальные сооружения — прямоугольная деревянная камера (3,5 м × 1,5 м) с деревянным гробом длиной 2 м. Камера была засыпана землей и покрыта слоем гальки, где обнаружено большое количество утвари, использованной в поминальных обрядах — кувшины, подставки, вазы *такацуки*. Татэцуки функю:бо качественно отличается от всех предшествующих ему ХСКБ тем, что был построен как самостоятельное погребение, отдельное от общинного кладбища. У него большая насыпь, его сооружения свидетельствуют о значительных затратах труда, у него богатый погребальный инвентарь; остатки многочисленной посуды указывают на активное проведение погребально-поминальных обрядов. Исследователи считают его погребением вождя.

Элитные погребения позднего Яёй с большими насыпями как у Татэцуки функю:бо, сооружались по всей Японии[27]: в регионе Сэтоути, в преф. Окаяма и Хёго. Они могли быть как круглыми, так и квадратными, а также иметь один или два прямоугольных выступа [Tsude 1996, p. 170] (см. Рис. 4).

Могильные насыпи Идзумо периода Яёй

На побережье Японского моря в регионе Санъин, в частности, в Идзумо (соврем. преф. Симанэ) обнаружено большое количество уникальных погребений позднего Яёй (II – III вв. н. э.) — квадратных могильных насыпей (сторона до 20–40 м; без рва) с 4-мя выступами по углам, которые получили название *ё суми тоссюцу-гата функю:бо* / ЁСТ ФКБ 四隅突出形墳丘墓[28] (см. Рис. 9). Они стали «фирменными» захоронениями Идзумо периода Яёй (появились в Среднем Яёй), а также распространились по всему Санъин вдоль Японского моря, проникли в Киби, но их не было ни в Кинай, ни в Сэтоути, ни в Токай.

Такие сооружения исчезли в конце Яёй; сначала они трансформировались в местный тип ранних квадратных курганов, в которых угадывались их прототипы — ЁСТ ФКБ периода Яёй (например, курган Сиоцуяма №1 — прямоугольная насыпь, СЮ 25 м × ВЗ 20 м, высота 3 м; обкладка камнями *харииси*; каменная камера вертикального типа;

[27] В таких погребениях встречаются китайские бронзовые зеркала.

[28] О них и о курганах периода Кофун в Идзумо см.: [Torrance 2016, p. 3–38].

к. III в. – нач. IV в.; Идзумо, г. Ясуги); затем они были замещены стандартными курганами *кофун* (с местными отличиями). Таким образом, в Идзумо у элитных погребений форма менялась от ЁСТ ФКБ к квадратным курганам и, затем, к ДПКХФ. Идзумо известен своей культурным своеобразием[29]; региональная специфика в сфере погребений сохранилась и в период Кофун: там воздвигались, в основном, квадратные и ДПКХФ курганы, а не ДПКЭФ, которые ассоциировались с Ямато[30].

Исследователи считают, что насыпи с 4-мя выступами развились автохтонно в регионе Санъин из т.н. «квадратных могил (со рвом), обложенных камнями» *хо:кэй хариисибо* 方形貼石墓; при этом их истоки находились на юге Корейского полуострова [Torrance 2016, p. 12] в культуре «каменных курганов» 積石塚 Силла.

Погребальная обрядность и ритуалы с бронзами периода Яёй

В конце Яёй в различных регионах Японии прекращаются производство ритуальных бронзовых изделий и проведение обрядов с ними[31]: так, во 2-й половине — конце II в. н. э. на севере Кюсю остановились производство ритуальных копий и обряды с ними, а в Токай прервалось изготовление бронзовых колоколов *до:таку* стиля *санъэнсики* (иначе, *кэсадасуки-мон до:таку* 袈裟襷文銅鐸). Прекратились и другие региональные обряды с бронзами; только в Кинай производство *до:таку* сохранялось до конца II – начала III в. н. э. Там общинные обряды с *до:таку* прервались во 2-й половине III в. н. э., т. е. с началом строительства курганов *кофун*. Другими словами, *до:таку*, ритуальные бронзовые мечи и копья почти полностью исчезли к Раннему Кофун [Бакшеев 2003, с. 54].

В течение периода Яёй районирование *до:таку* и оружия соответствовало различной погребальной практике в этих регионах. Но

[29] См.: [Ермакова 2002, с. 122–135].

[30] До V в. н.э. область Идзумо не входила в «сферу курганной культуры», иначе в «систему квадратно-круглых курганов *кофун*» (*дзэмпо: ко:эн-фун тайсэй* 前方後円墳体制), которая распространялась из Кинай.

[31] Возможно, отказ от ритуальных бронз и аграрных обрядов с ними был связан с социальным кризисом, вызванным климатической катастрофой — после пика потепления в Среднем Яёй начался длительный процесс похолодания, который захватил и поздний Яёй, и весь период Кофун.

к концу II в. н. э. в некоторых регионах (например, в Тюгоку) ритуальные бронзы не просто исчезли, а были замещены ритуальными символами нового типа: в Идзумо (север Тюгоку) — элитными могильными насыпями с 4-мя выступами и ритуалами, совершаемыми на них, а в Киби (юго-восток Тюгоку) — большими ФКБ с ритуальной керамикой («особые» подставки и кувшины) на них [Бакшеев 2003, с. 54–55].

К концу Яёй, как полагают исследователи, аграрные общины постепенно превратились в территориальные владения, подчиняющиеся влиятельным кланам и аристократическим семьям жреческого происхождения. До I – II в. н. э. жилье и захоронения социальной и культовой элиты находились вместе с аналогичными сооружениями основной массы населения, что указывает на то, что элита участвовала в общинных ритуалах, в том числе с использованием ритуальных бронз. А в III в. в некоторых регионах жилые дома и погребения элиты начали сооружаться отдельно: ее представители стали жить в усадьбах вдали от деревень, для них строили отдельные ФКБ, ставшие предшественниками курганов. Таким образом, элита стала проводить свои собственные ритуалы, и только для себя, а не для всей общины, что в итоге привело в III в. к прекращению использования *до:таку* и других ритуальных бронз. В результате быстрого экономического развития и возросшей социальной стратификации верования и культы значительно изменились, и от *до:таку* отказались. Аграрные обряды общин с *до:таку* и другими ритуальными бронзами были заменены на индивидуальные вождеские погребальные обряды на курганах с использованием зеркал. Именно с начала Кофун (сер. III в.) активно развились обряды, основанные на индивидуальной власти и авторитете вождей [Бакшеев 2003, с. 55–56].

Итак, в Позднем Яёй произошла смена типа ритуалов — переход от общинных обрядов аграрного цикла с использованием *до:таку* и ритуального оружия к вождеским погребальным обрядам, совершаемым на местах захоронений. В результате, все *до:таку* и частично оружие, которые, вероятно, постоянно хранились закопанными в земле [Мещеряков, Грачев 2002, с. 82], так и ушли в клады[32]. Как раз в это время в Идзумо, где до того сочетались оба

[32] Или были разбиты и выброшены (см.: [Ishino 1992, p. 191–192]).

ритуальных комплекса — и оружие, и *до:таку*, — в поздний Яёй в поисках ритуальной идентификации вместо этих бронзовых артефактов и ритуалов с ними был сформирован уникальный тип погребений — насыпи с 4-мя выступами, а также новые намогильные ритуалы.

От больших насыпей *функю:бо* позднего Яёй к ранним курганам *кофун* (устройство сооружений и социальная динамика)

В Канто (преф. Тиба) характерной является «квадратно»-круглая могильная насыпь *функю:бо* Го:до № 4 神門 4 号 (ок. сер. III в. н. э.) из «курганной группы Го:до» (сер. — 2-я пол. III в. н. э.). Три сооружения из этой группы (№ 3, 4 и 5) относят к промежуточным формам между большими ФКБ Яёй и ранними курганами ДПКЭФ — к т. н. «типу Макимуку» 纒向型前方後円墳 и датируют самым начальным этапом возникновения (出現期) курганов *кофун*. ФКБ Го:до № 4 состоит из круглой насыпи диаметром ок. 30 м, окруженной рвом, который прерывается в одном месте перемычкой (длиной ок. 13 м), идущей от насыпи через ров (см. Рис. 10); в центре насыпи находился деревянный гроб.

Следующие элементы, по Кондо Ёсиро, являются **общими** для насыпей *функю:бо* (ФКБ) Яёй и «квадратно»-круглых курганов (ДПКЭФ) Кофун:

1. Элитные погребальные сооружения (захоронения вождей) создавались в стороне от общинных кладбищ.

2. Насыпи ФКБ имели большие размеры и монументальный вид с рядами стоящих камней и облицовкой галькой[33]. Выступ, который отходил у них от основной квадратной или круглой части с захоронением, — праобраз передней прямоугольной или трапециевидной части у ДПКЭФ.

3. Кувшины (с подставками), использовавшиеся для жертвоприношений на насыпях Яёй — предшественники цилиндрических *ханива*, которые позднее устанавливались на курганах *кофун*.

---

[33] Т. н. «облицовочные камни» *фукииси* предотвращали оползание насыпи, а также выполняли декоративную роль. Прообразом *фукииси* Позднего Яёй и Раннего Кофун были сходные *харииси* 貼石 ранних насыпей Яёй.

4. Персональные украшения в виде наборов бус, а также бронзовые зеркала[34] и железные мечи из насыпей Яёй одинаковы с сопроводительным инвентарем ДПКЭФ Кофун [Tsuboi (ed.) 1987, p. 60].

Таким образом, если ХСКБ Раннего Яёй имеют лишь опосредованное отношение к курганам *кофун* и не могут считаться их прямыми прототипами, то в больших насыпях ФКБ позднего Яёй уже содержатся многие важные элементы ДПКЭФ. Ученые указывают, что большие насыпи ФКБ Позднего Яёй стали прототипом курганов *кофун* [Tsuboi (ed.) 1987, p. 60; Amakasu 1977, p. 27; Imamura 1996, p. 191–94; Tsude 1996, p. 170–171; Мещеряков, Грачев 2002, с. 75].

Большие ФКБ позднего Яёй могут рассматриваться в качестве предшественников курганов раннего Кофун не только с точки зрения их формы, но и в социальном смысле. На равнине Окаяма и в восточной Харима во 2-й пол. Яёй появились кладбища на вершинах холмов. На них имеются и грунтовые могилы, и каменные гробы-ящики. Кондо Ёсиро последовательно проследил процесс выделения элитных ФКБ из коллективного могильника и их изоляции от погребений рядовых общинников. На кладбищах в конце Яёй появились высокие могильные насыпи для вождей, которые были окружены камнями и, тем самым, отделены от могил простых общинников. Такие кладбища представляют собой единый коллективный могильник с множеством могил, скученных вокруг захоронения вождя в каменной погребальной камере [Amakasu 1977, p. 28].

Такое специфическое расположение погребений вождя и его ближайших родственников, образующих одну привилегированную группу отдельно от других погребений общинников низкого статуса, представляет ту стадию развития погребений с насыпью, которая предшествует появлению типичного кургана Раннего Кофун, когда, вследствие возросшего авторитета вождей, их стали хоронить в индивидуальных гробницах. Характерным примером может служить взаимоотношения между погребениями № 2 и № 1 на пам. Тоцука (都月 2 号墳 и 1号墳) из курганной группы Тоцукидзака кофун-гун (г. Окаяма). Погребение № 2 — это квадратная насыпь с посудой Позднего Яёй и с каменной камерой вертикального типа, окруженная множеством мелких грунтовых могил, выкопанных прямо

[34] Так, в ХСКБ на пам. Хирабару, преф. Фукуока, обнаружено 43 зеркала [Amakasu 1977, p. 27].

в насыпи. Погребение № 1, расположенное рядом на вершине того же холма, — это типичный «квадратно»-квадратный курган раннего Кофун (2-я пол. III в.) с такой же каменной камерой. На погребении № 2 были установлены «особые» подставки под сосуды Яёй, а на № 1 — *ханива* в виде таких подставок («преемник» «особых» подставок и непосредственный прототип цилиндрических *ханива*). Покойник из погребения № 1, вероятно, был преемником власти вождя от покойника из погребения № 2. Это типичный пример генеалогического родства между насыпями Позднего Яёй и курганами Раннего Кофун.

Процесс развития могильных насыпей Яёй от (1) коллективного могильника без насыпи к (2) комплексу «могильник + насыпь» и, затем, — к (3) отдельной могильной насыпи с индивидуальным захоронением вождя получил подтверждение при раскопках в Идзумо. В Восточном Идзумо в конце Яёй впервые появилась группа грунтовых могил на вершинах холмов, за которыми последовали квадратные могильные насыпи с деревянным гробом. Эти насыпи считаются генеалогическими предшественниками курганов Раннего Кофун, например, Арасима цукурияма № 1 荒島造山古墳1号墳 — самым старым курганом в Идзумо (г. Ясуги). Это типичный курган раннего Кофун с квадратной насыпью (60 м х 60 м); среди инвентаря — бронзовые зеркала. Общие элементы с насыпями ФКБ предыдущего периода: квадратная насыпь, покрытие склонов насыпи камнями и установка жертвенной посуды. В то же время, между насыпями *функю:бо* (ФКБ) Яёй и «квадратно»-круглыми курганами (ДПКЭФ) Кофун имеется **значительные различия**:

1. Размеры насыпей различны на порядок (длина первого стандартного кургана Хасихака кофун — 278 м, общие объем в сотню раз больше, чем у Татэцуки функю:бо). Количество труда, которое затрачивалось на возведение курганов *кофун*, гораздо больше, чем при строительстве насыпей Яёй.

2. Выступы у квадратных или круглых насыпей ФКБ Яёй — это перемычки, которые служили «мостами» между самим погребением и территорией вокруг него. Они создавались не только с чисто утилитарными целями («мостик» через ров к погребению; дорожка для похоронной процессии), но и стали важным местом для проведения погребально-поминальных обрядов. С другой стороны, у ДПКЭФ передняя часть трансформировалась в прямоугольную (подквадрат-

ную) или трапециевидную платформу примерно таких же размеров, что и задняя круглая часть с гробницей (так, у Хасихака она 125 м шириной и 17 м высотой и уже не выглядит простым «мостиком» во внешний мир).

3. Внутренние сооружения ранних ДПКЭФ состоят из каменной погребальной камеры вертикального типа и деревянного гроба-колоды. В Кинай и других районах, которые испытали его влияние, обычно покойник головой ориентирован на север. Этого не отмечается в элитных ФКБ Позднего Яёй. Это может говорить о том, что появление ДПКЭФ сопровождалось появлением новых религиозных представлений [Tsuboi (ed.) 1987, p. 62].

4. Наборы погребального инвентаря из ДПКЭФ включают бронзовые зеркала с изображением «богов и чудовищ» (*синдзю:кё:* 神獣鏡).

С учетом вышесказанного, появление ДПКЭФ интерпретируется так: в типах элитных погребений Позднего Яёй отмечается значительное разнообразие, что указывает на большую независимость местных вождей. Но принятие унифицированной «квадратно»-круглой формы ДПКЭФ вкупе с распространением бронзовых зеркал указанного типа означает, как считают японские ученые, некие «союзы» между правителями «политий» различных регионов. Так, лидерство, которое вожди Ямато обеспечивали себе в «конфедерации» регионов, подтверждается фактом того, что самые большие ДПКЭФ находятся в Кинай, и что, если следовать известной гипотезе Кобаяси Юкио, бронзовые зеркала распространялись правителями Ямато [Tsuboi (ed.) 1987, p. 60–63].

Самое важное отличие ФКБ от унифицированных курганов *кофун* состоит в явных региональных отличиях. ФКБ в Санъин имели характерную форму квадратной насыпи с выступами по 4-м углам, а также покрытие из камней. Круглые или квадратные насыпи ФКБ с одним или двумя выступами отмечаются в Кинай и Киби. Установка «особых» сосудов и подставок под них на ФКБ — особенность, которая наблюдается в Киби[35]. На Кюсю захоронения, в основном, совершались в гигантских урнах, а богатый погребальный инвентарь, особенно бронзовые зеркала и оружие, обнаруживается только там. Очевидно, что курганы *кофун* появились благодаря синтезу многих

[35] Велико влияние региона Киби на формирование культуры Кофун: погребальные обряды, которые проводились в Киби в конце Яёй, были включены в погребально-поминальную обрядность периода Кофун с центром в Ямато.

локальных особенностей их предшественников — насыпей *функю:бо*. Так, курганы ДПКЭФ представляют собой развитие круглой насыпи ФКБ с одним прямоугольным («квадратным») выступом. Прототипом ДПКЭФ также могла быть «(круглая) могильная насыпь квадратно-круглой формы со рвом» *дзэмпо: ко:эн-гата энкэй сю:ко:бо* 前方後円形円形周溝墓 (например, пам. Сэта, II в. н.э.; г. Касихара, преф. Нара).

Покрытие поверхности насыпи камнями *фукииси* 葺石 (крупной речной или морской галькой), которое применялось только в некоторых насыпях ФКБ, стало обязательным элементом курганов *кофун*. Цилиндрические *ханива* представляют собой модифицированную форму, развившуюся из сосудов и подставок под них, которые устанавливались на ФКБ в Киби. Практика помещения сопроводительного инвентаря (бронзовых зеркал, оружия) в погребальную камеру в курганах *кофун* берет начало от погребального инвентаря захоронений Северного Кюсю и распространяется по всей Японии в период Кофун. Самый большой ранний ДПКЭФ Хасихака кофун на равнине Нара (Ямато) (278 м) представляет собой гигантский скачок в размерах по сравнению с насыпями ФКБ.

«Курганы типа Макимуку» — непосредственные предшественники стандартных «квадратно»-круглых курганов

В юго-восточной части равнины Нара (Сакураи, преф. Нара) у подножия священной горы Мива 三輪山 находится археологический памятник Макимуку 纒向遺跡[36] (Рис. 11–12). Исследователи считают, что здесь располагалась т. н. «полития Мива» («Miwa 三輪 polity» — термин Д. Барнса; иначе, по Тэрасава Каору, «полития Сики» / «Shiki 磯城 polity»), протогосударственное образование[37], которым в III – IV вв. н. э. правила т. н. «династия Мива» 三輪王朝.

Полагают, что Макимуку[38] являлся административно-политическим и церемониально-ритуальным центром «политии Мива» при-

[36] О памятнике Макимуку, «курганах типа Макимуку» и районе Мива см.: [Barnes 2007, p. 116–18; Kidder 2007, p. 239–263; Светлов 1994, с. 17–43].

[37] Д. А. Суровень характеризует такой тип образований как «общины–государства» [Суровень 2020a, с. 241].

[38] От названия деревни Макимуку старого уезда Сики (旧磯城郡纒向村), которое связано с названием дворцов «императоров» Суйнин 垂仁天皇 (Макимуку Тамаки-мия 纒向珠城宮) и Кэйкō 景行天皇 (Макимуку Хисиро-мия 纒向日代宮).

мерно в течение 160 лет (190 – 350 гг.), а также торговым центром, связанным со многими регионами Японии (от Северного Кюсю до Южного Канто) и с континентом (с сер. III в. н. э.). По археологическим данным, Макимуку был основан ок. 200 г. н. э.[39]; вначале он занимал сравнительно небольшую территорию в форме круга с диаметром 1 км, но со 2-й половины – конца III в. он занял территорию ок. 2,5 км на 1,5 км (см. [Бакшеев 2022, рис. 13]). Из-за его больших размеров, которые значительно превышают площадь обычных селений 2-й половины — конца III в. н. э. (например, на севере Кюсю), Д. Барнс называет Макимуку «районом, округом» («district»), который представлял из себя «элитное поселение[40] с рассредоточенной застройкой и низкой плотностью» [Barnes 2007, p. 118–119]. Иначе, в целом, Макимуку был группой селений, объединённых одним административно-культовым центром.

Район Макимуку кроме административно-политического центра и зоны заселения (восемь поселений) включал также инфраструктуру (в частности, сельхозугодья, каналы[41], плавильные мастерские), святилище[42] и курганную группу Макимуку. В административном центре археологи реконструируют «дворцовый комплекс» из четырех зданий на сваях, расположенных по одной оси (восток-запад) и в одном направлении (север-юг). Главный «дворец» (Рис. 12), «дворец правителя» — большое здание[43] на сваях (нач. – 1-я пол. III в. н. э.), в 1,5 раза больше, чем в Ёсиногари (Кюсю, рубеж II – III вв. н. э.); поблизости — «усадьбы» элиты. Считается также, что во 2-й пол. II в. н. э. —

---

[39] Исследователи говорят, что эта «царская ставка» / «столица царства» 王都 представляет собой «чрезвычайно планомерно построенное селение», которое «неожиданно» возникло в начале III в. н.э.

[40] Г. Е. Светлов также обращает внимание на то, что в Макимуку не было землянок, жилищ рядовых земледельцев и ремесленников; обнаружены только следы свайных строений — жилищ элиты, святилищ, амбаров [Светлов 1994, с. 35].

[41] Здесь плодородная почва; каналы (для орошения и для передвижения; общая длина ок. 2600 м, ширина 5 м, глубина 1,2 м) соединяли все восемь селений. Выращивали рис, просо (яп. *ава* 粟 Setaria italica), пшеницу; найдены каменные жатвенные ножи периода Яёй. Также выращивали сафлор красильный (шафран) для изготовления красного красителя для ткани.

[42] На пам. Макимуку найдена деревянная маска 1-й пол. III в. н.э., названная «Ликом божества» (神の顔); полагают, что она использовалась в аграрной обрядности (豊作祈願 букв. «испрашивание (обильного) урожая»).

[43] Его размеры: 19,2 м (с севера на юг) на 12,2 м (с востока на запад.), площадь ок. 238 кв. м; это самое большое здание в Японии той эпохи.

1-й пол. III в. н. э., т.е. в тот период, когда возникла «полития Мива», сложился и ранний культ горы Мива [Ishino 1992, p. 209] [44].

Старейшие «квадратно»-круглые могильные насыпи *функю:бо* 前方後円墳丘墓 (из курганной группы Макимуку), которые дали старт «курганной культуре» в Японии, относят к первым десятилетиям III в. н. э. Сооружения курганного типа «квадратно»-круглой формы (могильные насыпи *функю:бо* и курганы *кофун*) возводили в районе Мива примерно в течение 130 лет (220–350 гг. н.э.); до этого в конце II в. – начале III в. н. э. там строили квадратные насыпи со рвом. На равнине Нара (вдоль ее восточной границы) в районе Мива в этот период (220–350 гг. н. э.) последовательно были сооружены четыре группы курганов: Макимуку кофун-гун 纒向古墳群[45], О:ямато кофун-гун 大和古墳群, Томияма кофун-гун 鳥見山古墳群 и Янагимото кофун-гун 柳本古墳群. На местности три группы располагаются — с юга на север — в таком порядке: Макимуку, Янагимото, О:ямато (см. Рис. 11)[46], а на юг от Макимуку находится группа Томияма.

Исследования показывают, что эти четыре группы курганов возвигались для правителей и высшей знати «политии Мива» — зачатка государства Ямато. Среди самых больших курганов выделяют (по порядку строительства)[47] шесть т.н. «царских курганов» (длиной более 200 м): Хасихака кофун 箸墓古墳[48] (280 м, сер. III в. н. э., группа Макимуку); Ниситоно-дзука кофун 西殿塚古墳 (230 м, 2-я пол. III в., группа О:ямато); Сакураи Тяусуяма кофун 桜井茶臼山古墳[49] (207 м, 2-я пол. III в. – нач. IV в.), Мэсурияма кофун メスリ山古墳 (224 м, начало IV в.; оба — группа Томияма); Андонъяма кофун 行燈山古墳 (242 м, 1-я пол. IV в.), Сибутани Мукаияма кофун 渋谷向山古墳 (300 м, сер. — 2-я пол. IV в.; последние два — группа Янагимото). Сакураи Тяусуяма кофун и Мэсурияма кофун не указываются в источниках как

---

[44] О культе горы Мива также см.: [Ellwood 1990, p. 199–217; Kidder 2007, p. 262–273; Светлов 1994, с. 37–39; Суровень 2020b, с. 701–713].

[45] Эту группу курганов также называют [Макимуку] Хасинака кофун-гун [纒向・]箸中古墳群 (начало раннего Кофун; см. Рис. 11).

[46] В совокупности их называют «курганным объединением О:ямато» オオヤマト古墳集団, или «курганной группой О:ямато[-Янагимото]» 大和[・柳本]古墳群.

[47] По мнению ученых из Национального музея японской истории, эти «царские курганы» возводились именно в указанном порядке (箸墓→西殿塚→桜井茶臼山→メスリ山→行燈山→渋谷向山).

[48] Иначе, Хасинака-яма кофун 箸中山古墳.

[49] Иначе, Тоби Тяусуяма кофун 外山茶臼山古墳.

захоронения древних «императоров». Четыре других кургана, как и все другие «царские (императорские) курганы», находятся под надзором Управления императорского двора, поэтому на них не проводились полноценные исследования[50]. Закономерно, что именно раскопки на Сакураи Тяусуяма и Мэсурияма предоставили доказательства того, что в этих курганах покоились правители этого региона («политии Мива») — в обоих курганах были найдены яшмовые «царские» скипетры *гёкудзё:* 玉杖[51], датируемые IV в. н. э. С курганной группой Макимуку ученые связывают само зарождение государства Ямато, с группами О:ямато, Томияма и Янагимото — его начальный период.

Строительство ДПКЭФ в районе Мива прекратилось примерно в середине – 2-й половине IV в. н. э.; полагают, что тогда Макимуку потерял былое влияние или даже был покинут, и центр политической власти переместился в северо-западную часть равнины Нара в район курганной группы Саки (Саки татэнами кофун-гун 佐紀盾列古墳群 2-я пол. IV в. – 1-я пол. V в.)[52], где находилась т. н. «полития Сахо 左保» (с центром в Саки); ее контролировала новая «династия Саки» 佐紀王朝 [Barnes 2007, p. 50, 152–153, 191]. «Полития Мива» стала зачатком государства Ямато, важным шагом к становлению японской государственности в Центральной Японии. По выражению Исино Хиронобу, Макимуку — это «место возникновения династии Ямато» (ヤマト王権発祥の地), «царская ставка — столица государства Ямато» (ヤマト王権の王都).

---

[50] Это привело к широкому спектру гипотез: Хасихака кофун приписывают Химико, «царице» Яматай из китайских летописей, или же дочери 7-го «императора» Кōрэй — легендарной «шаманке» Ямато-тотохи-момосо-бим; Андонъяма — 10-му «императору» Су:дзин 崇神天皇 (правил 324–331 гг. н. э. испр. хрон.), Сибутани Мукаияма — 12-му «императору» Кэйко: 景行天皇 (правил в 1-й пол. IV в. н. э., умер в 343 г. испр. хрон.).

[51] Подобные скипетры использовались в древнем Китае. В Японии их находят в курганах III-IV в. н.э. в таких областях как Киби, Сануки, Ава; материалом служила яшма *хэкигёку* 碧玉 (из нее в периоды Яёй и Кофун также изготавливали украшения, в частности, бусы, в том числе *магатама*).

[52] С конца IV в. н. э. в юго-западной части равнины Нара (район Ямато Кацураги; совр. преф. Нара, г. Кацураги и г. Госэ) начинает складываться еще одна курганная группа Умами 馬見古墳群. Полагают, что из группы Саки сюда вскоре переместился центр строительства курганов и центр власти, который далее сдвинулся за пределы равнины Нара — на равнину Осака (курганные группы Фуруити и Модзу); там в V в. будут воздвигнуты самые большие «царские курганы» Японии. Таким образом, в Раннем Кофун (III–IV вв. н. э.) политический центр Ямато находился на равнине Нара, в Среднем Кофун (с V в.) – в Кавати (равнина Осака); к VII в. он вернулся на равнину Нара [Pearson 2016, p. 20].

Процесс политогенеза в районе Мива происходил взаимосвязанно с формированием там «курганной культуры». В начале – 1-й половине III в. н.э. (т.е., в самом конце периода Яёй, который также называют «начальным Кофун» 古墳時代草創期) в Макимуку, на территории «политии Мива», появились особые сооружения курганного типа «квадратно»-круглой формы[53] длиной порядка 90 м (и более), т. е. гораздо больше насыпей ФКБ Позднего Яёй. В японской науке они получили название *Макимуку-гата дзэмпо: ко:эн-фун* 纒向型前方後円墳, т. е. «квадратно-круглые курганы типа Макимуку». Они являются переходной формой от предшествующих им крупных насыпей ФКБ Позднего Яёй к последующим настоящим «квадратно»-круглым курганам и сочетают в себе характеристики обоих. Некоторые японские ученые даже называют их *дзэмпо: ко:эн-кэй функю:бо* 前方後円形墳丘墓, т. е. «могильные насыпи *функю:бо* квадратно-круглой формы», или «*Макимуку-гата дзэмпо: ко:эн функю:бо*» 纒向型前方後円墳丘墓, т. е. «квадратно-круглые могильные насыпи *функю:бо* типа Макимуку». Их характерным образцом является Макимуку Исидзука кофун (кон. II — нач. III в.). Именно они стали самыми непосредственными предшественниками[54] типичных ранних ДПКЭФ в Кинай, например, Хасихака кофун [Barnes 2007, p. 117].

К курганам «типа Макимуку» относятся три крупных захоронения из группы Макимуку:

1. Макимуку Исидзука кофун 纒向石塚古墳 (кон. II — нач. III в., общая длина ок. 96 м, диаметр круглой части 64 м; ориентация ЮВ);

2. Макимуку Ядзука кофун 纒向矢塚古墳 (сер. III в., 96 м, круглая часть 64 м; СВ);

3. Хокэнояма кофун ホケノ山古墳 (1-я пол. — сер. III в., ок. 85–90 м, длина передней «квадратной» части 25 м; ЮВ); этот курган также относят к т.н. «квадратно»-круглым курганам в форме ракушки морского гребешка (*хотатэгай-гата дзэмпо: ко:эн-фун* ホタテ貝型前方後円墳)[55].

---

[53] На самом деле, передняя «квадратная» часть таких захоронений, как и у классических ДПКЭФ, как правило, была прямоугольной или трапециевидной формы.

[54] В целом японские ученые так рисуют процесс возникновения в Японии «квадратно»-круглых курганов: от могильных насыпей *функю:бо* Яёй к «квадратно-круглым насыпям (“курганам”) типа Макимуку» переходного периода Яёй-Кофун и, далее, к стандартным «квадратно»-круглым курганам Кофун: 弥生墳丘墓 → 纒向型前方後円墳 → 前方後円墳.

[55] Полагают, что у таких курганов статус был чуть ниже, чем у самых престижных ДПКЭФ. В целом, в период Кофун по своей форме курганы ранжировались (по нисхо-

Еще два ранних нестандартных кургана из группы Макимуку археологи не относят к «типу Макимуку»: Макимуку Кацуяма кофун 纒向勝山古墳 (1-я пол. — 2-я пол. III в., ок. 115 м, длина передней «квадратной» части 45 м; ориентация — СВ) и Хигаида О:цука кофун 東田大塚古墳 (2-я пол. III в. н. э., 120 м, круглая часть 70–80 м; З/ЮЗ). В этой группе самое крупное захоронение — «первый стандартный курган» (最初の定型化古墳) Хасихака кофун (сер. III в.; ЮЗ)[56].

Отличительной особенностью курганов «типа Макимуку» являются:

1. Низкая передняя «квадратная» (яп. 前方) часть кургана по сравнению с его «задней» круглой (後円) частью (с захоронением);

2. Соотношение длины «задней» круглой части кургана и передней «квадратной» части как 2:1 (например, Исидзука и Ядзука) (см. Рис. 14);

3. «Задняя круглая» часть имеет форму не правильного круга, а овала или яйцевидную.

Другими словами, «квадратная» часть у таких курганов сравнительно небольшая, «короткая» (только треть от общей длины кургана); курганы с особо короткой передней «квадратной» частью, как указывалось, также получили название по форме ракушки морского гребешка (см.: [Бакшеев 2022, рис. 23]).

Еще одна характерная особенность курганов «типа Макимуку»: у некоторых самых ранних ДПКЭФ и ДПКХФ, а также у непосредственных предшественников таких курганов, передняя т.н. «квадратная» часть на самом деле имела форму трапеции, которая резко рас-

---

дящей) так: «квадратно»-круглые, «квадратно»-квадратные, круглые, квадратные. При этом, по Х. Цудэ, в IV в. и начале V в. ДПКЭФ еще могли сооружаться для региональных вождей. Но в 1-й пол. V в. т.н. «династия Кавати» 河内王朝 (равнина Осака) запретила их использование в регионах, разрешив только круглые, квадратные и в форме ракушки (ДПКЭФ предназначались только для правителей, царской семьи и ближайших придворных); затем запреты то ослаблялись, то усиливались [Tsude 1990, p. 923–24]). На рубеже VI в. и VII в. форма «царских» курганов сменилась с ДПКЭФ на квадратную, а с середины VII в. — на 8-угольную [Tsuboi (ed.) 1987, с. 71].

[56] После строительства Хасихака стандартные курганы типа ДПКЭФ быстро распространились — сначала вокруг Сэтоути, например, на равнине Осака, а потом в IV в. н. э. — на восток, в южный Тохоку. Некоторые признаки стандартного кургана периода Кофун: монументальная насыпь, трехъярусная конструкция кургана, массивная передняя «квадратная» часть, соотносимая по размерам с основной насыпью (с захоронением), покрытие поверхности насыпи камнями *фукииси*, установка *ханива*, погребальная камера с гробом, помещение в погребальную камеру сопроводительного инвентаря (бронзовых зеркал, оружия и пр.), киновари; ориентация покойника головой на север.

ширялась у ее основания; по выражению японских археологов, она имела форму плектра *бати* 撥 для сямисэна[57] (см. [Бакшеев 2022, рис. 24]). Эта особенность характерна только для начального периода Кофун. Среди японских ученых бытует мнение, что ДПКЭФ с передней частью в форме *бати* (напр., курган Хасихака) развились из «квадратно-круглых насыпей *функ:бо* («курганов») типа Макимуку» (например, Макимуку Исидзука и Хокэнояма). При этом наблюдается соотнесенность размеров курганов такой формы с Хасихака кофун[58] (278–280 м), который стал своего рода моделью для курганов Раннего Кофун: Урума-тяусуяма кофун (138 м) — 1:2, Куродзука кофун (130 м) — 1:2, Хокэнояма кофун (90 м) 1:3, Ицукахара кофун (91,2 м) — 1:3, Мотоинари кофун (ДПКХФ, 2-я пол. III в. н. э.; 94 м; преф. Киото)[59] — 1:3.

С другой стороны, у курганов «типа Макимуку», тоже были свои «клоны». Так, по форме насыпи и, особенно, рва вокруг нее[60], на Макимуку Исидзука кофун очень похоже захоронение Го:до № 4 (г. Итихара, преф. Тиба; см. Рис.10); оно указывает на внедрение нового для региона Канто типа элитного захоронения, которое происходило из Кинай; очевидно, этот тип был напрямую заимствован из Макимуку [Barnes 2007, p. 122].

Курганы «типа Макимуку» строились, фактически, по всей Японии — от Кюсю до южного Тохоку (см. Рис. 15). Широкое распространение таких единообразных погребальных сооружений, — что предваряло последующее быстрое внедрение стандартных ДПКЭФ одинакового типа, — указывает на тенденцию к принятию унифицированного вождеского погребального обряда в различных регионах страны.

---

[57] 撥形前方後円墳. К таким сооружениям относятся: Макимуку Исидзука, Хокэнояма, Хасихака, Ицукахара кофун (ДПКЭФ, сер. — 2-я пол. III в. н. э.; 91,2 м; преф. Киото), Цубаи-о:цукаяма кофун (ДПКЭФ, 2-я пол. III в. н.э.; 175 м; диаметр круглой части 110 м; преф. Киото), Урума-тяусуяма кофун (ДПКЭФ, к. III в.; 125/140 м; преф. Окаяма), Бидзэн-курумадзака кофун (ДПКХФ, нач. IV в.; 48 м; преф. Окаяма), Куродзука кофун (ДПКЭФ, нач. — 1-я пол. IV в.; 130 м; группа О:ямато).

[58] Ряд курганов был создан по форме или технологии Хасихака, напр., Ицукахара кофун. Стандартные курганы *кофун* отличаются от насыпей Яёй и ранних нестандартизированных курганов включением элементов китайской погребальной обрядности: трехъярусной конструкцией курганов, ориентацией покойного головой на север, использованием киновари (см.: [Tsude 1996, p. 171]).

[59] Отношение длины его передней части к диаметру задней такое же, как у Хасихака.

[60] Передняя часть насыпи имела форму плектра (*бати*), а ров — форму подковы.

Заключение

В статье о роли бронз в ритуалах периода Яёй [Бакшеев 2003, с. 28–59] был сделан вывод, что с ними проводились ритуалы двух типов.

1-й тип: индивидуальный воинско-вождеский погребальный обряд с положением в захоронение боевого бронзового оружия и бронзовых (в основном, импортных ранне- и позднеханьских) зеркал. Такой обряд следовал континентальным образцам и имел ограниченное распространение (только на севере Кюсю).

2-й тип: общинные ритуалы аграрного типа с хранением в земле ритуального бронзового оружия (мечей, наконечников копий, клевцов; центр — север Кюсю, главный символ — ритуальное копье) и бронзовых колоколов *до:таку* (центр — Кинай). Такие специфические ритуалы не имели явных корейских и северокитайских прототипов и были широко распространены от Кюсю до Канто. В конце Яёй — начале Кофун (III в. н.э.) в результате качественной трансформации общества произошел, начиная с Кинай, кардинальный переход от разнородных общинных аграрных ритуалов (с закапыванием бронз) к унифицированному вождескому погребальному обряду, связанному с курганами и использованием бронзовых зеркал, вследствие чего *до:таку*, хранившиеся закопанными, так и остались в земле [Ishino 1992, p. 192; Бакшеев 2003, с. 59].

При этом, как отмечают археологи, в этот период бронзовые зеркала приобрели большую ценность, т.к. их значение изменилось от объектов общинных ритуалов, которыми они были подобно другим бронзам в течение периода Яёй, — к символам ранга и престижа в конце Яёй – начале Кофун [Pearson 2016, p. 27].

В настоящей статье было показано, что истоки культуры ДПКЭФ, в частности, их уникальной формы, — при явном континентальном влиянии — лежат в автохтонной традиции (могильные насыпи Яёй).

В Раннем и Среднем Яёй в погребальной обрядности населения Японских островов происходят значительные изменения, говорящие о больших переменах и в структуре общества, и в системе верований: появляется демаркация захоронения с помощью рва, что указывало на возникновение представлений о мире мертвых, отличном от мира живых; возник архаичный погребальный культ с использованием ритуальной посуды, предшественницы погребальной пластики

ханива периода Кофун; на общинных кладбищах для захоронения персон высокого статуса стали выделять особые участки и, позднее, строили могильные насыпи. Как указывалось, в позднем Яёй произошла **смена типов ритуала**: вследствие экономического развития и социальной стратификации происходит переход от общинных обрядов аграрного цикла с использованием *до:таку* и ритуального оружия к вождеским погребальным обрядам, совершаемым на местах их захоронений. В результате, бронзы — частично оружие и все *до:таку*, — которые предположительно хранились закопанными в земле, так и ушли в клады.

Однако, генеалогическая преемственность курганов, в частности ДПКЭФ, от их предшественников, насыпей ФКБ Позднего Яёй, сама по себе не может объяснить, почему такая трансформация (появление масштабных ДПКЭФ) произошла именно в 1-й половине — середине III в. н. э.[61]. Социально-политический фон процесса трансформации погребений в период Яёй указывает на то, что некая политическая консолидация была достигнута в Кинай до появления курганов *кофун* и, тем самым, предполагает значительную политическую трансформацию, приведшую к процессу унификации и развитию насыпей *функю:бо* в курганы *кофун* [Imamura 1996, p. 191–194]. А как отмечают исследователи, курганы *кофун*, погребальные сооружения нового типа, были не просто могилами; их появление указывало на развитие нового ритуала вождеских захоронений и наследования власти. Появление стандартных курганов одинакового типа в различных регионах означало, что там их вожди восприняли эти новые ритуалы. Другими словами, появление стандартных курганов *кофун*, согласно Кондо Ёсиро, означало развитие широкой конфедерации региональных политий (вождеств), связанных общими ритуалами вождеских захоронений и наследования власти[62]; «Ямато утвердила себя в качестве главы конфедерации в конце III в. — IV в. н. э.»[63].

---

[61] В настоящее время среди японских и зарубежных археологов сильна тенденция к удревнению начала строительства курганов *кофун* до середины и даже до первой половины III в. н.э.

[62] Выражаясь фигурально, курганы *кофун* «создали» раннее японское государство (государство Ямато).

[63] См.: [Piggott 1996, p. 217]. Сираиси Таитиро называл политическое образование на равнине Нара III в. – IV в. н.э. «Yamato kingly power» («царство Ямато» ヤマト王権) и «Yamato polity» («полития Ямато» ヤマト政権).

III в. н. э., время перехода от Яёй к Кофун, — ключевая фаза не только в истории экономической и духовно-религиозной культуры ранней Японии [Hudson 1992, p. 175], но и в ее социально-политическом развитии — в это время в Кинай происходит становление японской государственности[64]. Точка зрения выдающегося отечественного историка М. В. Воробьёва, в принципе, остается справедливой и сейчас: «Культура позднего яёи и курганная ... достигла расцвета как раз на Центральном Хонсю», «режим Ямато» сложился в конце III — начале IV в. в Центральной Японии [Воробьев 1980, с. 35, 105].

Библиографический список

Бакшеев Е. С. (2001) Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй. *История и культура Японии*. Отв. ред. В. М. Алпатов. Москва: Институт востоковедения РАН: Крафт+. С. 7–25.

Бакшеев Е. С. (2003) От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. *Вещь в японской культуре*. Москва: Восточная литература. С. 28–59.

Бакшеев Е. С. (2005) *Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель.* Диссертация ... кандидата культурологии. Москва: Российский институт культурологии.

Бакшеев Е. С. (2022) Погребальные сооружения с насыпью периода Яёй — предшественники курганов периода Кофун в историко-культурном контексте эпохи. *Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922–1995)*. Уральский гос. юрид. ун-т. Екатеринбург: Альфапринт. (в печати).

Воробьев М. В. (1958) *Древняя Япония: историко-археологический очерк.* Москва: Издательство восточной литературы.

Воробьев М. В. (1980) *Япония в III–VII веках.* Москва: Наука.

Гнездилова И. С. *Погребальные комплексы периода Кофун (III — VII века нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю,*

[64] [The Cambridge History of Japan 1993, p. 108; Мещеряков, Грачев 2002, с. 101, 103; Кожевников 2017, с. 48–49; Суровень 2020а, с. 241]. Археолог С. В. Лаптев также отмечает: «Именно из Кинай в период Кофун (с III в. н.э.) происходит генезис японской государственности, что показывает иерархия курганов, территориальное распространение бронзовых зеркал и другие факторы. Важно отметить, что этот центр органично происходит из периода Яёй» (устное сообщение).

Японский архипелаг (по данным археологии). Автореферат ... кандидата исторических наук. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2020.

Ермакова Л. М. (2002) Верования и культура Идзумо. *Синто — путь японских богов.* В 2 т. Том 1. СПб.: Гиперион. С. 122–135.

История Японии (1998) / под ред. А. Е. Жукова. Москва: Институт востоковедения РАН. Т. 1.

Иофан Н. А. (1974) *Культура древней Японии.* Москва: Наука.

Кожевников В. В. (2017) Формирование древнего государства в Японии. *Известия Восточного института*. №4/36. С. 48–61.

Лаптев С. В. (1998) *Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н. э.* Диссертация ... кандидата исторических наук. Москва: МГУ.

Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. (2002) *История древней Японии.* Санкт-Петербург: Гиперион.

Светлов Г. Е. (1994) *Колыбель японской цивилизации: Нара. История, религия, культура.* Москва: Искусство.

Суровень Д. А. (2020a). Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато. *Проблемы истории общества, государства и права*. Глав. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет. Вып. 11. С. 241–318.

Суровень Д. А. (2020b). Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем — верховным жрецом. *Вестник Кемеровского государственного университета*. №22/3. С. 701–713.

References

Amakasu, K. (1977). The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. *ACTA ASIATICA*, 31, 24–50.

Baksheev, E. S. (2001). Drevneishie istoki pogrebal'nogo obryada mogari po arkheologicheskim dannym periodov Dzyomon i Yayoi [The Most Ancient Roots of Mogari Funerary Ritual according to the Archeological Data of Jomon and Yayoi Periods]. In V. M. Alpatov (Ed.), *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan] (pp. 7–25). Moscow: Institute of oriental studies of RAS: Kraft+. (In Russian).

Baksheev, E. S. (2003). Ot voiny k ritualu: ritual'nye bronzy perioda Yayoi [From War to Ritual — Bronze Implements of Yayoi Period, Japan].

In *Veshch' v yaponskoi kul'ture* ['Thing' in Japanese Culture] (pp. 28–59). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Baksheev, E. S. (2005). *Dvustadiynaya pogrebal'naya obryadnost' Yaponii i Okinavy kak kul'turnaya model'* [Two-Stage (Dual) Funerary Ritual of Japan and Okinawa as a Cultural Model]. Ph.D. Thesis. Moscow: Rossiyskiy institut kul'turologii. (In Russian).

Baksheev, E. S. (2022). Pogrebal'nye sooruzheniya s nasyp'yu perioda Yayoi — predshestvenniki kurganov perioda Kofun v istoriko-kul'turnom kontekste epokhi [Mound-Burials of the Yayoi Period, the Predecessors of the Mounded Tombs of the Kofun Period, in the Historical and Cultural Context of the Era]. In E. S. Baksheev, L.M. Ermakova, D. A. Suroven', A. V. Filippov (Eds.), *Drevnyaya Yaponiya v Vostochnoi Azii: arkheologiya, mifologiya, istoriya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Vasil'evicha Vorob'eva (1922–1995)* [Ancient Japan in East Asia: Archeology, Mythology, History. To the 100th Anniversary of the Birth of Mikhail Vasilyevich Vorobyov (1922–1995)]. Ekaterinburg: Al'fa-print (in print). (In Russian).

Barnes, G. L. (2007*). State Formation in Japan: Emergence of a 4th Century Ruling Elite.* London–New York: Routledge Taylor & Francis Group.

Barnes, G. L. (2012). Kofun: mounded tombs of Japan and Korea. In N. A. Silberman (ed.), *Oxford Companion to Archaeology* (2nd ed., Vol. 2, pp. 193–194). Oxford: Oxford University Press.

Ellwood, R. S. (1990). The Sujin religious revolution. *Japanese Journal of Religious Studies*, 17/2-3, 199–217.

Ermakova, L. M. (2002). Verovaniya i ku'tura Idzumo [Beliefs and Culture of Izumo]. In *Sinto — put' yaponskikh bogov* [Shinto, a Way of Japanese Gods] (Vol. 1, pp. 122–135). Saint-Peterburg: Giperion. (In Russian).

Esaka T., Serizawa Ch., Sakazume H. (eds.). (1983). *Nihon kōkogaku kojiten* [Concise Dictionary of Japanese Archeology]. Tokyo: NEW SCIENCE CO. (In Japanese).

Gnezdilova, I. S. (2020). *Pogrebal'nye kompleksy perioda Kofun (III — VII veka nashei ery) na territorii ravniny Nara, ostrov Khonsyu, Yaponskii arkhipelag (po dannym arkheologii)* [Burial Complexes of the Kofun Period (III — VII C. AD) on the Territory of the Nara Plain, Honshu Island, the Japanese Archipelago (according to archaeological data)]. Abstract of a Ph.D. thesis. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch of RAS. (In Russian).

Hudson, M. J., Barnes, G. (1991). Yoshinogari: A Yayoi Settlement in Nothern Kyūshū. *Monumenta Nipponica*, 46 (2), 211–235.

Hudson, M. J. (1992). Rice, Bronze, and Chieftains — An Archaeology of Yayoi Ritual. *Japanese Journal of Religious Studies*, 19/2-3, 139–189.

Imamura, K. (1996). *Prehistoric Japan: New Perspectives on Insular East Asia.* London: UCL Press.

Iofan, N. A. (1974). *Kul'tura drevnei Yaponii* [The Culture of Ancient Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Ishino, H. (1992). Rites and Rituals of the Kofun Period. *Japanese Journal of Religious Studies*, 19 (2-3), 191–216.

Istoriya Yaponii [A History of Japan] (1998). Ed. by A. Zhukov. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Kidder, J. (2007). *Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, History, Mythology.* Honolulu: University of Hawaii Press.

Kozhevnikov, V. V. (2017). Formirovaniye drevnego gosudarstva v Yaponii [Formation of the Ancient State in Japan]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 4/36, 48–61. (In Russian).

Laptev, S. V. (1998*). Kitaisko-yaponskie otnosheniya s glubokoi drevnosti do VI v. n. e.* [Sino-Japanese Relations from Ancient Times to the 6th c. AD]. Ph.D. Thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N., Grachev M. V. (2002). *Istoriya drevnei Yaponii* [A History of Ancient Japan]. Sain-Petersburg: Giperion. (In Russian).

Mizoguchi, K. (2013). *The Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ōtsuka H., Kobayashi S. (eds.). (1982). *Kofun jiten* [Dictionary of Tumuli]. Tokyo: Tokyōdō shuppan. (In Japanese).

Pearson, R. (2016). *Ōsaka Archaeology*. Oxford: Archaeopress.

Piggott, J. (1996). Review "The Cambridge History of Japan, V. 1: Ancient Japan by Delmer Brown". *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 56 (1), 208–227.

Sahara, M. (1987). Nihonjin no tanjō [A Birth of the Japanese People]. *Taikei Nihon no rekishi* ['History of Japan' Series]. Vol. 1. Tokyo: Shōgakukan. (In Japanese).

Suroven', D. A. (2020a). Rann'aya forma gosudarstva v tsentral'noi Yaponii i obrazovanie territorial'nogo gosudarstva Yamato [The Early State Form in Central Japan and the Formation of the Territorial State of Yamato]. In A. S. Smykalin (Ed.), *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava* [Problems of the History of Society, State, and Law] (11, pp. 241–318). Ekaterinburg: Ural State University. (In Russian).

Suroven', D. A. (2020b). Religiozno-politicheskie reformy gosudarya Mimaki. Chast' 1: Kul't gory Miva i smena verkhovnoi zhritsy-pravitel'nitsy pravitelem — verkhovnym zhretsom [The Religious and Political Reforms of Emperor Mimaki. Part 1: The Cult of Mount Miwa and the Change of the High Priestess Ruler by the Male Ruler High Priest]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 22/3, 701–713. (In Russian).

Svetlov, G. E. (1994). *Kolybel' yaponskoi tsivilizatsii: Nara. Istoriya, religiya, kul'tura* [Nara, a Cradle of Japanese Civilization. History, Religion, Culture]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Tanaka, M. (1991). Wajin sōran [Disturbances at Wajin]. In *Nihon no rekishi* [History of Japan] (Vol. 2). Tokyo: Shūeisha. (In Japanese).

The Cambridge History of Japan. (1993). Vol. 1: Ancient Japan. Brown D. M. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Torrance, R. (2016). The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods. *Japan Review*, 29, 3–38.

Tsuboi, K. (ed.). (1987). *Recent Archaeological Discoveries in Japan*. Paris-Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies.

Tsude, H. (1990). Chiefly lineages in Kofun-period Japan: political relations between centre and region. *Antiquity*, 64, 923–929.

Tsude, H. (1996). Homogeneity and Regional Variability in Cultures of the Kofun Period. In *Interdisciplinary Perspectives on the Origin of the Japanese. International Symposium* (pp. 169–179). Kyoto: IRCJS.

Vorob'ev, M. V. (1958). *Drevnyaya Yaponiya: istoriko-arkheologicheskii ocherk* [Ancient Japan: Historical and Archeological Outline]. Moscow: Vostlitizdat. (In Russian).

Vorob'ev, M. V. (1980). *Yaponiya v III–VII vekakh* [Japan in 3rd–4th c. AD]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Yamada, R. (1982). Bosei jū no nazo [10 Riddles of Funeral Rites]. *Rekishi yomihon* [Reading-book on History], 27/5 (347), 96–102. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 163–183
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 163–183
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-163-183

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: японская экспансия в Китае и политический мир Франции

В. Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья анализирует реакцию французских политиков и аналитиков на расширение японской экспансии в Китае, начиная с ее перехода в новую фазу в июле 1937 г., что получило в Японии название «Китайский инцидент», так как состояние войны между странами формально не было объявлено. Японо-китайская война стала «новостью» мирового значения и для французской прессы, хотя не столь важной, как проблемы внутренней политики или события в соседних странах, как гражданская война в Испании. Известный аналитик, генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Роже Леви (1887–1975) прямо связал изменение ситуации на Дальнем Востоке с интересами Франции в регионе, хотя его работы отличались равноудаленным взглядом на японо-китайский конфликт. Вскоре в конфликте обозначился важный для Франции “германский фактор”, связанный с Антикоминтерновским пактом 1936 г. между Германией и Японией, на что сразу обратил внимание влиятельный политик, бывший премьер-министр Альбер Сарро (1872–1962).

По этой же причине позиция праворадикального монархического движения «Action française», поддержавшего Японию во время Маньчжурского инцидента (1931) и Шанхайского кризиса (1932), не была однозначно прояпонской. Аргументы китайской стороны представил юрист, профессор Сорбонны Жан Эскарра́ (1885–1955). Известный в политических кругах философ и публицист Фелисьен Шаллай (1875–1967) осудил японскую агрессию и в то же время попытался дистанцироваться от обеих конфликтующих сторон. Популярный романист Клод Фаррер (1876–1957) и бывший дипломат Эдуар Клавери (1867–1949), ставший историком и аналитиком, приняли сторону Японии, считая ее союзником Франции в борьбе за поддержание

стабильности в Восточной Азии. Изучение восприятия континентальной политики Японии во Франции не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но позволяет лучше понять ее политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

Ключевые слова: Япония, Франция, Китай, Индокитай, колония, экспансия, пропаганда, безопасность.

Автор: *Молодяков Василий Элинархович*, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку, Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1 G-210.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen from France: Japanese Expansion in China and French Political World

V. E. Molodyakov

Abstract. This article analyzes responses of French politicians and analysts to a then new phase of Japanese expansion into China from July 1937, known in Japan as the “China Incident” because the state of war was never officially proclaimed. The Sino-Japanese War became a piece of “news” of global significance for the French press too, even if not so important as internal political problems or events in neighboring countries like the Spanish Civil War. A well-known analyst, Secretary General of the Committee for Pacific Problems Study Roger Levy (1887–1975) directly connected the changed situation in the Far East with French interests in this region, while his works were marked by an equidistant view of the Sino-Japanese conflict. The “German factor” of this conflict, important for France, emerged soon and was noted by an influential politician Albert Sarrault (1872–1962), a former Prime Minister. Also, for this reason, the position of a right-wing monarchist movement “Action française” was not as explicitly pro-Japanese as it was during the Manchurian Incident of 1931 and the Shanghai crisis of 1932. University of

Paris professor Jean Escarra (1885–1955) presented arguments for the Chinese side. Philosopher and political writer Felicien Challaye (1875–1967) condemned Japanese aggression while trying to be equidistant from both sides of the conflict. Famous novelist Claude Farrere (1876–1957) and ex-diplomat turned historian and political analysts Edouard Clavery (1867–1949) took the side of Japan, seeing her as an ally of France in the fight for stability in East Asia. A study of French opinions and responses to Japanese continental policy will enrich our knowledge of this period and will help us to better understand the political philosophy of France as well as the workings of its propaganda and image-making systems.

Keywords: Japan, France, China, Indochina, colony, expansion, propaganda, security.

Author: *Molodiakov Vassili E.*, Doctor of Sciences (Political Science), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

После создания японского государства-сателлита Маньчжоу-Го Лига Наций и правительства большинства стран осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, однако не приняли против нее никаких практических мер. Оставаясь нейтральной политически, Франция была «обеспокоена судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии» [Мещеряков 2006, с. 602], а потому «морально поддерживала Китай как поборника, в этот период, договоров и права. Поэтому председатели правительства и министры иностранных дел один за другим заявляли в Париже и в Женеве, что Франция соблюдает все принятые на себя обязательства относительно территориальной целостности Китая и сохранения “открытых дверей”» [Lévy 1939, p. 122]. Однако руководство страны — повторим вывод Пьера-Этьенна Фландена, председателя Совета министров (ноябрь 1934 — май 1935) и министра иностранных дел (январь–июнь 1936) — «смотрело на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin 1947, p. 131]. Поэтому аналитики рассматривали аргументы обеих сторон

в соответствии с собственными взглядами и видением перспективы. Их мнения и оценки принимались или могли быть приняты во внимание политической элитой и руководством государственного аппарата, однако прямое влияние ученых или журналистов на принятие решений не просматривается. Выработка и реализация французским правительством азиатской политики изучалась в обобщающих трудах на основе официальных документов [Duroselle 1979]. Теперь рассмотрим ее «фон» в контексте борьбы идей и мнений.

Начало японо-китайской войны и реакция Франции

Перестрелка между японскими и китайскими войсками ночью 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) вблизи Пекина положила начало «Китайскому инциденту» — войне, размах которой никто не мог предвидеть. В Токио кабинет Коноэ Фумимаро под давлением армии выбрал жесткий курс, перейдя от ультиматумов к военным действиям: 28 июля был занят Пекин, 29 июля Тяньцзинь, 11 ноября пал Шанхай. Война стала «новостью» мирового значения и для французской прессы, однако интерпретация событий зависела не только от политической линии издания. Об этом свидетельствовал писатель и журналист Робер Бразийяк (1909–1945) в романе «Пленники» (1940) устами главного героя, работавшего в большой информационной газете: «Когда больше не о чем было писать, крупный шрифт оповещал о грандиозной битве в китайской войне. Там каждый день были грандиозные битвы, достойные крупного шрифта. Но когда речь шла о войне в Испании или о внутренней политике, о Китае забывали. Если же заговорили о Китае, будьте уверены, что больше не о чем писать, а вовсе не то, что на японском фронте оживление. Видите, я выдаю вам самые сокровенные тайны ремесла» [Brasillach 1963, p. 570].

«Сенсационные события в Центральной Европе в 1938 г. часто отвлекали внимание французской публики от боевых действий между Китаем и Японией, — отметил аналитик Роже Леви. — Человек на улице “в целом” знал, что Япония — друг или “союзник” Германии, что в нарушение договоров она ведет политику экспансии на азиатском континенте: это поощряло сентиментальные настроения в пользу Китая. Большинство парижских газет просто перепечатывало без комментариев сообщения информационных агентств. “Правые” всег-

да были склонны признавать и даже подчеркивать успехи японцев. “Крайне левые” требовали принятия действенных мер против Японии. <…> Нередкое молчание крупных информационных газет, занимавших промежуточную позицию, могло быть истолковано как безмолвное признание силы Японии» [Lévy 1939, p. 120]. «У нас умеют быть только фашистами или большевиками, — иронизировал прокитайски настроенный Жан Эскаррá (1885–1955). — Япония якобы представляет порядок, мир и процветание, поэтому ее одобряют “правые”. <…> Китай в фаворе у “антифашистов”. Защищать его — значит, защищать “правое дело”, а все знают, что правое дело только одно: за демократию и против тоталитарных держав» [Escarra 1938, p. 17, 141].

После обращения Китая в Лигу Наций 15 сентября 1937 г. Франция присоединилась к державам, которые выразили ему «моральную поддержку», а в ноябре на Брюссельской конференции устами министра иностранных дел Ивона Дельбоса заявила, что «никакое силовое решение не может ни де-юре, ни де-факто надолго урегулировать отношения между Китаем и Японией» [Lévy 1939, p. 100]. Однако Франции, как напомнил заместитель государственного секретаря по колониям Гастон Моннервиль, необходимо защищать свои интересы в Индокитае и на Тихом океане, а также пути сообщения империи[1] [Lévy 1939, p. 100]. Поэтому никаких «действенных мер против Японии» она не приняла. Более того, с самого начала конфликта правительство — помня о непосредственной угрозе Французской концессии в Шанхае — проявляло «исключительную любезность» в ответ на требования Токио (японские дипломаты протестовали, когда их называли «ультиматумом») о пресечении поставок оружия Китаю через Индокитай, в противном случае грозившие применением силы [Lévy 1939, p. 105–106]. Однако Франции удалось укрепить свои позиции, заключив 7 декабря 1937 г. договор о дружбе, торговле и мореплавании с Сиамом, националистические круги которого Япония старалась привлечь на свою сторону против «белых» колониальных империй [Lévy 1939, p. 115–118]. После распада правительственной коалиции Народного фронта в апреле 1938 г. политику «любезности» в отношении Японии продолжали новый министр иностранных дел Жорж Боннэ и посол в Токио Шарль Арсен-Анри [Lévy 1939, p. 108–110].

[1] Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений, вне зависимости от их статуса.

Первую попытку обобщить эволюцию французской политики на Дальнем Востоке с учетом японской экспансии предпринял Роже Леви (1887–1975), генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем, с 1936 г. сотрудничавший с Центром по изучению иностранной политики (далее: Центр). Эта неправительственная организация, созданная в 1935 г., претендовала на роль ведущего национального think-tank, поэтому приглашение туда в качестве эксперта означало профессиональное признание. Изданные Центром работы Леви «Последствия экономического развития Японии для Французской империи» (1936) и «Отношения Китая и Японии» (1938) (о них [Молодяков 2020]) представлялись не мнением частного лица, но объективной и достоверной информацией для всех, кто в ней нуждался, включая руководство страны.

В начале 1939 г. Центр опубликовал работу Леви «Французская политика на Дальнем Востоке, 1936–1938», законченную в ноябре 1938 г. Определив ее как «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения как с Китаем, так и с Японией» [Lévy 1939, p. 8], автор начал анализ с «моральных интересов» Франции, с просветительской, культурной и религиозной деятельности [Lévy 1939, p. 11–26], потому что ее ведущие организации «защищают и демонстрируют французские традиции и методы» [Lévy 1939, p. 6]. Перейдя к «материальным интересам» [Lévy 1939, p. 27–84], аналитик подчеркнул, что «интересы Франции в Китае не уступают по важности интересам Великобритании, Японии, Соединенных Штатов и, возможно, России», хотя объем торговли между двумя странами «не соответствует месту, которое Франция занимает в мире», пояснив: «Китай предоставил бы неисчерпаемые возможности для международной торговли, если бы покупательная способность его населения не оставалась столь низкой» [Lévy 1939, p. 61, 28]. Баланс франко-японской торговли Леви оценил как невыгодный для Франции — кредитора Японии, которая остро нуждается в «твердой валюте», но позволяет себе «драконовские запреты». Для исправления ситуации он рекомендовал выстраивать дальнейшие экономические отношения с Японией в масштабе империи, а не только метрополии [Lévy 1939, p. 62–63].

Леви признал, что «дальневосточная политика [Франции] все теснее связывается с ее европейской и мировой политикой» [Lévy 1939,

p. 7]. Не только Германия, но и Япония объявила угрозой для себя франко-советский договор о взаимной помощи (2 мая 1935). «Россия укрепила свое положение в Европе, что позволяет ей сосредоточить силы на Дальнем Востоке, — заявил экс-премьер Вакацуки Рэйдзиро, — Французское правительство уверяет, что действие договора распространяется только на Европу. Однако не приходится сомневаться в том, что он очень поощряет русскую политику экспансии на восток» [Lévy 1939, p. 86]. «Какую позицию займет французское правительство, если Советы начнут войну одновременно против Японии и Германии? — задался вопросом аналитик Тамура Косаку. — Сможет ли оно сохранить нейтралитет в отношении Японии, оказав Советам военную помощь против Германии?» [Lévy 1939, p. 87]. Гитлер использовал франко-советский договор как предлог для разрыва Локарнских соглашений 1925 г. и ремилитаризации левого берега Рейна в марте 1936 г., затем для заключения Антикоминтерновского пакта с Японией (25 ноября 1936).

Германский фактор дальневосточного конфликта

В день подписания Антикоминтерновского пакта Центр по изучению иностранной политики пригласил сенатора Альбера Сарро (1872–1962) выступить с лекцией «Франция на Тихом океане и германо-японское соглашение». Сарро предстал перед аудиторией не только как столп партии радикалов и недавний премьер (январь–июнь 1936), но как эксперт — бывший генерал-губернатор Индокитая (1911–1914, 1917–1919) и министр колоний (1920–1924, 1932–1933). Оратор обставил речь, подчеркнув ее приватный характер, частоколом оговорок и перешел к главному: Германию и Японию сближают «динамизм империалистической экспансии, основанной на демографии и на расизме», «преобладание военного начала в национальной жизни», требование равенства (прав на вооружения и на колонии для Германии; равенства рас для Японии) и ненависть к России, а не к коммунизму, с которым они справились у себя [Sarraut 1936, p. 11]. «Содержащее в зародыше принцип передела природных ресурсов и колониальных владений <…> германо-японское соглашение, официально и явно направленное против Советов, на деле и, возможно, принципиально направлено против британского могущества <…> и рикошетом против Франции» [Sarraut 1936, p. 17].

Слушатели помнили, что премьер Сарро добился ратификации договора с СССР и «проглотил» немецкую оккупацию левого берега Рейна, ограничившись грозными заявлениями. Теперь он как частное лицо убеждал их, что договор не чреват угрозой войны из-за событий в Азии, поскольку его действие ограничено Европой, но признал, что «французские владения на Тихом океане представляют [для японцев] двойной соблазн материальных ресурсов и стратегических позиций» [Sarraut 1936, p. 21]. Заявив, что он «более тридцати лет был другом и поклонником» Японии, оратор заметил, что она «выбрала прискорбный путь, который может оказаться роковым», хотя и в силу «защитного рефлекса против экономического и политического экспансионизма Европы» [Sarraut 1936, p. 23]. Выход из потенциально опасной ситуации он видел в «коллективном, мощном, определенном и координированном соглашении стран, желающих мира; на Тихом океане — это Англия, Франция, Соединенные Штаты, Россия, Китай, Голландия, британские доминионы, которые имеют колоссальное численное превосходство над любой воинственной страной. Но эти силы пока инертны, изолированы и не организованы. Германо-японское соглашение может послужить необходимым предупреждением, подтолкнуть их к объединению ради оборонительной или активной солидарности» [Sarraut 1936, p. 22]. Благие намерения — неотъемлемая черта речей французских политиков.

В отличие от политика, ученый, аналитик или писатель мог быть услышан в политическом мире, если он был не просто известен, но связан с какой-либо партией или идеологией. Какую позицию заняли представители крайних флангов политического мира? «Королева большого репортажа» Андре Виолли (1870–1950; в старых переводах: Виоллис/Виолис), эволюционировавшая в сторону «ангажированного репортажа» и перешедшая в прокоммунистическую прессу под влиянием гражданской войны в Испании [Harbers, Broersma 2016], среди первых осудила Японию. Критик колониализма, милитаризма и «фашизма», она уже продемонстрировала такую позицию в книгах «Шанхай и судьба Китая» (1933), «Япония и ее империя» (1933) и «Интимная Япония» (1934) (см. о них [Молодяков 2020]).

Расширение внешней экспансии Японии журналистка рассматривала как результат роста «фашистских» тенденций внутри страны. В 1933 г. она призвала серьезно отнестись к «существованию японского фашизма и к угрозе, которую он несет миру во всем мире»

[Jeandel 2006, p. 165]. Годом позже она подтвердила, что «висящая над миром угроза японского империализма представляется определенной и близкой», поскольку «в эпоху взаимозависимости народов и интересов вóйны больше не могут оставаться локальными инцидентами» [Jeandel 2006, p. 81]. 1 декабря 1937 г. Виолли выступила в Сорбонне с лекцией о «китайской трагедии»: «Япония из угрозы превратилась в агрессора, вторгшегося и захватившего восточное побережье Китая. <…> Журналистка говорила все более категорично: “События на Дальнем Востоке непосредственно связаны с теми, что залили кровью Европу” (война в Испании — В. М.). В конце лекции Виолли поместила японо-китайский конфликт в контекст кризиса, охватившего Европу, и сетовала на “бездействие демократий перед лицом наглости фашизмов”. Далекую японскую агрессию она превратила в близкое событие, оказывающее политическое, экономическое и дипломатическое воздействие на европейские страны» [Jeandel 2006, p. 81–82].

Японо-китайский конфликт: взгляд «справа»

Позицию праворадикального монархического движения «Action française», поддержавшего Японию во время Маньчжурского инцидента 1931–1932 гг. и Шанхайского кризиса 1932 г., сформулировал в 1937 г. военный аналитик Жак Дельбек (1876–1957) в статье «Пожар на Дальнем Востоке и Европа». Рассматривая японо-китайский конфликт в перспективе борьбы «желтой расы» против «белых», он не поддержал ни одну из сторон, но предостерег против недооценки обеих. С одной стороны, Япония — не басенная лягушка, решившая раздуться до размеров вола и лопнувшая, ибо ей удается контролировать занятые территории с помощью «автономных правительств». С другой стороны, Китай, «не раз завоеванный, но всегда переваривавший завоевателей», «представляет силу, которую никто не смог исчерпать до конца». Тем, кто указывал на слабость Китая из-за отсутствия централизованной власти, аналитик возразил: «Представьте Нанкин, теперешнюю столицу, в руках японцев. Это ни в коей мере не будет означать прекращения борьбы», — предсказание сбылось еще до конца года [Delebecque 1937, p. 141–142]. Не отрицая опасности для Франции успехов «красных» в Китае, Дельбек считал бóльшей угрозой «непоправимое падение престижа белых в глазах желтых, *будь*

то японцы или китайцы» (курсив мой — *В. М.*). Осудив политику европейцев и американцев как «непоследовательную, то слабую, то жестокую, невежественную или беспечную в отношении истории и обычаев народов, которые они по глупости считали “отсталыми”, сделавшую всё чтобы вызвать у китайцев и японцев, да и у всех азиатов, презрение и ненависть к западным идеям и методам», он подытожил: «Если они и подчинились нашей силе, то мы никогда не добились их доверия и подлинного уважения. Сегодня, когда они лучше знают нас, когда они отдают отчет в нашем соперничестве и разобщенности, когда они поняли, что мы не непобедимы, что близок час, когда нас можно бить нашим же оружием, — последние остатки этого уважения исчезают на глазах. <…> В японизированном Китае, в советизированном Китае, в независимом националистическом Китае найдется ли место для остатков прежнего контроля западных держав? Что если послезавтра, если не завтра, произойдет с инвестированными туда огромными капиталами? Не окажутся ли их владения, находящиеся по соседству с этим бурлящим миром, — в первую очередь, это касается Франции с Индокитаем — под еще большей угрозой? <…> Хотелось бы закончить на менее пессимистической ноте. Но страусиной тактикой ничего не решить» [Delebecque 1937, p. 144–146].

Считавшаяся «фашистской» Французская народная партия заняла скорее антияпонскую (но не прокитайскую) позицию. Ее вождь Жак Дорио, в прошлом один из лидеров французских коммунистов и член Исполкома Коминтерна, по словам его соратника, «хорошо знал китайскую проблему, поскольку одно время был в Китае представителем [Коммунистического] интернационала при китайской компартии. [Летом 1937 г.] Дорио полагал, что если бы удалось оживить Пакт четырех, великие европейские державы могли бы установить нечто вроде протектората над Китаем, ограничив тем самым японский экспансионизм и удовлетворив колониальные притязания Германии и Италии. Одновременно такой план мог бы на долгий срок обеспечить мир в Европе. К сожалению, Пакт четырех не удалось воскресить, прежде всего, по вине французского правительства» [Barthélemy 1978, p. 137]. «Победа большевизма станет концом цивилизации, хаосом, рабством и нищетой для всего мира, — заявил Дорио в программной книге «Преобразовать Францию» (1938). — Но победа Японии над Китаем будет означать, что завтра на наших детей обрушится вал азиатских товаров и людей. <…> Сегодня единая Европа, возможно, еще

сумеет удержать Японию от продолжения экспансии в Китае. <…> Это будет означать возрождение великого престижа белых, престижа европейцев» [Doriot 1938, p. 92]. Если коминтерновская пропаганда формировала представление о «блоке агрессоров» Германия — Италия — Япония, то Дорио четко отделял Японию, в экспансии которой видел угрозу французскому Индокитаю, от Германии и Италии — потенциально опасных соседей Франции, с которыми следовало жить в мире.

Китайские аргументы: Жан Эскарра и «Шалюкс»

Как и после «Манчьжурского инцидента», наперебой выступали эксперты. Позиция профессора Сорбонны Жана Эскарра́, представлявшего китайские аргументы в «дуэли юристов» [Молодяков 2019], была очевидной. «Сегодня никто не может сомневаться в том, что военные действия, развязанные Японией в Китае с началом июля 1937 г., имеют характер самой определенной агрессии. <…> Признать, что японская политика в отношении Китая всё больше представляется масштабной агрессией, прикрытой лживой пропагандой, — значит, оставаться в пределах строгой правды. <…> Надо быть слепым, чтобы не видеть, что Япония с ее необузданными амбициями представляет одну из величайших угроз, которым когда-либо подвергался мир во всем мире» [Escarra 1937, p. 1, 27]. Причину Эскарра видел не в действиях конкретных правительств или военных, но в особенностях цивилизации: «народ, некоторые инстинкты которого остаются варварскими»; «японские понятия о конституционном и международном праве нельзя согласовать с теми, что приняты между цивилизованными государствами»; «ненасытное тщеславие, неизменное высокомерие, немедленное обращение ко всем формам насилия, презрение к мировому мнению, уверенность, что все средства хороши в отношении народов, не принадлежащих к избранной расе, — эти характерные черты японской политики происходят из национальной религии, придуманной для нужд экспансии», т.е. синто [Escarra 1937, p. 2, 14–16]. Одним словом, японцы — варвары.

Обвинительным актом против Японии и панегириком Китаю (второй аспект мы здесь не рассматриваем) стала книга Эскарра под ироническим заглавием «Благородный японский мир» (1938), законченная в апреле (предисловие датировано так: Ханькоу, 21 мая).

К прежним тезисам добавились новые: император — «бесчеловечное и абстрактное божество варварской религии»; «в Японии нет свободы слова»; «парламент не играет серьезной роли в судьбах страны и никак не контролирует исполнительную власть»; «военные назначают и смещают министров по своей прихоти»; «японская армия виновна во всем, что может совершить армия в завоеванной стране под влиянием распущенности, пьянства и вспышек самых животных инстинктов»; война «развеяла легенды <...> о непобедимости японской армии, дисциплине и рыцарском духе японских солдат» [Escarra 1938, p. 39–40, 8]. В сказанном немало верного, но и Китай не был образцом демократии. Знавший дальневосточные реалии бельгиец Роже де Шатлё (1878–1956), писавший под псевдонимом «Шалюкс», заметил в книге «Вокруг китайско-японского конфликта» (1938): «Как можно противопоставлять “демократический и эгалитарный режим Китая” “царящему в Японии абсолютизму”? Некоторые полагают, что Япония, несмотря на всеобщее избирательное право и равенство всех перед законом, не является демократией по европейской мерке… но Китайская республика не имеет абсолютно *ничего* общего с республикой. Нынешний режим — диктатура. Китайский народ не имеет никакого суверенитета. Он не голосует» [Chalux 1938, p. 6–7]. Эскарра упомянул торговлю опиумом как «средство ослабления китайской расы и ее способности к сопротивлению», но признал, что пионерами этого выступили англичане [Escarra 1938, p. 76–81, 199]. Назвав пресловутый «меморандум Танака» «сомнительным» источником и не ссылаясь на него в основном тексте, в примечании автор заметил, что «от его содержания нельзя просто отмахнуться» [Escarra 1938, p. 90–91].

Касаясь последствий конфликта, Эскарра отверг утверждение о том, что «интересы нашей страны окажутся в меньшей опасности в случае японской победы, чем в случае китайской». Он осудил примирительные шаги правительства как «услужливость без [сохранения] престижа», поскольку «во Франции имеются иллюзии относительно военной мощи Японии», в то время как, по словам некоего иностранного офицера, «батальон французской колониальной пехоты способен задать жару японской армии» [Escarra 1938, p. 201, 215–216]. «Трудно представить, что безопасность Индокитая будет надежно обеспечена в день, когда провинции Южного Китая окажутся в руках японцев. <…> Зато Китай, победивший, но истощенный, прежде всего захочет

вернуться к труду по реконструкции, для чего ему понадобятся иностранные капиталы. Китайскую угрозу Индокитаю никто не примет всерьез» [Escarra 1938, p. 201–202]. Пока же Эскарра советовал Франции занять место Германии как союзника Китая — гоминьдановского правительства, при армии которого до конца июня 1938 г. находилась германская военная миссия, отозванная по просьбе Японии [Clavery 1939, p. 54–55]. Иначе, предрек он, «из всего, что может уцелеть после войны от положения белых в Азии, мы рискуем не сохранить ничего» [Escarra 1938, p. 10].

Попытка равноудаленности: Фелисьен Шаллай

Японскую политику подверг критике известный в политических кругах философ и публицист Фелисьен Шаллай (1875–1967). Смолоду увлеченный «жапонизмом», он побывал на родине *укиё*-э еще в 1901 г. и выпустил книгу «В Японии и на Дальнем Востоке» (1905). Следующие путешествия (июнь–сентябрь 1917 г. — Япония, октябрь 1917 г. — Корея, октябрь–декабрь 1917 г. — Китай; декабрь 1918 — апрель 1919 г. — Япония, затем Корея, Китай и Индокитай) [Challaye 1938, p. 7] Шаллай совершил для изучения политических проблем, которым посвятил работы «Китай и Япония в политическом отношении» и «Рабочее движение в Японии» (обе 1921). В них автор показал себя убежденным противником колониализма, каковым стал после поездки в Конго в 1905 г. и оставался до конца жизни. После Первой мировой войны, виновником которой социалист Шаллай считал империалистов всех стран, включая Францию, он вступил в коммунистическую партию, которую вскоре покинул из-за неприятия догматизма и жесткой дисциплины, но оставался ее «попутчиком» до середины 1930-х гг. Стойкий пацифист на протяжении всей жизни, Шаллай во время японо-китайской войны представлял антикоммунистических «левых», равно осуждавших колониальную экспансию и антифашистский беллицизм, в котором видел угрозу новой войны: «Их ненависть к войне была сильнее отвращения к гитлеризму. Их антикоммунизм, соединенный с пацифизмом, превосходил их антифашизм» [Wenner 2000, p. 71–72]. Шаллай также выпустил красочный альбом «Иллюстрированная Япония» (1915) и сборник переводов и пересказов «Сказки и легенды Японии» (1932), так что мог скорее считаться японофилом.

Эти обстоятельства надо учитывать при анализе его книги «Китай, Япония и державы», вышедшей в феврале 1938 г., — популярного обзора текущей ситуации и ее исторических корней. Претензию на равноудаленность Шаллай сочетал с моральной оценкой: «Несомненно, что Япония несет ответственность за преступную агрессию. Несомненно, что если бы другие державы пришли к согласию и отказали ей в материальных, прежде всего экономических и финансовых, средствах для ведения войны, ей пришлось бы оставить свое бесчеловечное предприятие» [Challaye 1938, p. 91]. Видение японской истории после *Мэйдзи исин* автор изложил так: «Япония дала миру великолепный пример того, как слабая и угрожаемая страна с помощью изумительного коллективного усилия стала достаточно мощной, чтобы остаться свободной и оказывать сильное влияние на других. Она первой заставила великие державы Европы и Америку признать равным нехристианское государство другой расы. <…> К сожалению, — заключил он, — триумф испортил японских правителей. Япония, сделавшая такое великолепное усилие для сохранения своей независимости, теперь грезит о том, чтобы навязать свое господство другим народам» [Challaye 1938, p. 39–40]. Корни японского империализма Шаллай видел в синто как в религии национальной исключительности, а нынешнюю фазу связывал с «распространением доктрины через школы, университеты, казармы», с «развитием национал-социализма в среде молодых японских военных» и с растущим давлением армии на правительство, сославшись при этом на Виолли [Challaye 1938, p. 40, 42, 48–50].

Переходя к вопросу об экспансии, автор, как и Эскарра [Escarra 1938, p. 98], признал факт перенаселенности Японии, но заметил: «Перенаселенность той или иной страны не дает ей никакого морального права захватывать другие страны, более слабые и зачастую тоже перенаселенные» [Challaye 1938, p. 41–42]. Не признавая, что у Японии есть в Китае «жизненный интерес, не сравнимый с интересом никакой иной державы», Шаллай обратился к примерам колониальной политики других стран: «Япония хочет “кореефицировать Китай”, сделать из него вторую Корею, как Франция хотела “тунисифицировать Марокко”» [Challaye 1938, p. 53], т.е. превратить полузависимое государство, разделенное державами на сферы влияния, как Марокко, в протекторат под своим монопольным господством, как Тунис.

Рассматривая соотношение сил конфликтующих сторон, автор отметил, что симпатии великих держав на стороне Китая, тем более, что «глупая расовая спесь многих американцев и преступный империализм влиятельных японцев углубляют пропасть между Соединенными Штатами и Японией» [Challaye 1938, p. 73]. Британскую и французскую политику в отношении Японии Шаллай критиковал за непоследовательность, в отношении Китая — за опору на грубую силу, заметив, что «несмотря на тяжелое прошлое, либеральная, революционная, лаицистская Франция сохраняет огромный престиж в среде китайской молодежи» [Challaye 1938, p. 76]. Он тоже задался вопросом о позиции Франции в случае конфликта между СССР, с одной стороны, и Германией и Японией, с другой. «Если СССР — почувствовав серьезную угрозу Монгольской народной республике, которую он обязался защищать, или советизированным районам Китая, или правительству китайского Народного фронта, с которым он заключил пакт о ненападении, — окажет военную помощь китайским армиям, возможно, что Германия вмешается на стороне Японии в силу секретных статей, которые могут сопровождать их соглашение против большевизма (Антикоминтерновский пакт — *В. М.*), а Франция, связанная франко-советским договором, выступит против Германии. Из локального конфликта родится мировая война. Гигантская борьба, исход которой никому не предугадать, но главное последствие которой предвидеть нетрудно. <…> Это будет конец нашей цивилизации» [Challaye 1938, p. 90].

Французские японофилы: Клод Фаррер и Эдуар Клавери

Япония должна была реагировать, но прямого влияния на политический мир Франции не имела, а разъяснения ее официальных и полуофициальных лиц отвергались большей частью политикума и прессы как «пропаганда» в худшем смысле слова. «Япония предпринимала колоссальные пропагандистские усилия, покупая во всех странах — *прежде всего во Франции* (выделено мной — В.М.) — значительную часть прессы» [Escarra 1937, с. 7], — утверждал Эскарра. «Упрощенческое противоречие между полностью модернизированной Японией, поборником порядка и цивилизации в Азии, и отсталым, варварским и анархическим Китаем — выдумка, распространяемая японской

пропагандой и прессой на содержании у Японии, особенно некоторыми влиятельными органами французской прессы. <…> Продажность многих газет делала невозможным добиться простого опровержения ложных утверждений, которые японские агенты умело проталкивали с помощью правильно выданного чека» [Escarra 1938, с. 29–30, 17]. Любое высказывание не «за» Китай можно было истолковать в пользу Японии, но у французской прессы в то время были более актуальные темы.

Если даже денег было потрачено много (этого мы достоверно не знаем), эффект был незначительным. Самым ценным «активом» Токио стал знаменитый романист, член Французской Академии Клод Фаррер (Фредерик-Шарль Баргон, 1876–1957). Известный симпатиями к Японии со времен романа «Битва» (1909), он участвовал в работе Франко-японского общества, основанного в 1900 г. и существующего по сей день. В эссе «Духовные силы Востока: Индия — Китай — Япония — Турция», вышедшем в апреле 1937 г., Фаррер утверждал, что Тибет, Туркестан, Монголия и Маньчжурия не являются китайскими. В конце 1937 г. японское правительство через МИД Франции официально пригласило его — как «писателя известного своей абсолютной независимостью» — посетить Японию, Корею и Манчьжоу-Го. Итогом поездки стали путевые заметки «Великая драма Азии» (1938), эссе «Европа в Азии» (1939) и роман «Одиннадцатый час» (1940). Эти книги подробно рассмотрены нами ранее [Молодяков 2015], что избавляет от необходимости пересказа, но указать на них в данном контексте необходимо. Именно в Фаррера как отставного морского офицера метила фраза Эскарра: «Вслед за Пьером Лоти литература офицеров флота эксплуатировала легкую тему о рыцарской душе японских солдат и моряков. Нейтральные же наблюдатели засвидетельствовали многочисленные варварские деяния, устроенные теми в Китае» [Escarra 1938, p. 14].

Авторитетным защитником японской политики выступал Эдуар Клавери (1867–1949), бывший посланник в Эквадоре (1920–1925) и Колумбии (1925–1928). С молодости он участвовал в работе ученых обществ, а выйдя в отставку, занялся историческими разысканиями. Профессиональный интерес Клавери к Японии восходил к 1900-м гг., когда он служил в центральном аппарате МИД и составлял доклады и справки для служебного пользования и предназначенные к публикации, в том числе «Иностранцы в Японии и японцы за границей» (1904),

«Финансовое положение Японии», «Экономическое развитие Японии и конкуренция на Дальнем Востоке» (обе 1908). Служебный интерес дополнялся личным. Клавери принадлежал к поколению, увлеченному «жапонизмом», и посвятил ряд работ японской культуре: «Японская поэзия, эхо национальной души» (1932), «Беседа о японской поэзии: танка, хайку и их отголоски во Франции» (1934), «Искусство японской цветной гравюры» (1935). В 1908–1912 и в 1929–1932 гг. он был сотрудником Франко-японского общества и редактировал его бюллетень, а в 1930-е гг. стал вице-президентом Общества (президентом был сенатор Андре Оннора́, экс-министр просвещения). Японофил и знаток Японии, респектабельный дипломат и ученый, эрудит и светский человек Клавери казался идеальной фигурой для представления японской позиции перед французским политикумом.

В мае 1938 г. вышла книга «Анархия в Китае и роль Японии. 1921–1938. Свидетельства, собранные и представленные Эдуаром Клавери». Предисловие датировано 11 февраля 1938 г.: *Кигэнсэцу*, День основания империи выбран явно не случайно. «Это, строго говоря, не книга, — пояснил автор, — но досье, в котором любознательный читатель, не желающий оказаться в плену поверхностных суждений о происходящем на Дальнем Востоке, найдет собрание свидетельств компетентных и беспристрастных лиц» [Clavery 1938, p. 5]. Сославшись на опыт «почти полувекового (так! — В.М.) изучения проблемы», Клавери заявил: «Китай, именуйся он Империей или Республикой, совершенно не соответствует тому, что называется государством в Европе или Америке. <…> Китай нуждается в том, чтобы быть направляемым и управляемым для организации того, чего ему не хватает. <…> Необходимо реформировать этот хаос, это отсутствие организации. В условиях, когда воля народа никак не выражена, недостаточно принимать законы. Нужны организация, метод, система администрации и полиции, чтобы обеспечить их исполнение и уважение. <…> Никто лучше Японии не готов для этой высокой миссии, в выполнении которой заинтересовано все человечество» [Clavery 1938, p. 5–6].

В поддержку главных тезисов Клавери приводил такие аргументы: Тибет, Маньчжурия, Монголия не являются частями Китая [Clavery 1938, p. 6]; Китай — не государство, но «конгломерат» враждующих друг с другом провинций, профессиональных сообществ, землячеств, тайных обществ, где центральное правительство — «лишь видимость,

фикция», законы — «элемент декора» [Clavery 1938, p. 53–54, 32]; высокая адаптивность японцев и их успехи в модернизации против «социальной дезорганизации» китайцев [Clavery 1938, p. 10–14]; до японской интервенции Маньчжурия была «царством бандитов» [Clavery 1938, p. 16–18] и т. д. Клавери заимствовал свои аргументы, выписывая цитаты целыми страницами, и не только у японских авторов. Он ссылался на Жана Рэя и на его противника в «дуэли юристов» Эскарра, корректно критикуя последнего [Clavery 1938, p. 28–29, 20–21].

Год спустя Клавери переиздал книгу, увеличив ее объем вдвое и озаглавив «Дальний Восток. Китай — Япония. 1939». Изменение названия он объяснил тем, что «счел предпочтительным дать читателю возможность самому сделать вывод из фактов, а не заявлять его заранее» [Clavery 1939, p. 4]. Автор расширил предисловие, сохранив дату «11 февраля 1938» и дополнил его постскриптумом. Текст первого издания воспроизведен дословно, с включением новых данных и аргументов, в основном о ситуации в Китае, но также о модернизации экономики Маньчжоу-Го и об успешной борьбе с бандитами [Clavery 1939, p. 137, 27–29]. В последней главе «К завершению дальневосточного конфликта» он процитировал анонимную, но инспирированную японцами статью из газеты «L'Indépendant» (10 сентября 1938) с предложением «для лучшей организации» разделить Китай на 4–5 больших провинций с широкой административной автономией под общим управлением федерального правительства «как в Вашингтоне» — под японским контролем, потому что «час мира и сотрудничества скоро пробьет» [Clavery 1939, p. 108–111]. Третье издание, снова увеличенное почти в два раза, под заглавием «Дальний Восток. 1940» вышло в середине апреля 1940 г. Немного дополнив основной текст второго издания, Клавери приложил к нему подборку своих статей и рецензий на темы, связанные с Китаем и Японией, — вплоть до подготовки создания «национального правительства» Ван Цзинвэя, которое он приветствовал [Clavery 1940, p. 242–364]. Ничего нового к заявленной ранее позиции автора они не прибавляют. Это издание содержит наиболее полный вариант аннотированной библиографии по Китаю и Японии и хронологию событий с цитатами из источников, в основном отражающих позицию Токио [Clavery 1940, p. 127–182, 236–239; 183–196]. Меньше чем через месяц после выхода книги вермахт вторгся в Бельгию и Францию, и читателям стало не до событий на Дальнем Востоке.

Заключение

Ведущие французские аналитики и авторы, рассчитывавшие влиять на общественное мнение, четко обозначили свои позиции относительно конфликта между Китаем и Японией, но мало кто брался предсказывать дальнейшее развитие событий. Наиболее четкий и структурированный прогноз дал Леви. Согласно ему, победа Японии дала бы ей контроль над территориями к северу от Янцзы и право их монопольного освоения, но таковое невозможно без крупных иностранных инвестиций (а на них, заметим, рассчитывать было трудно). Поражение Японии и возвращение захваченных земель Китаю привели бы к состоянию status quo ante bellum. Отсутствие регулярной власти на местах исключало всякое развитие. Наконец, «через несколько лет в Северном Китае может появиться китайское правительство, *в значительной степени подверженное японскому влиянию*, но не находящееся под японским *господством*» [Lévy 1939, p. 126–127].

Ни японская победа, ни хаос не оставляли Франции экономических перспектив, в то время как китайский режим, даже при японском влиянии, позволял на что-то надеяться. «Франция не должна пренебрегать ни одной из благоприятных возможностей в Китае. Когда закончится война и пройдет кризис, добрая воля китайцев будет особенно весома во франко-китайских отношениях. <…> Суть проблемы в равновесии сил на Дальнем Востоке. Для нее встает вопрос защиты концессий, экономических и торговых интересов, которым сегодня угрожают японцы, а завтра, может быть, китайцы или оба народа вместе. Эти мрачные перспективы могут проясниться, если мирный противовес японскому могуществу на Дальнем Востоке будет найден в *твердом* сотрудничестве Британской империи, Соединенных Штатов и Франции, не игнорируя притом роль масс и пространств России. Но к такому сотрудничеству надо приступить незамедлительно» [Lévy 1939, p. 128]. Это было написано в конце 1938 г. Не прошло и года, как ситуация в мире изменилась радикально, и подобный вариант стал невозможным. В Европе началась война, которая грозила перерасти в конфликт мирового масштаба.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2006) *Император Мэйдзи и его Япония.* Москва: Наталис.

Молодяков В. Э. (2015) Япония Клода Фаррера: образ страны и ее политика глазами французского интеллектуала. *Ежегодник Япония*. Т. 44. С. 182–197.

Молодяков В. Э. (2019) Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов». *Ежегодник Япония*. Т. 48. С. 228–249.

Молодяков В. Э. (2020) Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: от Маньчжурского инцидента к Китайскому инциденту. *Ежегодник Япония*. Т. 49. С. 253–273.

References

Barthélemy, V. (1978). *Du communisme au fascisme. L'histoire d'un engagement politique.* Paris: Albin Michel. (In French).

Brasillach, R (1963). *Œuvres complètes*. Vol. I. Paris: Au club de l'honnête homme. (In French).

Challaye F. (1938). *La Chine, le Japon et les puissances*. Paris: Rieder. (In French).

«Chalux» (1938), *Autour du conflit Sino-Japonais.* Bruxelles: Office de publicité. (In French).

Clavery, E. (1938). *L'anarchie en Chine et le rôle du Japon. 1921–1938*. Paris: Les éditions des presses modernes. (In French).

Clavery, E. (1939). *L'Extrême-Orient. Chine — Japon. 1939*. Paris: Les éditions des presses modernes. (In French).

Clavery, E. (1940). *L'Extrême-Orient. 1940*. Paris: Les éditions des presses modernes. (In French).

Delebecque, J. (1937). L'incendie de l'Extrême-Orient et l'Europe. *Almanach de l'Action française. 1938*, 141–146. (In French).

Doriot, J. (1938). *Refaire la France.* Paris: Grasset. (In French).

Duroselle, J.-B. (1979). *Politique étrangère de la France. La décadence, 1932–1939*. Paris: Imprimerie Nationale. (In French).

Escarra, J. (1937). *Réflexions sur la politique du Japon à l'égard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel*. <Perpignan: L'Indépendant>. (In French).

Escarra, J. (1938). *L'honorable paix japonaise.* Paris: Bernard Grasset. (In French).

Flandin, P.-E. (1947). *Politique française. 1919–1940*. Paris: Les Editions Nouvelles. (In French).

Harbers, F., Broersma, M. (2016). Impartial reporter or écrivain engagé? Andrée Viollis and the transformation of French journalism, 1918–1940. *French History*, 30, 2 (June 2016), 218–240.

Jeandel, A.-A. (2006). *Andrée Viollis: une femme grand reporter, une écriture de l'événement 1927–1939.* Paris: L'Harmattan. (In French).

Lévy, R. (1938). *Relations de la Chine et du Japon*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Mescheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i yego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Molodiakov, V. (2015). Yaponiya Kloda Farrera: obraz strany i ee politika glazami frantsuzskogo intellektuala [Claude Farrere's Japan: Country's Image and Her Policy as Seen by a French Intellectual]. *Yearbook Japan,* 44, 182–197. (In Russian).

Molodiakov, V. (2019). Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: "Man'chzhurskii intsident" i "duel' yuristov" [Japanese Continental Policy as Seen from France: "Manchurian Incident" and "Jurists' Duel"]. *Yearbook Japan,* 48, 228–249. (In Russian).

Molodiakov, V. (2020). Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: ot Man'chzhurskogo intsidenta k Kitaiskomu intsidentu [Japanese Continental Policy as Seen from France: from Manchurian Incident to China Incident]. *Yearbook Japan,* 49, 253–273. (In Russian).

Sarraut, A. (1936). *La France dans le Pacifique et l'accord germano-japonais*. Paris: Centre d'Etudes de Politique Etrangère. (In French).

Wenner, D. (2000). *Histoire de la Collaboration*. Paris: Pygmalion. (In French).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 184–201
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 184–201
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-184-201

Инцидент в Тяньцзине: «дальневосточный Мюнхен»

К. О. Саркисов

Аннотация. В начале апреля 1939 г на территории британской концессии в Северном Китае, в оккупированном японской армией Тяньцзине, после покушения на инспектора таможни, сотрудничавшего с оккупантами, резко обострились и без того напряженные отношения Токио с Лондоном. Взбешенная отказом властей концессии выдать покушавшихся, Квантунская армия, давно действовавшая по своему усмотрению в Китае, блокировала концессию и намеревалась закрыть ее. Инцидент стал предлогом для попытки Японии ограничить суверенитет западных концессий по всей территории Китая. Здесь находили убежище члены организаций Антияпонского сопротивления, а в случае Тяньцзиня — и национальная валюта довоенного Китая в сейфах иностранных банков.

Англичане не могли противиться силовому и психологическому давлению. Японский флот к тому времени, мощный и многочисленный, не позволял рассчитывать на успех малыми силами. А надвигающаяся война в Европе, откровенные и зловещие угрозы Германии исключали возможность передислокации на Дальний Восток более крупных сил.

Чемберлен колебался, опасаясь быть обвиненным в повторении мюнхенского сговора на Дальнем Востоке, но в конечном счете санкционировал действия посла в Токио, настроенного на умиротворение японцев для сохранения концессии. Компромиссная, а на самом деле пораженческая формула урегулирования конфликта включала признание «силы обстоятельств» в Китае, которые оправдывали право японской армии действовать в целях обеспечения собственной безопасности. Исходя из этого, Лондон признавал недопустимыми действия, наносящие вред японской армии и выгодные ее противникам.

Речь шла не только о тяньцзиньской концессии и территории вокруг нее, а о Китае в целом. «Предательство» в отношении Чан Кайши и его сопротивления японской армии было очевидным. Переговоры по Тяньцзиню

испытывали сильное влияние событий в Европе, где угрозы Германии в адрес Польши становились все более неприкрытыми. Прямое отношение имели и буксовавшие в Москве англо-франко-советские переговоры по поводу политического, а возможно и военного, союза трех стран. Ощущалось и незримое присутствие в зале переговоров в японском МИДе событий на границе Монголии и Маньчжурии (Халхин-Гол).

Но самое сильное влияние на переговоры оказала внезапная денонсация Вашингтоном в конце июля 1939 г. договора о торговле и мореплавании с Японией. Приободренный этим неожиданным ходом американской дипломатии, английский посол перестал быть уступчивым, что привело к длительному застою в токийских переговорах. Очередной удар по японским планам организации «дальневосточного Мюнхена» был нанесен уже «вероломством» ее союзницы — Германии. Советско-германский пакт о ненападении и последовавшее вскоре разгромное поражение на Халхин-Голе — последние жирные штрихи картины Тяньцзиньского инцидента, органично вписавшегося в ткань мировой политики за несколько дней до начала Второй мировой войны.

Ключевые слова: концессии в Китае, таможня Тяньцзиня, независимое поведение Квантунской армии, англо-франко-советские переговоры, «предательство» Германии, японо-американский Договор о торговле и мореплавании.

Автор: *Саркисов Константин Оганесович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12;

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6398-0785

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Tianjin Incident: The “Far Eastern Munich”

K. O. Sarkisov

Abstract. In early April 1939, in the territory of the British concession in Tianjin, in North China occupied by the Japanese army, an assassination of a customs inspector, who had collaborated with the invaders, brought already apprehensive relations between Tokyo and London to an unprecedented level

of hostility. The Japanese military were enraged by the British authorities' refusal to surrender the assassins. Often operating at its own discretion in China, the Kwantung Army blocked the concession with a clear intention to shut it down. The incident became a pretext for an effort to restrain the extraterritorial rights of Western countries throughout China. The members of the anti-Japanese resistance used foreign concessions in China as a refuge, and, in the case of Tianjin, to keep the pre-war China national currency in foreign banks.

The British could hardly resist the psychological pressure since the Japanese Navy, by that time well-equipped, modern, and numerous, was powerful enough to make it impossible to hope for a successful operation with a small force. Under the blunt and ominous threats from Berlin and the impending war in Europe, London could not dare to redeploy larger forces to the Far East.

Chamberlain hesitated in making a decision, not risking to be accused of repeating the Munich agreement, but ultimately sanctioned the actions of the British ambassador to Tokyo, who was strongly determined to appease the Japanese in order to preserve the concession rights. His "compromise" for resolving the conflict was in fact a defeatist formula. It included the recognition of the "force of circumstances" in China, which justified the right of the Japanese military to act in order to ensure its own security. London recognized as improper any actions harmful to the Japanese military and beneficial to its opponents. It was related not only to the Tianjin concession and to the territory around it, but to China as a whole. This formula looked like a "betrayal" of Chiang Kai-shek, defying his resistance to the Japanese.

The Tianjin talks were heavily influenced by events in Europe, where Germany's threats against Poland became increasingly overt, as well as by the stalled Anglo-French-Soviet talks in Moscow over a possible alliance against fascist states. The Soviet-Japanese armed clashes on the border of Mongolia and Manchuria (Nomonhan) were relevant too.

At the end of July 1939, Washington's sudden denunciation of the Treaty of Commerce and Navigation with Japan, signed more than 25 years prior, encouraged the British delegate and led to a stalemate in the Tokyo negotiations until the next blow to the Japanese plans to repeat "Munich" in the Far East — a "betrayal" by its ally, Germany. The Soviet-German non-aggression pact and the devastating defeat of Japan at Nomonhan added the final powerful touches to the picture of the Tianjin Incident, fitting into the canvas of world politics a few days before the start of the Second World War.

Keywords: concessions in China, Tianjin Customs, the Kwantung Army's independent behavior, Anglo-French-Soviet negotiations, Germany's "betrayal", Japanese-American Treaty of Commerce and Navigation.

Author: *Sarkisov Konstantin O.*, PhD (History), Leading researcher, Institute of Oriental Studies of RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12
ORCID: 0000-0002-6398-0785
E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Данный инцидент своими корнями уходит в Новую и Новейшую историю Дальнего Востока — в экспансию западных держав в Китай и японо-китайскую войну 1930-х гг. В системе пространственно-временных координат истории случившегося они составляют «временную» ось или ее вертикаль, а сам инцидент органично и синхронно связан с событиями того периода.

Европа переживала драматический момент кануна Второй мировой войны. Агрессивность нацистской Германии оставляла мало надежд, что можно будет избежать нового столкновения. Географическое положение Советского Союза, его дальневосточных территорий определяло его прямую связь с происходившим в Восточной Азии. В Москве проходили англо-франко-советские переговоры о заключении политического и военного оборонного союза против стран оси. Переговоры буксовали, и в советской внешней политике наметился резкий крен в пользу соглашения с Германией. После 9 лет в отставку был отправлен наркоминдел Максим Литвинов, автор утвержденной самим Сталиным концепции сотрудничества с Великобританией и Францией — представительниц блока «неагрессивных стран»[1].

В азиатской части на монголо-маньчжурской границе в районе реки Халха и озера Буир-Нур спорадически вспыхивали пограничные столкновения, которые в конечном счете переросли в локальную войну между Квантунской армией Японии и Красной армией. Непосредственно в Китае произошло спровоцированное инцидентом в Тяньцзине, но давно назревавшее обострение японо-американских отношений. Вашингтон неожиданно денонсировал договор о торговле и мореплавании с Японией, что поставило под угрозу ее импорт стратегически важных товаров и экспорт, необходимый для пополнения валютных резервов бюджета, все более ориентированного на войну.

[1] Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 209–211.

Каждому из упомянутых событий в отдельности посвящена большая литература. Данная статья претендует на определенную новизну в связи с использованием недавно открытых или недостаточно известных архивных документов, а также публикаций в периодике тех лет, быстрота и полнота доступа к которым стали возможными в цифровом веке.

Повод к конфликту

В разгар японской агрессии в Китае, 9 апреля 1939 г. на территории британской концессии в Тяньцзине в одном из местных кинотеатров брошенной бомбой был убит инспектор Тяньцзиньский морской таможни некто Чэн Сигэн [Bloch, Angoff 1940, p. 131]. Убийство чиновника во время массового публичного зрелища в духе покушений на Линкольна или Столыпина, в отличие от тех, не вызвало бы большого резонанса, если не реакция его покровителей — японцев. На требование выдать подозреваемых власти концессии в конечном счете ответили отказом [Watt 1989, p. 351–354], и в японо-английских отношениях возник острый кризис. Британский кабинет министров, обычно прислушивавшийся к мнению своих послов, был в растерянности. Посол в Чунцине Арчибальд Кларк-Керр призывал ни за что не поддаваться давлению: жена Чан Кайши Мэйлин открылась ему, что покушавшимися были оперативники гоминьдановской спецслужбы — Бюро расследований и статистики (國民政府軍事委員會調查統計局). Она просила не выдавать их на верную смерть [Watt 1989, p. 353–354]. Посол же в Токио Роберт Крейги был настроен в пользу максимальных уступок японцам лишь бы сохранить концессию. Чемберлен все еще во главе кабинета министров и сам сторонник политики умиротворения с клеймом позора за Мюнхенский сговор, отдавал предпочтение Крейги.

Тем временем японские военные, определявшие в Китае не только стратегическую, но и общую политику, усиливали давление и грозили блокадой концессии. Британская концессия в Тяньцзине для них была бельмом на глазу — убежищем не только для враждебных элементов Антияпонского сопротивления, но и для «враждебных денег». 50 млн китайских или по обменному курсу 6 млн американских долларов в серебряных монетах хранились в сейфах

иностранных банков на территории концессии[2]. Сумма не слишком большая для огромной страны, но достаточная, чтобы мешать фискальной и экономической реформе, с успехом которой японцы связывали надежды на укрепление прояпонских марионеточных сил в Китае. Японские власти хотели получить контроль над этими деньгами или в крайнем случае «нейтрализовать» — передать «на хранение» в валютный банк в Иокогама (Yokohama specie bank).

Предварительные контакты между сторонами в Тяньцзине не принесли результатов, и в 6 часов утра 14 июня 1939 г. у входа в концессию японцы установили патрульные посты. Началась блокада. Чтобы пройти через контрольный пункт люди часами стояли под палящим солнцем, которое в это лето, как назло, выдалось особенно жарким. В концессии очень скоро стала ощущаться нехватка продуктов, молока для детей и др. Зарубежная пресса публиковала репортажи о расстреле китайцев, пытавшихся продавать товары через ограду, унижениях тех, кого подвергали тщательному осмотру, заставляя подчас раздеваться догола на виду у прохожих.

Германская и итальянская пресса, напротив, ликовала. Муссолини злорадствовал: «Прошли времена, когда стоило кому-нибудь сбить шляпу с головы англичанина, как на его защиту тут же появлялся британской военный корабль!»[3]. Теперь же, охранявшие границы концессии подразделения Даремской легкой пехоты, как и канонерка «Лоустофт» на реке Хайхэ у пристани в районе Британского «Банда» (British Bund), вряд ли могли бы что-то сделать в случае применения японцами силы.

Времена, действительно, были другие. На заседании британского кабинета министров 26 апреля 1939 г. представители Адмиралтейства с трудом соглашались на перевод в Сингапур, т.е. поближе к очагу конфликта, одного из линкоров эскадры в Северном море и еще трех кораблей из Средиземного моря.

Лорды Адмиралтейства заявляли, что этого крайне недостаточно, чтобы противостоять японскому флоту, а поражение обрушит престиж английского флота, и общественное мнение в Англии «потребует что-то сделать, в то время как сделать ничего нельзя»[4].

---

[2] New York Times, June 17, 1939, p. 2 L+.

[3] New York Times, June 18,1939, p. L+ 25.

[4] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV, p. 205.

Были и попытки увидеть в японских действиях нечто большее, чем удовольствие от издевательств над некогда могучей и на глазах дряхлеющей колониальной державой: «Причина, несомненно, в том, чтобы затормозить ее движение к союзу с Москвой и повлиять на англо-франко-советские переговоры в Москве», — писали в газетах. Одним из раздражителей могло быть требование Москвы о безоговорочной поддержке ее в случае конфликта с Японией[5].

В Токио правительство пыталось сдерживать своих военных: унижение бывшего союзника могло подтолкнуть его к союзу с Москвой[6]. В последний момент было отменено торжественное шествие около 50 тыс. японцев, включая 2 тыс. резервистов, на расположенное в концессии кладбище японских солдат, погибших во время подавления восстания ихэтуаней в 1900 г.[7]

Тяньцзиньский инцидент, Халхин-Гол и британская политика умиротворения

Советский посол Иван Майский телеграфировал в Москву из Лондона, что события на Дальнем Востоке тесно связаны с происходившим в тот момент в Европе. На даче у газетного магната и политика барона Бивербрука помимо того, что война неизбежна и Германия усиленно готовится к ней, Риббентропу удалось убедить фюрера, что Англия и Франция не решатся на войну, а из англо-советских переговоров ничего не выйдет, он услышал нечто необычное: «Тяньцзиньская блокада — это дело рук немцев. Они хотят прощупать настроение англичан через Дальний Восток». Майский добавлял от себя: «Риббентроп отсюда делает вывод: англичане не способны к серьезному сопротивлению — куй железо, пока горячо!»[8]. Если целью немцев было убедиться в слабости духа соперника, то они ее достигли. Поведение англичан в Тяньцзиньском инциденте внушило даже итальянцам впечатление, что, «несмотря на британские угрозы... Англия не станет воевать в 1939 г.» [Weinberg 2010, p. 740].

Лондон, как и в Мюнхене, был готов пойти на максимальные уступки японцам. Это было очевидно уже из первого проекта согла-

---

[5] New York Times, June 18,1939, p. 25 L+.

[6] «Асахи симбун», 19 июня 1939 г., с. 3.

[7] Times, June 17, 1939, p. 12.

[8] Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 505.

шения, предложенного английским послом в Токио Робертом Крейги. Англичане обещали «в рамках соблюдения нейтралитета принять все возможные меры по недопущению использования концессии в целях, которые могут наносить ущерб военным и политическим интересам страны, оккупировавшей данную территорию»[9]. Он же предлагал как можно скорее провести встречу в Токио, с участием представителей Британского генконсульства и японских властей в Тяньцзине.

Ознакомившись бегло с британским проектом на встрече 20 июня, министр иностранных дел Японии Арита Хатиро остался довольным, но выразил сомнение, что японские военные, которые жаждали решить вопрос на месте, согласятся ехать в Токио, где правительство могло быть более уступчивым. Но в конечном счете их удалось убедить, а английский посол 26 июня получил санкцию Лондона на проведение переговоров на предложенных им условиях.

О своих шагах Крейги предусмотрительно ставил в известность американское посольство, где его намерения воспринимались с большой долей настороженности. В телеграмме госсекретарю Халлу, врио американского посла в Японии Юджин Думан не скрывал своего крайнего удивления уступчивостью англичан. Он видел в этом не только слабость, но и умысел — спровоцировать Вашингтон на вмешательство в случае, если японские требования станут чрезмерными[10] .

Была поставлена в известность и Франция. В разговоре с американским послом представитель французского МИД Жан Шовель говорил, что инструкции британского правительства предоставляли Крейги большую свободу действий, что было опасно, учитывая склонность того к максимальным уступкам японцам[11].

«Еще один Мюнхен» и расширение сферы переговоров на весь Китай

Реакция Парижа Крейги не волновала, а перед Думаном он оправдывался: если переговоры не приведут к компромиссу, японцы могут решиться на оккупацию концессии. С учетом ситуации в Европе, здесь на Дальнем Востоке Лондон не в состоянии препятствовать им, говорил он Думану. И не без умысла добавлял: Лондон волнует,

[9] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV p. 195.
[10] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939 Vol. IV, p. 201, 202.
[11] New York Times, July 9,1939, p. 5 E+.

что в случае необходимости пойти на компромисс Вашингтон воспримет это как «еще одно Мюнхенское соглашение», что негативно скажется и на отношении американцев к политике Англии в Европе. Думан писал Халлу: «За то, что они позволили японцам довести дело до крайнего состояния, англичане должны «благодарить» сами себя. Сейчас они в тяжелом положении и до их сознания наконец дошло то, чего они раньше не понимали. Нужно либо рискнуть и бросить японцам перчатку, либо пожертвовать добрым отношением к себе Соединенных Штатов. Я думаю, англичане попытаются найти нечто среднее — уступить японцам, но ровно настолько, чтобы избежать в свой адрес открытых обвинений в очередной политике «умиротворения»[12].

Ассоциация с Мюнхеном напрашивалась, и об этом заговорил советский полпред Константин Уманский на встрече с Рузвельтом 2 июля 1939 г. Он интересовался, не следует ли ожидать в Тяньцзине повторения Мюнхена. Президент отвечал, что «опасается чрезмерных уступок англичан, ожидает в ближайшие недели аналогичных событий в Шанхае, но вынужден считаться со связанностью английских морских сил и считает, что возмездие неизбежно, английский народ просыпается»[13]. Рузвельт не сказал, что к этому моменту уже принял решение дать понять Японии, что США — это не Британия и что они не намерены уступать свои права в Китае.

1 июля Думан получил из Вашингтона проект ноты в адрес Японии. Речь шла о Тяньцзине, но в самом начале упоминался инцидент, произошедший месяцем ранее в порту Амой (совр. Сямынь) на берегу Тайваньского пролива. В международном сеттльменте города — на островке, ныне курорте Кулансу, 11 мая 1939 г. Япония высадила десант из 150 моряков, грубо нарушив суверенитет концессии. На всех пристанях были расставлены посты и начались аресты неугодных лиц. Упоминая об этом, США подчеркивали озабоченность не столько самим Тяньцзиньским инцидентом, сколько тем, что ограничительные и силовые меры японской армии затрагивали всю оккупированную им часть Китая, в том числе и ту, где сильны были американские интересы. «Нарушение принципа равенства прав и возможностей всех стран в Китае невольно вызывает подозрения, — говорилось в нем. — Не пытается ли Япония настаивать на своем

[12] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV, p. 208.

[13] Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 524.

праве доминировать в большей части Азии, претендовать на монополию в получении выгод и преимуществ, игнорируя сложившуюся систему договоров и международного права, которым Япония обязалась следовать? … Не собирается ли Япония сделать так, чтобы только по ее милости американские товары и корабли могли прибывать в Китай и китайские воды?!»[14]. Резкость и прямота выражений в ноте никак не сочетались с подчеркнуто вежливым тоном и отсутствием прямых угроз.

Токио старался не замечать перемен в позиции американцев. 7 июля 1939 г. на пресс-конференции по поводу другой годовщины — двух лет с начала войны в Китае («инцидент у моста Марко Поло») — премьер-министр Хиранума Киитиро помимо прочего отмечал, что отношение США к Японии улучшается. Что же касается англичан, то им в эти «юбилейные» дни досталось больше всего.

Правительственные круги Японии заявляли, что война в Китае затянулась не из-за сопротивления китайцев, а благодаря вмешательству третьих стран. Показательно, что под ними имелась в виду Англия, а не Советский Союз: «Военный министр генерал-лейтенант Сэйсиро Итагаки благоволит к молодым офицерам, которые считают Британию основным врагом на пути Японии. ... Наш враг сейчас не только правительство Чан Кайши, продолжающее оказывать нам сопротивление. Оно действует вместе с третьими державами, у которых свои виды в Восточной Азии. Чтобы покончить с Чан Кайши эти третьи державы должны быть сокрушены. В этом единственный путь к окончанию войны»[15].

Почувствовав слабину в английской позиции, японская сторона на переговорах в Токио ставила теперь вопрос не только о Тяньцзине, но и о Китае в целом, а инцидент в концессии стал лишь предлогом [Furuya 1981, p. 638]. Военное министерство Японии выступило с заявлением о том, что на совещании должен обсуждаться не только вопрос о наведении порядка в концессии, но и в целом в политике Англии в отношении Китая. В нем подчеркивалось, что враждебное отношение к Японии британских властей в Тяньцзине — проявление политики помощи Чан Кайши (援蒋), и пока Британия не изменит ее, встреча не будет иметь большого смысла.

---

[14] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV, p. 213–215.

[15] New York Times, July 9, 1939, p. 5 E+.

Крейги, напротив, старался произвести впечатление, что разногласия сторон не носят принципиального характера. В посольском кабинете трехэтажного здания с двухэтажными флигелями с видом на императорский дворец, всего в 800 мерах от массивного здания Военного министерства, он убеждал журналиста: «60 процентов разногласий связаны с недопониманием, и если они будут устранены, то встреча будет успешной»[16].

Новые события в Европе, начало переговоров и антибританские демонстрации

В начале июля 1939 г., когда должна была начаться японо-британская встреча по Тяньцзиню, в Европе угрозы Германии в адрес Польши становились все более зловещими. 5 июля 1939 г. на международном экспрессе в сторону порта Цуруга и далее во Владивосток неожиданно покинул Токио исполнявший обязанности советского полпреда Константин Сметанин. Советский Союз в японской столице стал представлять второй секретарь полпредства Николай Генералов. После отъезда в июне 1938 г. полпреда Михаила Славуцкого уровень советского представительства снизился до советника, а теперь и до второго секретаря. Японская газета успокаивала читателей, что это связано с нехваткой дипломатических кадров после компании чистки[17]. На самом деле за отъездом Сметанина могла померещиться более важная причина. В этот момент в Европе происходили события, которые радикально влияли на дальневосточную ситуацию.

В день отъезда Сметанина в Москву в дом на углу Кузнецкого моста и Лубянки среди многих поступила телеграмма от советского полпредства в Эстонии, в которой как злостная клевета цитировалась заметка в одной из местных газет о «намерении СССР провести вместе с Германией раздел Польши»[18]. Слухи о советско-германских контактах появлялись на фоне продолжавшихся в советской столице безрезультатных переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом.

Вероятность успеха трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве была невысокой, но если бы это случилось, союз

[16] New York Times, July 4, 1939, p. 8 L+.

[17] Асахи симбун, 6 июля 1939, с. 2.

[18] Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 529.

с Россией повышал политическое влияние Британии на Дальнем Востоке в той же степени как и в Европе[19]. Лондон не рассчитывал на это или, скорее, не хотел, и здесь царило уныние. «Галифакс считает, что в скором времени они [англичане] должны начать уходить из Тяньцзиня»[20]. Но теперь Токио хотел большего — отказа от поддержки Чан Кайши, признания преобладающего положения Японии в Китае и даже поддержки в установлении здесь «нового порядка».

Утром 15 июля, когда вечером того же дня, спасаясь от жары, английский посол вместе с женой уехал в свою загородную виллу в Хаяма, где соседствовал с императором, начались японо-британские переговоры. В них участвовали только двое — Арита и Крейги. Первый солировал. Он излагал общие принципы, на которых предлагалось урегулировать конфликт. Крейги задавал только уточняющие вопросы, чтобы максимально четко и подробно передать их в телеграмме в Лондон.

Невзирая на жару, в этот же день в Токио и по всей стране прошли организованные сверху массовые демонстрации с громкими антибританскими лозунгами. Публиковались петиции в поддержку японской делегации, принятые муниципалитетами многих городов страны. Даже в небольшом городке Оцу на берегу озера Бива, знакомом по истории российско-японских отношений, после митинга в марше с антибританскими плакатами приняло участие около 10 тыс. человек. Митинги состоялись и в китайских городах, оккупированных японцами. На внешнем рейде военно-морской базы Ёкосука прошла демонстрация силы — смотр императором на флагмане линкора «Нагато» учений японского флота.

Намеченная на 17 июля вторая встреча Арита с Крейги была перенесена на 19 июля. Крейги еще не получил ответ из Лондона на вопросы, поставленные японской стороной на первой встрече. Японская пресса посчитала это хорошим признаком. Лондон не отверг с порога главное предложение о сотрудничестве в установлении Нового порядка в Восточной Азии, хотя в тот же день 17 июля в палате общин Чемберлен заявил, что «по требованию другой страны» Англия «не станет», и уточнял — «не может» менять свою политику на Дальнем Востоке.

---

[19] The Spectator, July 14, 1939. p. 37.

[20] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. I, p. 282.

Автор «Мюнхена» не решался повторить то же самое в Тяньцзине, но ему не верили. В частности, американские газеты, отмечая сходство между двумя «Мюнхенами», европейским и дальневосточным, предупреждали о существенной разнице. «В Мюнхене американское правительство присутствовало как наблюдатель, заинтересованный главным образом в сохранении мира. В данном же случае американское правительство уже заявило Японии, что у США есть прямые, и при том, весьма серьезные интересы в Китае. Американские газеты писали: «Разыгрывая «новый Мюнхен», японское правительство рискует впасть в заблуждение, если решит проигнорировать это предупреждение»[21].

Подтверждением угрозы стало инициирование в конгрессе США законопроекта об аннулировании американо-японского соглашения почти тридцатилетней давности — договора о торговле и мореплавании от 21 февраля 1911 г. В случае его отмены зависящая от американского рынка Япония лишалась статуса наиболее благоприятствуемой страны, что резко повышало торговые пошлины и могло стать началом более серьезных противоречий.

Японское давление на британскую делегацию и реакция Вашингтона: отмена торгового договора 1911 г.

На тот момент Рузвельт старался избежать конфронтации с Японией и не допустил принятия законодательной инициативы. Обострения отношений не хотели и в Токио. Ситуация в Европе оставалась неопределенной, а на границе Маньчжоу-Го и Внешней Монголии спорадически происходили пограничные столкновения, не обычные, а с участием авиации и танков. Вторая по счету встреча Арита и Крейги не принесла результатов и была оценена газетами как «топтание на месте»[22].

На третьем раунде переговоров 21 июля японская делегация перешла в атаку. Под ее натиском англичане окончательно дрогнули и пошли на уступки. Была согласована формула двусторонних отношений в Китае, на основе которой должны были решаться конкретные вопросы в Тяньцзине, и в других английских концессиях: «Британ-

[21] New York Times, July 18,1939, p. 18 L+.

[22] Асахи симбун, 21 июля 1939 г. веч. выпуск. с. 1.

ское правительство признает обстоятельства, преобладающие ныне в Китае, где разворачиваются крупномасштабные военные действия; и поскольку эти обстоятельства имеют доминирующий характер, оно признает, что японская армия имеет особые права с точки зрения обеспечения своей безопасности и поддержания мира и порядка, а также учитывает необходимость недопущения действий, наносящих вред японской армии и в той же мере выгодных ее противникам. Британское правительство будет воздерживаться от всех действий и мероприятий, препятствующих выполнению упомянутых целей японской армии и сделает так, чтобы эта ее политика была известна британским властям и гражданам в Китае»[23].

Теперь японцы могли заявить на весь мир, что Англия уже не поддерживает Чан Кайши[24]. Форин Офис оправдывался, мол, о всех своих шагах на переговорах он ставил в известность Париж и Вашингтон. Меньше волновала реакция в Чунцине, где новости из Токио воспринимались с нескрываемой тревогой. И хотя на серьезную помощь Лондона здесь уже давно никто не надеялся, психологический эффект от «английского вероломства» был сильным. Обещание англичан «не допускать действий, ставящих под угрозу японскую армию и препятствующих ее усилиям по поддержанию мира и порядка» действовало угнетающе[25].

В Чунцине отказывались верить в предательство со стороны Англии, считая это немыслимым. Зато пресса Италии и Германии возвещала об историческом поражении Лондона, а японские газеты на первых страницах цитировали эти публикации под броскими заголовками типа «Конец эры Британской мировой политики».

Газеты добавляли масла в огонь, раздувая противоречия сторон на переговорах в Москве. «Многие усматривают в пораженческой позиции маневр британских консерваторов, действуя не напрямую, а косвенно, нанести удар по переговорам в Москве, сея семена недоверия в сердцах русских»[26].

Правым консерваторам на Даунинг-стрит доставалось и от собственной консервативной прессы. Расплывчатой и озадачивающей называл формулу решения инцидента в Тяньцзине еженедельник

[23] New York Times, July 23,1939, p. 1.
[24] New York Times, July 22,1939, p. 1, 2.
[25] New York Times, July 23,1939, p. 21 L+.
[26] Асахи симбун, 27 июля 1939 г. веч. выпуск.

«Спектейтор»: «Если это приведет даже к незначительному ужесточению британской политики в отношении Китая, отказу ему в кредитах, ограничению поставок по Бирманской дороге, то это будет настолько плохо, что лучше открыто не выполнять взятые на себя обязательства. Кабинет, согласившийся молча с такой интерпретацией соглашения, будет повинен в унизительном предательстве»[27].

На следующий день, 23 июля, японская делегация, ободренная легкостью, с какой англичане согласились на «общие принципы», выдвинула несколько жестких требований по конкретным вопросам: передачу четырех подозреваемых в убийстве китайцев; введение в концессии строго контроля над всеми антияпонскими и коммунистическими «элементами»; сотрудничество с прояпонским временным правительством в Пекине по пресечению хождения гоминьдановской валюты; согласие на передачу ему резервов в серебряных монетах в банках концессии, а также содействие в проверке работы этих банков и валютных брокеров[28].

Но в этот момент, видимо, чтобы не допустить полного коллапса Англии на токийских переговорах, Рузвельт сделал шаг, на который не решался ранее. 26 июля госсекретарь США Халл направил в адрес японского посла в Вашингтоне ноту о намерении прекратить действие двустороннего Договора о торговле и мореплавании 1911 г. В ответной ноте МИД Японии старался придерживаться дипломатического этикета, но раздражение, обида и даже злость чувствовались в каждой фразе, а последние слова звучали высокомерно: «В случае, если американское правительство пожелает заключить с Японией новый договор, который соответствует нынешней обстановке в Восточной Азии, японское правительство, разумеется, будет приветствовать это»[29].

Самоуверенная интонации была наигранной. Зависимость Японии от торговли с США была односторонней и большой. С начала 1930-х гг., после захвата Маньчжурии, японская экономика все заметнее переходила на военные рельсы и во многом зависела от импорта сырья и материалов. При этом значительная доля приходилась на американский рынок. Он же был источником валютной выручки для оплаты импорта. Многие и в европейских столицах терялись в догадках, что кроется за этим «неожиданным и очевидным проявлением

[27] The Spectator, July 28, 1939, p. 132–133.
[28] New York Times, July 24, 1939, p. 5, L+.
[29] Foreign Relations of the United States (FRUS), Japan 1931–1941. Vol. II, p. 189–190.

американского отношения к японским притязаниям в Китае, и как оценивать возможные последствия»[30].

Шаг Вашингтона был неожиданным и для Англии, как сообщал японский посол в Лондоне Сигэмицу Мамору[31]. Но он заставил Крейги покончить с тактикой умиротворения. Буксовавшие несколько недель переговоры подошли к своему концу. 18 августа Крейги передал японской стороне меморандум, в котором крайне вежливо, но решительно заявлял, что вопрос о хранящихся в банках средствах Англия не может решать в одиночку и необходимо согласие третьих сторон. Привлечь к обсуждению всех участников вашингтонского Договора Девяти Держава от 6 февраля 1922 г. и получить их согласие как условие — звучало почти издевательски.

20 августа «Асахи» в редакционной статье писала о фактическом провале токийских переговоров. Решение США отменить действие торгового договора с Японией круто изменило тактику поведения английской делегации на токийских переговорах, отмечала газета. 21 августа под крупными заголовками она же сообщала о намерении МИД Японии полностью пересмотреть политику в отношении США, «отбросив прежнюю политику» дружественных отношений и выйти из Договора Девяти[32].

Советско-германский договор о ненападении

Вера в способность противостоять не только Англии, но и США, не говоря уже о Советском Союзе, в значительной степени объяснялась уверенностью, что Японии на помощь придет структура германо-итальянского договора, к которому Токио до этого времени отказывался присоединяться, не желая портить отношения с Лондоном и Вашингтоном.

Сильное потрясение ждало Токио уже на следующий день, 22 августа, когда «Известия» и все мировые агентства сообщили о предстоящем визите в Москву Риббентропа и заключении германо-советского договора о ненападении[33]. В этот же день, как доклады-

---

[30] New York Times, July 29, 1939, p. 14 +.

[31] Нихон гайко: бунсё:. Сё:васэн дзэнки токусю:. Ниттю: сэнсо:, дай 4 сацу, 7. [Документы внешней политики Японии, Первый период войны эпохи Се:ва. Специальный выпуск: японо-китайская война. Книга 4, том 7]. С. 2588.

[32] Асахи, 21 августа 1939 г. С. 2.

[33] Известия, 22 августа 1939 г.

вал в Москву Николай Генералов, все вечерние газеты в Токио под кричащими заголовками публиковали «ошеломляющую» новость. Он докладывал, что армия пока воздерживается излагать свою точку зрения, так как она еще не имеет официального сообщения о случившемся. Но и на следующий день военные предпочитали не комментировать, не решаясь на критику своего союзника, сторонником сближения с которым они были. А некоторые высокопоставленные сотрудники МИД даже хвалили германского канцлера за «мастерский шаг», позволивший ему одним ударом решить проблему Данцигского коридора, а заодно и Польши.

Но обида и гнев захлестнули скоро и официальный Токио. Кабинет министров Японии 23 августа заявил, что «Япония намерена и впредь придерживаться свободной и независимой внешней политики, в каком направлении ни развивались бы события в Европе», добавляя, что правительство прекращает проведение мер по усилению союза со странами участницами Антикоминтерновского пакта[34].

Символичной выглядела сцена, которую в тот день наблюдал Думан. Германский посол в Токио Ойген Отт в сопровождении итальянского коллеги неосмотрительно посетил один из токийских ресторанов, после чего два дня нигде не появлялся — огромный зал самого большого в городе заведения встретил его гробовой тишиной[35].

В прессе напротив бушевала буря — почти все японские газеты громко называли поведение Германии вероломством, превратившим Антикоминтерновский пакт в клочок бумаги. Больше всего досталось японскому МИД и правительству за то, что они «проморгали» крутой поворот в политике союзника.

О пережитом шоке, естественно, не было ни слова в советской печати, и только в своем дипломатическом дневнике Майский из Лондона признавался: «Наша политика явно делает какой-то крутой поворот, смысл и последствия которого мне пока еще не вполне ясны...»[36].

В обсуждении того, что следует предпринять Японии в принципиально новых геополитических условиях, преобладали две диаметрально противоположные точки зрения. Первая — последовать примеру Берлина и пойти на сближение с Москвой. Второй вариант — сближение с Англией и раздел с ним Китая. В первом случае — это было рав-

[34] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. III, p. 55

[35] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. III, p. 66

[36] Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 647.

носильно признанию своего поражения в Китае. Ситуации в Европе и на Дальнем Востоке были разные, как и интересы сторон. В Европе Гитлеру нужен был договор, чтобы решить задачу, о которой он не только говорил, но и кричал — Данцигский коридор и нейтрализация Англии и Франции. Переговоры с Москвой открыли более широкие возможности — раздел Польши и сфер влияния в Прибалтике. На какие подобные выгоды могла рассчитывать Япония в отношении Китая? Раздел его с Советским Союзом и лишение государственности было бы полной нелепицей. Второй вариант был также немыслим. Даже Чемберлен не клюнул бы на японскую версию Нового порядка в Восточной Азии. И, как писал в Москву оставшийся за главного в советском постпредстве Николай Генералов, — для Японии возникал заколдованный круг[37]. Через считанные дни к обиде и злости от германского «вероломства» добавилась горечь полного поражения на монголо-маньчжурской границе в районе Халхин-Гола.

Заключение

Инцидент в Тяньцзине, каким бы относительно мелким он ни казался на фоне событий мировой политики весной–осенью 1939 г., — органичная часть истории кануна Второй мировой войны и будущих крупных событий: Тройственного пакта с Берлином и Римом год спустя, 27 сентября 1940 г., и Советско-японского договора о нейтралитете 13 апреля 1941 г., который с учетом произошедшего, помимо прочих причин, может показаться и ответом на «германское вероломство» в августе 1939 г.

References

Bloch, L. B., Angoff, C. (1940). *The World Over in 1939*. New York: Harrison-Hilton Books, Incorporated.

Furuya, K. (1981). C*hiang Kai-shek, His Life and Times*. New York: St. John's University.

Watt, D. C. (1989). *How War Came: The Immediate Origins of the Second World War. 1938–1939*. New York: Pantheon books.

Weinberg, G. L. (2010). *Hitler's Foreign Policy 1933–1939: The Road to World War II*. New York: Enigma Books.

[37] Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 626–628.

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 202–221
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 202–221
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-202-221

Боевые действия на Южном Сахалине и Курилах в августе 1945 г. в свете новых архивных материалов

А. Г. Зорихин

Аннотация. Статья посвящена операциям Советской армии на Южном Сахалине и Курильских островах в августе 1945 г. Её актуальность обусловлена тем, что за последнее десятилетие исследователям стали доступны документы из российских и японских архивов, которые позволяют детально оценить характер боевых действий обеих сторон. Подготовка к наступлению на Южном Сахалине и Курильской гряде началась заблаговременно весной 1945 г. Командование японского 5-го фронта располагало значительными силами для обороны Южного Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо, однако ошибочно полагало, что главный удар на северо-восточном стратегическом направлении нанесёт американская армия. Поэтому все мероприятия боевой подготовки были направлены на подготовку к отражению возможной высадки экспедиционных сил США. Тем не менее, с началом боевых действий части 88-й и 91-й японских пехотных дивизий оказали ожесточённое сопротивление советским войскам. Автор приходит к выводу, что при планировании Курильской десантной операции командованием Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы был допущен ряд ошибок, который обусловил высокие потери среди личного состава. В то же время советские воины героически выполнили свой воинский долг и есть основания для постановки вопроса о посмертном присвоении некоторым из них звания Герой Российской Федерации.

Ключевые слова: десант, Карафуто, Южный Сахалин, Шумшу, Япония, Советская армия.

Автор: *Зорихин Александр Геннадьевич*, соискатель Дальневосточного федерального университета, г. Комсомольск-на-Амуре,
E-mail: tsunami77@rambler.ru.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Fighting in South Sakhalin and the Kuril Islands in August 1945 Based on New Materials

A. G. Zorikhin

Abstract. The article is devoted to the operations of the Soviet army in South Sakhalin and the Kuril Islands in August 1945. Its relevance is due to the fact that, over the past decade, researchers have made available documents from Russian and Japanese archives which allow to assess in detail the nature of operations of both sides. Preparations for the liberation of South Sakhalin and the Kuril Islands began well in advance, in the spring of 1945. The Japanese 5th Front had significant forces to defend South Sakhalin, the Kuril Islands, and Hokkaido, but mistakenly believed that the main attack in the northeastern strategic direction would be inflicted by the American forces. Therefore, all combat training activities were aimed at preparing to repel a possible landing by the US Expeditionary Force. Nevertheless, with the beginning of hostilities, units of the 88th and 91st Japanese infantry divisions offered fierce resistance to the Soviet troops. The author comes to the conclusion that, during the planning of the Kuril amphibious operation, the commanders of the Kamchatka defensive region and the Petropavlovsk naval base made a number of mistakes, which led to high casualties. At the same time, Soviet soldiers heroically fulfilled their military duty and there are grounds for raising the question of posthumously conferring the title of a Hero of the Russian Federation on some of them.

Keywords: landing, Karafuto, South Sakhalin, Shumshu, Japan, Soviet Army.

Author. *Zorikhin Aleksandr G.*, PhD candidate at the Far Eastern Federal University, Komsomolsk-on-Amur.

E-mail: tsunami77@rambler.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Состав группировок войск и планы командований СССР и Японии

Финальным аккордом Второй мировой войны стала капитуляция милитаристской Японии в сентябре 1945 г. в результате стремительного наступления советских войск в Маньчжурии. Эта кампания потребовала от Красной армии значительного напряжения сил, поскольку даже в условиях количественного и качественного превосходства

советских войск над японскими последние оказывали ожесточённое сопротивление, организованно отступали вглубь своей территории, а на некоторых направлениях пытались контратаковать. Вводимые в научный оборот документы из российских и японских архивов позволяют детальнее отразить все перипетии летней кампании 1945 г. и по-новому взглянуть на действия противоборствующих сторон на Южном Сахалине и Курилах, которые по своему накалу не уступали боям на материке.

На Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) была достигнута договоренность, в соответствии с которой в обмен на вступление в войну СССР против Японии (через 2-3 месяца после завершения боевых действий в Европе) Советский Союз получал Южный Сахалин, отторгнутый по итогам русско-японской войны, а также Курильские острова [Внешняя политика Советского Союза… 1947, с. 111]. С этого момента на Дальнем Востоке началась активная подготовка войск Забайкальского и Дальневосточного фронтов к летней кампании.

Для участия в ней на сахалинском и курильском направлениях Ставка привлекла войска 16-й армии и Камчатского оборонительного района 2-го Дальневосточного фронта (ДВФ). Непосредственно на Сахалине дислоцировались 56-й стрелковый корпус 16-й армии в составе 79-й стрелковой дивизии, двух отдельных стрелковых бригад, одной танковой бригады, частей усиления, а также 255-й смешанной авиадивизии (106 боевых самолётов). Костяк Камчатского оборонительного района (КОР) составляли 101-я стрелковая дивизия и 1 отдельный стрелковый полк, действия которых обеспечивала 128-я смешанная авиадивизия (68 боевых самолётов). Командованию ДВФ оперативно подчинялись Северная Тихоокеанская флотилия и Петропавловская военно-морская база (ВМБ), сыгравшие важную роль в проведении наступательных операций[1].

Первоначальный замысел Ставки, изложенный в директиве командующим фронтами № 11112 от 28 июня 1945 г., не предусматривал освобождения Южного Сахалина и Курил, а предполагал «прочно оборонять о. Сахалин и п-ов Камчатка, не допустить вторжения японцев на нашу территорию острова, а также высадки японских войск на

[1] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 170. Л. 34, 36.

побережье о. Сахалин и п-ов Камчатка»[2]. Тем не менее, уже в марте 1945 г. командующий ДВФ поставил перед командиром 56-го стрелкового корпуса задачу разработать план наступательной операции и с мая по август последний организовал в подчинённых ему частях учения на макетах и местности по прорыву японской полосы обороны [Дьяконов 1982, с. 198–204]. Кроме того, с 15 по 20 июня в 56-м корпусе по планам командования армии состоялось учение под названием «Наступление стрелкового корпуса во взаимодействии с флотом и морским десантом»[3].

Подобным же образом, несмотря на отсутствие заблаговременных указаний Ставки о высадке на Курилы, готовилось к проведению наступательной операции командование КОР: вторые батальоны всех трёх стрелковых полков 101-й дивизии задолго до начала боевых действий прошли обучение высадке на о. Шумшу и закрепили практические навыки в ходе манёвров 1945 г.[4]

На Южном Сахалине (Карафуто), Курилах и Хоккайдо советским войскам противостоял 5-й фронт под командованием опытного военачальника и крупного специалиста по СССР генерал-лейтенанта Хигути Киитиро. Управление фронта дислоцировалось в г. Саппоро на Хоккайдо, а общая численность его войск составляла порядка 173 000 человек.

Непосредственно на Южном Сахалине находилась отдельная смешанная бригада «Карафуто» штатной численностью 3 757 человек, которая в соответствии с решением руководства империи о подготовке архипелага и прилегающих территорий к сражению с экспедиционными силами противника 28 февраля 1945 г. была преобразована в 88-ю пехотную дивизию (20 248 человек) и в апреле усилена тремя специальными охранными батальонами и тремя специальными охранными инженерно-сапёрными ротами резервистов[5].

На Северных Курилах основу японской группировки составляла 91-я пехотная дивизия, сформированная в апреле 1944 г. на базе 1-го Курильского охранного отряда. В её состав входили 73-я и 74-я пехотные бригады на о-вах Шумшу и Парамушире, 2 артиллерийских отряда, отряд скорострельных орудий, другие части. Ударный

[2] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 170. Л. 23.
[3] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 170. Л. 47.
[4] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 157. Л. 2.
[5] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сюсэн сёри-717 (C15010931300). Л. 0403.

кулак соединения был представлен 11-м отдельным танковым полком в составе 64 средних и лёгких танков[6].

Хотя по штату дивизия насчитывала 19 510 человек, фактически к 18 августа 1945 г. в ней числилось 16 733 человека. Согласно итоговой разведывательной сводке № 1 штаба КОР, непосредственно на о. Шумшу находились 8 480 человек, а в целом, с учётом сил ВМФ, северокурильская группировка насчитывала до 21 000 военнослужащих[7]. На остальных островах Курильской гряды дислоцировались 41-й отдельный смешанный полк на Мацува, 129-я отдельная смешанная бригада на Урупе и 89-я пехотная дивизия на Итурупе, насчитывавшие 22 335 человек.

Наиболее мощная группировка войск 5-го фронта обороняла Хоккайдо: там находились 2 пехотные (7-я, 42-я), 1 учебная пехотная («Асахикава») дивизии, 101-я отдельная смешанная бригада, 2 укрепрайона («Соя», «Цугару»), 22-й отдельный танковый полк, 2 зенитно-артиллерийских полка, другие части и подразделения, усиленные 1-й авиационной дивизией с 70 боевыми самолётами, которые весной–летом были переброшены с Курил и Карафуто. Общая численность войск на Хоккайдо составляла порядка 114 000 человек.

Несмотря на наличие значительной по численности группировки, противостоявшей Дальневосточному фронту, военно-политическое руководство Японии рассматривало советское направление как второстепенное и с января 1945 г. целенаправленно готовило войска 5-го фронта к отражению возможного американского нападения с северо-востока. В этой связи на совещании командиров частей в Саппоро 11–12 февраля Хигути поставил перед ними задачу: в случае высадки американцев удерживать прочную оборону на Итурупе и Шикотане, в южной части Карафуто, примыкавшей к проливу Лаперуза, и стремиться к тому чтобы разгромить противника в решающем сражении на Хоккайдо [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 310–311].

Хотя руководство Японии ещё питало надежду уничтожить американскую армию на дальних подступах к архипелагу, после поражения на Иводзиме 16 марта 1945 г. ввело в действие план «Кэцуго», который в ответ на предполагаемую высадку десанта противника осенью

---

[6] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутай рэкиси дзэмпан-115 (C12122506300); [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 568–569].

[7] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-98 (C12121057300). Л. 0449; Тюо-сюсэн сёри-717 (C15010931300). Л. 0403; ЦАМО РФ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10.

на Кюсю, а весной 1946 г. — близ японской столицы, требовал до октября 1945 г. завершить подготовку всех сухопутных войск в метрополии к отражению нападения[8].

Уже 21 марта командующий 5-м фронтом произвёл перестановку войск на сахалинском и курильском направлениях: главные силы 88-й пехотной дивизии были отведены с севера в Тоёхара (Южно-Сахалинск) с задачей не допустить высадку на Южном Сахалине американских войск и тем самым не позволить им беспрепятственно проводить суда через пролив Лаперуза из Тихого океана в Японское море, а оборона советско-японской границы возлагалась только на оставшийся там 125-й пехотный полк штатной численностью 3 507 человек. На Шумшу главные силы 91-й пехотной дивизии были выведены в центр острова для обороны ВМБ Катаока (Байково) и недопущения прохода американских судов через пролив Парамушир; на северном побережье остались только артиллерийский взвод и пехотная рота[9].

Решение Хигути диктовалось оценкой штабом фронта перспектив столкновения с США и СССР на северо-восточном стратегическом направлении, которая в развёрнутом виде была изложена 19 апреля 1945 г.

В соответствии с этой оценкой наиболее вероятными были четыре сценария захвата силами от 1 до 8 американских дивизий различных районов Хоккайдо и центральной части Курильской гряды для развёртывания там военно-воздушных баз и обеспечения безопасности морских перевозок через пролив Лаперуза и Сангарский пролив в Японское море. Кроме того, штаб фронта не исключал захват силами 2–3 американских дивизий укрепрайона на мысе Нисиноторо (Крильон) и окрестностей Тоёхара на юге Сахалина в ходе операции по уничтожению форта на мысе Соя на севере Хоккайдо.

Вариант вступления Советского Союза в войну также принимался в расчёт. Предполагалось, что в этом случае главная советская группировка будет прорываться через границу на юг, а часть сил будет вести боевые действия в Сакаэхама (Стародубском), Отомари (Корсакове) и Маока (Холмске). Кроме того, штаб фронта посчитал весьма вероятной высадку советского десанта на северных островах Куриль-

---

[8] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сэнсо сидо дзюё кокусаку бунсё-943 (C12120127900). Л. 0168; (C12120128000). Л. 0173–0175.

[9] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-12 (C12120976700). Л. 0456; Тюо-бутай рэкиси дзэмпан-115 (C12122506300). Л. 1999, 2022; 1, с. 539.

ской гряды. По мнению авторов этой оценки, наиболее благоприятным временем для советского нападения на Карафуто являлась зима 1945–1946 гг., когда болотистая местность вдоль границы замерзала, тогда как операции по деблокированию пролива Лаперуза и Сангарского пролива американцы могли провести уже осенью 1945 г. [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 325–327].

Таким образом, весной 1945 г. командование 5-го фронта исходило из предположения о неизбежном захвате Курил и Южного Сахалина американцами, поэтому сосредоточилось на укреплении обороны Хоккайдо и подступов к нему. В свою очередь командование сахалинской 88-й пехотной дивизии с весны 1945 г. всё больше внимания уделяло именно северному направлению, так как поступавшая оттуда информация свидетельствовала о наращивании группировки советских войск и проводимых ею мероприятиях по подготовке к наступлению.

При этом дивизия самостоятельной агентурной или радиотехнической разведкой не занималась: эти задачи решали 6 разведпунктов 5-го фронта в Сикука (Поронайске), Кэтон (Смирных), Эсутору (Углегорск), Нисисакутан (Бошняково), Наёси (Лесогорске), Ёкунай (Белугино) и два радиоразведывательных пункта в Камисикука (Леонидово) и Касивабара (Северо-Курильск)[10]. Дивизии подчинялся только отряд наблюдательных пунктов в составе трех рот в Кэтон и Котон (Победино), занимавшийся визуальной разведкой со скрытых постов вдоль советско-японской границы[11].

Уже в конце 1944 г. она получила непроверенную информацию о выдвижении 79-й горнострелковой дивизии из Дербинского в приграничье к селу Онор напротив Кэтон, а также достоверные сведения о нахождении 214-й танковой бригады в Дербинском. Кроме того, разведка установила появление на севере острова двух стрелковых бригад. Весной 1945 г. разведорганы соединения сделали вывод, что южнее Онора дислоцировалась одна стрелковая дивизия, а в районе Дербинское — Александровск-Сахалинский, судя по количеству танков и пехоты, от половины до целой дивизии, о чём доложили в штаб фронта [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 407].

---

[10] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй хэнсэй-12 (C12120976300). Л. 0336; Тюо-бутай рэкиси дзэмпан-32 (C12122430300). Л. 1043; [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 394].

[11] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутай рэкиси дзэмпан-32 (C12122430000). Л. 0959–0960.

Но, несмотря на поступавшие с Карафуто в Саппоро сведения о наращивании группировки советских войск, усилить 88-ю дивизию личным составом и техникой командование 5-го фронта уже не могло. Причин было две. Во-первых, определённую роль сыграло решение Императорской ставки изъять из состава фронта сразу после разгрома японских войск на Окинаве наиболее боеспособные соединения — 77-ю, 147-ю пехотные дивизии, 3-ю и 4-ю отдельные амфибийные бригады с Хоккайдо и Курил, и перебросить их на Кюсю и в район Канто. Все усилия фронтового командования с мая 1945 г. были направлены на скорейшее восстановление боеготовности войск на Хоккайдо, куда не только шло пополнение, но и была переброшена вся авиация с Сахалина и Курильской гряды. Более того, понимая недостаточность имевшихся на Карафуто сил для полноценной защиты его территории, директивой от 9 мая 1945 г. Ставка редуцировала задачу 88-й пехотной дивизии на случай советского нападения до «разгрома вторгшегося противника и удержания стратегически важных районов в южной части Карафуто» [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 337].

Но и этот приказ вышестоящего штаба был изменён командованием 5-го фронта 30 июня 1945 г. в сторону оттягивания максимально возможного количества сил и средств 88-й пехотной дивизии на оборону юга Карафуто и северной оконечности Хоккайдо. Директива из Саппоро командиру соединения, в частности, предписывала «обороняться до последнего военнослужащего» на советско-японской границе тремя пехотными батальонами и двумя артбатареями 125-го пехотного полка, в то время как основным силам дивизии надлежало удерживать территорию юго-западнее Тоёхара и в зависимости от обстановки быть готовыми к передислокации на Хоккайдо с оставлением одного пехотного батальона и одной артбатареи на мысе Нисиноторо [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 341].

Во-вторых, немаловажную роль в остаточном с точки зрения усиления сахалинских частей отношении штаба 5-го фронта играло сохранявшееся у него мнение о неизбежной и скорой высадке американских войск на Карафуто, Курилах и Хоккайдо, отголоском которого были споры среди старших штабных офицеров. Как вспоминал командир 88-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Минэки Дзюитиро, в начале июля он присутствовал на совещании командиров частей и соединений фронта, на котором сотрудники

разведки говорили о высокой вероятности советского выступления, в то время как представители оперативного отдела отстаивали мнение о неизбежном нападении США. Последней точки зрения придерживался и комфронта Хигути [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 411], хотя армейское управление Императорской ставки ещё 1 июля 1945 г. довело до него «Оценку обстановки до весны 1946 г.», согласно которой, с учётом сохранявшихся темпов перевозок, в августе–сентябре СССР мог выступить против Японии силами 40–50 стрелковых дивизий, 4000 танков и 6000–7000 боевых самолётов. По мнению составителей этой оценки, вслед за принятием решения о войне Советский Союз, пользуясь абсолютным превосходством в воздухе, должен был нанести серию повторных авиационных ударов по транспортной сети и важнейшим японским объектам в Маньчжурии, Корее, Мэнцзяне и Северном Китае, после чего перейти к реализации сухопутной фазы с атакой по всем направлениям — в Маньчжурии, Северной Корее, Мэнцзяне и на Северном Сахалине, причём главный удар следовало ожидать в западной части Маньчжурии[12].

Ошибочное представление о неизбежной высадке экспедиционных сил США господствовало не только в умах штабных офицеров 5-го фронта, но и у командования северокурильской 91-й пехотной дивизии, которое проводило все мероприятия боевой подготовки с расчётом на отражение высадки американского десанта. Ещё в августе 1944 г. командование соединения начало проработку новой тактики обороны островов с учётом опыта боёв на Тихом океане и ожидаемого вторжения американских войск. В окончательном виде она была сформулирована в декабре 1944 г., когда штаб дивизии разослал в подчинённые части указания о переходе от принципа уничтожения противника у кромки берега к тактике изматывания врага в кровопролитных боях на заранее подготовленных рубежах обороны от береговой линии до глубинных районов материка [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 538].

Подробнее об организации обороны командир 91-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки рассказал 5 сентября 1945 г. уже в советском плену:

---

[12] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-сакусэн сидо сонота-35 (C15120077900). Л. 1118–1119.

«1. Принцип построения обороны на островах Шимушу, Парамусир не придерживался японских уставов, строилась оборона исходя из наличия сил и средств, и опыта войны с США:

а) Впереди главной полосы обороны на удалении 6–8 км в районах вероятных пунктов высадки строились отдельные ротные опорные пункты, усиленные отдельными орудиями, расположенные непосредственно на берегу и в глубине. Пехота, расположенная в данных опорных пунктах, имела задачу во взаимодействии с артиллерией, расположенной на берегу, уничтожать подходящие суда к берегу и высадившуюся пехоту противника на берегу.

б) С захватом превосходящими силами противника побережья японская пехота уходит в подземелье и с выходом войск противника к главной полосе обороны японская пехота выходит из подземелья и действует с тыла самостоятельными группами, отдельными снайперами и, в некоторых случаях, отдельными орудиями.

2. Резерв по плану командира дивизии предполагался использоваться в 3-х вариантах:

а) Если высадка противника обозначится в одном пункте силою до п[ехотной] д[ивизии] и не будет иметь успеха в системе отдельных ротных опорных пунктов, часть пехоты и танков из резерва контратакует противника с целью уничтожения и недопущения высадки последующих частей в этом пункте.

б) Если высадка противника обозначится в 3 или 5 пунктах, резерв используется только при прорыве противником главной полосы обороны с целью уничтожения прорвавшегося противника и восстановления переднего края.

в) При больших потерях и отказе противником от дальнейшего наступления вводится резерв перед главной полосой обороны с целью окончательного уничтожения противника.

г) Для уничтожения важных судов противника на подходе к побережью имелось ввиду применить 5 самолётов смертников и вызовом авиации с о. Хоккайдо.

3. Управление войсками осуществлялось с основного командного пункта — Касивабара, по радио и телефону. С началом военных действий на о. Шимушу управление осуществлялось с запасного КП Катаока по радио и телефону, с отдельных опорных пунктов связь осуществлялась кроме радио голубями»[13].

[13] ЦАМО РФ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

Как уже отмечалось, весной 1945 г. главная линия обороны на Шумшу была отодвинута от берега в центр на рубеж высота 82 — гора Тэндзинъяма — река Сакибэцу. Кроме того, во всех ключевых районах Шумшу были оборудованы долговременные опорные пункты, рассчитанные на автономное ведение боевых действий в любой обстановке. С мая 1945 г. главная полоса обороны Шумшу сдвинулась из центра на юго-запад острова к ВМБ Катаока, защищать северное побережье на мысе Кокутансаки остались 2-й артиллерийский взвод дивизионного отряда скорострельных орудий и 3-я рота 282-го отдельного пехотного батальона[14].

Несмотря на то, что главным противником командование 91-й дивизии всё же считало американцев, разведывательные органы армии и флота на Северных Курилах вели наблюдение и за советской Камчаткой, для чего дивизия располагала наблюдательным постом на мысе Кокутансаки[15] и радиоразведывательным пунктом 5-го фронта в Касивабара. Кроме того, в июне 1944 г. японский Генштаб образовал под прикрытием консульства в Петропавловске-Камчатском легальную резидентуру, которая во взаимодействии с агентурой из числа работников рыболовно-концессионной компании «Нитиро гёгё кабусикигайся» отслеживала обстановку на полуострове. Тем не менее, японская разведка не смогла обнаружить прибытие 27 июня в Петропавловск-Камчатский из США первых десантных кораблей LCI, которые предназначались для доставки десанта на Курилы.

Следует отметить, что советская разведка также допускала ошибки в оценке противостоявшей ей группировки противника: на 1 августа 1945 г. разведотдел штаба 2-го Дальневосточного фронта насчитал в соединениях 5-го фронта на Южном Сахалине и Курильской гряде 110 000 военнослужащих, 180 танков, что в 2 раза превышало реальные цифры, а при подготовке операции на Шумшу «не располагал точными данными о наличии огневых средств, количестве и калибре пушек, пулемётов», хотя и знал о дислокации там 11-го отдельного танкового полка[16].

---

[14] Архив НИИО МНО Японии. Тюо-бутай рэкиси дзэмпан-115 (C12122506300). Л. 1999, 2022; [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 539–541].

[15] ЦАМО РФ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

[16] ЦАМО РФ. Ф. 478. Оп. 0005910. Д. 0019. Л. 36; Великая 2015а, с. 145, 184.

Ход боевых действий на Южном Сахалине и Северо-Курильских островах

Итак, несмотря на имевшиеся у японской разведки достоверные сведения о подготовке Красной армией наступления в Маньчжурию, командование 5-го фронта не смогло своевременно вскрыть аналогичные приготовления 2-го ДВФ, поэтому переориентировало подчинённые части на противодействие советскому нападению с большим опозданием: командир 88-й дивизии получил приказ только 3 августа, а командир 91-й дивизии не получил его вовсе, продолжая готовить войска к отражению десанта американцев [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 413]. Тем не менее, приведённые с началом советско-японской войны в высшие степени боевой готовности соединения 5-го фронта на Южном Сахалине и Северных Курилах оказали ожесточённое сопротивление нашим войскам.

При этом у командования 5-го фронта не было целостного представления о возможностях советских войск на сахалинском направлении, оно полагало, что имевшийся у 88-й пехотной дивизии запас сил позволит ей успешно держать долговременную оборону на юге острова. Так, на состоявшемся 9 августа 1945 г. совещании в Саппоро группировка войск 16-й армии была оценена в две стрелковые дивизии (реальная численность — полторы дивизии) и 20 танков. В то же время командование фронта считало, что Советский Союз не ограничится захватом Южного Сахалина, а высадит свои войска на Хоккайдо, поэтому, не желая ослаблять имевшуюся там группировку, приказало 7-й и 42-й пехотным дивизиям 12–13 августа подготовить к переброске на юг Карафуто только 4 пехотных батальона и 1 арт-дивизион. Однако Советский Союз войска на Хоккайдо отправлять не стал, а задействовал в ударе на главном направлении — сахалинском — 2 расчётные стрелковые дивизии, 95 танков, 100 самолётов, 282 орудия и миномёта[17].

И всё же, несмотря на неблагоприятное соотношение сил, командир 125-го пехотного полка умело организовал оборону против перешедших 11 августа в наступление частей 79-й стрелковой дивизии и 214-й танковой бригады 56-го стрелкового корпуса. В результате советским войскам вплоть до 19 августа не удалось овладеть ключе-

[17] ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 162. Л. 12; [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 428, 466–467].

вым Котонским укрепрайоном, запиравшим дорогу на юг Сахалина, причём противник неоднократно переходил в контратаки и продолжал вести бой даже будучи изолированным в отдельных ротных опорных пунктах, чему в немалой степени способствовало недостаточное обеспечение атак танками и авиацией вследствие тяжёлых условий болотистой местности и нелётной погоды[18]. Командование 125-го полка с началом советского наступления утратило связь со штабом дивизии и только 17 августа получило оттуда приказ о прекращении сопротивления. В 02.00 18 августа командир полка издал соответствующее распоряжение и выслал парламентёров. На следующий день подразделения 125-го полка сложили оружие. В плен сдалось порядка 3 300 японских военнослужащих [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 476, 488; История Второй Мировой войны… 1980, с. 286].

Ещё тяжелее складывалась обстановка на Шумшу. На пятый день советско-японской войны командир 91-й пехотной дивизии Цуцуми получил из штаба 5-го фронта следующую телеграмму: «В полдень 15 августа будет передано чрезвычайное сообщение, всем частям организовать его внимательное прослушивание в пунктах постоянной дислокации» [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 554]. Речь шла об обращении императора к нации с заявлением о принятии условий Потсдамской декларации. После его оглашения боевая активность американского флота и авиации, регулярно наносивших удары по Шумшу и Парамуширу, прекратилась. 9 августа Советский Союз объявил войну Японии, и 91-я дивизия опасалась высадки советского десанта с Камчатки. 17 августа штаб 5-го фронта отдал приказ командиру 91-й дивизии завершить приготовления к капитуляции к 16.00 следующего дня, добавив, что в случае необходимости разрешает прибегнуть к самообороне. Хотя Цуцуми считал, что Северные Курилы будут оккупированы США, на прошедшем 17-го числа совещании командиров частей он заявил, что «нельзя исключать вероятность высадки советских войск, в этом случае огонь не открывать, а действовать на основе последующих приказов и распоряжений» [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 554–555; Itani 2011, с. 40]. Не откладывая дело в долгий ящик, в тот же день части и соединения 91-й дивизии начали складирование и разоружение техники для её подготовки к затоплению в море [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 555].

[18] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 170. Л. 81–82, 90–92.

Тем временем командование Камчатского оборонительного района получило в 7.40 15 августа приказ Военного совета 2-го Дальневосточного фронта готовиться к десантной операции на Шумшу и Парамушире, начав посадку войск на суда в 18.00 того же дня[19]. Подобную срочность нельзя объяснить ничем иным, как полной уверенностью Хабаровска в готовности войск КОР к высадке морского десанта, так как, согласно записи командующего районом генерал-майора А. Р. Гнечко от 30 декабря 1945 г., подчинённые ему части «наравне с отработкой общих тем подготовки наземных войск, особое внимание обращали на отработку атаки и обхода укреплённых точек, боя в траншеях, ночных атак, просачивания через боевые порядки, чёткого взаимодействия, захвата и закрепления плацдарма на побережье, […] в июне по плану 2-го Дальневосточного фронта на Камчатке были проведены манёвры с высадкой десантов. Специально готовились в каждом стрелковом полку десантные отряды в составе усиленных стрелковых батальонов» [Великая Отечественная война 1941–1945... 2015, с. 285]. Кроме того, ещё 27 июня в Петропавловск-Камчатский из США прибыли первые десантные корабли LCI, на знакомство с которыми у экипажей и личного состава КОР было почти два месяца.

В этой связи не выдерживает никакой критики утверждение того же Гнечко, что «войска КОР по своему составу, организации и боевому предназначению имели задачи только по обороне побережья полуострова Камчатка и Первого Курильского пролива, что не могло иметь своего специфического отпечатка на боевую подготовку» [Великая Отечественная война 1941-1945… 2015, с. 280].

Во исполнение приказа Военного совета 2-го ДВФ в спешном порядке командование КОР сформировало батальон морской пехоты из числа неподготовленных военнослужащих Петропавловской ВМБ. Слаживанием и изучением тактики десантирования они занимались уже в ходе суточного перехода из Петропавловска к Шумшу. Видимо, для усиления боевых возможностей батальона командование КОР включило в состав сил первого броска 27 бойцов диверсионно-разведывательного взвода УНКГБ по Камчатской области, которые ни по характеру стоявших перед ними задач, ни по специфике подготовки никак не годились на роль штурмовых частей.

[19] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 159. Л. 7–8.

Серьёзным пробелом при подготовке десантной операции стала нехватка средств высадки личного состава и техники, так как из-за большой осадки перегруженные десантные суда LCI не могли подойти к берегу ближе, чем на 100–200 метров. В декабре 1945 г. А. Р. Гнечко вспоминал: «Из-за недостаточного количества транспортов на борт не были взяты высадочные средства (кунгасы, «Кавасаки» [небольшое японское плоскодонное промыслово-рыболовецкое судно — А. З.], которые имелись в достаточном количестве в районе Петропавловска. Этот недостаток исключительно отрицательно сказался на выгрузке матчасти артиллерии, тракторов, лошадей и вывозе раненых с берега на пароход-госпиталь» [Великая Отечественная война 1941-1945... 2015, с. 284].

На этапе перехода транспортов с войсками к Шумшу 17–18 августа командованию КОР удалось достигнуть внезапности, так как с началом подготовки десантной операции советская контрразведка интернировала персонал японского консульства в Петропавловске-Камчатском и опечатала его радиостанцию, береговые маяки Камчатки не зажигались, а радиосвязь между судами в процессе перехода не поддерживалась [Христофоров, Тужилин 2011, с. 62, 68].

Тем не менее, в ночь с 17 на 18 августа японский наблюдательный пост на Кокутансаки обнаружил движение большого числа малотоннажных судов в северном направлении вдоль восточного побережья Камчатки. Эта информация была доложена в штаб 73-й пехотной бригады, перепроверена и далее направлена командованию 91-й дивизии, однако Цуцуми и его подчинённые не верили, что советские части попытаются высадиться, так как полагали, что следует ожидать нападения от американцев, тем более что император объявил о капитуляции [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 558–559].

И всё же в полночь 17 августа командир 1-го артиллерийского отряда подполковник Кагая Муцуо получил приказ из штаба дивизии: «В случае высадки советских войск уничтожить их», который довёл до подчинённых частей. В 4.00 наблюдательный пост на мысе Кокутансаки доложил в штаб 282-го батальона о шуме судовых двигателей со стороны моря, подходе транспортов примерно с 1 000 десантниками и полчаса спустя командир батальона капитан Мураками Норисигэ отдал приказ открыть огонь [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 560–562].

Если высадка передового отряда десанта прошла успешно, и он продвинулся вглубь территории острова, решая задачу по захвату высот 165 и 171, то первый и второй эшелоны (138-й и 373-й стрелковые полки) попали под перекрёстный огонь батарей на мысах Кокутансаки и Котомарисаки. Как следует из отчётных документов командования КОР, накануне высадки оно и не подозревало о существовании там артиллерийских позиций, считая, что на Кокутансаки, Котомарисаки и полузатопленном с 1943 г. танкере «Мариуполь» находятся лишь зенитные батареи[20]. Лишившись 21 из 22 радиостанций при высадке, дезорганизованное командование 101-й стрелковой дивизии утратило управление боем, не смогло скорректировать задачи десанта на уничтожение артиллерийских позиций на мысах вместо выдвижения к горе Сирэяма (высоты 165 и 171), а самовольная отправка домой командованием морского погранотряда НКВД курсировавших у мыса Лопатка рыболовных кунгасов, которые должны были обеспечить выгрузку с транспортов артиллерии, тракторов и лошадей, довершила провал первого этапа операции.

В итоге за день боёв на Шумшу советский десант потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести (утонувшими) порядка 18% личного состава десанта, составлявшего 8 824 человека, захватив высоты 165 и 171 только к вечеру 18 августа. Артиллерийские позиции на Кокутансаки и Котомарисаки были ликвидированы лишь утром 19 августа, после чего началась высадка тяжёлой техники[21].

Следует оговориться, что командование 91-й пехотной дивизии в соответствии с приказом штаба 5-го фронта вообще не планировало вести боевые действия, а в случае нападения рассчитывало на вступление в силу в 16.00 соглашения о прекращении огня. Поэтому, получив из Касивабара доклад о высадке десанта, в 8.00 командование 5-го фронта незамедлительно направило в Императорскую ставку телеграмму следующего содержания: «На рассвете 18 августа противник (хотя из поступившего сообщения не ясно кто, но, вероятнее всего, советские войска) частью сил высадился на северной оконечности Шумшу. Подразделения 91-й пехотной дивизии вступили с ним в бой и в целях самообороны продолжают вести боевые действия. Поскольку ранее противник официально заявил о прекращении огня,

[20] ЦАМО РФ. Ф. 238. Оп. 1584. Д. 159. Л. 17.
[21] ЦАМО. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. Л. 54, 61, 68–69.

подобные действия являются серьёзным нарушением соглашений, поэтому прошу срочно вступить в переговоры с ним через соответствующие органы» [Itani 2011, с. 54]. Ставка, в свою очередь, направила телеграмму в штаб главнокомандующего американскими войсками Д. Макартура с просьбой незамедлительно отдать приказ о прекращении огня, однако, поскольку речь шла о советских войсках, ответ оттуда не последовал [Itani 2011, с. 54].

Не зная обо всех перипетиях переговоров фронта и Ставки с Макартуром, командование 91-й пехотной дивизии уже в 4.10 привело все части в высшие степени боевой готовности и отдало приказ командиру 11-го отдельного танкового полка срочно выдвинуться в направлении мыса Кокутансаки для уничтожения противника. Одновременно командир 73-й пехотной бригады получил приказ сосредоточить все имевшиеся силы и атаковать десант. В помощь ему с Парамушира на Шумшу были переброшены два батальона 74-й бригады [Daitōa sensō kōkan senshi 1971, с. 566, 570]. Позднее командир 1-го артиллерийского отряда подполковник Кагая Муцуо вспоминал: «В связи с тем, что в 16.00 должно было вступить в силу перемирие, каждое подразделение стремилось до этого времени отбросить противника к берегу» [Itani 2011, с. 48]. Однако в разгар боя за высоту 165 из штаба 5-го фронта поступил приказ прекратить наступление и перейти к обороне, в связи с чем в 13.00 генерал-лейтенант Цуцуми выслал парламентёра капитана Нагасима Ацуси, который вечером 18 августа был доставлен к командиру сводного отряда десанта полковнику П. А. Артюшину, вручил ему документы о готовности к перемирию, но был арестован [Itani 2011, с. 50]. Реальный диалог командования 91-й пехотной и 101-й стрелковой дивизий смогли наладить только утром 19 августа.

Итоги и уроки

Какие же выводы следуют из всего вышесказанного?

1. На Сахалине советские войска встретили ожесточённое сопротивление численно уступавшего им противника, который, умело используя заранее подготовленную полосу обороны и особенности местности, сдерживал продвижение частей 56-го стрелкового корпуса вглубь острова вплоть до объявления императором капитуляции.

2. На курильском направлении руководство КОР в лице командующего районом генерал-майора А. Р. Гнечко и командира Петропавловской ВМБ капитана 1 ранга Д. Г. Пономарёва не подготовило личный состав к проведению десантной операции, не организовало изучение матчасти десантных судов LCI, не отработало вопросы обеспечения связи передового броска и двух эшелонов десанта с командными пунктами, не наладило взаимодействие с командованием морского погранотряда НКВД, хотя ещё в июне 1945 г. отрабатывало действия войск по десантированию на незнакомую местность по планам боевой подготовки 2-го ДВФ.

3. В ходе высадки командование операцией утратило управление боем, не сумело доставить на берег артиллерию, а сильный туман не позволил ему организовать поддержку десантников с воздуха. Первое сообщение от высадившихся частей штаб А. Р. Гнечко получил только через три часа после десантирования, однако их эффективная артиллерийская поддержка и уничтожение огневых позиций противника на мысах Кокутансаки и Котомарисаки так и не были организованы.

4. Командование 91-й пехотной дивизии имело почти трёхкратное преимущество над советским десантом в живой силе и технике, однако в силу приказов вышестоящих штабов и императорского заявления о капитуляции фактически прекратило сопротивление к вечеру 18 августа. Тем не менее, понеся в первый же день большие потери, советский десант не выполнил основную задачу — захватить к исходу 18 августа остров Шумшу и ВМБ Катаока[22].

5. Несмотря на то, что генерал-майор А. Р. Гнечко и капитан 1 ранга Д. Г. Пономарёв удостоились звания Героев Советского Союза, истинные герои Курильской десантной операции так и не получили причитающихся им высоких наград. Группа старшего техника-лейтенанта А. М. Водынина сорвала выход в тыл штурмовавших высоту 165 бойцов японской танковой роты 11-го отдельного танкового полка, которая в случае прорыва сбросила бы десант в море. А. М. Водынин, И. А. Кобзарь, С. И. Рындин, П. В. Бабич, М. В. Власенко и П. Ф. Ударцев до подхода бронебойщиков уничтожили 6 танков противника, причём Водынин и Рындин были вынуждены броситься под танки с гранатой. Этот же подвиг повторили

[22] ЦАМО РФ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

старший сержант Д. Н. Черепанов и младший сержант Г. В. Баландин, что является основанием для представления всех вышепоименованных военнослужащих к званию «Герой Российской Федерации».

Библиографический список

Великая Отечественная война 1941–1945. Документы и материалы. (2015) Том IV. Десант на Шумшу и возвращение Курил. Москва: Воевода.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 1 января — 31 декабря 1945 г. (1947) Т. 3. Москва: Госполитиздат.

Дьяконов А. А. (1982) *В учении и в боях (о М. А. Пуркаеве). Созвездие полководцев: Слово о военачальниках Советской Армии — дальневосточниках.* Книга 2. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство. С. 190–222.

История Второй Мировой войны 1939–1945. (1980) Т. 12. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР.

Христофоров А. Ж., Тужилин С. В. (2011) Морской Курильский десант. *Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность.* Сборник научных трудов. Вып. 5. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета. С. 53–88.

References

Daitōa sensō kōkan senshi. Dai 44. Hokutō hōmen rikugun sakusen. 2. Chishima, Karafuto, Hokkaidō-no bōei. (1971) [The Official History of the War in the Great Eastern Asia. Volume 44. Operations of the Army in the Northeastern Direction. 2. Defence of Chishima, Karafuto, and Hokkaido]. Tokyo: Asagumo shinbunsha. (In Japanese).

Dyakonov, A. A. (1982). V uchenii i v boyakh (o M. A. Purkaeve) [In Training and in Combat (On M. A. Purkaev)]. In *Sozvezdie polkovodtsev: Slovo o voenachalnikakh Sovetskoi Armii — dalnevostochnikakh. Kniga 2* [A Word About the Military Leaders of the Soviet Army — the Far Eastern Residents. Issue 2] (pp. 190–222). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Istoriya Vtoroi Mirovoi voiny 1939–1945. Tom 12. (1980) [The History of World War II 1939 — 1945. Volume 12]. Moscow: Voennoe Izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR. (In Russian).

Itani, Y. (2011). Shumushutō. 1945 nen 8 gatsu [Shumshu. The August of 1945]. *Sekai kenkyu*, 2, 31–64. (In Japanese).

Khristoforov, A. Zh., Tuzhilin, S. V. (2011). Morskoi Kuril'skii desant [Kuril Sea Landing]. In *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istorii i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [The Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity: Collection of Scientific Works], 5 (pp. 53–88). Khabarovsk: Izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945. Dokumenty i materialy. Tom IV. Desant na Shumshu i vozvrashchenie Kuril. (2015). [The Great Patriotic War of 1941–1945. Documents and Materials. Volume 4. Landing on Shumshu and the Return of the Kuril Islands]. Moscow: Voevoda. (In Russian).

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoi voiny. Dokumenty i materialy. 1 yanvarya — 31 dekabrya 1945 g. (1947). [Foreign Policy of the Soviet Union During the Great Patriotic War. Documents and materials. January 1 — December 31, 1945]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 222–249
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 222–249
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-222-249

Иркутское отделение общества «СССР — Япония»: Из истории народной дипломатии в советско-японских отношениях

В. Г. Дацышен

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления и развития народной дипломатии в советско-японских отношениях во второй половине XX в. В работе восстановлена историческая картина создания Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» и участия этой общественной организации в развитии отношений между двумя странами. Иркутское отделение было одним из самых первых и самых активных в структуре всесоюзного Общества «СССР – Япония».

Организация знакомила иркутян с японской культурой, помогала установить контакты между общественностью двух стран, отвечала за прием японских туристических групп и делегаций, выступала организатором визитов, переговоров, фестивалей, торгово-промышленных выставок и других мероприятий. В работе показано развитие различных направлений советско-японского регионального сотрудничества, в первую очередь с префектурой Исикава, на уровне и посредством общественных организаций в 1960–1980-х гг. Дружба и сотрудничество Иркутска с городом Канадзава стали важной составляющей повседневности жителей Иркутской области. Статья написана на основе документов из фонда Государственного архива новейшей истории Иркутской области и материалов периодической печати.

Ключевые слова. Общество «СССР – Япония», советско-японские отношения, народная дипломатия, Иркутская область.

Автор: *Дацышен Владимир Григорьевич,* доктор исторических наук, профессор. Институт востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12. Красноярский государственный педагогический университет, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.

ORCID: 0000-0001-6471-8327

E-mail: dazishen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017)

Irkutsk Branch of the USSR-Japan Society: From the History of People's Diplomacy in Soviet-Japanese Relations

V. G. Datsyshen

Abstract. The article is devoted to the problems of the formation and development of people's diplomacy in Soviet-Japanese relations in the second half of the 20th century. The work reconstructs the historical picture of the creation of the Irkutsk branch of the *USSR – Japan Society* and the participation of this public organization in the development of relations between the two countries. The Irkutsk branch was one of the very first and most active in the structure of the *USSR – Japan All Union Society*. The organization introduced Japanese culture to Irkutsk residents, helped to establish contacts between the public of the two countries, was responsible for receiving Japanese tourist groups and delegations, organized visits, negotiations, festivals, trade and industrial exhibitions, and other events. The work shows the development of various areas of Soviet-Japanese regional cooperation, primarily with Ishikawa Prefecture, at the level of and through public organizations in the 1960s–1980s. Friendship and cooperation of Irkutsk with the city of Kanazawa has become an important part of the everyday life of the inhabitants of the Irkutsk region. The article was written on the basis of documents from the collection of the State Archives of the Contemporary History of the Irkutsk Region and materials from periodicals.

Keywords. USSR-Japan Society, Soviet-Japanese relations, people's diplomacy, Irkutsk region.

Author: *Datsyshen Vladimir G.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031, Moscow, Rozhdestvenka str., 12.; Krasnoyarsk State Pedagogical University, 660049, Krasnoyarsk, Ady Lebedevoi str., 82.
ORCID: 0000-0001-6471-8327
E-mail: dazishen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.
Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 19-18-00017)

Российско-японские отношения на протяжении почти всей истории их существования были сложными и противоречивыми. После окончания Второй мировой войны Советский Союз и Япония не смогли заключить мирного договора. При этом, во второй половине XX в. отношения между двумя странами развивались динамично и успешно, советские люди видели в японцах желанных партнеров. СССР и Япония успешно решали потребности двустороннего сотрудничества посредством институтов народной дипломатии. С конца 1950-х гг. и до ликвидации Советского Союза вопросами развития этого сотрудничества активно занималось Общество «СССР – Япония», имевшее региональные отделения на востоке страны.

В сложных внешнеполитических условиях советские государственные структуры инициировали создание общественных организаций, призванных развивать советско-японское сотрудничество. В июне 1958 г. было создано Общество «СССР – Япония», являвшееся структурным подразделением созданного в феврале того же года Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

Целью данной статьи является восстановление исторической картины деятельности Иркутского областного отделения Общества «СССР – Япония» как элемента народной дипломатии, которая на данный момент в отечественной историографии изучена пока достаточно слабо. При этом стоит отметить, что в последнее время интерес к проблеме постепенно возрастает [Дробница 2011; Баринов 2015; Бекленищева 2020]. Что касается Иркутского отделения, то его история в последние годы нашла отражение в статьях историка из Братска О. В. Чижиковой [Чижикова 2010; Чижикова 2015]. Исследователь пишет: «Советский Союз посещали многочисленные японские делегации, число которых постоянно росло. Прием этих делегаций, беседы с ними, показ достижений области в развитии хозяйства и культуры, создание обстановки доброжелательного отношения к представителям японской общественности, выражение стремления установить дружбу, мир и расширить обмен опытом — это составляло

главное содержание работы Иркутского отделения общества «СССР – Япония». Большое внимание отделение уделяло также ознакомлению жителей Иркутской области с жизнью и деятельностью японского народа» [Чижикова 2010, с. 63].

Для восстановления исторической картины мы проанализировали документы, хранящиеся в фонде № Р-2883 Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), а также публикации о советско-японских связях на страницах выходивших в Иркутской области газет.

В СССР использование народной дипломатии в отношениях с другими странами, в том числе и с Японией, началось еще в 1920-х гг. В 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Однако накануне и в годы Второй мировой войны две страны находились во враждебных лагерях, что закончилось вступлением советских войск в Маньчжурию в августе 1945 г. Война оставила тяжелое след в отношениях между двумя странами, да и после ее завершения оба государства фактически оказались в противостоящих друг другу военно-политических блоках. При этом, у Советского Союза и Японии хотя бы уже в силу географической близости была огромная потребность в скорейшем налаживании отношений. Для преодоления негативного прошлого и развития контактов в сложных политических условиях стороны обратились к народной дипломатии. Дальневосточный историк справедливо отмечал: «Последняя советско-японская война 1945 г. оставила в отношениях двух стран противоречия, не разрешенные до настоящего времени… Следовало, прежде чем расширять государственные и экономические связи, преодолеть негативное отношение друг к другу… А если это делать с позиций будущего, то это преодоление надо было произвести в сознании и настроении молодежи» [Царек 1994, с. 77–78].

Во второй половине 1950-х гг. руководство Советского Союза обратило особое внимание на проблемы привлечения общественности к развитию связей с другими странами. Были реформированы старые и созданы новые институты народной дипломатии. В 1958 г. начал свою работу ССОД. Газеты сообщали: «17 февраля в Москве в Колонном зале Дома Союзов открылась Всесоюзная конференция советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. В ней принимают участие свыше 500 делегатов. Конференцию открыла председатель Правления Всесоюзного общества культурной

связи с заграницей Н. В. Попова…»[1]. Задачей ССОД являлось развитие дружбы и сотрудничества, культурных и научных связей между общественными организациями, учреждениями и отдельными представителями науки и культуры СССР и зарубежных стран. Возглавила Союз советских обществ дружбы председатель комитета советских женщин партийный функционер Н. В. Попова. Фактической работой в ССОД руководил заместитель председателя — Н. А. Визжилин.

Накануне реформирования ВОКСа стали появляться общества дружбы с различными странами. В докладе Н. В. Поповой 17 февраля говорилось, что «за последние месяцы по инициативе советской общественности в СССР начали создаваться добровольные общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Ныне созданы общества дружбы с Китайский Народной Республикой, Польшей, Финляндией, Чехословакией, Индией, Италией, Венгрией. Создано общество советско-германской дружбы…»[2]. В июне 1958 г. в качестве отделения ССОД в Москве было создано Общество «СССР – Япония» (ОСЯ). Это общество просуществовало до 1991 г., когда оно после развала СССР было преобразовано в Общество «Россия – Япония».

Сразу после создания Общества «СССР – Япония» было открыто его региональное отделение в Иркутске. В «Восточно-Сибирской Правде» 23 июля 1958 г. было размещено сообщение: «В Иркутской области создано отделение Общества дружбы и культурной связи СССР – Япония. Председателем правления отделения избрана доктор технических наук, профессор Иркутского университета В. А. Ларина, заместителем — писатель К. Ф. Седых, секретарем — В. Е. Рубцов. Основной задачей отделения Общества является развитие и укрепление дружбы и культурных связей между советским и японским народами»[3]. Следует отметить, Иркутское отделение Общества «СССР – Япония» (ОСЯ) стало первым на востоке страны. Следующим отделением было Хабаровское, открытое в 1960 г., а в Находке отделение ОСЯ открыли лишь в 1963 г.

Вскоре Иркутское отделение ОСЯ вошло в качестве структурного подразделения в региональное отделение Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В Иркутске

[1] Восточно-Сибирская правда, 1958, 19 февраля.
[2] Там же.
[3] Восточно-Сибирская правда, 1958, 23 июля.

отделение ССОД было оформлено через год после открытия головной организации в Москве. 21 марта 1959 г. под руководством заместителя Председателя президиума Союза обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Н. А Визжилина в Иркутске на собрании представителей общественности было создано местное отделение Союза обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

В 1959 г. в Иркутское отделение ССОД вошло 3 отделения: советско-китайской дружбы, советско-чехословацкой дружбы, а также «СССР – Япония». На следующий год к ним добавилось еще два — отделения советско-корейской и советско-монгольской дружбы[4]. Общество «СССР – Япония» занимало особое место в этой системе. Япония, в отличие от других партнеров, не относилась к числу т. н. «дружественных стран». Это отражалось не только в названии отделения, но, первоначально, и в структуре, и в содержании работы. Исследователь О. В. Чижикова справедливо указывает: «В отличие от других отделений обществ дружбы, входящих в состав Иркутского отделения ССОД, работа областного отделения общества «СССР – Япония» протекала в более сложных условиях. Объяснялось это тем, что приходилось развивать контакты с общественностью страны с другим социальным и экономическим строем, поддерживать связи с различными слоями населения Японии, объединенными в многочисленные общественные организации, находящиеся под руководством разных партий, подчас враждующих между собой. В условиях глобального противоборства между социализмом и капитализмом международные связи строго регламентировались, были в высшей степени идеологизированы, что осложняло контакты и обмены со странами «капиталистического лагеря». Тем не менее развивалось сотрудничество в области культурных, научных, экономических связей...» [Чижикова 2010, с. 63]. Первоначально в Иркутском отделении Общества «СССР – Япония», в отличие от других, не было коллективных членов.

Местное отделение Общества первоначально возглавлялось не партийным функционером, а доктором технических наук, известным ученым-химиком, директором физико-технического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете (ИГУ) Валентиной Александровной Лариной (1907–1976).

[4] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 5, л. 39.

В состав руководства или актива отделения входили члены правления В. Е. Рубцов и К. Ф. Седых, ответственный секретарь Иркутского отделения ССОД Т. С. Огородникова, директор Иркутской спецполиклиники Т. С. Есоулова, заместитель председателя Иркутского Городского совета депутатов трудящихся М. А. Виноградова. В апреле 1961 г. в состав правления отделения включили председателя Иркутского Комитета радиовещания и телевидения С. М. Дубровина и мастера завода им. Куйбышева К. Г. Казаренко.

В первые годы Иркутское отделение ОСЯ проводило мероприятий меньше, чем общества дружбы с другими странами. В 1959 г. в Японию были отправлены фотоальбомы «Падун шумит» и «Байкал», набор открыток, чучело белки, а также несколько книг[5]. Между тем, в отчете за тот же год говорилось, что в рамках Иркутского отделения ССОД по Китаю было прочитано 600 лекций, по Чехословакии — 100 лекций, а по Японии было прочитано лишь 22 лекции, из них 3 — по японской выставке[6].

Тем не менее Иркутск все же постепенно становился одним из центров развития народной дипломатии. В документах сохранилось описание пребывания в городе «господина Иосида» за сентябрь 1960 г.: «В течение трех дней японский гость побывал в театре музыкальной комедии, на научной лимнологической станции на Байкале, на строительстве алюминиевого завода, Иркутской ГЭС и в Дворце пионеров. Завершением его пребывания в Иркутской области было приглашение на обед к профессору Лариной В. А. Обед прошел в дружеской обстановке семейства Лариных: четырех взрослых детей по профессии инженеров, врачей, музыкантов, научных работников, отца-инженера, матери-профессора, депутата Верховного Совета, председателя отделения общества СССР – Япония. Член социалистической партии Японии, член парламента оказался за столом в стопроцентном окружении коммунистов. Но господин Иосида здесь себя чувствовал прекрасно... на обеде у Лариных он очень много ел, шутил и смеялся. А в конце забрал адреса у всех членов семьи Лариных, дав им имена и адреса своих членов семьи. «Первый раз, — говорил он, — за все свои поездки по странам я оказался в домашней обстановке. Вдруг в чужой стране повеяло теплотой семейного гостеприимства и уюта»[7].

[5] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 5, л. 63–64.
[6] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 5, л. 13.
[7] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 5, л. 6.

В деятельности ОСЯ, несмотря на максимальную ее деполитизацию, присутствовала идеологическая составляющая. В документах Иркутского Отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами говорится о «встрече с группой туристов Японии во главе с госпожой Минами»[8], когда четыре члена Иркутского общества «СССР – Япония» пришли в гостиницу, где за чашкой кофе два с половиной часа общались с японцами. В отчете советские активисты писали: «Из всех их «шуток» мы поняли, что эти люди заигрывают с народом, с демократией, но крепко цепляются за существующий порядок, дабы не потерять свое богатство. На наши вопросы, почему мы перестали от общества Япония – СССР получать корреспонденции, они нам тоже отвечали какой-то непонятной шуткой»[9]. Иркутский исследователь О. В. Чижикова писала: «В отличие от других отделений обществ дружбы, входящих в состав Иркутского отделения ССОД, работа областного отделения общества «СССР – Япония» протекала в более сложных условиях. Объяснялось это тем, что приходилось развивать контакты с общественностью страны с другим социальным и экономическим строем…» [Чижикова 2010, с. 63].

В 1960-х гг. Общество «СССР – Япония» постепенно трансформировалось в «нормальное» общество дружбы. Руководство Иркутским отделением ОСЯ перешло в руки партийных функционеров, появились коллективные члены Общества, а также отделения в других городах. В 1964 г. председателем правления Общества «СССР – Япония» был избран секретарь Иркутского обкома КПСС Михаил Федорович Журавлев. Заместителем председателя общества был преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Иркутского сельхозинститута, участник советско-японской войны 1945 г. подполковник запаса Рафаил Михайлович Каменецкий. В начале 1970-х гг. во главе организации оставались те же председатель и ответственный секретарь, а заместителем председателя областного правления Общества «СССР – Япония» стал доцент политехнического института В. Т. Карпов. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. обязанности председателя президиума правления Иркутской организации «СССР – Япония» исполнял председатель Иркутского обкома профсоюзов государственных

[8] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 3, л. 84.
[9] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 3, л. 85.

учреждений Н. И. Алексеев, а должность секретаря президиума занимала Л. А. Петрова. В конце 1970-х гг. в «кадровой политике» вернулись к первоначальному принципу, в январе 1978 г. председателем президиума правления ИО ОСЯ был избран директор Института географии Сибири и Дальнего Востока доктор географических наук В. В. Воробьев, а Н. И. Алексеев остался его заместителем.

В различных городах области были открыты местные филиалы Иркутского областного отделения Общества «СССР – Япония». К началу 1970-х гг., в отличие от начального периода, в нем уже состояли и коллективные члены, число которых достигло 28. Членами Общества «СССР – Япония» были различные предприятия — Иркутскспецстрой, Иркутскоблгражданпроект, Сибгиппробум, Иркутская областная опытная с/х станция, Госуниверситет, Институт иностранных языков, Училище искусств, две средних школы, поликлиника, Управление бытового обслуживания, Управление местной промышленности, Совхоз-техникум, Иркутский масложиркомбинат, Братская ГЭС, Братский ЛПК, Дворец пионеров, Лимнологический институт, Институт географии АН, Братская школа и др.[10] Общее число работающих в этих организациях составляло около 30 тыс. человек[11]. В числе самых активных коллективных членов организации назывались Иркутский политех, Иркутский госуниверситет, Художественный музей, Лимнологический институт, Иркутский алюминиевый завод, Братский лесопромышленный комплекс и др.

Почти сразу с момента образования ОСЯ началась работа по установлению сотрудничества с аналогичными общественными организациями, созданными в Японии. В 1961 г. в Москве было подписано первое соглашение о культурном сотрудничестве между ССОД и Обществом «СССР – Япония», с одной стороны, и Обществом «Япония – СССР» — с другой. Инициативу в деле развития связи между общественными организациями в регионах в большей мере проявила японская сторона. Сначала активисты японского общества дружбы приезжали в город в качестве туристов. В отчетах иркутян об этом сообщалось не раз: «В октябре в Иркутске прибывала большая туристическая японская группа, в составе которой было много членов и активистов общества Япония – СССР. Японцев встретили и прово-

[10] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 123, л. 3–4.
[11] Восточно-Сибирская правда, 1978, 31 января.

дили представители общественности города. Многие из них открыто выражали свою симпатию к советским людям. Например, госпожа Сумииэ Иноуэ прямо говорила: «Мне очень нравится Ваш советский строй и Ваши люди. Особенно мне нравится отношение к женщине в Советском Союзе. У нас не так…»[12]. В документах также отмечалось: «Интересно прошла встреча с группой туристов Японии во главе с госпожой Минами. В составе этой группы находился господин Мадзима, доктор медицины, член общества Япония – СССР. Эта группа туристов прибыла к нам на правах обычного тура. Мы и не собирались встречать ее. Но доктор Мадзима нашел телефон председателя отделения тов. Лариной и позвонил ей с просьбой встретиться»[13].

Инициатором оформления сотрудничества между Иркутским отделением «СССР – Япония» и Обществом «Япония – СССР» был, очевидно, председатель Правления Федерации отделений Общества «Япония – СССР» в префектуре Исикава мэр города Нэагари (современный Номи) Мори Сигэки. В письме С. Мори председателю Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» М. Ф. Журавлеву от 7 февраля 1965 г. говорилось: «Федерация отделений Общества «Япония – СССР» в префектура Исикава пошлет делегацию во главе с господином Ёсикадзу Окуда, постоянным членом Правления нашей федерации и в составе 9 человек, в Вашу страну в целях ознакомления с действительностью освоения Сибири. Мы очень довольны и благодарны Вам за содействие с Вашей стороны в осуществлении успешного посещения делегации мэров городов преф. Исикава в прошлом году: с удовлетворением сообщаем, что в результате движения за дружбу с Советским Союзом в нашей префектуре достигло значительного развития»[14].

Визит 1965 г. был очередным шагом к установлению побратимских отношений. В письме С. Мори на имя М. Ф. Журавлева говорилось: «Главная задача этой делегации заключается в том, чтобы установить братские связи между федерацией отделений Общества «Япония – СССР» в преф. Исикава и Иркутским отделением Общества «СССР – Япония». Мы твердо уверены, что установление братских связей между нами сыграет впредь важную роль в стремительном развитии

[12] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 3, л. 101.
[13] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 3, л. 84.
[14] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 40, л. 47.

движений за дружбу между нашими народами»[15]. В «Отчетном докладе Второй Конференции Иркутского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами 11/X-66 г.» представлена следующая картина советско-японских связей: «Два года назад вступило в контакт с обществом «Япония – СССР» города Канадзава префектуры Исикава. Обменивались, литературой, письмами, детскими рисунками»[16].

Связи по линии обществ дружбы были регулярными. Иркутские газеты 3 июня 1966 г. сообщали: «Вчера из Хабаровска в наш город прибыла японская делегация из четырех человек. Оно Акара (глава делегации), депутат верхней палаты парламента, постоянный член правления Общества японо-советской дружбы; Накадзава Итоко, депутат японского парламента, постоянный член правления Общества японо-советской дружбы; Иида Каньити, доктор юридических наук, профессор университета Хосэй и Кобаяси Тэраудзи — профессор медицины. В аэропорту наших гостей встречали председатель правления Иркутского отделения Общества СССР – Япония М. Ф. Журавлев, члены правления, представители печати, радио и телевидения… За несколько дней пребывания на сибирской земле японская делегация познакомится с городом, побывает в Братске, Шелехове и на Байкале»[17].

В сентябре 1967 г. в городе Мориока также было подписано соглашение об установлении братских отношений между Иркутским отделением общества «СССР – Япония» и обществом «Японо-советских дружественных связей» центра префектуры Иватэ. Сотрудничество между советским и японским обществами дружбы сохранялось и развивалось до конца 1980-х гг. В сентябре 1986 г. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «Сегодня в Иркутск приезжает делегация членов общества Япония – СССР. Возглавляет гостей председатель правления префектуры Исикава общества Япония – СССР Нахасиса Таро. В составе делегации ответственный секретарь префектуры Кимура Есаку и член правления Накамура Исао. Обмен делегациями между сибиряками и жителями Японии стал уже доброй традицией. Сегодня же из города побратима Канадзавы возвращается наша группа, руководит которой первый заместитель председателя горисполкома

[15] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 40, л. 47–48.
[16] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 7, л. 102.
[17] Восточно-Сибирская правда, 1966, 3 июня.

И. А. Клиссак. Визит японских гостей приурочен к 20-летию установления побратимских связей. Они ознакомятся с нашим городом, побывают в Шелехове и Братске»[18]. В августе 1989 г. в «Восточно-Сибирской Правде» вышла статья ответственного секретаря Иркутского отделения ССОД Н. Киренской «Укрепляя контакты». В статье говорилось о посещении Иркутска генеральным секретарем Общества японо-советской дружбы Г. Мураками, и отмечалось: «Наши гости изложили свои взгляды на развитие движения общественных организаций, действующих на принципах народной дипломатии»[19].

На протяжении 1960-х — 1980-х гг. в продвижении народной дипломатии посредством постоянных связей и сотрудничества между региональными отделениями двух обществ дружбы самым активным образом участвовал Мори Сигэки. Он сам не раз приезжал в Иркутскую область, стал почетным гражданином Иркутской области, городов Иркутск и Шелехов, почетным металлургом Иркутского алюминиевого завода, а после смерти, согласно завещанию, часть его праха была захоронена в городе Шелехов[20]. Дело С. Мори продолжил его сын Мори Ёсиро, избранный в 1969 г. в японский парламент, ставший в 1982 г. министром образования Японии, а в 2000 г. — премьер-министром страны.

Реализация политики народной дипломатии проводилась посредством *института дружественных отношений породненных городов*. Исследователи отмечают: «Иркутское областное отделение общества «СССР – Япония» содействовало горисполкомам Иркутска, Братска, Шелехова, Железногорска-Илимского в укреплении и развитии связей с японскими городами Канадзава, Нанао, Нэагари, Саката» [Чижикова 2014, с. 90]. Почва для установления побратимства была подготовлена к середине 1960-х гг. В письме С. Мори на имя М. Ф. Журавлева в 1965 г. говорилось: «Развитие регулярного обмена делегациями между нами и расширение культурных связей ускоряют в дальнейшем заключение соглашения о установлении братских связей между городами Канадзава и Иркутск»[21]. Летом 1966 г. в Иркутскую область приехала делегация мэров префектуры Исикава во

[18] Восточно-Сибирская правда, 1986, 27 сентября.

[19] Восточно-Сибирская правда, 1989, 20 августа.

[20] Невзоров В. Сибиряки почтили память Мори Сигэки // Областная: общественно-политическая газета. 2009. 23 ноября. С. 1.

[21] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 40, л. 47–48.

главе с Мори Сигэки, который заявил: «Мы приехали, чтобы ближе познакомиться с вами, чтобы установить дружественные отношения между префектурой и областью, между городами Канадзавой и Иркутском и поговорить о программе дальнейших наших переговоров и отношений»[22]. 20 июля 1966 г. «Восточно-Сибирская правда» писала: «Вчера в исполкоме Иркутского городского Совета депутатов трудящихся состоялась беседа между руководящими работниками горисполкома, членами президиума правления Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» и членами японской делегации ассоциации мэров городов префектуры Исикава… Между делегациями состоялся обмен мнениями по установлению тесных дружественных связей между городами Иркутск и Канадзава и между Иркутским отделением Общества «СССР – Япония» и федерацией отделений Общества «Япония – СССР» в префектуре Исикава. Обе стороны пришли к единому мнению, что установление дружественных связей между городами будет способствовать дальнейшему укреплению взаимопонимания и дружбы советского и японского народов, и подписали совместное заявление по этому вопросу»[23].

Города Иркутск и Канадзава первыми при содействии Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» заключили договор о побратимстве. В материале о переговорах между делегациями двух регионов, проходивших в июле 1966 г. в Иркутском горсовете, говорилось: «И в первые в истории существования Общества подписали совместное соглашение, на основе которого будут добиваться заключения соглашения о побратании городов Иркутска и Канадзавы»[24]. В «Отчетном докладе Второй Конференции Иркутского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами 11/X-66 г.» говорилось: «В прошлом году братские отношения города Канадзавы и Иркутска были скреплены подписями под соглашением по государственной линии в Иркутском городском Совете, куда приехал мэр города Канадзавы…»[25] .

Договор о побратимстве дал новый импульс для развития межрегиональных связей. В сентябре 1967 г. Канадзаву посетила делегация

---

[22] Восточно-Сибирская правда, 1966, 19 июля.
[23] Восточно-Сибирская правда, 1966, 20 июля.
[24] Там же.
[25] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 7, л. 102.

в составе председателя Иркутского облисполкома Ю. А. Кравченко, председателя Иркутского горисполкома Н. Ф. Салацкого и управляющего трестом «Иркутскжилстрой» А. В. Чекашева. 17 сентября 1967 г. «Восточно-Сибирская Правда» сообщала: «Сегодня с дружественным визитом в Японию из Иркутска отбывает делегация Общества советско-японской дружбы… Делегация посетит различные города наших соседей, в том числе город-побратим Иркутска Канадзаву и заключит договор о культурных и научных связях с другим японским городом Мориока…»[26].

Важным направлением взаимодействия между регионами стало сотрудничество в сфере науки и образования. В соглашении, подписанном 19 июля 1966 г. М. Ф. Журавлевым и С. Мори, в частности, говорилось: «оказывать содействие профессорам, ректорам и студентам, прибывающим в учебные заведения Иркутска и Канадзавы на основе межгосударственных соглашений»[27]. Иркутские ученые стали посещать Японию. 17 сентября 1967 г. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «недавно с лекциями об Иркутской области на японских островах побывал профессор В. А. Кротов»[28]. Японские ученые были частыми гостями. В помещенном в «Восточно-Сибирской правде» материале за 14 сентября 1975 г. говорилось: «Иркутск-Канадзава. Культурные, научные и экономические связи городов-побратимов крепнут и развиваются год от года. Недавно в Иркутске побывала делегация профессоров Канадзавского университета. Японские ученые посетили Иркутский государственный университет, встретились с ректором ИГУ, доктором физико-математических наук, профессором Н. Ф. Лосевым. Большое впечатление на гостей из Японии произвели работа вычислительного центра университета, научная библиотека ИГУ… Ученые-медики из делегации японских гостей посетили Иркутскую городскую больницу. Руководитель делегации профессоров Канадзавского университета господин Тоёта в беседе с председателем исполкома Иркутского городского Совета трудящихся Н. Ф. Салацким высказался за дальнейшее расширение контактов двух городов-побратимов, за укрепление связей между сибирскими и японскими учеными…»[29].

---

[26] Восточно-Сибирская правда, 1967, 17 сентября.
[27] Восточно-Сибирская правда, 1966, 20 июля.
[28] Восточно-Сибирская правда, 1967, 17 сентября.
[29] Восточно-Сибирская правда, 1975, 14 сентября.

Посредством института побратимства партнеры имели возможность взаимодействовать в сфере культуры и искусства. Газеты сообщали: «Симфонический оркестр Иркутской филармонии на днях вернулся из поездки в Японию. Он был приглашен для участия в национальном Дне культуры, который проводится ежегодно. Музыканты стали гостями префектуры Исикава — побратима Иркутской области… Во время поездки состоялись встречи с представителями общества Япония – СССР, вечера дружбы, приемы у мэров Канадзавы, Нанао, Нэагари»[30].

Важное место в системе народной дипломатии всегда занимали физкультура и спорт. Стороны обменивались делегациями, проводили соревнования по различным видам спорта. Например, в сентябре 1973 г. Иркутск посетила спортивная делегация из японского города-побратима. В рамках визита сборная Канадазавы по футболу провела два матча с местными футбольными командами «Аэрофлот» и сборной Машиностроительного завода. Летом 1977 г. газета «Советская молодежь» сообщала: «По приглашению советской стороны 29 июля в Иркутск прибывает мужская сборная молодежная команда Канадзавы по волейболу. Возглавляет спортивную делегацию казначей городского муниципалитета… В составе делегации и представитель от федерации отделений общества Япония – СССР префектуры Исикава Цурумори Хироси. Молодежь из Японии познакомится с достопримечательностями Иркутска и Братска, проведет товарищеские встречи со сборными волейбольными командами этих городов»[31]. В публикации за 27 сентября 1980 г. говорилось: «В гости к иркутским спортсменам прилетает команда японских легкоатлетов из города-побратима Канадзавы… Первая встреча состоялась в позапрошлом году в Канадзаве»[32].

В 1970–1980-х гг. при непосредственном участии Иркутского отделения ОСЯ шел процесс расширения круга городов-побратимов. В декабре 1970 г. были установлены дружественные связи между городами Нанао и Братск. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «Нанао (префектура Исикава), 11 декабря … Сегодня здесь, на побережье Японского моря, состоялась торжественная церемония подписания соглашения о породнении городов Братск и Нанао. Соглаше-

[30] Восточно-Сибирская правда, 1990, 17 ноября.
[31] Советская молодёжь, 1977, 28 июля.
[32] Восточно-Сибирская правда, 1980, 27 сентября.

ние подписали председатель исполкома Братского городского Совета депутатов трудящихся В. И. Вершинин и мэр города Нанао Сигэхару Аоки. Это уже седьмой японский город, установивший братские отношения с советскими городами. Стороны договорились о регулярном обмене молодежными, женскими, спортивными и другими делегациями, о проведении фотовыставок о жизни и культуре городов побратимов, об обмене информацией в области городского хозяйства и градостроительства»[33].

За сотрудничество с городом-побратимом отвечало Братское городское отделение общества «СССР – Япония». Связи и взаимодействие между городами развивались по разным направлениям. Периодически проводились большие тематические мероприятия. Например, в июле 1982 г. местным отделением ОСЯ была организована неделя Нанао в Братске, в которой приняли участие около 180 туристов из Японии. В библиотеках Братска были оформлены тематические подборки «Страна восходящего солнца», «Дружба не знает границ», «Японские дети — наши друзья» и др. В кинотеатрах демонстрировались японские мультфильмы. Была организована выставка детского рисунка. Завершилась неделя спортивным праздником.

28 сентября 1976 г. во время визита председателя городского исполнительного комитета Шелехова М. С. Архиповой в Японию был подписан договор о дружбе между городами Нэагари и Шелехов. С японской стороны документ подписал мэр Нэагари С. Мори, который впервые посетил Шелехов еще в 1972 г. Городская газета в 1976 г. сообщала: «Вот уже более пяти лет наш город поддерживает дружественные отношения с японским городом Нэагари. С 24 сентября по 1 октября нынешнего года там побывала официальная делегация в составе председателя исполкома городского совета депутатов трудящихся М. С. Архиповой, депутата, секретаря горкома КПСС Ю. Е. Роговцева и электролизника алюминиевого завода, депутата городского Совета Д. П. Рыбалко. Целью этого визита дружбы было ознакомление с работой местного муниципалитета и подписание Договора о дружественных связях»[34]. Так же в газете был опубликован и сам текст «Договора о дружественных связях между городами Шелехов (СССР) и Нэагари (Япония)», который начинался со слов:

[33] Восточно-Сибирская правда, 1970, 12 декабря.

[34] Рассвет коммунизма, 1976, 12 октября.

«1. Стремясь к всемерному укреплению связей между Шелеховом и Нэагари, используя опыт дружественных отношений, связывающих города с 1970 года в интересах обеих стран…»[35].

В 1978 г. был подписан договор о дальнейшем развитии дружественных связей между городами Шелехов и Нэагари. Мэр Нэагари С. Мори приехал на подписание договора с делегацией муниципалитета, стороны договорились ежегодно уточнять план мероприятий сотрудничества между городами. В следующий раз делегация Нэагари во главе с С. Мори прибыла в Шелехов 2 августа 1981 г.[36] Позднее еще один город Иркутской области, Железногорск-Илимский при содействии Общества «СССР – Япония» установил дружественные отношения с японским городом Саката.

В практику советско-японского межрегионального сотрудничества вошли двусторонние и многосторонние встречи мэров городов. Летом 1971 г. в СССР приезжала делегация национального совета губернаторов Японии, в составе 6 губернаторов и одного вице-губернатора. Губернатор Иркутской области участвовал во встрече с японскими коллегами, а Иркутск был единственным городом в Сибири, который посетила эта делегация. Осенью 1971 г. встреча мэров городов и председателей горисполкомов состоялась в Ниигата.

Большая встреча глав городов СССР и Японии состоялась в 1973 г. в городе-побратиме Иркутска. В опубликованном в «Восточно-Сибирской правде» материале говорилось: «Канадзава, 2 октября. В одном из крупнейших залов Канадзавы — города на берегу Японского моря, украшенном государственными флагами Японии и Советского Союза, открылась вчера четвертая встреча мэров городов Западного побережья Японии и председателей горисполкомов городов Советского Дальнего Востока и Сибири. Такие встречи стали традицией. Они проводятся ежегодно, начиная с 1970 г. На нынешний форум собрались главы семи советских и семнадцати японских городов, чтобы обсудить проблемы, представляющие взаимный интерес. Прежде всего вопросы дальнейшего укрепления дружественных связей и расширения торговых отношений, а также проблемы городского строительства и охраны окружающей среды»[37]. В 1975 г. пятая встреча председателей горисполкомов Восточной Сибири и Дальнего Востока

[35] Там же.

[36] Рассвет коммунизма, 1981, 20 августа.

[37] Восточно-Сибирская правда, 1973, 3 октября.

СССР с мэрами городов западного побережья Японии состоялась в Братске. В двухдневном саммите приняли участие главы Иркутска, Хабаровска, Находки. Холмска, Южно-Сахалинска, Улан-Удэ, Братска, Шелехова, Железногорска и 8 японских городов[38].

Встречи глав городов-побратимов были регулярными. 21 августа 1987 г. «Восточно-Сибирская правда» писала: «Вчера начала свою работу XI встреча мэров городов западного побережья Японии и председателей горисполкомов городов Восточной Сибири и Дальнего Востока»[39]. Встречи глав городов Сибири и Японии были важной составляющей народной дипломатии. Сообщая о них, газеты указывали: «было обращено внимание на необходимость увеличить обмен стажерами для изучения русского и японского языков, о расширении круга городов-побратимов, более частых встреч их общественности. Есть, было подчеркнуто, и обнадеживающие факторы расширения экономических связей»[40].

В числе основных функций Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» с первых дней существования этой организации был прием различных групп и делегаций из Японии. Исследователь О. В. Чижикова пишет: «Советский Союз посещали многочисленные японские делегации, число которых постоянно росло. Прием этих делегаций, беседы с ними, показ достижений области в развитии хозяйства и культуры, создание обстановки доброжелательного отношения к представителям японской общественности… составляло главное содержание работы Иркутского отделения общества «СССР – Япония» [Чижикова 2010, с. 63].

В «Справке о работе Иркутского Отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами за 8 месяцев 1961 года» указывалось: «Мы еще встречали несколько туристических групп из Японии и одну делегацию Социалистической партии во главе с Коно Мицу /она у Вас была/. Японские люди в основном к нам относятся хорошо и всегда благодарны за прием»[41]. В начале 1960-х гг. иркутяне также ездили в туристические поездки в Японию. Помещенный в иркутской газете материал журналиста Г. Воловича под названием «В объективе туриста — Япония» начи-

[38] Восточно-Сибирская правда, 1975, 17 сентября.
[39] Восточно-Сибирская правда, 1987, 21 августа.
[40] Там же.
[41] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 3, л. 86.

нался со слов «Три недели я провел в Японии в составе молодежной группы туристов»[42].

В «Отчетном докладе Второй Конференции Иркутского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами 11/X-66 г.» говорилось: «В этом году приняли активное участие в обслуживании 17 делегаций и 16 туристических японских групп»[43]. В главной иркутской газете в 1960-х гг. обычными были такие информационные заметки: «Вчера в Иркутск прибыла делегация японских профсоюзов с острова Окинава. В аэропорту гостей встречали представители профсоюзных организаций Иркутска, члены Общества советско-японской дружбы, деятели культуры, журналисты»[44]. В опубликованной в конце 1970-х гг. статье ответственного секретаря Иркутского областного отделения общества «СССР – Япония» Л. Петровой говорилось: «Япония по числу туристов, посещающих иркутскую землю, занимает первое место — ежегодно к нам в область прибывает около трех тысяч японских граждан»[45].

Говоря о приеме туристов, необходимо отметить, что японцы посещали не только Иркутск и Байкал, но и другие места, в частности, Братск. Газеты сообщали: «В 1965 г. в Братске побывало свыше двух тысяч иностранных туристов… Братск посетили представители промышленных кругов Японии, члены муниципалитетов, правительственная экономическая делегация, японская делегация защитников мира, торговая миссия о. Хоккайдо, группа членов прибрежной торговли и дружбы, специалисты по строительству каналов и многие другие японские делегации»[46].

Для развития народной дипломатии активисты Общества «СССР – Япония» особое внимание уделяли детям. В «Протоколе Заседания правления Иркутского отделения общества СССР – Япония, состоявшегося 5 апреля 1961 года» говорилось: «активизировать, завязать переписку со школами Японии, для чего к этой цели подключить одну из лучших школ города, дворец пионеров»[47]. В июне 1963 г. Иркутскую область посетила делегация Японского комитета защиты мира,

---

[42] Восточно-Сибирская правда, 1963, 15 сентября.
[43] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 7, л. 102.
[44] Восточно-Сибирская правда, 1967, 8 сентября
[45] Восточно-Сибирская правда, 1978, 31 января.
[46] Восточно-Сибирская правда, 1966, 4 июня.
[47] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 123, л. 47.

возглавляемая профессором Рэйгаку Канэко. В газетах сообщалось: «Гости побывали на Иркутской ГЭС, ознакомились с работой Лимнологического института, совершили прогулку по Байкалу. Пионеры нашего города вручили подарки для японских детей. Японские друзья сказали, что они передадут эти подарки учащимся двух школ города Тибэ и будут содействовать переписке между Дворцом пионеров Иркутска и школьниками Тибэ…»[48].

Одной из первых и наиболее массовых форм привлечения детей к народной дипломатии стали обмены выставками детского рисунка. В «Справке по связям Иркутской области с зарубежными странами» за 1960 г. говорилось: «Сейчас готовится большая фотовыставка на 100 листах 60×50 и выставка детского рисунка через Иркутский дворец пионеров, что мы думаем послать в Японию в мае–июне с.г.»[49]. В вышедшем весной 1963 г. в газете «Восточно-Сибирская правда» материале «Дети Японии — пионерам Иркутска», в частности, говорилось: «Иркутский дворец пионеров — коллективный член Общества СССР – Япония. Недавно Комитет защиты мира передал иркутским пионерам подарки и рисунки японских детей. Валентина Александровна вручает их Дворцу пионеров»[50]. В 1966 г. Иркутское отделение общества СССР – Япония и издаваемый в Японии журнал «Советский Союз сегодня» выступили с инициативой обменяться рисунками, в которых советские и японские дети рассказали бы сверстникам о себе[51]. Осенью 1966 г. в главной иркутской газете была напечатана статья «Что я показал бы японскому другу». В ней говорилось: «На днях в гостях у ребят в иркутском Доме пионеров побывал чрезвычайный и полномочный посол Японии в СССР господин Тору Накагава, который вручил им призы. Дело в том, что журнал «Советский Союз сегодня», издаваемый АПН в Токио, иркутское отделение Общества «СССР – Япония», иркутский Дворец пионеров и обком ВЛКСМ организовали выставку рисунков под названием «Что я показал бы японскому другу». И вот под аплодисменты своих товарищей десять победителей получают призы от японского гостя…»[52].

---

[48] Восточно-Сибирская правда, 1963, 11 июня.
[49] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 5, л. 63–64.
[50] Восточно-Сибирская правда, 1963, 29 марта.
[51] Советская молодежь, 1966, 14 октября.
[52] Восточно-Сибирская правда, 1966, 13 октября.

В Отчетном докладе Второй Конференции Иркутского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами за 1966 г. говорилось: «Ученики коллективного члена общества «СССР – Япония», 65-й школы получили из города Канадзавы посылку с детскими рисунками одной из школ этого города и в ответ направили такую же посылку японским детям. В конце прошлого учебного года Иркутский Дворец пионеров — так же коллективный член общества «СССР – Япония» — провел конкурс детей на лучший детский рисунок, чтобы потом, отобрав лучшие из них, направить в Японию. Недавно победителям конкурса были вручены призы японским послом господином Накагава»[53].

Обмены детскими рисунками были постоянной практикой советско-японского сотрудничества по линии народной дипломатии. 17 сентября 1967 г. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «В школах Канадзавы и Мориока демонстрируется сейчас выставка рисунков иркутских ребятишек»[54]. Газета Сибирского отделения АН СССР писала: «Восемь акварелей и один карандашный рисунок, выполненные маленькими жителями Иркутского Академгородка, получили право экспонироваться на Всемирной выставке детского творчества в далекой Японии»[55].

С 1970-х гг. японские дети стали приезжать в советские пионерлагеря. Например, 2 августа 1981 г. в Шелехов вместе с японской официальной делегацией прибыло 20 японских детей. 10 мальчиков и 10 девочек неделю прожили в пионерлагере «Металлург»[56]. В Иркутске побывали так же воспитанницы детской балетной школы города Канадзава.

Японские партнеры не просто знакомились с советским опытом детской политики, но и заимствовали достижения иркутян. Например, в городе Нэагари был построен первый дом молодежи по принципу Иркутского Дворца пионеров и школьников. Под влиянием советского опыта была открыта и первая городская детская библиотека.

Активным участником народной дипломатии в советско-японских отношениях была молодежь двух стран. В 1965 г. в Японии был создан Комитет дружбы японской и советской молодежи. Эта организация

[53] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 7, л. 102.
[54] Восточно-Сибирская правда, 1967, 17 сентября.
[55] За науку в Сибири, 1973, 3 января.
[56] Рассвет коммунизма, 1981, 20 августа.

готовила, в частности, фестивали дружбы японской и советской молодежи. И первый такой фестиваль состоялся на Байкале. В Иркутск во главе с заместителем председателя Комитет дружбы японской и советской молодежи Мокудаи Тацуо приехали 210 японцев. Первая страница иркутской газеты «Советская молодежь» за 13 июля 1965 г. была посвящена фестивалю советско-японской дружбы в Иркутске[57]. В июле 1966 г. на Байкале состоялся следующий фестиваль дружбы советской и японской молодежи. 27 сентября 1967 г. в Иркутске выступил Новый симфонический оркестр Японии под руководством известного композитора и дирижера Акутагава Ясуси. Газеты сообщали: «Он выступает как представитель комитета дружбы японской и советской молодежи»[58]. А сам руководитель оркестра был руководителем этого Комитета.

Японские молодёжные делегации были частыми гостями в Иркутской области. Летом 1973 г. газеты сообщали: «На этот раз гостями Иркутска и Братска стали члены молодежной делегации из Канадзавы и Нанао. В субботу они продемонстрировали перед иркутянами традиционное национальное искусство Японии — икэбана…»[59]. Мероприятия проходили также в Институте иностранных языков. Для развития сотрудничества с Японией в Иркутске был создан Молодежный клуб «Кэнрокуэн», названный в честь центрального парка города Канадзава. В числе задач клуба была и такая — «знакомить дружественные японские общественные организации с жизнью советских людей»[60]. В конце 1970-х гг. ответственный секретарь Иркутского областного отделения общества «СССР – Япония» Л. Петрова сообщала: «Традиционной формой стала организация кораблей дружбы с молодежью различных префектур и городов Японии»[61].

С начала 1960-х гг. было налажено сотрудничество по линии женских организаций. В марте 1961 г. состоялся первый съезд женщин Иркутской области. В «Справке о работе Иркутского Отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами за 8 месяцев 1961 года» говорилось: «На съезде женщин Иркутской области… была проведена выставка, отражающая связь

[57] Советская молодежь, 1965, 13 июля.
[58] Восточно-Сибирская правда, 1967, 29 сентября.
[59] Восточно-Сибирская правда, 1973, 18 июля.
[60] Восточно-Сибирская правда, 1981, 8 января.
[61] Восточно-Сибирская правда, 1978, 31 января.

иркутянок с зарубежными странами. Большой раздел был посвящен Японии, который состоял из писем, сувениров, подарков, фотографий индивидуальных и коллективных. И когда японские женщины увидели выставку, то зааплодировали. Многие из них на фотографиях признавали своих знакомых. Приглашение на заключительную часть съезда японские женщины восприняли без особого желания. А поэтому не шли, а группами тянулись в театр. В помещении театра гостей ждали с цветами. И по мере того, как они подходили, каждой группе вручали цветы и провожали в зрительный зал, где полуторатысячное собрание женщин встречало их, стоя, аплодисментами. Это было неожиданностью, а следовательно, на лицах гостей читалась какая-то растерянность и недоразумение. Когда все японские женщины были в театре, одна из представительниц и женщин активистов отделения общества Т. А. Шешукова выступила с хорошей приветственной речью, посвящённой гостям. Затем одна из членов туристической группы Японии взяла слово для ответной речи. Она говорила с жаром, одновременно бросая красные бумажные журавлики в публику. Она призывала к миру и дружбе, давала обещание, что женщины Японии будут защищать мир всеми силами. После был дан большой концерт артистами театра г. Иркутска и театра Улан-Удэ, гастролировавшего в Иркутске, в программе которого был исполнен отрывок из оперы «Чио-Чио-Сан». От всего происходившего в театре женщины-японки плакали, вытирая слезы, дарили сувениры, значки, много разговаривали с русскими женщинами, обнимали их, обменивались с ними адресами. Вторую группу японских женщин иркутянки встретили также с большим теплом»[62].

Иркутск регулярно посещали разные партийные и профсоюзные делегации. В августе 1963 г. иркутские газеты сообщали: «Вчера в Иркутск самолетом «ТУ-104» прибыла находившаяся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС группа японских коммунистов»[63]. Через год вышел материал «Японские парламентарии в Иркутске», в котором говорилось: «Находящиеся в Советском Союзе по приглашению Верховного Совета СССР парламентская делегация Японии прибыла вчера днем в Иркутск. Делегацию возглавляет председатель постоянного комитета палаты представителей по парламентским

[62] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 3, л. 84.
[63] Восточно-Сибирская правда, 1963, 16 августа

делам, видный деятель либерально-демократической партии Кэндзи Фукунага. В составе делегации 8 депутатов… а также посол Японии в СССР»[64]. 28 июня 1966 г. в Иркутск прибыла «делегация японских социалистов во главе с членом исполнительного комитета партии Такэси Такэути»[65]. В сентябре 1972 г. «Восточно-Сибирская Правда» писала: «Три дня в Иркутской области гостила делегация партийного актива Социалистической партии Японии»[66]. В 1978 г. сообщалось: «Свыше 200 представителей объединения японских профсоюзов «Тэкко Родзи» побывали в Иркутске, где состоялась третья советско-японская встреча молодых металлургов»[67].

Иркутск посещали также и делегации деловых кругов Японии. Например, летом 1966 г. газеты сообщали: «Побывав в нашей области, делегация (более 200 человек) представителей деловых кругов Японии — участников Хабаровской ярмарки — вчера отбыла в Хабаровск»[68]. Японские делегации принимали и в других городах Иркутской области. Газеты сообщали о посещении Братска летом 1966 г. большой «группой промышленников и коммерсантов» из Японии[69]. Шелеховская газета в мае 1978 г. сообщала: «В прошлую пятницу в нашем городе побывала делегация рабочих металлургической промышленности Японии. Днем гости посетили алюминиевый завод. А вечером в доме культуры «Металлург» состоялась дружественная встреча советских и японских металлургов»[70]. Следует отметить, что многие визиты хотя и носили «деловой характер», но неизменной составляющей их было и культурное сотрудничество. Например, на встрече металлургов в 1978 г. имели место и выступления самодеятельных творческих коллективов двух стран.

Свой вклад в развитие народной дипломатии вносили визиты в Иркутскую область делегаций японских журналистов. «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «В Братске побывала совершающая поездку по Советскому Союзу делегация японских журналистов. Гости осмотрели плотину и здание гидростанции, посетили пионерский лагерь «Ангара». Братский узел произвел на журналистов

[64] Восточно-Сибирская правда, 1964, 9 сентября.
[65] Восточно-Сибирская правда, 1966, 30 июня.
[66] Восточно-Сибирская правда, 1972, 5 сентября.
[67] Восточно-Сибирская правда, 1978, 6 июня.
[68] Восточно-Сибирская правда, 1966, 3 июля.
[69] Восточно-Сибирская правда, 1966, 1 июля.
[70] Рассвет коммунизма, 1978, 30 мая.

большое впечатление»[71]; «Три дня гостили в Иркутске журналисты крупнейших и влиятельных японских газет… побывали на Байкале… побывали в Братске… — Везде, где мы были, — заявили японские журналисты, — советские люди принимали нас радостно, искренне, с теплотой»[72]. На протяжении 1960–80-х гг. Иркутскую область часто посещали журналисты, представляющие различные издания, в том числе и такие как «Асахи».

Региональные и местные отделения ОСЯ периодически проводили вечера, дни, недели и месячники советско-японской дружбы. В сообщениях ТАСС за 1965 г. говорилось: «Иркутск, 27 августа… В Иркутске состоялся общегородской вечер советско-японской дружбы, на котором с представителями местной общественности встретились японские участники хабаровской встречи за мир и дружбу. Акира Цуцуи, постоянный секретарь Совета профсоюзов города Осака, заявил, что три резолюции и коммюнике, впервые в истории взаимоотношений народов Японии и СССР принятые на этой встрече, «Отвечают чаяниям всех честных и передовых людей…»[73]. Глава Федерации отделений Общества «Япония – СССР» в преф. Исикава председатель С. Мори писал: «Мы в настоящее время готовимся к успешному проведению месячника японо-советской дружбы этого года, по поводу которого мы развертываем движение за ускорение заключения мирного договора между правительствами Японии и Советского Союза…»[74]. Японцы пригласили иркутян на месячник Японо-Советской дружбы. В конце 1965 г. Иркутское отделение Общества «СССР – Япония» отправили на этот месячник двух делегатов — депутата Областного Совета Е. Н. Антипина и главного инженера Иркутской ГЭС А. И. Богун-Добровольского.

Иркутяне устраивали мероприятия, посвященные японским партнерам, по разным поводам. В газетной публикации под названием «День Канадзавы» за 8 января 1981 г. говорилось: «В Иркутске состоялся новогодний вечер членов клуба «Кэнрокудзи», посвящённый Канадзаве… Старейший учитель японского языка г. Иркутска К. А. Железняков познакомил участников вечера с японскими счетами «соробан». Рассказал их историю. Затем состоялась викторина

[71] Восточно-Сибирская правда, 1963, 22 июня.
[72] Восточно-Сибирская правда, 1967, 15 сентября.
[73] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 40, л. 21.
[74] ГАНИИО, ф. Р-2883, оп. 1, д. 40, л. 48.

«Что я знаю о Канадзаве»… Церемония чаепития в японском стиле сопровождалась конкурсным чтением японских стихов…»[75].

Одним из направлений советско-японского сотрудничества было проведение в Иркутске фестивалей японского кино. Иркутские газеты осенью 1966 г. сообщали: «Вчера в кинотеатре «Гигант» состоялось открытие кинофестиваля японских фильмов. Фестиваль открыл председатель Иркутского горисполкома… были показаны фильмы «Семь самураев» и «Чудесный подарок журавля»[76]. Фестиваль японского кино не просто знакомил иркутян с японским искусством, но был достаточным поводом для встреч на самом высоком уровне. 8 октября 1966 г. «Восточно-Сибирская правда» писала: «По случаю проведения в г. Иркутске кинофестиваля японских фильмов чрезвычайный и полномочный посол Японии в СССР Тору Накагава 6 октября устроил прием… Господин Т. Накагава и заместитель председателя Иркутского облисполкома М. И. Козлов обменялись теплыми речами»[77]. Фестивали японского кино в Иркутске проводились на регулярной основе. В январе 1988 г. в кинотеатре «Баргузин» проводился уже XXI фестиваль японских фильмов. Традиционно, на фестиваль в столицу Восточной Сибири прибыла группа японских дипломатов.

Активные связи между Иркутской областью и Японией по линии Иркутского отделения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами существовали до самого распада Советского Союза. Прямые связи между общественными организациями СССР и Японии были в большей степени свободны от идеологической опеки, чем отношения с организациями «братских социалистических стран». Благодаря включению региона в систему народной дипломатии Иркутск стал одним из центров советско-японских торгово-экономических связей, в городе приводились выставки товаров народного потребления, организованные Ассоциацией японо-советской торговли[78]. Документы указывают на то, что советское руководство надеялось использовать ресурсы и потенциал общественных связей для достижения успеха в деле заключения мирного договора и полной нормализации двусторонних отношений, чего, в конечном итоге, добиться не удалось. Однако, благодаря активной деятельности

[75] Восточно-Сибирская правда, 1981, 8 января.
[76] Восточно-Сибирская правда, 1966, 6 октября.
[77] Восточно-Сибирская правда, 1966, 8 октября.
[78] Восточно-Сибирская правда, 1980, 18 сентября.

Иркутского отделения Общества «СССР – Япония» дружба и сотрудничество Восточной Сибири с провинцией Исикава стали визитной карточкой этого советского региона, важной частью повседневности сибиряков на протяжении нескольких десятилетий.

Библиографический список

Баринов Ю. В. (2015) Движение за дружбу с Японией на примере Саратовского движения 1970–1980 гг. *Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов.* Москва: Институт Дальнего Востока РАН. С. 446–450.

Бекленищева М. В. (2020) Региональный опыт международного сотрудничества в СССР в 1955–1991 гг. в современной историографии. *Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов.* Вып. 20. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 120–132.

Дробница А. В., Корчевский А. В. (2011) Становление и развитие советско-японского научного сотрудничества в 1950-х — 1960-х гг. *Власть и управление на Востоке России.* № 1 (54). С. 105–111.

Царек И. Ф. (1994) Становление и развитие дружеских связей молодежи СССР и Японии в 1960–1970 гг. *Россия, Сибирь и страны АТР. Тезисы докладов к научно-практической конференции.* Иркутск. С. 77–80

Чижикова О. В. (2010) Деятельность советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии в Приангарье в 1960–1980-е гг. (опыт сравнительного анализа). *Вестник Томского государственного университета. История.* № 2 (10). С. 59–64.

Чижикова О. В. (2014) История развития дружественных связей породненных городов Иркутской области и Монголии, Японии в 1960–1980-е гг. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* № 7. С. 89–93.

Чижикова О. В. (2015) История развития побратимских связей городов Приангарья и Японии в 1960–1980-е гг. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* № 1. С. 28–34.

References

Barinov, Yu. V. (2015). Dvizhenie za druzhbu s Yaponiei na primere Saratovskogo dvizheniya 1970–1980 godov [Movement for friendship with Japan: the case of the Saratovsk movement of the 1970s–1980s]. In *Rossiyskoe*

yaponovedenie segodnya: K 20-letiyu Associatsii yaponovedov [Russian Japanology today: On the 20th anniversary of the Association of Japanologists] (pp. 446–450). Moscow: Institute of Far Eastern Studies of RAS (In Russian).

Beklenishcheva, M. V. (2020). Regional'nyi opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva v SSSR v 1955–1991 gg. v sovremennoy istoriografii [Regional experience of international cooperation in the USSR in 1955–1991 in contemporary historiography]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Document. Archive. History. Present times: A collection of scholarly works], 20 (pp. 120–132). Ekaterinburg: Ural University. (In Russian).

Chizhikova, O. V. (2010). Deyatel'nost' sovetskikh obshchestv druzhby i kul'turnoi svyazi so stranami Azii v Priangar'e v 1960–1980-e gg. (opyt sravnitel'nogo analiza) [Activities of Soviet societies of friendship and cultural ties with Asian nations in the Angara Region in the 1960–1980s (an attempt of comparative analysis). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2 (10), 59–64. (In Russian).

Chizhikova, O. V. (2014). Istoriya razvitiya druzhestvennykh svyazei porodnennykh gorodov Irkutskoi oblasti i Mongolii, Yaponii v 1960–1980-e gg. [History of development of friendly ties of sister cities of the Irkutsk Oblast with Mongolia and Japan in the 1960-1980s]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic, and Social Sciences], 7, 89–93. (In Russian).

Chizhikova, O.V. (2015). Istoriya razvitiya pobratimskikh svyazei gorodov Priangar'ya i Yaponii v 1960–1980-e gody [History of development of sister city ties of the cities of the Angara Region and Japan in the 1960–1980s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 1, 28–34. (In Russian).

Drobnitsa A. V., Korchevskii A. V. (2011). Stanovlenie i razvitie sovetsko-yaponskogo nauchnogo sotrudnichestva v 1950–1960-kh gg. [Establishment and development of scientific collaboration of the USSR and Japan in the 1950–1960s] *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 1 (54), 105–111. (In Russian).

Tsarek, I. F. (1994). Stanovlenie i razvitie druzheskikh svyazei molodezhi SSSR i Yaponii v 60–70 gody [Establishment and development of friendly ties of the youth of the USSR and Japan in the 1960–70s]. In *Rossiya, Sibir' i strany ATR. / Tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoi konferencii* [Russia, Siberia, and the Asia Pacific nations / Academic-practical conference abstracts] (pp. 77–80). Irkutsk. (In Russian).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 250–264
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 250–264
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-250-264

Амидаистские практики в *«Дзоку хонтё одзёдэн»*

А. А. Петрова

Аннотация. В статье анализируются амидаистские практики, представленные в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* (*«Продолжении преданий нашей страны о перерождении»*), сборнике биографий людей, которые, как предполагается, обрели перерождение в Чистой земле — тексте, который был составлен в 1101–1111 гг. О:э-но Масафуса. Во-первых, речь идет о тех действиях, которые совершает герой каждой биографии еще при жизни, в выполнении которых воплощается его глубокое осознанное стремление к обретению благого перерождения. Во-вторых, это обстоятельства, в которых он встречает свой смертный час, — а описание этого момента является важнейшей частью каждой биографии. Часть из этих практик можно отнести к чисто амидаистским (в первую очередь, это, конечно, *нэмбуцу*, «памятование о будде (Амида)», но можно найти и некоторые другие).

При этом немало и таких, которые скорее относятся к другим традициям (в частности, упоминаются различные священные тексты, но чаще всего говорится о почитании *Сутры лотоса*): автор очевидно не ставит перед собой цели разграничить первые и вторые. Как правило, содержание практик не раскрывается подробно, они в тексте лишь упоминаются. Этот аспект *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* рассматривается в связи с другими важнейшими текстами, оказавшими на него влияние: *Нихон о:дзё: гокуракки («Японские записи о перерождении в Краю Высшей Радости»*) Ёсисигэ-но Ясутанэ и *О:дзё:ё:сю: («Собрание сведений о перерождении»*) Гэнсин. По сравнению с *Нихон о:дзё: гокуракки*, в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* гораздо больший акцент делается на предсмертных действиях умирающего, чем на прижизненных практиках и доказательствах перерождения. При этом часто подчеркивается твердость духа умирающего, его «правильное состояние ума». Сочинение О:э-но Масафуса подхватывает и демонстрирует на примерах выраженную в *О:дзё:ё:сю:* идею о том, что именно последние мгновения жизни являются решающими и определяют дальнейшую судьбу.

Ключевые слова: буддизм в Японии, амидаизм*, о:дзё:дэн,* О:э-но Масафуса, *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн*, *Нихон о:дзё: гокуракки*, Гэнсин.

Автор*: Петрова Анастасия Андреевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: al.maat48@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Amidaist Practices in *Zoku Honchō Ōjōden*

A. A. Petrova

Abstract. The article discusses practices for reaching rebirth in the Pure Land recounted in the *Zoku Honchō Ōjōden (“Continuation of the Biographies of Japanese Reborn Into the Pure Land”*), composed in 1101–1111 by Ōe-no Masafusa. These practices include those mentioned in the stories as being performed during one’s lifetime, intended to show one’s strong devotion to Pure Land, as well as death-bed practices: the description of the death hour is the crucial point of every biography. Some of these practices belong to the Pure Land tradition (the most important to be mentioned is nembutsu, “recollection of the Buddha (Amida)”), while others are more likely to be attributed to different traditions (the most important is reading and reciting the *Lotus Sutra*): the author obviously does not feel any need to draw a line between them. Normally, these practices are only mentioned in the text and not discussed in detail. This aspect of *Zoku Honchō Ōjōden* is analyzed in comparison with other important Pure Land texts: *Nihon Ōjō Gokuraku-ki* (*Japanese Records of Rebirth in the Land of Supreme Joy*) by Yoshishige-no Yasutane and *Ōjōyōshū* (*The Essentials of Rebirth in the Pure Land*) by Genshin. As compared to *Nihon Ōjō Gokuraku-ki*, in *Zoku Honchō Ōjōden*, much more emphasis is placed on the death-bed practices than on the lifetime actions and evidence of rebirth. Often, the text focuses on the state of mind of the dying person, his or her determination in performing death-bed practices. In his work, Ōe-no Masafusa leans on the idea expressed in *Ōjōyōshū* that these are the last moments of life that are decisive and determine one’s rebirth, illustrating it with examples.

Keywords*:* Buddhism in Japan, Pure Land Buddhism, ōjōden, Ōe-no Masafusa, *Zoku Honchō Ōjōden*, *Nihon Ōjō Gokuraku-ki*, Genshin.

***Author**: Petrova Anastasia A.*, PhD, researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12

E-mail: al.maat48@gmail.com

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

Считается, что первые исторически достоверные сведения о буддизме Чистой земли, амидаизме, в Японии относятся к 640 г., однако популярность это направление буддизма набирает с X в. В его развитии активное участие принимали представители школы Тэндай (в первую очередь здесь следует упомянуть Рё:гэн, 912–985), причем важнейшую роль в этом сыграл ученик Рё:гэн — Гэнсин (942–1017), составивший *О:дзё:ё:сю:* 往生要集, (*«Собрание сведений о перерождении»*) (985 г.) — первый крупный японский текст, посвященный почитанию Чистой земли (см. о раннем амидаизме: [Andrews 1989; Rhodes 2007; Трубникова, Бачурин 2009, с. 282–293].

Сочинение Гэнсин — теоретический труд, состоящий из огромного количества цитат (более тысячи из более 160 разных сутр и трактатов). В ту же эпоху Ёсисигэ-но Ясутанэ (933–1002) создает *Нихон о:дзё: гокуракки* 日本往生極楽記, (*«Японские записи о перерождении в Краю Высшей Радости»*) (983–985) (см. перевод [Одзё Гокуракки 2001]) — нарративный текст, положивший начало жанру *о:дзё:дэн*, «преданий о перерождении в Чистой земле»: собраний биографий людей, которые, как предполагается, обрели перерождение в Гокураку (санскр. Сукхавати), краю Высшей Радости будды Амиды за свои благие деяния. Оба текста заложили основы традиции амидаизма — первый с точки зрения систематического изложения доктрины, а второй — с точки зрения ее «оживления», с помощью представления доказательств существования Чистой земли и способов ее достижения — через истории конкретных людей [Rhodes 2007, p. 251–252].

В 1101–1111 гг. аристократ, ученый и литератор О:э-но Масафуса (1041–1111 гг.) составил *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* (続本朝往生伝, *«Продолжение преданий нашей страны о перерождении»*), замыслив

его как продолжение *Нихон о:дзё: гокуракки* (о чем он прямо пишет в предисловии). Как и *Нихон о:дзё: гокуракки*, *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* включает 42 рассказа, выстроенных в строго определенном порядке. Начинается все с лиц высокопоставленных: два рассказа об императорах — Итидзё: и Госандзё:, три рассказа об аристократах — правый министр Хорикава, *гон-тю:нагон* Акимото и *санги* О:э-но Отондо.

Основную часть составляют биографии монахов разных рангов: *со:дзё:* (общинные старейшины), *со:дзу* (общинные главы), *сямон* (монахи), *адзяри* (духовные наставники) (25 историй), а в конце представлены биографии мирян (7 рассказов), а также женщин — монахинь и мирянок (5 биографий).

Все герои, годы жизни которых известны из других источников, жили в IX–XI вв. (есть и немало таких, о которых нет иных сведений, кроме представленных в данном тексте), т. е. речь идет о сравнительно недавнем с точки зрения автора прошлом.

В этот сборник вошли, в том числе, биографии Гэнсин (это один из самых длинных рассказов; между прочим, в нем упоминается шесть произведений Гэнсин, в том числе, *О:дзё:ё:сю:*) и Ёсисигэ-но Ясутанэ. Вообще, большинство героев-монахов *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* — представители школы Тэндай, многие из которых так или иначе связаны с Рё:гэн и храмом Рё:ган-ин из местности Ёкава на горе Хиэй. Именно там в 986 г. сформировалось общество *Нидзю:го саммай*-э (*«Собрание двадцати пяти видов сосредоточения»*), целью которого была совместная практика для достижения перерождения в Чистой земле (в это общество входил Гэнсин, а Ёсисигэ-но Ясутанэ был к нему близок)[1].

По всей видимости, О:э-но Масафуса имел тесные связи с учениками Рё:гэн, поэтому его текст можно назвать не только продолжением дела Ёсисигэ-но Ясутанэ, но и своего рода попыткой осмысления (и практического применения) идей Гэнсин и его круга. Интересно посмотреть, как представлены в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* амидаистские практики, столь подробно разработанные Гэнсин в его *О:дзё:ё:сю:*.

[1] Создание этого общества считается одной из важнейших вех в оформлении амидаизма в средневековой Японии, (см., например, [Stone 2016, p. 29]).

Прижизненные практики для достижения перерождения в Чистой земле

Гэнсин не отрицал эффективность различных «явных» и «тайных» практик школы Тэндай, но провозглашал, что для эпохи *маппо*, Конца Закона, наиболее приемлемым для большинства людей является «простой путь» практик *Чистой земли*, важнейшая из которых — *нэмбуцу* 念佛, «памятование о будде (Амиде)». Следует заметить, что в его изложении *нэмбуцу* относится к целому ряду действий: от сложных упражнений в созерцании, основанных на визуализации Амиды, до простого повторения фразы *наму Амида Буцу*. Гэнсин посвящает значительную часть своего текста описанию правильных способов практиковать *нэмбуцу* (*сё:сю:нэмбуцу* 正修念佛) [Rhodes 2007, p. 254–256].

В *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн*, как и в *Нихон о:дзё: гокуракки*, именно практике *нэмбуцу* уделяется очень много внимания: достаточно сказать, что термин «памятование о будде (Амида)» упоминается в 29 биографиях из 42. Как правило, этот термин не раскрывается (и в этом, опять же, *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* совпадает со своим предшественником): герои просто 修念佛 или 念佛爲業 — «практикуют памятование»[2], но не указывается, как именно они это делают. Исключение, пожалуй, составляет только биография Оцуги (37), в которой сказано: 此日故懸鐘於頸。念佛遶室 — «В тот день, повесив на шею колокольчик, он ходил по комнате, повторяя нэмбуцу».

Единственное развернутое теоретическое суждение на эту тему приводится в биографии Гэнсин (9):

«Некто втайне спросил: “Монашеские знания и практики столь различны. Какую практику совершенствования следует предпочесть?” [Гэнсин] ответил: “Первее всего нэмбуцу”. Снова спросили: “В разных практиках успеха добиваются посредством ума. Нужно ли созерцать дхармакая[3] во время нэмбуцу?” Он ответил: “[Достаточно] только произносить имя Будды”. Снова спросили: “Почему не нужно созерцать?” Он ответил: “Для того, чтобы переродиться [в Чистой

[2] Как правило, герои делают это сами для себя, за редкими исключениями: например, в биографии императора Итидзё (1) «памятование» для него читает настоятель Кэйэн. Этим *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* отличается от *Нихон о:дзё:* гокуракки, где подобных случаев больше.

[3] Одно из тел Будды: сущностное тело.

земле], достаточно именования, поэтому не нужно созерцать. Однако созерцание не является сложностью. Когда созерцаешь, ум ясен и нет помех”»[4].

Некоторые рассказы подразумевают также иные практики, связанные с Чистой землей. Например, в биографии Кансюн (11) упоминается созерцание *санганнэн* 三觀念, «созерцательное памятование», т. е. сосредоточение на образах Амиды и Чистой земли, в истории Рико: (17) используется термин 西方之業, (*«практики Западного направления»*), а в рассказах про Какусон (28) и Оцуги (37) — 淨土之業, (*«практики Чистой земли»*). В истории О:э-но Такатика (34) говорится: 作一堂修迎接 — «Он построил павильон и практиковал обряд встречи[5]». В биографии Рё:хан (19) рассказывается о том, что после его смерти в его тайнике были обнаружены буддийские изображения и сутры, окрашенные кровью, — и тогда стало ясно, что он тайно исполнял практики для будущего перерождения[6].

Тем не менее, как Гэнсин и его единомышленники не считали практику *нэмбуцу* (и другие практики Чистой земли) единственно возможной для достижения перерождения, так же и для О:э-но Масафуса она таковой не является, поэтому в его тексте упоминаются и другие способы подвижничества. Например, сидячая медитация *дзадзэн* 坐禪 (29), практика *тосо:* 斗藪 (28)[7], практика покаяния *дзангэ* 懺悔 (15), созерцание *гатиринкан* 月輪觀 (10)[8]. В двух рассказах говорится о созерцании мертвого тела умершего близкого, итогом которого становится просветление (29 и 33). Большое внимание в сборнике уделяется чтению священных текстов. Например, в биографии Акимото (5) говорится, что он 修念佛讀經 — «практиковал нэмбуцу и чтение сутр» (то же делает и Ко:мё: в биографии 23) — первое и второе явно воспринимаются как действия одного порядка, равно полезные для будущего перерождения. Чтение[9] и переписывание сутр, произ-

---

[4] Здесь и далее перевод сделан по изданию [Zoku Honchō ōjōden 1980].

[5] Речь, по всей видимости, здесь идет о ритуале *мукаэко:* 迎講 (*«обряде встречи»*), во время которого происходит своего рода «репетиция» посмертного прихода бодхисаттв, явившихся проводить умирающего в Чистую землю (см. об этом [Horton 2008]).

[6] Здесь и далее под «перерождением» подразумевается перерождение в Чистой земле.

[7] Практика, направленная на избавление от «трех желаний»: потребности в одежде, еде и жилье.

[8] *«Сосредоточение на лунном круге»*.

[9] Очевидно, в большинстве случаев подразумевается не только чтение текста, но произнесение его вслух.

несение различных мантр (*дхарани*) нередко упоминается и в других рассказах. Например, в биографии Гэнсин приводится целый список его прижизненных «заслуг»:

«Произнес нэмбуцу 20 коти[10] раз. Прочел: “Сутру лотоса” — 1000 раз, “Сутру совершенной мудрости” (Праджняпарамита сутра) — более 3000 раз, “Амитабха-сутру” — 10 000 свитков. Произнес: большую мантру Амиды — 1000 000 раз, “Заклятие тысячерукого” — 70 000 000 раз, “Виджая дхарани” — 300 000 раз. А также мантру Амиды, Фудо, Лучистого света, Будды-Лочаны — число этому неизвестно. Кроме того, изготовление буддийских изваяний, а также переписывание сутр, раздача подаяния — всех (добрых дел) и не перечислить»[11].

В других рассказах также можно найти названия различных священных текстов, но особенно часто говорится про «Сутру лотоса»[12], 法華經 (букв. *«Сутра Цветка Закона»*), которая иногда именуется просто 法華 (букв. *«Цветок Закона»*). Она упоминается в 10 биографиях, что сравнимо с *Нихон о:дзё: гокуракки*, где она также очень важна и фигурирует в 9 рассказах. Из текста обоих произведений хорошо видно, что чтение «Сутры лотоса» напрямую связано с благим перерождением — это действие, безусловно, мыслится как одна из тех прижизненных заслуг, которая должна ему способствовать. В качестве наиболее ярких примеров можно привести историю про Эйдзицу (14), в которой говорится: 一生誦法華。唯求後世。— «Всю жизнь он читал “Сутру лотоса” и стремился только к будущему перерождению» и рассказ про Какусин (26), который завершается словами 每日誦法華三十餘年也。已及萬餘部。臨終之刻。猶誦此經。西向入滅。— «Более 30 лет каждый день он читал “Сутру лотоса”: (число) превысило десять тысяч раз. В смертный час он только читал эту сутру и скончался, повернувшись на запад». Также интересна в этом отношении биография преподобного Синъэн (16), который страстно желал увидеть Будду в физическом теле, и для этого усердно и в течение многих лет читал и почитал «Сутру лотоса». В конце

---

[10] 倶胝, наименование числа (санскр. Koṭī): 10 000 000, иногда также 100 000 или 1000 000.

[11] В начале биографии Гэнсина приводится другое перечисление, немного отличающееся от процитированного, которое, видимо, является более поздней вставкой.

[12] Полное название 妙法蓮華経 (*«Сутра белого лотоса высшего учения»*) — махаянская сутра, одна из самых почитаемых и известных в Восточной Азии.

концов, благодаря чудесному сну, его молитва осуществилась — и это явилось для биографа основанием подвести истории следующий итог: 眞緣已奉見生身之佛。豈非往生人乎。— «Синъэн узрел Будду в физическом теле. Так неужели он не переродился?»

В процитированной биографии содержится цитата из «Сутры лотоса» — и это примечательно, поскольку в тексте *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* достаточно мало прямых цитат из священных текстов, которые, как правило, только называются, но не «раскрываются». Автор, конечно, был совершенно уверен, что упоминаемые им тексты прекрасно известны потенциальному читателю, поэтому никаких пояснений на эту тему делать ему не было надобности, достаточно было простого именования. В биографии Синъэн, однако, цитата оказалась необходима, поскольку она является двигателем сюжета. Это цитата из 26-й главы: «[Я] вечно пребываю на горе Священного Орла, а также в других местах»[13] — руководствуясь этими словами, Синъэн заключает, что в число «других мест» должна входить и Япония — а следовательно, у него должна быть возможность увидеть Будду в физическом теле.

Столь пристальное внимание «Сутре лотоса» совершенно не удивительно, поскольку это основополагающий текст для школы Тэндай, о связях Масафуса с которой уже говорилось выше. Со времен Рё:гэн в храме Энрякудзи входит в употребление обыкновение сочетать практику *нэмбуцу* с ритуалом покаяния *хоккэ сэнбо:* 法華懺法, который включал произнесение «Сутры лотоса» и покаянные действия, направленные на очищение шести органов чувств (этот ритуал проводился четыре раза в год). В дальнейшем подобное сочетание двух практик распространилось на другие храмы, и было подхвачено частными лицами [Stone 2016, p. 40–41]. Соответственно, вполне естественно, что для *Нихон о:дзё: гокуракки*, *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн*, как и для других сборников *о:дзё:дэн*, *нэмбуцу* и «Сутра лотоса» идут рука об руку, указывая путь к благому перерождению.

В биографиях *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* часто подчеркивается сознательное глубокое стремление героев к Чистой земле и грядущему перерождению. Приведем несколько примеров:

Правый министр Хорикава (3): 生前之間唯修後世之業。學天台之教門。 — «При жизни (правый министр) практиковал только подвижничества для будущего перерождения и изучал учение Тэндай».

[13] Пер. А. Н. Игнатовича.

Общинный старейшина Дзинин (7): 偏期託生浄土耳。— «Он лишь всецело уповал на то, что обретет пристанище в Чистой земле».

Временный младший общинный глава Какуун (8): 早求菩提。— «С ранних лет стремился к просветлению».

Монах Дзога (12): 早以發心。唯慕後世。— «С ранних лет дал обет и радел только о будущем перерождении».

Монах Нинга (13): 深恐後世全棄名聞一。— «Сильно беспокоился о будущей жизни, полностью отбросил (стремление) к (мирской) славе».

Адзяри Эйдзицу (14): 唯求後世。— «Он стремился только к будущему перерождению».

Монах Рёхан (19): 志求極樂。— «Душа его стремилась к Земле Высшей Радости».

Монах Ансю (25): 偏抛人世唯期浄土。— Он полностью отбросил людской мир и только уповал на Чистую землю.

Оэ-но Такатика (34): 生前之間。唯慕往生。每見佛像。必不覺之涙。— «Всю жизнь он радел лишь о перерождении. Всякий раз, глядя на буддийское изваяние, непременно невольно проливал слезы».

Ёсисигэ-но Ясутанэ (31) и супруга Минамото-но Мототада (42) описываются как люди, обладавшие состраданием (*дзихи* 慈悲).

Исключительным рвением обладал в деле почитания Чистой земли *адзяри* Ханкю: (20): «Он всю жизнь радел о Земле Высшей Радости. Шел он или стоял, сидел или лежал — он не поворачивался спиной к западу. Когда плевал или испражнялся, не делал это в направлении запада. С ранних лет он не подставлял спину лучам вечернего солнца».

Противоположный вариант представляет собой биография Минамото-но Ёриёси (36), про которого говорится, что он происходил из семьи потомственных военных и поэтому всю жизнь занимался убийством людей. Однако «после этого он построил павильон и (статую) будды, глубоко раскаялся в грехах, многие годы читал нэмбуцу, и в конце концов “ушел из дома”. После его кончины было много снов о перерождении в земле Высшей радости» (其後建堂造佛。深海罪障。多年念佛遂以出家。瞑目之後。多有往生極樂之夢。) Как резюмирует О:э-но Масафуса, 定知。十惡五逆。猶被許迎攝。何況其餘哉。— «Известно, что даже десять преступлений и пять грехов могут быть прощены и [тот, кто совершал их] будет принят [в Чистой земле], а уж в таком случае и подавно».

Процитированные заключительные слова к биографии Минамото-но Ёриёси относятся не только к ней, но и к предшествующей

истории (35): ее герой, Минамото-но Норитау описывается как талантливый, богатый, но исключительно жадный человек. Тем не менее, 而臨終正念得極樂迎。— «Но в смертный час он обрел правильное состояние ума и достиг земли Вечной радости». За этими словами следует важный вывод: 爰知。往生不必依今生業。可謂宿善。— «Известно, что перерождение определяется не обязательно только заслугами нынешней жизни, но и благими деяниями жизни прошлой». Из этой цитаты становится ясно, что, с точки зрения автора, прижизненное стремление к перерождению и совершение для этого соответствующих действий — это очень правильно, однако при определенных условиях (накопление благодеяний в прошлых жизнях) не является необходимым. В этом тоже видно отражение идей, выраженных Гэнсин в *О:дзё:ё:сю:*.

В целом понятно, что у автора *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* (как и у его предшественника Ёсисигэ-но Ясутанэ) нет стремления как-то выделить практики Чистой земли и специально отграничить их от практик других направлений: все упоминаемые в тексте практики воспринимаются как «звенья» единой системы, в целом помогающие достижению цели — обретению перерождения в Земле Высшей Радости (и недаром герои многих биографий описываются как обладающие обширными познаниями в области буддийских текстов)[14]. Тем не менее, частое употребление термина *нэмбуцу* говорит о том, что эта практика все-таки воспринимается как важнейшая — но в первую очередь она критически важна не столько при жизни, сколько в момент смерти.

Предсмертные практики

Гэнсин в своем сочинении подчеркивает исключительную значимость именно предсмертных практик: памятование об Амиде в последние мгновения жизни, как предполагается, способно сделать для спасения неизмеримо больше, чем исполнение подобных действий во время жизни; последняя мысль умирающего должна быть связана с надеждой на то, что Амида проводит его в свою Чистую землю, он

[14] Все вышесказанное соотносится с подходом к осмыслению амидаизма, характерным для исследований последних лет. Согласно этому подходу, амидаизм в течение большей части японского средневековья не представлял собой отдельного движения или школы, наоборот, амидаистские символы, риторика и практики преодолевали все границы, сочетаясь с практиками и риторикой самых разных школ; перерождение в Чистой земле было «общей целью» (см., например, [Stone 2016, p. 36]).

не должен отвлекаться ни на что другое — в помощь этому и служат описанные Гэнсин действия [Stone 2016, p. 51–53]. Как говорится в *О:дзё:ё:сю:*, «…эта последняя дума [о будде] перед смертью перевесит все деяния, совершенные тобой за сто лет. И если этот миг будет тобой упущен, перерождение [в сансаре] будет неизбежным». [Авдюшенкова 2015, с. 86].

Эти идеи и практики в то время стали распространяться среди аристократов (см. об этом [Horton 2004; Авдюшенкова 2015]). Их важность хорошо видна и в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн*: каждая биография обязательно завершается описанием смертного часа героя. Как правило, описывается, что делал этот человек в свой смертный час, и какие обстоятельства свидетельствуют о том, что он действительно достиг перерождения. В биографии Итидзё: (1) текстуально подчеркивается сила 最後念佛, «последних памятований»: 聖運有限。非力之所及。但有生前之約。必可令唱最後念仏。 此事相違。此恨綿々。— «Судьба императора имеет предел, это неподвластно нашим силам. Но есть связи, образовавшиеся при жизни. Непременно следует прочитать последние памятования. Если этого не сделать, скорби не будет конца».

В дальнейших рассказах значимость последних памятований выводится имплицитно, «по умолчанию». Часто упоминается твердость духа умирающего, его решимость при произнесении «памятования»: *нэмбуцу* читаются «без смятения» (不亂), «сосредоточенно» (專心), «беспрерывно» (不斷), «неустанно» (不懈), «всей душой, всецело» (一心), «сотни раз» (數百遍). Но чаще всего в рассказах о предсмертных минутах героев биографии фигурирует термин *сё:нэн* 正念, описывающий «правильное состояние ума» в момент кончины. Все эти слова, акцентирующие умение умирающего взять свой разум под контроль, отражают идеи, высказанные в *О:дзё:ё:сю:*. В данном случае ключевым является именно слово *сё:нэн* 正念 — как состояние, без которого достижение перерождения в «Чистой земле» будет просто невозможным. Заметим, что именно этот термин употребляется в процитированной выше биографии Минамото-но Норитау (35): именно то, что на смертном одре тот пребывает в «правильном состоянии ума», в конечном итоге и определяет его благополучное перерождение. Интересно, что в *Нихон о:дзё: гокуракки* этот термин не употребляется, хотя герои этого произведения тоже проявляют усердие в подвижничестве.

Кроме *нэмбуцу* герои в свой смертный час осуществляют следующие действия: совершают омовение (沐浴), держат в руках разноцветные шнуры (綵縷)[15], постятся (潔齋), воскуряют благовония (捧香爐), практикуют сидячую медитацию (禪坐), читают сутры (讀經), оборачиваются на запад (西向 — есть и другой вариант, описанный в биографии Гэнсин (9): 北首右脇 «повернул шею на север, бока направо»), складывают руки в разные святые знаки-мудры (например, Дзога (12), умирая, складывает алмазную мудру — 金剛合掌, а про правого министра Хорикава (3) говорится, что после смерти его руки оказались сложены в 彌陀迎接之印, «печать»-приветствие будды Амиды[16]. При этом дается ремарка 平生不知密教。自然如此。— «Поскольку тайного учения он не знал, так получилось, похоже, само собой».), поют *кассацу* (合殺)[17]. Все эти практики (кроме прямого указания *кассацу* и *дзадзэн*) упоминаются и в *Нихон о:дзё: гокуракки*.

Из вышеперечисленного чаще всего упоминается поворот на запад (в 10 рассказах) и омовение (в 5 биографиях), в то время как все остальные действия удостоены лишь единичных упоминаний. В восьми рассказах (16, 30, 31, 33, 34, 36, 38, 41) предсмертные практики не описываются вовсе (но, очевидно, подразумеваются), как, например, в биографии *бикуни* Энмё (41), где про ее смертный час сказано просто: 臨終之時瑞相自多。— «На смертном одре было много благих знамений», или в биографии Нитиэн (30): 臨終之相。往生無疑。— «Согласно знакам его смертного часа, нет сомнения, что он переродился». Как видно из процитированных сообщений, в случае отсутствия сведений об исполнении героями биографий должных действий в момент кончины, акцент автор делает на «благих знамениях», т. е. доказательствах перерождения (это относится и к остальным шести рассказам, в которых «благие знамения» описываются подробнее).

Нередко герои биографий заранее знают о своей смерти и в эти дни собирают вокруг себя людей (это, вероятно, соотносится с идеями Гэнсин о том, что на смертном одре человека должен поддерживать помощник или помощники). Интересно, что если в *Нихон о:дзё: гокуракки* нередко описываются предсмертные видения умирающих

[15] Пятицветные шнуры, которые привязывались к рукам буддийской статуи, чтобы та помогла умирающему в сосредоточении. Про них пишет Гэнсин в *О:дзё:ё:сю:*, но поразительно, что в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* они упоминаются всего два раза.

[16] Правая рука поднята, левая опущена.

[17] О *кассацу* или *гассацу* см. [Takeuchi 1996].

(в частности, рассказывается о приходе чудесных «гостей», видимых только для героев биографий, которые должны проводить их в Чистую землю), то в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* таких описаний значительно меньше (в качестве примера можно привести описание видений Гэнсина (9), святых, пришедших навстречу Хэндзё (6)[18]; в других биографиях пару раз упоминается прекрасная музыка (например, в биографии 37) и необыкновенный аромат (например, в истории 42), которые чувствует умирающий)[19].

М. Накао, сравнивая *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* с *Нихон одзё: гокуракки*, обнаруживает два важных отличия. Во-первых, он замечает, что по сравнению со вторым текстом, в первом гораздо меньше внимания уделяется доказательствам того, что герои действительно переродились. Во-вторых, по его мнению, в отличие от *Нихон одзё: гокуракки*, в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* описание прижизненных практик, позволяющих достичь перерождения, представлено зачастую как вторичная, «поверхностная» тема. Но зато в *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* делается значительно больший упор на правильных действиях героев в момент кончины. По мнению М. Накао, все это говорит о том, что у О:э-но Масафуса наблюдается более легкий, оптимистичный взгляд на проблему перерождения в Чистой земле, что, видимо, отражает воззрения, популярные среди аристократов того времени [Nakao, 1980].

На наш взгляд, стоит говорить не столько о «легкости» или «оптимистичности», сколько о некотором смещении акцентов. Действительно, Ёсисигэ-но Ясутанэ гораздо больше внимания уделяет прижизненным практикам и доказательствам перерождения, но и для О:э-но Масафуса важно благочестие его героев (и как нам представляется, указание талантов и — особенно — чудесных способностей героев должно подчеркивать впечатление об этом); в том единственном случае, когда это не очевидно (биографии Минамото-но Норитау (35), как уже говорилось выше, автор делает примечание о заслугах прошлой жизни. При этом для О:э-но Масафуса особую значимость

[18] В биографии Хэндзё: содержится одно из упоминаний термина *райго:* 來迎, очень важного для *О:дзё:ё:сю:* Гэнсина, под которым подразумевается приход сонма святых для встречи умирающего. Всего это слово встречается в тексте *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* два раза (второй раз — в рассказе про О:э-но Садамото (33), где оно фигурирует в стихотворении, которое сочинил герой биографии перед смертью).

[19] Гораздо чаще аромат или музыку (или иные чудесные явления) наблюдают другие люди уже после смерти героя биографии.

имеют именно практики предсмертные: его сочинение подхватывает и демонстрирует на примерах выраженную в *О:дзё:ё:сю:* идею о том, что последние мгновения жизни являются решающими (в этот момент, по сути, можно свести на нет все заработанные в течение жизни заслуги), и поэтому так подчеркиваются в нем правильное состояние ума и твердость духа в час кончины.

Заключение

В *Дзоку хонтё: о:дзё:дэн* упоминаются прижизненные и предсмертные практики, целью которых является достижение перерождения в Чистой земле. В первую очередь, это памятование-*нэмбуцу*, достаточно часто говорится также о чтении «Сутры лотоса», но эпизодически называется и многое другое. Большое внимание в тексте уделено предсмертным практикам — при этом часто подчеркивается твердость духа умирающего, его «правильное состояние ума».

Как и Ёсисигэ-но Ясутанэ в *Нихон о:дзё: гокуракки*, О:э-но Масафуса в своем сочинении не раскрывает содержание описываемых им практик подробно (в основном ограничиваясь исключительно упоминанием), хотя, без всякого сомнения, прекрасно об этом осведомлен и желает донести до читателя их важность и ценность. Это неудивительно, поскольку очевидно, что обучение тому, *как* обрести перерождение, не было целью этого текста (для этого существовали другие источники, как, например, *О:дзё:ё:сю:* Гэнсина). Он создавался, чтобы продемонстрировать «живые» примеры того, что это действительно возможно, и увековечить имена тех, кто, с точки зрения составителя сборника, был этого достоин.

Библиографический список

Авдюшенкова И. В. (2015) Памятование о будде в предсмертный час. Инструкции по предсмертным ритуальным практикам в «О:дзё:ё:сю». *История и культура традиционной Японии 8.* / под ред. И. С. Смирнова, отв. ред. А. Н. Мещеряков. Санкт-Петербург: Гиперион. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Выпуск LVII). С. 86–89.

Одзё Гокуракки (2001) / перевод А. Н. Мещерякова. *Волшебная Япония*. Санкт-Петербург: Северо-запад пресс, 2001. С. 240–256.

Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. (2009) История религий Японии. Москва: Наталис.

References

Andrews, A. (1989). Genshin's "Essentials of Pure Land Rebirth" and the transmission of Buddhism to Japan. Part I. The first and second phases of transmission of Pure Land Buddhism to Japan: The Nara Period and the early Heian Period. *The Pacific World*, 5, 20–32.

Avdyushenkova, I. (2015). Pamyatovanie o budde v predsmertnyi chas. Instruktsii po predsmertnym ritual'nym praktikam v «Ōjōyōshū». [Recalling of Buddha at the Death Hour. Instructions for the Deathbed Practices in Ōjōyōshū]. In I. Smirnov, Meshcheryakov (eds.), *Istoriya i kultura traditsionnoi Yaponii* [History and Culture of Traditional Japan], 8 (pp. 86–89). Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Horton, S. (2004). The Influence of the Ōjōyōshū in Late Tenth- and Early Eleventh- Century Japan. *Japanese Journal of Religious Studies*, 31/1, 29–54.

Horton, S. (2008). Mukaekō: Practice for the deathbed. In J. Stone, M. Namba (eds.), *Death and the Afterlife in Japanese Buddhism* (pp. 27–60). University of Hawaii Press. DOI:10.1515/9780824862152-003

Nakao, M. (1980). Zoku Honchō ōjōden no ōjōkan [View of rebirth in Zoku Honchō ōjōden]. *Indogaku Bukkyogaku Kenkyu* [Journal of Indian and Buddhist Studies], 29(1), 361–364. (In Japanese).

Ōjō Gokurakki (2001) (transl. by A. N. Mescheryakov). In *Volshebnaya Yaponiya* [Magical Japan] (pp. 240–256). Saint Petersburg: Severo-zapad press. (In Russian).

Rhodes, R. F. (2007) Ōjōyōshū, Nihon Ōjō Gokuraku-ki, and the Construction of Pure Land Discourse in Heian Japan. *Japanese Journal of Religious Studies*, 34/2, 249–270.

Stone, J. (2016) *Right Thoughts at the Last Moment: Buddhism and Deathbed Practices in Early Medieval Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Takeuchi, K. (1996) Ōjōden ni mirareru kassatsu ni tsuite [About kassatsu in ōjōden]. *Indogaku Bukkyogaku Kenkyu* [Journal of Indian and Buddhist Studies], 44(2), 653–657. (In Japanese).

Trubnikova, N., Bachurin A. (2009). *Istoriya religii Yaponii* [History of Japanese Religions]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Zoku Honchō ōjōden (1980). In *Nihon shisō taikei.* Vol. 7 (pp. 569–580). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 265–296
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 265–296
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-265-296

Женщина и власть в *«Гукансё»*: японские государыни

В. А. Федянина

Аннотация. В исследовании анализируется история правлений женщин-государынь в древней Японии, представленная в историко-философском трактате «Гукансё:» (ок. 1221) тэндайского монаха Дзиэн (1155–1225). Изучение прецедентов женских правлений в японской истории продолжает оставаться актуальным в современной Японии в связи с вопросами о наследовании трона.

«Гукансё:» является важной вехой в создании истории непрерывной, как утверждает японская традиция, линии одного императорского дома, который правит в Японии с глубокой древности по настоящее время. При описании правлений всех государей (до современных ему) Дзиэн повествует о семи государынях древности: легендарной Дзингу:, Суйко, Ко:гёку (также Саймэй), Дзито:, Гэммэй, Гэнсё:, Ко:кэн (также Сё:току).

В работе характеризуется структура описаний правлений государынь, сравнивается порядок их правлений в «Гукансё:» и в современной традиции императорского дома. Анализируется трактовка правлений государынь, предлагаемая Дзиэном в рамках его исторической теории. Основное внимание в данной работе уделяется тому, как в «Гукансё:» поясняются причины, приведшие к правлению женщин и к исчезновению подобных правлений.

Дзиэн считал, что государыни правили в тот период истории Японии, когда государи осуществляли свою власть при поддержке помощников и (или) регентов. Правление государынь, правивших вместе с подчиненными-помощниками, Дзиэн объясняет неизбежным действием принципов-до:ри:

— нарушение в «правильной» линии наследования от отца к сыну;
— переход к правлению государей вместе с подчиненными-помощниками.

Действие названных принципов *до:ри* вызвано общим ухудшением кальпы и необходимостью максимального приспособления в управлении страной к определенным отрезкам времени.

Данная статья предваряет перевод с классического японского языка на русский отрывков из *Гукансё:*, из свитков 1 и 3, повествующих о правлениях семи японских государынь древности.

Ключевые слова: императорский дом, государыни древней Японии, буддизм, принципы *до:ри*, Дзиэн, школа Тэндай.

Автор: *Федянина Владлена Анатольевна*, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой японского языка Московского городского университета; Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
E-mail: fedyaninava@mgpu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Woman and Power in *Gukanshō*: Japanese Female Sovereigns

V. A. Fedianina

Abstract. The paper analyzes the history of female sovereigns' reigns in the early history of Japan as described in *Gukanshō*, the interpretative history of Japan (circa 1221) written by a Tendai school monk Jien (1155–1225). The study of the Empresses' reigns is closely related to the succession debate in contemporary Japan.

Gukanshō is an important milestone in the historical tradition which tells about continuous hereditary monarchy in Japan from ancient times to the present. While describing the reigns of all Japanese rulers, Jien writes about the seven female sovereigns of Japan (legendary Jingū, Suiko, Kōgyoku/Saimei, Jitō, Gemmei, Genshō, Kōken/Shōtoku).

A brief description of the Empresses' reigns is summarized in the paper. The article compares the order of the Empresses' reigns as featured in *Gukanshō* and in the traditional order of the Imperial House.

The paper also focuses on Jien's interpretation of these female sovereigns in terms of his historical theory. Jien put these reigns in the period when the sovereigns ruled with the help of assistants and (or) regents. Jien explained the reigns of female rulers supported by their assistants through the inevitable action of the *dōri* principles. They are:

(1) departure from "correct" succession (the throne not passed linearly, from father to son);

(2) the reign of sovereigns not comparable to sovereigns of ancient times (Emperors were assisted in ruling and female reigns were possible).

These principles were caused by the general degradation of the *kalpa* and by the need to adapt to this period.

The article precedes a translation (from Classical Japanese into Russian) of excerpts from *Gukanshō* describing the Empresses' reigns.

Keywords: Imperial House, female sovereigns, ancient Japan, Buddhism, principles of *dōri*, Jien, the Tendai school.

Author: *Fedianina Vladlena A.*, PhD in History, Chair of Japanese Language Department in Moscow City University; Russian Federation 129226, Moscow, Vtoroy Selskohoziajstvenny proezd, 4.

E-mail: fedyaninava@mgpu.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

Цель данного исследования состоит в том, чтобы с позиции современной исторической науки проанализировать, как история правлений женщин-государынь в древней Японии представлена и трактуется в историко-философском трактате *Гукансё:* («*Мои скромные заметки»,* ок. 1221), тэндайского монаха Дзиэна (1155–1225).

Актуальность данного исследования определяется тем, что в современной науке широко используется категория «гендер» для изучения властных отношений, существовавших в древности и средневековье. Применительно к Японии изучение правлений женщин-государынь стало актуальным в конце XX — начале XXI вв. и в практическом отношении. Это связано с проблемой наследия в непрерывной, как утверждает японская традиция, линии одного императорского дома, который правит в Японии с глубокой древности по настоящее время. В 2001 г. у наследного принца Нарухито (род. 1960, нынешний 126-й император Японии) родилась дочь, принцесса Айко. В соответствии со статьей 2 Конституции Японии (1947)[1] и статьями 1 и 2 о наследовании трона и об императорской семье «Закона об императорском

[1] Нихонкоку кэмпо: — Нихонкоку кэмпо: [Конституция Японии]: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=321CONSTITUTION_19470503_000000000000000&keyword=%E6%8 6%B2%E6%B3%95 (дата обращения 18.08.2021).

доме» (皇室典範 *ко:сицу тэмпан*, 1947)[2] принцесса Айко не имеет права наследовать трон.

В древности и средневековье порядок наследования трона в Японии не был четко определен [Мещеряков, Грачев 2002, с. 188–189][3], что приводило к возможности наследовать трон не только сыновьям, но и внукам, дочерям, женам. В истории Японии были правления десяти императриц, при этом две женщины становились императрицами дважды. Сегодня противники наследования трона женщинами доказывают, что женские правления были временным явлением, и должна поддерживаться традиция наследования только по мужской линии. Поступавшие предложения разрешить наследовать трон женщинам пока отложены. В связи с этим изучение прецедентов в японской истории, когда правили женщины, продолжает оставаться актуальным и сегодня.

Источником настоящего исследования стал известный трактат Дзиэна *Гукансё:*. Его автор скромно хотел «написать о том, что было после смуты годов Хо:гэн[4] и продолжить повествование о наследовании (*ёцуги*) [5]» [Jien 1967, p. 129]. Однако *Гукансё:* стал масштабным сочинением, рассматриваемым сегодня и как художественное произведение, и как первый историко-философский труд в Японии, обобщающий достижения гуманитарных знаний на момент его создания. В *Гукансё:* также описываются правления женщин и в рамках исторической теории Дзиэна объясняются причины их правлений.

В настоящей работе используется общепринятый в нашей стране перевод бинома *тэнно:*— «император»/«императрица». Однако наряду с этим, применительно к древности и средневековью, мы переводим слово *тэнно:* также как «государь» или «государыня».

---

[2] Ко:сицу тэмпан [Закон об императорском доме]: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=322AC0000000003_20190430_429AC0000000063&keyword=%E7%9A%87%E5%AE%A4%E5%85%B8%E7%AF%84 (дата обращения 18.08.2021).

[3] Он был установлен в 1889 г. в «Положении об императорском доме».

[4] *Смута годов Хо:гэн* — смута 1156 г., вызванная расколом в доме государя и вопросом о наследовании трона.

[5] *Ёцуги* — имя рассказчика в японском историческом повествовании «Великое зерцало» (*О:кагами*), составленном в начале XII в. Его также называли *ёцуги-но моногатари*, или «повесть о наследовании». Со временем так стали называть исторические повествования *рэкиси моногатари*, к которым относится и «Великое зерцало» [Дьяконова 2000, с. 5–7].

Структура описаний правлений государынь в *Гукансё:*

В *Гукансё:* в семи свитках описывается история Японии от первого государя Дзимму до современных Дзиэну государей. В начале своего трактата, в свитке 1, Дзиэн дает максимально краткую хронологию китайских правителей (часто группирует их и просто перечисляет имена). Далее, в свитках 1 и 2, автор переходит к более подробной, но тоже краткой «Хронологии японских правителей».

Характеристика государей и государынь в «Хронологии японских правителей» дается по стандартной схеме:

— в течение скольких лет правитель (правительница) были на троне;

— в какой год по китайскому шестидесятилетнему календарю и в каком возрасте стал государем/государыней (совершил обряд интронизации *сокуи*, 即位);

— продолжительность жизни;

— кто отец и мать;

— где находился дворец (пока не было постоянной столицы);

— главный помощник (когда они появляются), министры (когда они появляются);

— девизы правления (когда они появляются);

— самые яркие черты правления (не всегда);

— кто глава школы Тэндай во время правления этого государя (когда появляется школа Тэндай).

«Хронология японских правителей» предваряется перечислением 40 японских государей из 73, управлявших страной от 1-го государя Дзимму до 73-го государя Хорикава. Д. Браун и И. Исида указывают, что в этом списке без заглавия Дзиэн перечислил государей (кроме первого), которые наследовали своим отцам, что является благом для Японии [Brown, Ishida (eds.) 1979, p. 248]. В краткой «Хронологии японских правителей» описываются правления женщин-государынь (свиток 1), однако в списке 40 государей нет ни одной женщины, даже в тех случаях, когда они являлись дочерями, то есть прямыми потомками, правящих государей (как, например, Гэммэй и Ко:кэн /Сё:току).

После краткой «Хронологии японских правителей» дается более развернутое описание всех правлений начиная с государя Дзимму. Далее, в свитках 3 – 6 Дзиэн детальнее описывает истории правле-

ний японских государей/государынь, поясняя при этом смысл произошедшего. Последний, седьмой, свиток посвящен трактовке сути исторических событий в Японии. Правления государей и государынь в свитках 3 – 6 описаны весьма неравномерно. Наиболее полно рассказывается о близких по времени к Дзиэну правлениях. В описании правлений государынь минимально указаны исторические события. Основное внимание автора сосредоточено на том, какие принципы *до:ри* действовали в рассматриваемый период.

Порядок правлений государынь в *Гукансё:* и в современной традиции императорского дома

На официальном сайте Управления императорского двора (*Кунайтё*:) перечислены в принятом порядке правители из императорского дома начиная от легендарного государя Дзимму до 124-го государя Сё:ва (годы правления 1926–1989)[6]. Годы правления первых государей указаны на сайте согласно легендарному летоисчислению. В таблице 1 перечислены женщины на японском троне так, как они представлены на сайте Управления императорского двора. Официальная версия поясняет, что женщины становились государынями, чтобы сохранить наследование по мужской линии. В связи с этим мы указываем в таблице родство правительницы с предшествующим правящим государем и ее предка по мужской линии.

Таблица 1. Государыни Японии
по данным Управления императорского двора

Порядковый номер правления	Имя государыни (китайское посмертное имя)	Годы правления	Родство с императорским домом (цифра означает порядковый номер правления)
33	Суйко	592–628	супруга Киммэй, 29
35	Ко:гёку	642–645	супруга Бидацу, 30
37	Саймэй	655–661	то же

[6] Тэнно: кэйдзу [Генеалогия императорского дома] / Кунайтё: [Управление императорского двора] https://www.kunaicho.go.jp/about/kosei/keizu.html (дата обращения 18.08.2021).

41	Дзито:	690–697	супруга Тэнти, 38
43	Гэммэй	707–715	дочь Тэнти, 38
44	Гэнсё:	715–724	внучка (дочь Гэммэй) Тэмму, 40 (дед) принц Кусакабэ (отец)
46	Ко:кэн	749–758	дочь Сёму, 45
48	Сё:току	764–770	то же
109	Мэйсё:	1629–1643	дочь Го-Мидзуно, 108
117	Го-Сакурамати	1762–1770	дочь Сакурамати, 115

В *Гукансё:* описывается правление шести государынь древности, до периода Нара (710–794) включительно. Две из них, государыни Ко:гёку (также Саймэй) и Ко:кэн (также Сё:току), правили дважды. Таблица 2 представляет государынь, правления которых описываются Дзиэном. В таблице 2 также для сравнения указана нумерация правлений на сайте Управления императорского двора.

Таблица 2. Государыни Японии в *Гукансё:*

Порядковый номер правления на сайте *Кунайтё*	Порядковый номер правления у Дзиэна	Китайское посмертное имя государыни	Современная датировка правлений
отсутствует	15	Дзингу: ко:го:	363–389 [Суровень 2015]
33	34	Суйко тэнно:	592–628
35	36	Ко:гёку тэнно:	642–645
37	38	Саймэй (Сэймэй) тэнно:	655–661
41	41	Дзито: тэнно:	690–697
43	43	Гэммэй тэнно:	707–715
44	44	Гэнсё: (Гэнсэй) тэнно:	715–724
46	46	Ко:кэн тэнно:	749–758
48	48	Сё:току тэнно:	764–770

Порядковые номера правлений у Дзиэна не всегда совпадают с теми, что приняты в современной официальной историографии. Порядок правлений в одном доме японских императоров — важный момент, являющийся частью идеологического обоснования власти единой императорской семьи, потомков богини Аматэрасу. Японцы с древности описывали императорский дом как единую и непрерывную линию государей, указывали на свою уникальность в связи с этим. Дзиэн писал: «При китайском дворе главным для правителя считаются его способности, и там заведено, что правителем страны становится тот, кто превосходит по способностям остальных. У нас в Японии с самого начала правители были только из государева рода. Также были установлены и дома подчиненных. Таким образом, чтобы ни произошло, до сегодняшнего дня это остается неизменным [Jien 1967, p. 346].

Представление о несменяемости императорской династия укоренилось в японской культуре. В XX в. «из конституции исчезли слова о “многовековой и непрерывной преемственности” японской императорской династии. Однако с самим мифом ничего не удалось сделать. Все императоры и чуть менее десятка императриц, начиная с 660 года до н. э., составляют единую генеалогическую линию *бансэй иккэй* 萬世一系, тщательно идентифицированы и строго пронумерованы...» [Саркисов 2020, с. 21].

В связи с этим расхождение в нумерации правителей — отражение различного понимания в «правильности» наследования. Это имеет не только академическую значимость, но и важное идеологическое и политическое применение. Дзиэн в список женщин-правительниц включает Дзингу: (Окинага тараси химэ в *Кодзики* и *Нихон сёки* [Суровень 2015]). Дзингу: отсутствует в списке Управления императорского двора. 14-м государем в обоих списках является государь Тю:ай, после которого у Дзиэна указана Дзингу:, а в официальной версии — государь О:дзин. (Годы правлений Тю:ай и О:дзин по традиционной официальной версии 192–200 гг. н. э. и 210–310 гг. н. э. соответственно[7], однако предполагаемые даты ?–362 гг. н. э. и 390–406 гг. н. э. [Суровень 2015].)

Нумерация государей и государынь вновь совпадает в обоих списках начиная с 40-го государя Тэмму (годы правления 673–686) за

[7] Тэнно: кэйдзу [Генеалогия императорского дома] / Кунайтё: [Управление императорского двора] https://www.kunaicho.go.jp/about/kosei/keizu.html (дата обращения 18.08.2021).

счет того, что Дзиэн не учитывает правление государя Ко:бун в 671–672 гг., 39-го правителя согласно данным Управления императорского двора. Дзиэн, вслед за «Дворцовыми записями» (*Рэнтю:сё:*, XII в.) [Renchūshō 2001] [8] помещает правление Тэмму сразу после правления государыни Саймэй. В связи с добавлением Дзиэном правления Дзингу:, которое обычно не учитывается, и отсутствия правления Ко:бун, нумерация правлении у Дзиэна от 1-го до 14 государя и от 40-го и далее совпадает с принятой сегодня официальной версией. В связи с этим в обоих рассматриваемых нами списках перечисления государей Дзито: — 41-я правительница.

В *Гукансё:* все правящие государыни, кроме Дзингу:, имеют титул *тэнно:*. Титул *тэнно:* («небесный повелитель») появляется в правление Тэмму [Мещеряков 2004, с. 16–22]. Дзиэн использует этот ставший к его времени общеупотребительным титул для обозначения всех государей и государынь за исключением Дзингу:. Дзиэн называет ее «государевой супругой» (皇后, *ко:го:/ко:гу:*). Вероятно, это связано с неоднозначным положением правительницы в историографии Японии: Браун и Исида указывают, что большинство средневековых историй не считают Дзингу: государыней [Brown, Ishida (eds.) 1979, p. 255]. В отличие от всех других правлений при описании Дзингу: указывается длительность не правления, а регентства, несмотря на то, что, согласно *Гукансё:*, церемонию публичного возведения на трон *сокуи* (即位式) правительница совершила в 32 года.

Государыни в *Гукансё:* именуются по их китайским посмертным именам. Это стало обычной практикой в японской письменной традиции начиная с конца IX в., когда Сугавара Митидзанэ по высочайшему указу составил «Систематизированную историю Японии» (*Руйдзю: кокуси*) и стандартизировал именование государей. Начиная с 35-го государя Дзёмэй в *Гукансё:* в краткой хронологии также начинают приводиться «настоящее имя» *имина*[9] государей и государынь:

---

[8] *Рэнтю:сё:* (簾中抄 «Дворцовые записи») — собрание исторических фактов и сведений о дворцовой жизни, необходимые в повседневной жизни двора государя. Предположительно составлено Фудзивара Сукэтака. Является источником исторических, культурологических, языковых знаний о Японии периода Хэйан; послужило одним из источников при написании *Гукансё:*.

[9] 諱, *имина,* — «настоящее» имя, запретное табуированное прижизненное имя. Происхождение (сочетание слов *ими*, табу и *на*, имя) связано с запретом на произнесение личных имен, существовавшим во многих древних обществах. В Японии с приходом буддизма монахам при посвящении стали давать буддийские имена. С течением времени миряне

35 Ко:гёку тэнно: / 38 Саймэй тэнно:, настоящее имя — Такара.
41 Дзито: тэнно:, настоящее имя — Уно. 690–697.
43 Гэммэй тэнно:, настоящее имя — Абэ.
44 Гэнсё: (Гэнсэй) тэнно:, настоящее имя — Хитака.
46 Ко:кэн тэнно: / 48 Сё:току тэнно: , настоящее имя — Абэ.

Трактовка правления государынь в рамках исторической теории Дзиэна

Дзиэн описывает правление женщин-государынь как закономерное явление в его исторической теории, основанной на сочетании и действии принципов мироздания *до:ри* (道理). Слово *до:ри* у Дзиэна относится ко всем правилам, скрытым и явным [Федянина 2021, с. 118–119], то есть действующим в скрытом и явном мирах. В *Гукансё:,* описывающем исторический процесс в Японии, этим словом в основном обозначаются факторы, влияющие на ход истории. Сегодня эту совокупность факторов, определяющих исторический процесс, мы называем «движущими силами истории».

У Дзиэна история всех стран, в том числе история Японии, протекает в буддийских пространственно-временных координатах[10]. Дзиэн не описывает мировую историю, но упоминает об ее общих тенденциях: «От начала кальп к концу кальп принципы *до:ри* ухудшаются, от конца кальп к началу принципы улучшаются. По этому пути ухудшения от начала к концу проходят и большие, и малые страны [Jien 1967, p. 324]».

Временные координаты для Японии — это ухудшающаяся часть одной из малых кальп в средней кальпе пребывания (одной из четырех в большой кальпе), пространственные — окраинное положение страны у Южного материка Джамбудвипа в мире желаний, одном из трех миров буддийского космоса [Jien 1967, p. 148].

Основным принципом *до:ри*, отражающимся на всем мироздании, является принцип общего ухудшения малой кальпы в ее первой половине. Этот же принцип является и основным историческим законом, обуславливающим упадок и разрушение Японии на данном отрезке

после смерти также стали получать буддийские имена, и *имина* слилось с посмертным именем и буддийским именем. Однако у императоров и высшей знати эти и другие различия в именах продолжали сохраняться.

[10] Подробнее о хронотопе буддийской культуры см. [Рудой 2000, с. 13].

кальпы. Этому основному принципу подчинены другие: «…принципы *до:ри* делятся на главные и второстепенные, и когда переходят к главному, второстепенный отступает» [Jien 1967, p. 136].

Второстепенными правилами являются те, которые возникают на отдельных временных отрезках кальпы. К ним, в частности, относятся принципы *до:ри*, устанавливаемые Аматэрасу отдельно для Японии. Эти принципы, как считает Дзиэн, обуславливают особенности истории его страны, отличие от китайской истории. Представления о «родных» божествах *ками* являлись неотъемлемой частью догматического комплекса буддизма школы Тэндай [Трубникова 2009] и отразились в произведениях Дзиэна [Fedianina 2020, p. 107–110]. Например, Дзиэн так описывает необходимость появления помощников при государе: Дай-Дзингу:[11] и Великий бодхисаттва Хатиман[12], заключив неразрывный договор, вместе дали наставление [государю] «не испытывать недоверия к помощнику, поддерживающему государя». Это наставление определяло состояние мира или беспорядка в стране. Амано кояне-но микото [13] согласился с волей Аматэрасу о-миками «быть во дворце государя, охранять и защищать его» [Jien 1967, p. 329].

Аматэрасу по договоренности с другими божества устанавливают форму правления в Японии, наиболее подходящую для данного момента ухудшения кальпы. Эти формы правления при неизменном верховенстве дома государей стали основанием для выделения Дзиэном четырех периодов в истории Японии. Он указывает, что, согласно воле Аматэрасу и установленным ею принципам *до:ри*, государи в Японии правили:

1) единолично,

2) при поддержке помощника, а затем регента/канцлера,

3) как отрекшиеся государи (сохраняется регент/канцлер при действующем государе),

4) при помощи военных правителей сёгунов (и регентов/канцлеров) [Федянина 2021, с. 119–120].

---

[11] Дай-Дзингу: — богиня Аматэрасу, покровительница государева рода, названная так по месту расположения ее основного храма в Исэ, Исэ-дай-дзингу:, или Дай-Дзингу: (совр. Исэ дзингу: в преф. Миэ).

[12] Великий бодхисаттва Хатиман у Дзиэна выполняет, прежде всего, функцию охранителя государева рода.

[13] Ама (амэ)-но коянэ-но микото (天児屋命) — божество, покровительствующее роду Фудзивара. Один из спутников Ниниги-но микото, мифического первопредка императорского рода, внука богов, в мифе о сошествии его на землю для управления Японией.

Правление государынь приходится на второй период. Дзиэн считает, что в первый период, когда государи правили единолично, было правильное наследование: от отца к сыну. Этот период по времени почти полностью соответствует первому же периоду в иной классификации Дзиэна, основанной на соотношении скрытых и явных принципов *до:ри*. (Всего 7 таких периодов [Федянина 2021, с. 118–119].) В правления первых тринадцати государей, от Дзимму до Сэйму, скрытые и явные принципы *до:ри* находились в состоянии гармонии [Jien 1967, p. 325].

В историографии Японии существует проблема «восьми правителей», правивших после первого легендарного государя Дзимму [Суровень 1999, с. 90]. Проблема заключается в том, что эти государи, «возможно, были представителями нескольких генеалогических линий (может быть, боковых ответвлений царского рода), участвовавших в борьбе за власть и в связи с этим “попавших в историю” как претенденты на власть и важные лица в генеалогии знатных кланов» [Суровень 1999, с. 95]. Однако Дзиэн решает эту проблему так же, как и традиционная официальная историография. Он утверждает, что «от Дзимму до Сэйму, на протяжении 13 правлений, наследование в доме государей точно соответствовало истинному закону[14]» [Jien 1967, p. 148].

В правление 12-го государя Кэйко: государь впервые назначает помощника: «Кэйко: тэнно:. В это правление впервые назначают главного помощника государя *о:-оми*, Такэути-но Сукунэ» [Jien 1967, p. 49]. Такое назначение было связано с действием нового принципа *до:ри* и означало наступление периода, когда государь правил при поддержке помощника, а затем регента: «... по японским обычаям, заведенным с эры богов, в Японии государем может стать только человек из государева рода. … Однако поскольку государю трудно самому хорошо управляться с делами, было решено, что за ним должен стоять помощник под названием *о:-оми*, которой будет править страной, советуясь с государем [Jien 1967, p. 328–329].

В *Гукансё:* появление женских правлений Дзиэн также описывает как действие новых принципов *до:ри*, которые начинают действовать

[14] 正法, *сё:бо:*, — период Истинного Закона, одного из трех периодов в истории буддийского учения. Однако создается впечатление, что здесь речь идет не о периоде Истинного Закона как историческом периоде, выделяемом японскими буддистами, а о правильном, истинном законе в наследовании.

в новый период японской истории — начального дисбаланса явных и скрытых принципов. Это такие принципы, как правление государя при поддержке помощника (затем регента/канцлера), необходимость поддержать Закон государя Законом Будды[15], в период нарушения «правильного» наследования от отца к сыну [Jien 1967, p. 130].

Государям начинает помогать сначала помощник *о:-оми*[16], а затем регент[17]; государю уже может наследовать и внук, и дочь, и супруга; скрытые и явные принципы расходятся. Дзиэн так описывает это время: «От Тю:ай до Ко:нин, на протяжении 36 правлений, наследование тем или иным образом отклонялось [от прямой линии], в чем проявлялось действие иных принципов. В то время появились женщины-правительницы; правительницы Ко:гёку и Ко:кэн дважды восходили на трон и провозглашались государынями» [Jien 1967, p. 148].

Мудрый помощник поддерживал и корректировал любого правителя, независимо от его пола и способностей. Действие двух принципов — нарушение наследования и необходимость помощников — наиболее концентрированно выражено в следующей цитате: «Государыни Дзингу: и Ко:кэн были объявлены правительницами, будучи женами государей, матерями [будущих] государей. Когда пришло время править хорошим подчиненным-помощникам, не случайно на троне оказались женщины-правительницы. Они правили с кем-либо: при государыне Дзингу был Такэути, при государыне Суйко — Сё:току-тайси, при государыне Ко:гёку — Фудзивара Каматари [Jien 1967, p. 149].

Согласно Дзиэну, смена принципов *до:ри* привела к переходу от правления государей при поддержке помощника (регента/канцлера) к следующему периоду: правлению отрекшихся государей (при сохранении регентов/канцлеров). Это произошло, когда «наступил последний век» (世の末, *ё-но суэ*)», переход к которому ознаменовался правлением Го-Сандзё: (время правления 1068–1073). Го-Сандзё: решил, что «это плохой обычай, когда государи после отречения не

[15] Закон государя (*о:бо:*, 王法) — мирская власть и порядок. Закон Будды (*буппо:*, 仏法), — учение буддизма и дела буддийской общины.

[16] Согласно Дзиэну, первый *о:-оми* Такэути-но Сукунэ «был главным помощником шести государей и прожил более 280 лет. Место его захоронения неизвестно» [Jien 1967, p. 52]. То есть Такэути помогал государям Кэйко (12), Сэйму (13), Тю:ай (14), государыне Дзингу: (15), государям О:дзин (16), Нинтоку (17).

[17] При 18-м государе Ритю: «говорят, впервые назначено четыре главных помощника *о:-оми*» и «…возникает должность регента *сиссэй* (執政)» [Jien 1967, p. 52].

управляют страной в качестве бывших государей *дайдзё: тэнно:*» [Jien 1967, p. 188]. Однако необходимость в правлении женщин отпала гораздо ранее, чем возникло правление отрекшихся государей: «[Божества] соизволили создать такой порядок: не стало более женщин-правительниц, неподходящих для последних правлений, и тогда отца государевой супруги стали назначать секретарем при особе государя *найран*, и привлекать к делам, а женщины не только завершали [дела в] этой стране, но и обеспечивали почтение родителям и благодарность за их милости» [Jien 1967, p. 149].

Заключение

В *Гукансё:* Дзиэн повествует о семи государынях, которые играли значительную роль в истории древней Японии почти до конца периода Нара, то есть до смерти государыни Ко:кэн (Сё:току) в 770 г. н. э. Дзиэн пишет о них в «Хронологии японских правителей» (свиток 1), а также описывает их правления в свитке 3.

К женщинам-правительницам Дзиэн причисляет полулегендарную Дзингу:, которой нет в современной официальной линии наследования.

Дзиэн предлагает свою историческую теорию, созданную на основе философии японского буддизма. Эта теория объясняет закономерность правления государынь такими факторами (принципами-*до:ри*), как нарушение прямого наследования от отца к сыну и необходимость появления мудрых помощников при государях, которым «уже стало трудно править самим» [Jien 1967, p. 136]. Дзиэн называет эти правления государынь необходимыми на определенном этапе ухудшающейся кальпы, считает их способом приспособления к данному отрезку времени.

Приложение

Перевод отрывков из *Гукансё:*, описывающих правления японских государынь древности[18]

1

Из «Хронологии японских правителей» (Свиток 1)

<15> Дзингу:-ко:го:[19].

69 лет была регентом (摂政, *сэссё:*). <Занимает трон (即位, *сокуи*) в год *каното-ми*[20] в возрасте 32 лет. Живет 100 лет.>

Супруга государя Тю:ай. Государыня Дзингу: — дочь Окинага-но Сукунэ, сына О:цуцуки Мавака, который был сыном принца Хикоимавасу-но микото, сына государя Кайка. Мать — Кацураги-но Таканука-химэ. [Дворец Дзингу: —] Вакасакура-но мия в Иварэ в провинции Ямато.

Главный помощник *о:-оми* — Такэути-но Сукунэ.

Государыня Дзингу:, соизволив переодеться мужчиной, завоевала три страны: Силла, Когурё и Пэкчё, соблаговолила родить государя О:дзин и повелела Такэути охранять его. Братья О:дзина[21] устроили заговор. *О:-оми* Такэути разгромил их всех. Невозможно описать все подобные события при кратком перечислении правлений.

---

[18] Перевод выполнен по изданию [Jien 1967]. Скобками < > отмечен текст, который в оригинале написан более мелкими буквами, чем все остальные записи. Скобками [ ] отмечены комментарии, внесенные переводчиком.

[19] Государева супруга Дзингу: (神功皇后).

[20] 18-й год по китайскому календарю (辛巳). Согласно сайту Управления императорского двора, Дзингу: была правительницей в 200–270 гг. поскольку именно в 200-м году закончил править 14-й государь Тю:ай, а в 270 г. начал править 15-й государь О:дзин (https://www.kunaicho.go.jp/about/kosei/keizu.html). Д. А. Суровень указывает следующие даты ее правления: 363–389 гг. н. э. [Суровень 2015].

[21] Речь о принце Кагосака и принце Осикума, отцом которых был государь Тю:ай, а матерью — Онакацухимэ.

<34-я правительница> Суйко-тэнно:.

Правит 36 лет. <Занимает трон в год *мидзуэ-нэ*[22] в возрасте 40 лет. Живет 73 или 83 года.> Средняя дочь государя Киммэй. Супруга (后, *кисаки*) государя Бидацу. Мать та же, что и у Ё:мэй[23].

[Дворец Суйко-тэнно: —] Охарида-но-мия в провинции Ямато.

Первый главный помощник — *о:-оми* Сога Умако, что и прежде. <Он скончался в 5-ю луну 34-го года правления государыни.>

Сога Эмиси-но *оми*. <В тот же год назначен первым главным помощником *о:-оми*. Носит имя Тоюра. >

Взошла на трон после убийства Сусюна, как и замышлялось[24]. Принц Умаядо поселяется в Восточных покоях и занимается государственными делами[25]. Этот наследный принц — сын Ё:мэй, Сё:току-тайси. Он соблаговолил написать «Уложение в семнадцати статьях»[26].

---

[22] 49-й год по китайскому календарю (壬子). Рядом еще одна приписка: в год *мидзуно-то-уси* (癸丑), то есть 50-й год. Суйко правила в 592–628 гг.

[23] Ё:мэй (годы прав. 585–587) — 32-й государь согласно нумерации Дзиэна. Матерью Ё:мэй и Суйко была Китаси-химэ, дочь главного помощника *о:-оми* Сога Инамэ.

[24] Речь идет не только о замысле людей, интригующих по поводу наследования трона, но и о принципах *до:ри*, приведших к такому развитию событий в Японии. 33-го (32-го по современной официальной нумерации) государя Сусюн, или Судзюн (годы правл. ?–592) убил главный помощник *о:-оми* Сога Умако, однако к этому был причастен и Сё:току-тайси (574–622), он же принц Умаядо, который привел на трон государыню Суйко и стал при ней регентом. Дзиэн так поясняет суть принципов *до:ри,* приведших к убийсту Сусюна и возведении на трон Суйко: «Наверно, уже в древности людям казалось странным: почему главный помощник *о:-оми* Умако убил государя Сусюн и не понес никакого наказания. ... Совершенно непонятно, почему живший тогда Сё:току-тайси не принял никаких мер, а встал на сторону Умако. … Глубоко обдумав все это, я пришел к такому выводу: суть заключается в том, что Закон Будды призван охранять Закон Государя. В этих событиях проявились два принципа. Это принцип, согласно которому Закон Государя уже не может существовать без пришедшего к нам Закона Будды, несмотря на то, что когда-то его не было в нашей стране». [Jien 1967, p. 136].

Далее Дзиэн поясняет, что первый принцип (поддержка Закона Государя Законом Будды) проявился следующим образом: «Это Закон государя устранял плохих подданных, потому что они уничтожали Сокровище (宝), необходимое Закону государя. Именно этот подлинный Принцип *до:ри* объясняет суть произошедших событий». Здесь Сокровище — это «Три сокровища (драгоценности)» в буддийском учении: будда (достигший просветления), дхарма (буддийский Закон) и сангха (буддийская община). Сога Умако и принц Сё:току-тайси поддерживали Закон Будды, и, тем самым, правильное правление в стране.

[25] В Восточных покоях проживал наследный принц. Выражение «поселиться в Восточных покоях» означает «стать наследным принцем».

[26] Традиционно, хоть и весьма спорно, приписывается Сё:току-тайси и не менее спорно датируется 604 г.

При нем были утверждены различные ранги[27]. Велись записи дел в стране[28]. После того, как принц скончался, положение в стране ухудшилось, и народ обеднел. Из Пэкчё были привезены рукописи по [составлению] календарей, астрономии. В правление государыни появились должности монахов: главный монах и глава монашеской общины[29]. Было определено положение буддийских храмов, монахов и монахинь.

<36-я правительница> Ко:гёку-тэнно:.

Правит 3 года. <[Становится государыней] в год *мидзуэ-тора*[30].>

Настоящее имя *имина* — Такара.

Правнучка Бидацу. Супруга-государыня прежнего государя Дзёмэй. У Бидацу был сын, принц Осисака-но О:э. Сын этого принца — принц Тину. Государыня — дочь этого принца. Мать — принцесса Киби-химэ <внучка государя Дзёмэй[31]>.

[Дворец Ко:гёку-тэнно: —] Кавара-но-мия в Асука в провинции Ямато.

Главный помощник *о:-оми* — Сога Эмиси-но оми.

В 12-ю луну 2-го года правления государыни сын Сё:току-тайси совершил самоубийство из-за событий, связанных с Ирука.

В это правление появились должности левого и правого министров. <Или они появилось в правление следующего государя?> Сын Тоюра-но оми, Сога Ирука, управлял страной. Он поступал плохо, и принцы восстали против него. В это правление принц Нака-но О:э <будущий государь Тэнти> и Накатоми-но Камако <будущий

---

[27] Система рангов (冠位, *ко:бури курай*), на которые разделялась японская придворная и местная знать по образцу китайской чиновничьей бюрократии. Это система рангов устанавливала 12-уровневую иерархию, где каждому уровню (рангу) соответствовали определенные цвета головных уборов и набор аксессуаров. Первая японская чиновничья система китайского типа (603 г.).

[28] Исида и Браун предполагают, что это были ныне утерянные «Записи о минувших делах» (*Кудзики*), возможно, доступные составителям ранних хроник [Brown, Ishida (eds.) 1979, p. 264].

[29] Главный монах (僧正, *со:дзё:*), верхняя ступень в должностной иерархии буддийских монахов на государственном уровне. Следующая должность — глава монашеской общины (僧都, *со:дзу*).

[30] 39-й год по китайскому календарю (壬寅). Ко:гёку правила в 642–645 гг.

[31] В тексте указано «Дзёмэй», однако она была внучкой императора Киммэй, дочерью принца Сакураи.

Тайсёккан[32]> сговорились и убили Ирука. Его отец, *о:-оми* Тоюра, поджег свой дом и сгорел вместе с ним. Говорят, что в том доме было много документов по истории Японии, и все они сгорели. Этот *о:-оми* стал грозным демоном (大鬼).

После трех лет правления государыня уступила трон своему младшему брату.

<38-я правительница, повторно> Саймэй-тэнно:.

Правит 7 лет. < [Занимает трон в] год *киното-у* [33].>

Ко:гёку второй раз взошла на трон [под именем Саймэй] и пребывала в Окамото-но мия в провинции Ямато. Но сначала она изволила переехать в Кавара-но мия в Асука [34].

Эта правительница сначала соизволила родить ребенка от принца Такамуко, внука Ё:мэй. Затем, став супругой (后) государя Дзёмэй, соблаговолила родить трех детей.

В конце правления этой государыни умирало много людей. Говорят, это происходило из-за духа Тоюра-но *о:-оми* [Сога Эмиси]. Говорят, люди видели, как его дух летал по небу верхом на драконе. В ночь, когда хоронили государыню, дух явился в большой шляпе, защищающей от непогоды и солнца, и наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Левый министр — чиновник пятого ранга *дайси*[35] Косэ Токо-но *о:-оми* <скончался в 1-ю луну 4-го года этого правления>.

Министр двора *найдайдзин* — чиновник 7-го ранга *тайкиндзё* Накатоми Камако-но *мурадзи*.

<41-я правительница> Дзито:-тэнно:.

Правит 10 лет. <[Занимает трон в] год *хиното-и*[36].>

---

[32] Название должности, по которой часто называют Фудзивара Каматари (614–669), родоначальника Фудзивара. Здесь он назван по имени, которое было у него до принятия фамилии Фудзивара — Накатоми Камако. Он занимал высочайшую должность *тайсёккан* (大織冠), которой впоследствии соответствовал старший первый ранг. *Тайсёккан* означает «большой тканый венец», т. е. головной убор, который полагался обладателю этой должности.

[33] 52-й год по китайскому календарю乙卯. Саймэй правила в 655–661 гг.

[34] Саймэй взошла на трон во дворце Итабуки-но мия (Асука) в 655 г., в тот же год из-за пожара переехала во дворец Кавара-но мия (Асука), а в 656 г. — в Окамото-но мия (Ямато).

[35] Дайси (大柴) — пятый из 19 рангов в действовавшей на тот момент системе рангов для чиновников (введена в 649 г.).

[36] 24-й год по китайскому календарю (丁亥). Дзито: правила в 686–697 гг.

Ее настоящее имя *имина* — Уно. Вторая дочь Тэнти. Супруга-государыня (妻后, *цума гисаки*) Тэмму. Мать — Оти-химэ. <Дочь министра Сога Ямада Ямада Исикавамаро.>

[Дворец Дзито:-тэнно: —] Киёмихара-но мия в провинции Ямато.

Главный министр *дайдзё:дайдзин* — принц Такэси первого ранга *дзё:ко:*[37] . <Третий сын Тэмму. Назначен на должность в 5-й день 7-й луны 4-го года этого правления. Умер в 13-й день 7-й луны 10-го года этого правления.>

С этого времени возникает должность среднего советника *тю:нагон*. Кроме того, в то правление были также правый министр и старший советник *дайнагон*.

[Назначенный государем Тэмму] наследник [принц Кусакабэ] был жив, однако его мать взошла на трон раньше него. И поселила в Восточном дворце сына Кусакабэ, принца Кару.

В то время были девизы правления.

В начале правления государыни принц О:цу поднял мятеж и был убит.

В это правление продолжались оставшиеся 7 лет эры Сютё:[38]. Эра Тайка длилась 4 года[39]. <Началась в год *киното-хицудзи*[40].>

Церемония поднесения посохов *удзуэ*[41], обычай проводить стихотворные вечера с танцами *то:ка* [42] и др. начались в это правление.

В 3-й год Тайка государыня отреклась от трона в пользу назначенного ранее наследника и соизволила принять звание «бывшая госу-

---

[37] *Дзё:ко: ити* (浄廣一) — пятый из 12 рангов для членов императорской семьи, которые указывают на их более высокое положение по отношению к другим аристократическим семьям. Действовавшая система рангов была введена в 685 г. и помимо этих 12 рангов имела 36 рангов для чиновников не императорской семьи.

[38] Считается, что эра Сютё: (朱鳥) длились несколько месяцев, с 7-й луны по 9-ю луну — октябрь 686 г., и закончилась со смертью государя Тэмму. Следующие несколько лет, до 701 г., до эры Тайхо:, девизы правления не устанавливались.

[39] Тайка (大化) пишется так же, как и первый официальный девиз правления 645–650 гг. Во времена Дзито: это был не официальный, а личный девиз правления.

[40] 32-й год по китайскому календарю (乙未).

[41] Церемония *удзуэ* (卯杖) — заимствованная из Китая церемония подношения в первый день зайца 1-й луны в новом году посоха из деревьев персика, сливы, камелии и т. д. для отпугивания злых духов. В правление Дзито: обряд находился в ведении Управления образования (*Дайгакурё*:).

[42] *То:ка*, или *сэтиэ* (踏歌, 節会) — один из новогодних обрядов, которые длились более двух недель. Заключался в том, что в 1-ю луну перед государем исполняли стихотворения (песни) и танцы.

дарыня *дайдзё: тэнно:*». Тогда впервые появилось это звание. После этого она здравствовала еще 4 года.

<43-я правительница> Гэммэй-тэнно:.

Правит 7 лет.[43]

Ее настоящее имя *имина* — Абэ. Наследует трон (受禅) в 15-й день 6-й луны 4-го года эры Кэйун [44]. <[Становится государыней] в 46 лет. Живет 61 год.>

Четвертая дочь Тэнти, матушка Момму, наложница (女御, *нё:го*) наследного принца Кусакабэ. Мать — Сога-химэ. <Дочь Сога Ямада-но *о:-оми*>

[Дворец Гэммэй-тэнно: —] Нара-но мия в провинции Ямато.

Главный министр *тидайдзё:кандзи*[45] — принц крови Ходзуми-синно:.

Левый министр *садайдзин* Исоноками Маро:.

Правый министр *удайдзин* Фудзивара Фухито <Назначен на должность в 21-й день 3-й луны 1-го года эры Вадо:.[46]>

Эра Вадо: длилась 7 лет. <Началась в год *цутиноэ-сару*[47].> Девиз правления был изменен [на Вадо:] в 11-й день 1-й луны.

Когда скончался Момму, [будущий государь] Сё:му был еще мал, поэтому перед ним взошла на трон государыня Гэммэй.

<44-я правительница> Гэнсё: (Гэнсэй)-тэнно:.

Правит 9 лет.[48]

Ее настоящее имя *имина* — Хитака. Занимает трон в 35 лет.

Дочь наследного принца Кусакабэ. Тэнти, матушка Момму, наложница наследного принца Кусакабэ. <Старшая сестра государя Момму.> Матушка — государыня Гэммэй. <Та же, что и у Момму. >

[Дворец Гэнсё:-тэнно —] также в Нара-но мия.

Главные министры *тидайдзё:кандзи* — принц крови Ходзуми-синно: <скончался в 13-й день 7-й луны 1-го года эры Рэйки[49]>, принц

---

[43] Гэммэй правила в 707–715 гг.

[44] 707 г.

[45] *Тидайдзё:кандзи* (知太政官事) — высочайшая должность, существовавшая в первой половине VIII в. помимо установленных законом кодексов *Тайхо: Ё:ро: рицурё:*.

[46] 708 г. Эра Вадо: — 708–715 гг.

[47] 45-й год по китайскому календарю (戊申).

[48] Гэнсё: правила в 715–724 гг.

[49] 715 г. Эра Рэйки — 715–717 гг.

крови Тонэри-синно:. <Третий сын государя Киёмихара. Назначен на должность в 1-й день 8-й луны 4-го года эры Ё:ро:.[50]>

Левый и правый министры те же, что и прежде.

Старший советник *дайнагон* — Фудзивара Мотимаро.

Советник *санги* — Фудзивара Фусасаки. <Эти двое — сыновья господина Танкай-ко:.[51] >

Фухито <Назначен на должность в 21-й день 3-й луны 1-го года эры Вадо:.[52]>

Эра Рэйки длилась 2 года. <Началась в год *киното-у*[53].> Девиз правления был изменен [на Рэйки] в 3-й день 9-й луны. В этот день государыня взошла на трон.

Эра Ё:ро: длилась 7 лет. <Началась в год *хиното-ми*[54].> Девиз правления был изменен [на Ё:ро:] в 17-й день 21-й луны.

Министр Фухито скончался в 3-й день 8-й луны 4-го года эры Ё:ро: в возрасте 62-х лет. <Посмертное имя — господин Танкай-ко:.>

После того, как министр Фухито заболел, о нем хорошо заботились, потому что он был дедом [будущего государя] Сё:му с материнской стороны. Посмертно ему дарована должность главного министра *дайдзё:дайдзин*.

<46-я правительница> Ко:кэн-тэнно:.

Правит 10 лет.[55]

Ее настоящее имя *имина* — Абэ. Занимает трон в 30 лет. Дочь Сё:му. Мать — государыня Ко:мё:. <Она также дочь господина Танкай-ко:.>

[Дворец Ко:кэн-тэнно: —] также в Нара-но мия.

Левый министр *садайдзин* — Татибана Мороэ. <Во 2-ю луну 8-го

---

[50] Государь Киёмихара — Тэмму. Назван так по месту своего пребывания — дворцу Киёмихара-но мия. 720 г. Эра Ё:ро: — 717–723 гг.

[51] Танкай-ко: (淡海公) — посмертное имя Фудзивара Фухито (659–720). Последний иероглиф, 公, использовался для вежливого обращения к людям, занимавшим должность министра. Происходит от кит. «три министра» (三公, *санко:*): так называли в чжоуском Китае трех человек на трех высочайших министерских должностях. Со временем значение форманта «ко:» изменилось: с конца периода Хэйан до периода Эдо «ко:» называли высокопоставленных людей безотносительно к их должности.

[52] 708 г.

[53] См. прим. 33.

[54] 54-й год по китайскому календарю (丁巳).

[55] Ко:кэн правила в 749–758 гг.

года Тэмпё:-Сё:хо:[56] он подал прошение об отставке, которое было удовлетворено.>

Правый министр *удайдзин* — Фудзивара Тоёнари. <Назначен на должность в 14-й день 4-й луны 1-го года эры Тэмпё:-Сё:хо:[57]. В 1-й год [Тэмпё:-]Хо:дзи[58] переведен на должность левого министра. Во 2-й день 7-й луны отправлен в ссылку из-за причастности к некоторым делам: он благоволил Накамаро[59].>

Великий хранитель *тайхо*[60] — Фудзивара Эми Осикацу. <Его первое имя — Накамаро; второй сын [Фудзивара] Мутимаро. Назначен на должность правого министра в 19-й день 5-й луны 1-го год эры [Тэмпё:-]Хо:дзи. При этом сохраняет должности министра Управления дворцом, почетного министра, старшего военачальника Средней стражи государя. Во 2-й год [61] название должности меняется с «правого министра» на «великого хранителя». Это происходит в 25-й день 8-й луны. В тот же день государевым указом после родового имени добавляется имя Эми, состоящее из двух иероглифов «благоволение» и «красота» (恵美), имя Накамаро заменяется на Осикацу[62]; даруются дворы в кормление размером 100 *тё:*[63].

Во 2-й день 7-й луны 1-го года эры Тэмпё:-Кампо:[64] государыня взошла на трон.

---

[56] 756 г. Эра Тэмпё:-Сё:хо: — 749–757 гг.

[57] 749 г.

[58] 757 г. Тэмпё:-Хо:дзи — 757–765 гг.

[59] В тексте указан Накамаро (仲麿), однако, вероятнее, это Нарамаро (良麿 или 良麻呂), пользовавшийся поддержкой Фудзивара Тоёнари в так называемой «Смуте Татибана Нарамаро». Фудзивара Накамаро (706–764), также Эми Осикацу, позднее, в 764 г. планировал заговор против бывшей государыни Ко:кэн и монаха До:кё:, но потерпел неудачу.

[60] Великий хранитель (大保, *тайхо*) — китаизированное название должности правого министра, введенное Фудзивара Накамаро. Во времена сосредоточения власти в руках Накамаро, увлекавшегося передовой материковой культурой, многие названия учреждений и должностей были переименованы на танский лад.

[61] 758 г.

[62] Таким образом, вместо имени Накамаро (仲麿) появляется имя Эми Осикацу (恵美押勝).

[63] Дворы в кормление (封戸, *фуко)* — согласно законам *Тайхо: Ё:ро:-рё:* (закон 10, ст. 8), это податные дворы, отдававшиеся в кормление крупным сановникам. Подать и рабочая повинность с крестьян этих дворов целиком шли чиновнику; половина поземельного налога платилась в казну, половина — владельцу, к которому они были приписаны. 1 *тё:* примерно равен 9917,36 м² или 0,992 га.

[64] 749 г. Эра Тэмпё:-Кампо: — 4-я луны 749 — 7-я луна 749.

Эра Тэмпё:-Сё:хо: длилась 8 лет[65]. <Началась в год *цутиното-уси*[66].>

На это правление пришлись два первых года эры Тэмпё:-Хо:дзи[67]. <Началась в год *хиното-тори*[68].> Девиз правления был изменен [на Тэмпё-Хо:дзи] во 2-й день 8-й луны. >

Эра Тэмпё-Кампо: началась в 4-й день 4-й луны, однако уже во 2-й день 7-й луны этого же года девиз правления вновь сменили на Тэмпё:-Сё:хо:. Наверное, поэтому в хрониках правлений японских государей обычно не упоминают этот девиз.

В То:дай-дзи провели церемонию с участием 10000 монахов[69]. В те же времена в государевом дворце загадочно появилась надпись «мир и спокойствие в стране».

События, случившиеся во время этого правления, подробно описаны в другом свитке.

<48> Сё:току.

Правит 5 лет.

<Занимает трон в 53 года.>

Ко:кэн второй раз взошла на трон [под именем Сё:току] в 53 года. Скончалась в 57 лет. [70] <Говорят, ей было 57 лет.> Второй раз государыня взошла на трон в 1-й день 1-й луны 9-го года эры Тэмпё:-Хо:дзи[71].

Главный министр *дайдзё:дайдзин* — учитель медитации До:кё:. <Во 2-й год эры Тэмпё:-Дзинго[72] До:кё: пожаловали ранг Царя Закона (法皇, *хо:ко:*).>

Левый министр *садайдзин* — Киби Макиби. <Сын Симоцумитино асон Куникацу, младшего командира Левой охраны государя. Киби Макиби был также Старшим военачальником Средней стражи государя.>

---

[65] См. прим. 56.

[66] 26-й год по китайскому календарю (己丑).

[67] См. прим. 58.

[68] 34-й год по китайскому календарю (丁酉).

[69] Мандзо:э (万僧會) — церемония освящения статуи Будды, так называемая церемония «Открытия глаз» (開眼供養, *кайгэн куё:*), на которой присутствовали 10000 монахов. Проходила в Главном павильоне монастыря То:дай-дзи в 752 г., когда в нем освящали 30-метровую бронзовую статую сидячего будды Вайрочаны.

[70] Сё:току правила в 764–770 гг.

[71] 765 г.

[72] 766 г. Эра Тэмпё:-Дзинго — 765–767 гг.

Старший советник *дайнагон* — Фудзивара Мататэ. <Третий сын [Фудзивара] Фусасаки. Умер в 16-й день 3-й луны 2-го года эры Тэмпё:-Дзинго.>

Эра Тэмпё:-Дзинго длилась 2 года. <Началась в год *киното-ми*[73].> Девиз правления был изменен в 7-й день 1-й луны.>

Эра Дзинго-Кэйун[74] длилась 3 года. <Началась в год *хиното-хицудзи*[75].> Девиз правления был изменен в 8-й день 8-й луны. >

Государыня скончалась в 4-й день 8-й луны 3-го года[76].

Государев указ Вакэ Киёмаро по поводу Царя Закона До:кё:. Дай-Дзингу: и Хатиман известили свою божественную волю в откровениях[77].

Первый год эры Тэмпё:-Хо:дзи пришелся на год *хиното-тори*[78].

Первый год правления Авадзи-хайтай[79] — *цутиноэ-ину*[80] [2-й год Тэмпё:-Хо:дзи][81]. Нет возможность писать об этом подробно. Не слухи ли это?

2
Свиток 3

[15. Дзингу:]

С Дзимму до государя Сэйму сменилось 13 правителей, и наследниками трона становились дети государей. 14-й правитель Тю:ай получил трон как внук 12-го правителя Кэйко:. Сэйму не соизволил иметь ребенка, и в 48 лет государь поселил в Восточных покоях Тю:ай. Младшего из близнецов, которых соблаговолил породить Кэйко:, звали Ямато Такэру-но микото. В тридцать лет он обернулся

---

[73] 42-й год по китайскому календарю (乙巳).

[74] Эра Дзинго-Кэйун — 767–770 гг.

[75] 44-й год по китайскому календарю (丁未).

[76] 769 г.

[77] В 769 г. До:кё: утверждал, что божество Хатиман из храма Уса на о. Кюсю желает, чтобы он, До:кё:, стал императором. По указу государыни Сё:току Вакэ Киёмаро отправился на Кюсю узнать волю Хатимана. Киёмаро вернулся с ответом, гласившим, что До:кё: родом не из императорской семьи и поэтому не может занять трон. Именно этот ответ оракула Дзиэн называет волей Аматэрасу (Дай-Дзингу:) и Хатимана.

[78] См. прим. 68.

[79] Авадзи-хайтай (淡路廢帝) дословно означает «правитель, сосланный в Авадзи» (провинция, в состав которой также входит одноименный остров). Этим словосочетанием стали называть государя Дзюннин, который правил в 758–764 гг., а затем был сослан в Авадзи за причастность к смуте Фудзивара Накамаро.

[80] 35-й год по китайскому календарю (戊戌).

[81] 758 г.

белой птицей, взмыл в небо и исчез. Тю:ай — его сын. Тю:ай соизволил взять в супруги государыню Дзингу:. Эта государева супруга (皇后) — дочь Окинага-но сукунэ, потомок государя Кайка в пятом поколении. Она носила в себе государя О:дзин, и сразу после смерти Тю:ай, который умер из-за наставления божества *ками* [82], велела ребенку задержать свое рождение. Будучи женщиной, она оделась мужчиной, напала на три страны: Силла, Когурё, Пэкчё. Потом она вернулась на Цукуси (Кюсю), и, прислонившись к софоре в Умэ-но мия, соизволила родить государя О:дзин. Государыня Дзингу: была после Тю:ай, и она поселила в Восточном дворце О:дзина и на протяжении 69 лет правила страной как регент. После ее смерти О:дзин в 41 год взошел на трон и занимал его до ста лет. По наставлению божества *ками* Тю:ай собирался напасть на Силла и другие страны, но пока пребывал на Цукуси, внезапно умер.

Когда задумаешься над порядком [наследования] за это время, то становится очевидным, что наиболее соответствовал принципам *до:ри* порядок наследования первых 13 государей до Сэйму, которые правили страной сами, безо всяких помощников. Во времена Тю:ай появился Принцип *до:ри*, согласно которому власть должна была переходить к внуку, если у правителя не было сына. Получив наставление от *ками*, Тю:ай, внезапно умер и не выполнил наставление. Говорят, он умер потому, что не очень верил этим наставлениям, как это было и недавно. Почему государыня Дзингу:, нося в себе сына правителя, стала главнокомандующим (*тайсё:гун*) на войне? Почему, родив, она потом 60[83] лет смогла править страной? По-видимому, это свидетельствует о том, что нет принципа *до:ри*, который устанавливает что-либо неизменным. Есть принцип *до:ри*, подразумевающий, что необходимо ставить во главу врожденные способности человека, будь то мужчина или женщина; есть также принцип *до:ри*, предписывающий, что пока жива мать-государыня, следует на нее полагаться и проявлять сыновнюю почтительность.

[34. Суйко]

Во времена 36-летнего правления государыни Суйко в Восточных покоях пребывал Сё:току-тайси. Несмотря на то, что государь Сусюн

[82] Божество явилось государю Тю:ай и повелело ему идти на Силла. Тю:ай засомневался в словах божества, за что был наказан: вскоре умер.

[83] Ранее указывалось 69 лет.

был убит, [Сё:току-тайси и Суйко] правили страной мудро. В 16 лет Сё:току-тайси, единый в своих помыслах с главным помощником *о:-оми* Сога, сразился с министром Мория[84], недовольным Законом Будды и не принявшим его, и победил. С тех пор в нашей стране начал распространяться Закон Будды, который процветает по сей день.

…

Другой принцип *до:ри*, действующий в мире, — это замена несущественного принципа главным. Это проявилось в государыне Суйко, которая была младшей сестрой и женой Бидацу; их отцом был Киммэй. Как же могла сестра стать женой? Наверно, в те времена и еще раньше это не считалось зазорным. Правило не жениться на сестре установилось позднее, с приходом Закона Будды и других законов. Суйко, следуя примеру правительницы Дзингу:, должна была занять трон [после смерти Бидацу как его супруга]. Несмотря на это на троне оказался отец принца Сё:току, Ё:мэй, которого сочли более подходящим. Однако он правил менее двух лет. По-видимому, принц Сё:току это предвидел. Он не мог предотвратить восшествие Сусюна на трон, и тому было позволено стать правителем. И все же по лицу государя принц предсказал: «Правление будет недолгим. Случится вооруженное столкновение. Это хорошо видно по глазам». Сусюн не поверил предсказанию. Он убил кабаненка и произнес заклятье: «Так будет с тем, кто питает ко мне ненависть».

После него правила государыня Суйко, а принц Сё:току был при ней регентом. Принцип *до:ри*, согласно которому Закон Будды охраняет Закон государя, действовал в то время и преобладал над другими. Наверно, люди тогда думали, что главный помощник *о:-оми* Умако поступил хорошо, когда убил государя Сусюн. Я не знаю точно, но полагаю, что принципы *до:ри* требовали и причастности Суйко к этим делам. Установился принцип *до:ри*, согласно которому Закон

---

[84] Мононобэ Мория (?–587) был главным управителем *о:мурадзи* во времена правления 31-го государя Бидацу. «В это правление из Пэкчё привезли буддийские сутры и монахинь. Управитель Мория сжег статую Будды и разогнал буддийских монахов. В этот день с безоблачного неба шел дождь. По всей стране люди, кроме правителя и министров, заболели тяжелой кожной болезнью. Это случилось из-за того, что были уничтожены буддийские сутры. Только главный помощник *о:-оми* Сога поклонялся останкам Будды (舍利), почитая так Закон Будды» [Jien 1967, p. 59]. В правление 32-го государя Ё:мэй-тэнно: «…Мория сразился с Сё:току-тайси. Главный помощник *о:-оми* Сога Умако и принц Сё:току были едины в своих помыслах. Они разбили всех [своих врагов], прежде всего Мория, и после этого Закон Будды стал процветать» [Jien 1967, p. 59].

Будды и Закон государя переплелись и шли вместе. Наверно, принц Сё:току понял это и принял как должное, ничего не говорил, а только наблюдал за действиями подданных. Поэтому события развивались в соответствии с принципом *до:ри*, и в таком ключе они совершенно понятны. Однажды соприкоснувшись, Закон Будды и Закон государя и в дальнейшем не противоречили друг другу.

[36. Ко:гёку]

После этого появился дом подчиненных, который должен был управлять страной[85]. Тогда же Аматэрасу о:миками договорилась с пресветлым божеством из Касуга, Амэ-но Коянэ, что оно станет прислуживать в покоях государя и оберегать его. И поэтому наступил период, в который дом подчиненных должен был помогать правителю. Родился *Тайсёккан* [Накатоми-но Камако], ставший преемником принца Сё:току. Во времена государыни Ко:гёку в Восточном дворце пребывал [будущий] государь Тэнти. Они вместе с *Тайсёккан* собственноручно на дворцовом пиру отрубили голову Ирука, который силой управлял страной. Стало понятным, что с тех пор начал проявляться замысел [Аматэрасу]: правители страны не могут более править силой своего авторитета, это вызывает все новые беспорядки в стране, и управление, осуществляемое помощниками государя, было поддержано силой Закона Будды. В связи с этим такой порядок управления сохраняется до сегодняшних дней.

Ко:гёку, праправнучка Бидацу, супруга Дзёмэй, соизволила родить государя Тэнти, поселила его в Восточном дворце, а затем сама заняла трон. В этом она, очевидно, следовала примеру государыни Дзингу:. Далее трон должен был наследовать Тэнти, однако его опередил государь Ко:току, дядя Тэнти и младший брат Ко:гёку.

[38. Саймэй (Ко:гёку)]

Затем мать Тэнти снова заняла трон на семь лет, и на этот раз ее называли Саймэй. Она стала первой, кто восходил на трон дважды. Тэнти был преисполнен сыновней почтительности, поэтому занял трон только через семь лет [после смерти Ко:току], когда скончалась его матушка-государыня.

---

[85] Речь идет о доме регентов Фудзивара.

[41. Дзито:]

Тэнти дал предсмертное распоряжение, чтобы на трон взошли его непосредственные ближайшие потомки, две правительницы, Дзито: и Гэммэй. И следом за [Тэмму] трон заняла государыня Дзито:. Она стала правительницей. Она была второй дочерью Тэнти. А со временем стала супругой Тэмму и родила государю сына. Его назвали принц Кусакабэ и поселили в Восточном дворце. Однако вскоре после того, как его мать заняла трон, наследный принц Кусакабэ, пребывавший в Восточном дворце, скончался. Скорбя об этом, государыня поселила в Восточном дворце его сына, [будущего] государя Момму. Во времена государя Момму появился девиз правления «Тайхо:», и с того времени по сей день девизы правления не прекращаются.[86] После того, как Момму стал государем, он даровал почетное звание «бывшая государыня *дайдзё: тэнно*» [бывшей] правительнице Дзито:. Это звание было даровано впервые.

[43. Гэммэй]

У Момму был сын, [будущий] государь Сё:му, однако сразу вслед за Момму правили две государыни: Гэммэй и Гэнсё:. Гэммэй была дочерью Тэнти и матерью Момму. Гэнсё: — старшая сестра Момму. Их мать стала государыней Гэммэй, и вслед за этим Сё:му поселился в Восточном дворце. Его матушка была внучкой *Тайсёккан*, дочерью министра Фухито. Начиная с нее, матери всех правителей страны были потомками *Тайсёккан*. Среди жен государей иногда случайно оказывались другие женщины, однако матерью правителей всегда по сей день являются представительницы рода Фудзивара. Пребывая в Восточном дворце, Сё:му правил страной. Во времена Гэммэй он был еще мал, но в конце ее правления уже вел дела государства.

[44. Гэнсё:]

Во времена государыни Гэнсё: Момму также пребывал в Восточном дворце. В ее правление он снабдил чиновников жезлами[87], рег-

---

[86] В первом свитке Дзиэн указывает, что первый девиз правления появился раньше, во времена 37-го государя Ко:току: «Во времена этого государя появились девизы правлений: эра Тайка — 5 лет, эра Хакути — 5 лет» [Jien 1967, p. 63].

[87] Жезл (笏, *сяку*) — деревянная табличка длиной около 30 см., которая являлась частью парадного костюма придворного. Являясь во дворец, придворные держали жезл в правой руке. Упоминается в своде законов *Тайхо:рё:* («Законы годов Тайхо:)» (701–702).

ламентировал придворную женскую одежду, определил число лиц, которые становятся монахами и монахинями[88]. В 25-летнем возрасте, в 4-й день 2-й луны 8-го года эры Ё:ро:, в 1-й год по китайскому календарю *киноэ-нэ* [724 г.] Сё:му провозгласили государем (即位) во дворце Великого предела Дайгоку-дэн.

[46. Ко:кэн /48. Сё:току]

[У Сёму] не было сына. Он уступил трон дочери в годы Тэмпё:-Сё:хо:, и после этого прожил 8 лет[89]. Его дочь — государыня Ко:кэн. В ее правление Великий бодхисаттва Хатиман известил в откровении, чтобы его почитали в храме То:дай-дзи, и его перевезли из Уса [на о. Кюсю] в столицу. В те времена отрекшийся государь Сё:му, его супруга и правящая государыня Ко:кэн соизволили пойти на поклонение в храм То:дай-дзи. Во Внутреннем дворце *Дайри*[90] неожиданно появилась надпись «Великий мир в Поднебесной».

Сё:му освободил трон и жил еще 8 лет как бывший государь. После этого в соответствии с его последней волей государыня Ко:кэн назначила наследным принцем внука государя Тэмму, принца Фунадо, главу Министерства придворных церемоний и гражданских чинов, который был сыном принца крови первого ранга Ниитабэ-*синно:*. Однако наследник совсем не соизволил думать о том, как себя вести. Он не позаботился даже о церемониальной службе[91] в честь Сё:му. В делах он не следовал приказам государыни, поэтому его лишили положения наследного принца. Государыня собрала многих приближенных и совещалась с ними, кого назначить себе в преемники. Решили поселить в Восточном дворце принца О:и. Только государыня передала ему трон, как принц О:и, одержимый злым умыслом, сговорился с министром Эми [92] и задумал недоброе против Ко:кэн. Поэтому она забрала у него трон, сослала его в провинцию Авадзи и второй раз стала государыней. Именно этого правителя называют Авадзи-хайтай.

---

[88] Законы *Тайхо:рё:* регламентируют придворные одежды (не только женские), а также число лиц, ежегодно становящихся монахами.

[89] Годы жизни 45-го государя Сё:му 701–756, годы правления 724–749.

[90] Внутренний дворец Дайри — место проживания государя на территории комплекса Большого императорского дворца, Дайдайри.

[91] Памятная буддийская служба в годовщину смерти усопшего (追善, *цуйдзэн*).

[92] Фудзивара Накамаро. См. прим. 59 и 60.

Во второй раз Ко:кэн стала величаться государыня Сё:току. Эта правительница благоволила к монаху по имени До:кё:, сделала его Царем Закона, а других монахов заставила заниматься мирскими чиновничьими делами. Много нехорошего случилось. До:кё: похитил благосклонность государыни к министру Эми, и дело обернулось плохо. Государыня не просто была человеком. Есть предание о ней и статуе Каннон с непустыми силками в храме Сайдай-дзи[93]. Об этом много говорили, однако впоследствии никто не повторял подобного. Следует понимать, что все эти дела вершились воплощением бодхисаттвы в человеческом теле. На этот раз государыня занимала трон 5 лет и скончалась в возрасте 53 лет.

Библиографический список

Дьяконова Е. М. (2000) О:*кагами* — Великое зерцало. И*стория средневековой Японии* в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Предисловие. *О:кагами — Великое зерцало.* Пер. с древнеяп., исслед. и комм. Е. М. Дьяконовой. СПб.: Гиперион.

Мещеряков А. Н. (2004) *Японский император и русский царь. Элементная база.* Москва: Этерна.

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. (2002) *История древней Япония.* Санкт-Петербург: Гиперион.

Рудой В. И. (2000) Категориальная структура буддийского духовного универсума. *Категории буддийской культуры.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. С. 9–23.

Саркисов К. О. (2020) От монархического конституционализма — к тоталитарной системе: чему учит японский опыт трансформаций. В сб.: Стрельцов Д. В. (ред.) *Япония в эпоху великих трансформаций.* Москва: АИРО-XXI.

[93] Каннон с непустыми силками — одно из изображений Каннон (бодхисаттва Авалокитешвара) с силками или сетью, которые улавливают живых существ для их спасения. Сайдай-дзи — буддийский храм, построенный в 765 г. в Нара в пару То:дай-дзи по указу государыни Сё:току. В нем находились статуи Четырех Небесных царей, а не Каннон. В *Фусо рякки («Краткая хронологическая история Японии»*, начало XII в.) рассказывается, как отливали статуи Четырех Небесных царей для Сайдай-дзи. Три вышли удачными, а четвертая никак не получалась. Тогда государыня Сё:току обратилась к Будде: если ей суждено стать буддой, то пусть с ее рукой ничего не случится, когда она опустит ее в расплавленную медь для отливки этой статуи. С ее рукой ничего не случилось, а статуя на этот раз вышла удачной. [Jien 1967, p. 402]. Отсюда Дзиэн заключает, что она — воплощение бодхисаттвы.

Суровень Д. А. (1999) Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина). *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 1999. № 13. С. 89–113.

Суровень Д. А. (2015) О хронологии правлений Окинага-тарасихимэ (государыни Дзингу:) и Хомуда-вакэ (государя О:дзина). *Genesis: исторические исследования*. № 6. С. 1–226. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16206 (дата обращения 18.08.2021).

Трубникова Н. Н. (2009) Учение об «исконной просветленности» и осмысление природы «родных богов» в японской философской мысли. *Вопросы философии*. № 12. С. 116–126.

Федянина В. А. (2021) Философско-методологические основания периодизации японской истории в работах монаха Дзиэн (1155–1255). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 61. С. 117–125.

References

Brown, D., Ishida, I., (eds.). (1979). *Gukanshō; The Future and the Past.* Berkeley: University of California Press.

D'yakonova, E. (2000). Ōkagami — Velikoe zertsalo. Istoriya srednevekovoi Yaponii v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. Predislovie [The Great Mirror. The History of Medieval Japan in the Biographies of Its Main Figures. Preface]. In E. D'yakonova (trans. & ed.), *Ōkagami — Velikoe zertsalo* [The Great Mirror] (pp. 5–36). St. Peterburg: Giperion. (In Russian).

Fedianina, V. (2020) Conceptions of Kami in the Writings of Tendai Monk Jien. In Pye, M. (ed.), *Exploring Shinto*. Equinox Publishing, United Kingdom. p. 104–120.

Fedianina, V. (2021). Filosofsko-metodologicheskiye osnovaniya periodizatsii yaponskoi istorii v rabotakh monakha Dziena (1155–1255) [Jien's Periodization of the History of Japan: The Philosophical Underpinnings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 61, 117–125. (In Russian).

Jien. (1967). Gukanshō [Miscellany of Ignorant Views]. In *Nihon Koten Bungaku Taikei* [Collection of Japanese Classical Literature], Vol. 86. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Meshcheryakov, A., Grachev, M. (2002) Istoriya drevnei Yaponii [The History of Ancient Japan]. St. Peterburg: Giperion. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (2004) Yaponskii imperaror i russkii tsar' [Emperor of Japan and Tsar' of Russia]. Moscow: Eterna. (In Russian).

Renchūshō [Palace records] (2001). Tōkyōdaygaku fuzoku toshokan [Main Library, Kyoto University]. Retrieved August 18, 2021, from https://rmda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00008020#?c=0&m=0&s=0&cv=0&r=0&xywh=-4623%2C-115%2C12317%2C2275(In Japanese).

Rudoi, V. (2000). Kategorial'naya struktura buddiyskogo dukhovnogo universuma [The Categorical Structure of the Buddhist Spiritual Universe]. In E. P. Ostrovskaya (ed.), *Kategorii buddiyskoi kul'tury* [Categories of Buddhist culture] (pp. 9–23). St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian).

Sarkisov, K. (2020). Ot monarkhicheskogo konstitutsionalizma k totalitarnoi sisteme: chemu uchit yaponskii opyt transformatsii [From Monarchical Constitutionalism to a Totalitarian System: What the Japanese Experience of Transformations Teaches]. In D. Strel'tsov (ed.), *Yaponiya v epokhu velikikh transformatsii* [Japan in the Era of Great Transformations] (pp. 17–76). Moscow: AIRO-XX. (In Russian).

Suroven', D. (1999). Problema perioda «vos'mi pravitelei» i razvitie gosudarstva Yamato v tsarstvovaniye Mimaki (gosudarya Sudzina) [The Problem of the Period of the 'Eight Rulers' and the Development of Yamato in the Reign of Mimaki (Emperor Sujin)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities], 13, 89–113. (In Russian).

Suroven', D. (2015). O khronologii pravlenii Okinaga-tarasi-khime (gosudaryni Dzingu:) i Khomuda-vake (gosudarya Ōdzina) [The chronology of the reigns of Ōkinaga-tarashi-hime (Empress Jingū:) and Homuda-wake (Emperor Ōjin)]. *Genesis: istoricheskyie issledovaniya* [Genesis: historical research], 6, 1–226. Retrieved August 18, 2021, from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16206 (In Russian).

Trubnikova, N. (2009) Uchenie ob "iskonnoi prosvetlennosti" i osmyslenie prirody "rodnykh bogov" v yaponskoi filosofskoi mysli [The Doctrine of "Primordial Enlightenment" and Understanding of the Nature of "Native Gods" in Japanese Philosophical Thought]. *Voprosy filosofii,* 12, 116–126.

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 297–319
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 297–319
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-297-319

«*Женская дуэль*»: литературные опыты Дадзай Осаму

Э. С. Шорохова

Аннотация. Будучи творцом жанра эго-романа *ватакуси-сё:сэцу*, Дадзай Осаму не ограничивался повествовательным материалом лишь автобиографического характера — в поисках новых сюжетов писатель нередко обращался к произведениям классической японской литературы, а также искал вдохновения в сочинениях западных, преимущественно европейских авторов.

В новелле «Женская дуэль» (1940), которая является литературной адаптацией одноимённого рассказа (1911) немецкого писателя Герберта Ойленберга, эго-беллетрист предпринял попытку создания принципиально нового (но по какой-то причине малозамеченного) для японской литературы феномена «адаптированной исповедальной метапрозы», которая, несмотря на многослойность жанровой специфики, продолжает цикл типичных для творчества Дадзай декадентских мотивов, и в то же время выходит за его рамки, обращаясь к характерным для непрерывно развивающейся японской литературы явлениям, свидетелем которых был писатель. Несмотря на то, что Дадзай не внёс никаких существенных изменений в сюжет оригинального произведения, ему удалось бросить своеобразный вызов характерным для натуралистической школы объективности и «отстранённости» описаний — если Ойленберг описывает своих героев от третьего лица, Осаму даёт слово каждому из них, превращая их в «проводников субъективности».

Как известно, Дадзай прочёл рассказ Ойленберга в японском переводе Мори Огай — общий сравнительный анализ особенностей оригинала и перевода, предложенный исследователем Кудзуми Кадзуо, заставляет предполагать, что первоначальной интенцией Огай мог быть вовсе не перевод, но создание адаптации, которая дополняла бы оригинальный текст, что, тем самым, ещё более усложняет жанровую композицию новеллы Дадзай. Последовательный анализ жанровых, композиционных и тематических особенностей новеллы-адаптации «Женская дуэль» позволяет несколько

отдалиться от устоявшегося образа Дадзай Осаму как писателя *эго-беллетриста* и, насколько возможно, исследовать характерную для него самобытность *литературного стилиста*.

Ключевые слова: Дадзай Осаму, литературная адаптация, *ватакуси-сё:сэцу,* метапроза, стилистика, образ *творца*, образ женщины, универсальный герой.

Автор: *Шорохова Эллина Сергеевна*, независимый исследователь.
E-mail: alice.perfectsoul@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Women's Duel: Dazai Osamu's Literary Experiments

E. S. Shorokhova

Abstract. Dazai Osamu, a *watakushi-shōsetsu* author, did not restrict himself to using only the "autobiographical" kind of literature materials. Seeking new plots for his writings, Dazai often referred to the stories of classical Japanese literature, and also tried to find an inspiration in Western literature, especially in works by European writers.

His work "Women's Duel" (1940), a literary adaptation of the eponymous story (1911) by a German author Herbert Eulenberg, became an attempt to create a novel literary phenomenon (which was somehow barely noticed by literary critics and scholars) of "adapted confessional metafiction". Although this work has a complicated genre structure, it still contains the majority of the typical themes of Dazai's writing and also discusses some tendencies in Japanese literature the writer himself witnessed. Although Dazai did not make any major changes to the plot of the original story, he managed to challenge the indifference and objectivity of descriptions that are typical for the literary school of naturalism. While Eulenberg is describing his characters in a third-person narrative, Osamu gives the floor to every character, making them play a role of "conduits of subjectivity".

As it is known, Dazai read the Japanese translation of Eulenberg's story made by Mori Ōgai. A comparative analysis of the original story and its Japanese translation made by the researcher Kuzumi Kazuo makes us assume that Ōgai's original intention was not to make a translation as such but rather to make an adaptation in order to expand the original text. This fact makes the genre structure of Dazai's work even more complicated.

A structured analysis of "Women's Duel" based on the explanation of the work's genre, compositional, and thematic features will let us take a step away from Dazai's image of a *watakushi-shōsetsu*'s writer and focus on his features of a distinctive *literary stylist*.

Keywords: Dazai Osamu, literary adaptation, *watakushi-shōsetsu*, metafiction, stylistics, *artist*'s image, woman's image, universal hero.

Author: *Shorokhova Ellina S.*, independent researcher.
E-mail: alice.perfectsoul@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Новелла «Женская дуэль» (*Онна-но кэтто:*, 女の決闘) Дадзай Осаму публиковалась в журнале Гэккан бунсё: (月刊文章) с января по июнь 1940 г.; в июне в издательстве Кавадэ Сёбо: также вышло её отдельное издание [Kuzumi 2004, p. 53]. Целевой аудиторией Гэккан бунсё: были юные литераторы, стремившиеся познать секреты литературного мастерства, поэтому в нём преимущественно публиковались произведения, в которых авторы рассуждают об акте литературного творчества [Ando 2019, p. 77].

В первой главе «Женской дуэли», предваряющей основное повествование, Дадзай ведёт глубоко характерный для его произведений «монологичный диалог» с читателем, на протяжении которого он «пролистывает» содержание шестнадцатого тома полного собрания сочинений Мори Огай (森鷗外, 1862–1922), включающего в себя переводы небольших рассказов таких немецких писателей, как Эрнст Теодор Вильгельм Гофман (1776–1822), Генрих фон Клейст (1777–1811), романистки Лолы Киршнер (1854–1934, известна под псевдонимом Осип Шубин), Вильгельма Шефера (1868–1952), Якоба Вассермана (1873–1934), Анны Круассан-Руст (1860–1943), и, наконец, австрийских прозаиков Артура Шницлера (1862–1931) и Карла Шёнгерра (1867–1943) [Dazai 1974, p. 30–32]. Наряду с названиями произведений и именами их авторов Дадзай цитирует первые строки из перевода каждого рассказа, рассуждая о чрезвычайной важности умело исполненного повествовательного «зачина» для успеха всего произведения, выражает глубокое уважение к творчеству Мори Огай и, наконец, останавливается на присутствующем в том же «переводном» томе рассказе Герберта Ойленберга (1876–1949) «Женская дуэль» (*Ein Frauenzweikampf*, 1911), который наиболее всего привлёк

его внимание и который станет основополагающим элементом дальнейшего развития сюжета произведения. Новелла состоит из шести глав и имеет «трёхслойную» повествовательную структуру [Ando 2019, p. 67]:

1) Полное цитирование оригинала Ойленберга в переводе Мори Огай;

2) «Внутритекстовые» дополнения Дадзай;

3) Пояснения Дадзай относительно особенностей и мотивов сделанных им дополнений в сочетании с критикой оригинала-перевода.

Как отмечает Андо Хироси, второй повествовательный слой позволил Дадзай вживить в фабулу новеллы образ *автора* (*сё:сэцука*, 小説家), а третий слой, обнаруживающий особенности акта *самотворения* или же процесса написания произведения, позволяет читателю принять непосредственное участие в затеянной писателем литературной игре [Ando 2019, p. 76].

Главной героиней рассказа Ойленберга, повествование в котором ведётся от третьего лица, является женщина по имени Констанция — жена некоего мужчины, которая, узнав о его измене с русской студенткой медицинского факультета, отправляет молодой девушке письмо с вызовом на дуэль. Накануне дуэли Констанция, впервые в жизни взяв в руку револьвер, практикует стрельбу под руководством хозяина оружейной лавки. В результате женщина убивает студентку, после чего убегает с места дуэли, бросив бездыханное тело девушки, и просит случайных прохожих заявить о совершённом ею преступлении в полицию. Попав в тюрьму, Констанция пишет несколько предсмертных писем, адресованных некогда посещавшему её пастору, — в них она раскрывает мотивы своего поступка и довольно откровенно описывает своё душевное состояние. Финал рассказа ознаменован смертью Констанции в тюремной камере, где она умерла, сознательно отказавшись от пищи.

Таков сюжет «Женской дуэли» Герберта Ойленберга. В переводе Огай, как пишет сам Дадзай, рассказ занимает всего лишь тринадцать страниц [Dazai 1974, p. 33]. В той же первой главе Осаму признаётся читателям в том, что, будучи невеждой, никогда ранее не слышал о таком немецком писателе — его попытки что-либо узнать об Ойленберге у знакомых знатоков немецкой литературы также не увенчались успехом, однако перед тем, как приступить к основному повествованию, он пишет следующее: «Отныне я бы хотел произвести различные

опыты с этим коротким тринадцатистраничным рассказом, поделив их на шесть частей, но если бы он принадлежал перу таких выдающихся авторов, как Гофман или Клейст, любые пояснения к нему были бы непростительны. В Японии есть пятьдесят тысяч страстных почитателей этих великих писателей — прикоснись я к их произведениям, меня, наверное, сразу нокаутируют. И не скажут, что я всего лишь допустил неосторожность. Но вот если взять господина Герберта — возможно, меня даже похвалят за то, что я вытащил из небытия непризнанного гения, что, конечно, будет обидно для господина Герберта» [Dazai 1974, p. 34–35]. В то же время Дадзай перечисляет три главнейшие особенности оригинального рассказа Ойленберга, которые и побудили его к написанию новеллы-адаптации: «Точное описание действительности, тонкость психологизма, пристальный взгляд на бога — этот рассказ действительно лучший в своём роде» [Dazai 1974, p. 35].

Осаму цитирует полный текст перевода оригинального рассказа, поделив его на шесть частей [Dazai 1974, p. 35–36, 37–38, 43–44, 51–52, 58–61, 62–64 и 71–74]. Но если в начале цитирования-повествования писатель чётко отделяет собственные строки от цитируемых посредством кавычек, по мере его развития эта граница становится всё более зыбкой, интегрируя дополнения Дадзай в сюжетное пространство оригинала. Отправной точкой для данной интеграции становится окончание одного из фрагментов оригинала-перевода, в котором Констанция, вернувшись домой из оружейной лавки, ложится в кровать, обнимая револьвер — порассуждав о беспристрастности и пугающей подробности описаний оригинала, Осаму заявляет: «Итак, отныне начинается Мой (DAZAI)[1] рассказ — прошу читателей быть к этому готовыми» [Dazai 1974, p. 39].

Однако исследовательница Окуни Маки обращает внимание на следующий эпизод оригинальной истории, предшествующий заявлению Дадзай: «Согласно наставлениям хозяина лавки, женщина попыталась спустить курок, однако он не двинулся с места. Хотя хозяин и велел ей сделать это одним пальцем, она тайком положила на курок два пальца и изо всех сил попробовала нажать. В тот момент в её ушах раздался звук выстрела. Пуля отскочила от земли в трёх шагах от неё, угодив в одно из окон. Окно рассыпалось вдребезги, но этот

[1] В «пояснениях» к сделанным дополнениям Дадзай обозначает себя как «Я (DAZAI)» (*Ватаси/Ватакуси,* 私(DAZAI)).

звук не достиг слуха женщины. Прятавшаяся где-то на крыше стайка голубей испуганно взмыла в небо, лишь на короткое мгновение погрузив во тьму и без того мрачный внутренний дворик лавки» [Dazai 1974, p. 38]. По мнению Окуни, именно пробитое пулей оконное стекло символизирует столкновение с оригинальным повествованием и проникновение «сквозь него», а тьма, которую стая голубей *разлила* по внутреннему дворику оружейной лавки всего лишь на одно мгновение, знаменует собой смену повествовательных измерений, иными словами — превращение истории Ойленберга в историю Дадзай [Okuni 2006, p. 12].

Сопоставление двух сюжетов позволяет выявить следующие дополнения, внесённые в оригинал кистью Осаму:

1) Если Ойленберг, как уже отмечалось ранее, ведёт повествование от третьего лица, причём обращается исключительно к видению Констанции, Дадзай предоставляет слово как её сопернице, русской студентке медицинского факультета, так и мужу Констанции. Сразу же после того, как девушка обнаруживает на своём столе письмо с вызовом на дуэль, к ней приходит потенциальный виновник происходящих событий — муж Констанции, который в интерпретации Дадзай является неким небезызвестным писателем.

2) Появление писателя также не ограничивается описанной выше сценой — в отличие от Ойленберга, в чьей «Женской дуэли» существование мужа Констанции имеет лишь символический характер, в «Женской дуэли» Дадзай он выступает и как главный герой за скобками, и как безучастный *наблюдатель* происходящего. Стилистический приём косвенного фокусирования повествования на главном герое довольно часто встречается в произведениях Осаму. Наиболее показательными примерами можно считать роман «Закатное солнце» (*Сяё:*, 斜陽, 1947), где в роли повествователя выступает девушка по имени Кадзуко, однако центральной повествовательной фигурой является её брат Наодзи, а также рассказ «Жена Вийона» (*Вийон-но цума*, ヴィヨンの妻, 1947), который главным образом повествует о писателе Отани, но не о его жене, являющейся нарратором. Также Дадзай добавляет отсутствующую в оригинале сцену допроса *писателя*-мужа по факту убийства студентки во время дуэли.

3) Добавление Дадзай финальной сцены, в которой «Я (DAZAI)» показывает предсмертные письма Констанции знакомому пастору, интересуясь его мнением о них.

4) И, наконец, ключевым отличием является сама тематика произведения: Ойленберг акцентировал внимание лишь на беспристрастном описании дуэли между Констанцией и студенткой, которая, как он отмечает в самом начале оригинального рассказа, была «неслыханным происшествием» [Dazai 1974, p. 35]. Дадзай же, препарировав заимствованный им сюжет и обозначив принадлежность мужа Констанции к области искусства, развил его через призму *акта творения*, то есть рассматривал случившуюся женскую дуэль не как отдельно свершающееся событие, но как *литературный материал*, на основе которого герой *писателя* пытался создать произведение, пронизанное *беспристрастным*, *хладнокровным* описанием жестокой действительности: «…И сейчас этот мужчина, последовавший за двумя женщинами, спрятался в тени берёз, затаил дыхание и почувствовал острую необходимость пронаблюдать за всем ходом дуэли. Ещё одна присущая ему слабость, являющаяся общим пороком всех *творцов,* — любопытство. Иными словами, тщеславное стремление узнать то, что никому неведомо, жажда славы в попытках блестяще выразить на бумаге нечто удивительное — всё это инстинктивно привело мужчину на место проведения дуэли» [Dazai 1974, p. 55]. Как отмечает Кудзуми Кадзуо, данная сцена напоминает фрагмент повести «Дуэль» А. П. Чехова, в котором за дуэлью тайно *наблюдал* дьякон, спрятавшийся в кустах [Kuzumi 2004, p. 78]. Чтобы понять, каким образом Дадзай удалось кардинально изменить угол повествования оригинала, для начала необходимо обратиться к жанровым особенностям рассказа Герберта Ойленберга, а также специфике его перевода, выполненного Мори Огай.

Литературовед Андо Хироси отмечает сходство «Женской дуэли» Ойленберга с произведениями направления реализма XIX в. и предполагает, что Осаму привлекло несколько чуждое для японской литературы, но уже типичное для литературы западной проявление особенностей натуралистической и реалистической школ, заключавшихся в крайне детализированном, беспристрастном описании происходящих событий от третьего лица [Ando 2019, p. 67–68]. Стоит отметить, что в конце эпохи Мэйдзи и на всём протяжении эпохи Тайсё: феномен повествования от третьего лица, столь непривычный для японского литературного языка, претерпевавшего в то время значительные изменения под влиянием движения «за единство письменного и разговорного языков» (*гэмбун итти ундо:*, 言文一致運動),

оказал большое влияние как на зарождение и развитие натуралистического жанра *сядзицу сюги* (写実主義), так и, безусловно, на развитие самого письменного языка. Однако наибольшую сложность в его приспособлении к требованиям описательной объективности натуралистического повествования представляли *буммацу хё:гэн* (文末表現) — «выражения, заканчивающие предложение». Один из первых представителей японской натуралистической школы, а также жанра *ватакуси-сё:сэцу,* Таяма Катай (田山花袋, 1872–1930) в критических очерках *"Сэй"-ни окэру кокороми* (「生」に於ける試み, «Опыты, заключённые в "жизни"», 1908) и *Бё:ся рон* (描写論, «Рассуждения об описании», 1911) утверждает, что для «плоскостного описания» действительности *хэймэн бё:ся* (平面描写) необходимо изображать некий принадлежащий ей объект, познающийся лишь с помощью зрительного, слухового и тактильного восприятия, избегая при этом субъективных проявлений внутреннего состояния персонажа-наблюдателя [Ando 2015, p. 16–17]. На простом примере модификации *буммацу хё:гэн* посредством замены обычных глаголов бытия (*сакура га саитэиру*, 桜が咲いて居る — «сакура цветёт») глаголами восприятия (*сироку сакура га миэру*, 白く桜が見える — досл. «виднеется белеющая сакура») Андо задаёт вопрос о том, кто же на самом деле является *наблюдателем*, реципиентом сигналов внешнего мира, и приходит к следующему выводу: в действительности *наблюдателем* является спрятанное в повествовательной канве писательское *я*, которое не позволяет достичь максимального устранения субъективности из того или иного произведения [Ando 2015, p. 17–18].

Данные пояснения необходимы не только для дальнейшего анализа новеллы-адаптации Дадзай, но и, прежде всего, для объяснения особенностей перевода «Женской дуэли» Ойленберга Мори Огай, на которые обращают внимание японские исследователи. Как заметил литературный критик Сонэ Хироёси, «в общем и целом перевод Огай соответствует оригиналу настолько, насколько то позволяют возможности японского языка», но «всё же оригиналу присуща куда более ярко выраженная степень описательной *объективности* — "точное", "беспристрастное" на первый взгляд описание Огай, как это ни странно, куда более *субъективно* в сравнении с оригинальным рассказом» [Kuzumi 2004, p. 57]. Сравнительный анализ японского перевода Огай и оригинала Ойленберга, произведённый Кудзуми Кадзуо, позволил выявить ключевую особенность переводного

текста, которая, должно быть, и стала главным «проводником субъективности»: в отличие от Ойленберга, который объективно описывает действительность посредством глаголов прямой речи в форме прошедшего времени (в одном из фрагментов также используется форма прошедшего времени совершенного вида), Огай использует отсутствующие в оригинале глаголы восприятия в форме настоящего времени (местами — в форме прошедшего времени) [Kuzumi 2004, p. 59]. Самым часто встречающимся из таких глаголов является глагол *миэру* (見える) — «виднеться», «выглядеть как». Перевод Огай, разумеется, содержит и множество стилистических расхождений с оригиналом, однако, как отмечает Кудзуми, факт замены простых глагольных форм, характерных для повествования от третьего лица, на глаголы восприятия в форме настоящего времени позволяет предположить, что первоначальной интенцией Огай был вовсе не перевод рассказа Ойленберга, но написание его *адаптации*. Если подобное предположение справедливо, получается, что Дадзай в действительности взял за основу своего произведения не «Женскую дуэль» Герберта Ойленберга в переводе Мори Огай, но одноимённый рассказ, который уже является адаптированной версией оригинала немецкого писателя [Kuzumi 2004, p. 59–60]. Осаму также ведёт дополнительное повествование от первого лица, используя глаголы прямой речи в форме настоящего времени — сухость оригинального описания от третьего («постороннего») лица с применением глаголов в форме прошедшего времени препятствовала созданию глубоко психологического описания, которое было характерно для тематики произведений Дадзай [Kuzumi 2004, p. 83].

По словам Дан Кадзуо, после переезда в Митаку в сентябре 1939 г. Дадзай одолжил у родственников тот самый переводной том из полного собрания сочинений Мори Огай и не расставался с ним до конца жизни — его обнаружили на письменном столе Осаму после смерти писателя [Kuzumi 2004, p. 68]. Первая публикация сборника переводов Огай состоялась в 1924 г. — переводы составили содержание шестнадцатого тома полного собрания сочинений писателя [Kuzumi 2004, p. 53]. Можно предположить, что в руки Дадзай попало именно это издание.

Любопытно и то, что Дадзай не ограничился цитированием в прямом смысле этого слова — согласно наблюдениям Кудзуми, он добавлял или убирал знаки препинания, добавлял знаки *окуригана*

(右の通—右の通り); производил манипуляции с иероглифами, упрощая их знаками *каны* или наоборот, замещая знаки *каны* иероглифами; исправлял имеющиеся в печатном издании перевода опечатки (わくたし—わたくし); добавлял знаки *хампуку* (段段—段々), а в некоторых местах позволял себе менять как словарные формы, так и отдельные слова, не влияя при этом на основной их смысл (そこで—だから). Подобные изменения чаще всего встречаются во второй главе — в ней же сосредоточена почти половина всего текста новеллы [Kuzumi 2004, p. 56].

Таковы композиционные и стилистические особенности «Женской дуэли» Дадзай, краткое разъяснение которых позволяет далее обратиться к жанровой специфике новеллы, а также к её основным повествовательным мотивам. В данной статье для удобства используется нейтральный жанровый термин «новелла», однако в действительности «Женская дуэль», как уже было сказано ранее, представляет собой многокомпонентный литературный феномен «адаптированной исповедальной метапрозы». Ключевым в данной цепи является термин «метапроза» (*metafiction*) — метапрозаический тип повествования крайне характерен для литературы Дадзай Осаму[2]. Но в «Женской дуэли» он обрёл новую, стилистически усовершенствованную форму, посредством которой эго-беллетристу, замаскировавшему границы между внутриповествовательным *я*, рассуждающим *я* и, наконец, авторским *я*, удалось достичь одной из главных целей, которую он перед собой поставил — ввести читателя в замешательство. В самом конце новеллы Осаму признаётся в следующем: «Мой рассказ чрезвычайно запутан. Я намеренно постарался сделать его именно таким, для чего спрятал в нём разнообразные уловки — прошу читателей, у которых будет на то время, попробовать их отыскать. Я даже подумывал запутать его до такой степени, чтобы было абсолютно непонятно, кто же является настоящим автором, но если бы я слишком увлёкся, хвастаясь своим поверхностным талантом, мне бы пришлось несладко. Бог меня бы наказал» [Dazai 1974, p. 80]. Наиболее точным определением подобным «повествовательным уловкам» Дадзай можно считать трактовку одной из основополагающих особенностей жанра метапрозы, предложенную З. М. Чемодуровой:

[2] Наиболее ярким тому примером служит одно из ранних произведений писателя — «Цветы шутовства» (*До:кэ-но хана*, 道化の華, 1935), где Дадзай, погруженный в акт *творения*, рассуждает о написании этого рассказа в процессе основного повествования.

«Именно игровая роль автора-творца, роль "автора на бумаге" становится важнейшим текстообразующим фактором метапрозы, заменяя одну иллюзию, культивируемую на протяжении долгого периода времени классическим текстом — иллюзию авторского отсутствия, изгнания Автора из изображаемого мира, — другой иллюзией (и новым правилом игры в текст): иллюзией присутствия "реального" автора-творца в изображённом (фикциональном) мире» [Чемодурова 2013, с. 165]. Эта формулировка, разумеется, применима как для литературы Дадзай, так и для самого жанра *ватакуси-сё:сэцу*, однако в «Женской дуэли» Осаму не только воплотил фрагменты образа универсального для его творчества героя в каждом из персонажей, но и попытался исказить восприятие читателем оригинальной истории Ойленберга, предположив, что настоящим прототипом мужа Констанции — *писателя* в представлении Дадзай — является сама личность Ойленберга: «Я насильно убедил себя в том, что мужем Констанции (хотя это и безрассудный замысел) является автор этого рассказа собственной персоной — иными словами, в качестве отмщения за его беспощадное, леденящее душу описание Констанции, ставшей для меня единственной союзницей, далее я намерен, насколько то позволит мой талант, попытаться описать его в очень неприглядном свете, хотя и не сравнюсь в этом с нынешней молодёжью» [Dazai 1974, p. 42]. В финале Дадзай, конечно, признаёт ошибочность своей гипотезы и «верит в то, что Герберт Ойленберг несомненно был прекрасным семьянином, любящим мужем и хорошим отцом, который, скрыв своё мирское существование, посвятил жизнь искусству» [Dazai 1974, p. 79]. Однако можно предположить, что критика оригинального описания и своеобразная месть за его беспристрастность основывалась на стремлении Дадзай ответить на тот самый неразрешимый вопрос натуралистического и реалистического литературного жанров: кто же является *наблюдателем* происходящих событий?

«Думаю, люди, хоть сколько-то привыкшие к чтению рассказов, уже сейчас заметили некоего рода странность в его описательной части. Одним словом, её "безразличность". "Грубость", сравнимую с неуважением. Если вы спросите, что же тут неуважительного, я вам скажу — это неуважение по отношению к "действительности перед глазами". Слишком точное её описание, как раз наоборот, вызывает у читателя отвращение» [Dazai 1974, p. 38–39], — делится своими впечатлениями Дадзай после цитирования второй части оригинала-

перевода. Отсутствие *наблюдателя* в сочетании с чрезмерной объективностью описания вызывает у него ассоциации с «опубликованным в газете наброском места преступления, где было совершено жестокое убийство» [Dazai 1974, p. 39]. Андо Хироси видит причины подобной критики именно в восприятии японоязычного перевода произведения западноевропейской литературы и ожесточённой борьбе, через которую прошла японская словесность на пути приспособления к специфике жанра *сядзицу сюги* [Ando 2019, p. 66]. Тем не менее, можно предположить, что немаловажную роль для критики сыграли и личные взгляды Дадзай на литературное творчество — центральной темой повествования в его «Женской дуэли» становится именно акт творения и рассуждения о том, что есть творец, художник. *Писатель*, изображаемый эго-беллетристом с неприглядной стороны, становится для читателя зрительным, слуховым и осязательным проводником действительности — именно он узнаёт от любовницы-студентки о письме Констанции, именно он наблюдает за женой, отправившейся в оружейную лавку и практикующейся в стрельбе, — и, наконец, именно он, спрятавшись в тени берёз, с жадностью созерцал каждое мгновение происходившей дуэли. Как уже отмечалось ранее, все эти наблюдения выступают в роли материала, необходимого для написания сенсационного, эпатажного в своей описательной части произведения. Крайне примечателен и факт сочинения *писателем* предсмертных писем Констанции, содержание которых, однако, не претерпело никаких изменений в сравнении с оригиналом. Таким образом, фигура *писателя* олицетворяет собой две главенствующие роли ***наблюдателя*** и ***творца*** — фигуры, которых, по мнению Дадзай, не хватало рассказу Ойленберга. «Пользуясь собственной надменностью — да, именно мастерством надменности, я хочу попробовать создать интересный в своём роде *роман*, восполнив недостающие оригиналу фрагменты» [Dazai 1974, p. 42].

Таким образом, повествование новеллы фокусируется на пристальном изучении акта творения, а также внутреннего состояния художника на момент его свершения — данный фокус является ключевой «уловкой» Осаму, позволившей ему трансформировать чрезмерную описательную объективность «Женской дуэли» Ойленберга в привычную для него субъективность описания как окружающей действительности, так и внутреннего мира главного героя, являющегося её реципиентом. Тем не менее, *писатель* является не един-

ственным реципиентом — в его одежды облачается и литературное «Я (DAZAI)», присутствующее на внешнем повествовательном уровне и таким же образом творящего и рассуждающего об акте творения в пояснительных комментариях.

Как замечает Андо Хироси, автора «Женской дуэли», Дадзай Осаму, безусловно, нельзя отождествлять с внутриповествовательным воплощением его писательского *я*, «Я (DAZAI)» — они расположены на разных композиционных уровнях [Ando 2019, p. 67]. Разумеется, данное утверждение относится и к герою-*писателю*, однако созданный эго-беллетристом образ также наделён рядом как портретных сходств с типичным для творчества Осаму образом «самокритичного декадента», так и сходств автобиографического характера, проводящих параллели с событиями жизни Дадзай. К примеру, Кудзуми Кадзуо обращает внимание на сцену допроса *писателя*, в которой детектив грозит ему предъявлением обвинения в пособничестве при убийстве в случае уклонения от правдивых показаний — данный факт напоминает о попытке двойного самоубийства Дадзай в компании официантки одного из баров Гиндзы, Танабэ Симэко (田部シメ子) в 1930 г., некогда наиболее ярко описанной в рассказе «Цветы шутовства». Осаму выжил, но девушка погибла, вследствие чего ему было предъявлено похожее обвинение в «пособничестве самоубийству» [Kuzumi 2004, p. 71]. Также исследователь указывает на сходство ощущений *писателя*, наблюдающего за дуэлью из укрытия, с состоянием самого Дадзай, который после развода с гейшей Кояма Хацуё (小山初代, 1912–1944), изменившей ему со студентом университета искусств, предпринял очередную неудачную попытку самоубийства, приняв дозу бромизовала — после этого он стал таким же безучастным наблюдателем по отношению к окружающей его действительности [Kuzumi 2004, p. 71].

На данном этапе исследования можно перейти к анализу главных тематических особенностей адаптированной новеллы Дадзай. Первая и главенствующая тема повествования — рассуждения о сущности *творца* и его противопоставление народным массам [Kuzumi 2004, p. 87]. Третья глава, основное содержание которой заключено в дополнительной сцене, интегрированной в повествование Осаму, является отправной точкой нелестного описания *писателя*-мужа — исходит оно из уст его любовницы, молодой студентки. Унизительные попытки оправдаться в ответ на заявление о том, что его жена

вызвала девушку на дуэль, до крайности разгневали её: «Я тебя не люблю. В тебе нет совершенно ничего прекрасного. Даже если ты мне немного интересен, интерес этот направлен лишь на твою необычную профессию. Высмеивая простых людей, ты продаёшь своё искусство, но сам живёшь так же, как они — я решила, что ты существо довольно необычное, потому хотела попробовать исследовать тебя. Чисто теоретически было именно так, только вот из этого ничего не вышло. В тебе вообще ничего нет. Есть лишь одна бессвязность. Меня, как учёного, привлекает всё непостижимое. Я ощущаю себя такой беспомощной, думая, что точно умру, если не сумею до конца познать всё это. Потому ты меня и привлёк. Я не понимаю искусство. Мне непонятны его творцы. Я думала, что-то во всём этом есть. Я вовсе не любила тебя. И именно сейчас я познала сущность творца. Творец — слабый, ни на что не годный, взрослый ребёнок, страдающий слабоумием. Умственная недоразвитость калеки, которому не суждено вырасти, на сколько бы он ни постарел — в этом все вы. Ваша “чистота” — это ведь чистота слабоумия? А “незапятнанность” — незапятнанность плаксы? Ах, ну что ты так побледнел и уставился на меня? Ты мне опротивел. Прошу, уходи. На тебя ни в чём нельзя положиться. Я только что это поняла. Неужели путь творца заключается в потрясении, потеряв меру в котором, он лишь копошится у всех на глазах, не находя себе места? Спасибо за всё» [Dazai 1974, p. 47]. По мнению Андо Хироси, довольно символичным для анализа данного монолога является факт обучения студентки на медицинском факультете — то есть, её принадлежность к изучению естественных наук [Ando 2019, p. 70]. Можно предположить, что Дадзай воплотил в образе девушки-учёного, далёкой от каких бы то ни было проявлений искусства, образ народных масс, выражающих критику по отношению к художникам, ведущим полное самодовольства, но в сущности идентичное им существование.

После объяснения с *писателем* студентка, погруженная в собственные размышления, выходит на прогулку в парк, где снова сталкивается с ненавистным ей *творцом* — извинившись за то, что ранее нагрубила ему, она произносит следующую реплику: «Приходи завтра посмотреть на дуэль. Я убью для тебя твою жену. Если ты этого не хочешь, запрись дома и жди её возвращения. Не придёшь посмотреть на дуэль — отпущу её целой и невредимой» [Dazai 1974, p. 49]. Возможно, именно эти слова и натолкнули *писателя* на мысль

пронаблюдать за дуэлью, которая представилась ему как ценнейший материал для будущего произведения. «["]Если решились — стреляйтесь. Я об этом ничего не буду знать. В таком случае, всё равно, кто из них умрёт. Будет даже лучше, если умрут обе. Ах, мою девочку убьют. Моё милое, необычайное создание. Я люблю тебя в тысячу раз сильнее, чем жену. Прошу, убей жену! Она мешает нам! Она — мудрая жена. Вот и позволь ей умереть, оставшись мудрой женой. Ах, да плевать. Какое мне дело?["] Преодолев все границы морали, он жадно вглядывался в необыкновенный, дрожащий перед его глазами пейзаж, желая лишь только, чтобы они стрелялись, по крайней мере, зрелищно. Эта гордость созерцания того, что никто и никогда прежде не видел. Это счастье осознания возможности описать всё это так, как оно было на самом деле» [Dazai 1974, p. 57]. Данный фрагмент примечателен отсутствием разграничения прямой речи *писателя* и речи автора, «Я (DAZAI)» (в переводе фрагмента условные кавычки помещены в квадратные скобки) — должно быть, это ещё одна литературная «уловка», посредством которой Дадзай ещё более сократил существующее расстояние между собственными литературными ипостасями. В данном контексте обращает на себя внимание и другая странность монологов *писателя* — чередование используемых личных местоимений *орэ* (おれ) и *ватаси* (私). Местоимение *орэ* используется шесть раз в упомянутом выше оправдательном монологе от лица *писателя* (два раза в самом его начале и три раза в самом конце) [Dazai 1974, p. 45–46], а также один раз в описании размышлений студентки, воображающей жеманство, с которым он признается друзьям в испытываемых страданиях по поводу факта дуэли [Dazai 1974, p. 50]. Во всех остальных репликах встречается только местоимение *ватаси*. Эта странность по какой-то причине была проигнорирована исследователями — тем не менее, факт намеренной подмены местоимений в прямой речи героя Дадзай вполне может служить той же цели сокращения дистанции между воплощениями своего *я* и окончательному введению в заблуждение читателя.

Детально описывая субъективные ощущения, испытываемые наблюдающим за ходом дуэли *писателем*, Дадзай сравнивает *творца* с беспристрастным фотографом, который непременно должен сочетать в себе «не страшащиеся бога *безразличие*, граничащее с безумством, *высокомерие*, *беспамятство*, *самоуверенность* и *презрение* к людям», — все эти самые низкие качества, по мнению эго-беллет-

риста, концентрируются в загадочном, вонючем жучке, обитающем в груди *творца*: «Люди называют этого жучка ***Сатаной***» [Dazai 1974, p. 57]. Кудзуми Кадзуо обращает внимание на одно из писем[3] горячо любимого Дадзай писателя, А. П. Чехова, в котором русский классик также рассуждает о предназначении художника: «Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т.п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьею своих персонажей и того, о чём говорят они, а только беспристрастным свидетелем. […] Пишущим людям, особливо художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберёшь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер» [Чехов 1975, с. 280–281]. Однако центральным мотивом литературы Дадзай является именно самосуд, транслируемый через образы созданных им героев. По мнению Осаму, настолько безразлично относиться даже к страшному преступлению, свершающемуся прямо перед глазами, иными словами — испытывать художественное сумасшествие — *творцы* склонны именно в силу врождённой подлости, низости своего существа. Именно таким существом, на первый взгляд, и предстаёт *писатель* в дальнейшей сцене допроса следователем уже после дуэли:

«— Позвольте ещё кое-что спросить. Что бы было, если бы студентка одержала победу, убив вашу супругу?

— Да ничего бы не было. Она бы точно застрелила меня последней оставшейся пулей.

— Значит, вы и о пуле знаете. В таком случае, супруга — ваша спасительница.

— Моя жена — неприятная женщина. Она сама выбрала роль жертвы. Она — эгоистка.

— У меня к вам ещё один вопрос. Чьей смерти вы желали больше? Вы ведь всё видели из своего укрытия. А то, что вы уехали путешествовать — это была ложь. Ведь вы и за ночь до произошедшего были дома у студентки. Чьей же смерти вы желали? Должно быть, супруги, конечно же.

— Нет, я (сказал суровым голосом *творец*) молил о том, чтобы обе выжили» [Dazai 1974, p. 67].

---

[3] Письмо А. С. Суворину от 30-го мая 1888 г., адресованное издателю.

Последняя реплика *писателя* символизирует очередной разворот призмы восприятия его образа читателем на сто восемьдесят градусов — отныне Дадзай отступает от описания неприглядного, чтобы приступить к описанию оправдательному (либо же — самооправдательному). Пытаясь предугадать все сомнения читателя в правдивости показаний *творца*, Осаму заявляет ему о том, что «верить лишь в уродство как в единственную истину, забывая о том, что в людях непременно живут прекрасные надежды — ошибочно» [Dazai 1974, p. 68, 69)]. «*Правда, как правило, не бывает единственной*», — смысл следующей далее многозначительной фразы олицетворяет сущность неприятия Дадзай беспристрастного натуралистического типа повествования, стремящегося описать лишь одну объективную правду, в то время как субъективная правда, скрытая в душе человека и творца в частности, позволяет познать действительность во всеобъемлющей форме. Чтобы развеять заблуждение, в которое Осаму ранее сам же ввёл читателя, он приступает к препарированию души *творца:* «*Творец* плачет очень редко, но втайне он терзает свою душу. Как только он становится свидетелем человеческой трагедии, его глаза, слух и руки холодны, но кровь в его груди неистово бушует — прежней ей уже не стать. *Творец — отнюдь не Сатана*. Даже подлого супруга той женщины, если так подумать, уже и не в чем обвинять. Холодные глаза его пристально изучали место убийства, виновницей которого стала его жена, а рука совершенно спокойно описывала им увиденное — но разве не могла при этом его душа разрываться от горечи страданий?» [Dazai 1974, p. 70].

Осаму не случайно обращается к читателю в финале новеллы с просьбой при случае внимательно перечитать её — все подсказки, которые позволят приблизиться к пониманию образа *творца* в исполнении эго-беллетриста, рассеяны по повествованию, как можно заметить по расположению в нём уже процитированных фрагментов. «Будучи одержимым страстью, пытаться описать картину этой одержимости — таков рок *творца*» [Dazai 1974, p. 55], — заключает Дадзай. Помещая образ *творца* в антонимичную двойственность хладнокровности и пылкости, эго-беллетрист пытается оправдать подлые качества, характерные для его сущности [Ando 2019, p. 70]. «Посредством присущего ему мастерства литературного слова *творец* проектирует *мимесис* действительности, однако чем больше он проникается "беспристрастностью" и "отстранённостью", тем более

разоблачает собственную “пылкость”, которая является отголоском романтизма» [Ando 2019, p. 74]. Тем самым, сущность романа как литературного произведения может проявляться лишь в антонимичности «пылкого повествования о хладнокровной действительности», подобно тому, как описательная и повествовательная части являются его основными движущими силами [Ando 2019, p. 74]. Таким образом, в «Женской дуэли» Дадзай нашла своё воплощение концепция уподобления действительности искусству, которую эго-беллетрист манифестировал в изданном годом позднее рассказе «Восемь видов Токио» (*То:кё: хаккэй*, 東京八景, 1941): «Чтобы определить остальные семь [видов], я принялся листать альбом своей души. Вот только в этом случае предметом искусства будут не виды Токио, а я на фоне этих видов. То ли искусство меня обмануло, то ли — я его. Вывод: искусство — это я» [Дадзай 2004, с. 477]. Хотя данное утверждение имеет сходные черты с экзистенциалистскими воззрениями мыслителя Нисида Китаро (西田幾多郎, 1870–1945), по мнению которого сущностью индивида является творческая пустота [Шорохова 2017, с. 401], в контексте рассмотрения сущности *творца* оно предстаёт в качестве апогея развития творческих воззрений Дадзай как на акт *творения*, так и на роль, которая отведена в нём *творцу*.

Увлёкшись литературной игрой, развёрнутой на протяжении всего повествования новеллы, в её финале Осаму, размышляя о наиболее подходящем заключении, которое могло бы ответить на вопрос, что же стало с *писателем*, пробует подставить на это место заключительные строки рассказа «Тонкость чувств» французского писателя и драматурга Огюста Вилье де Лиль-Адана (1838–1889): «Оказавшись в своей комнате, он уселся за письменный стол […] Потом он сочинил несколько строк стихотворения… о шотландской долине, которая, по странной прихоти Разума, почему-то вспомнилась ему. Потом он разрезал несколько страниц новой книги, пробежал их — и отложил томик в сторону. […] — Сердце так колотится… это становится просто невыносимым! — прошептал он. Он поднялся с места, […] направился к секретеру, открыл его, вынул из ящика маленький револьвер, подошёл к софе, приложил дуло к груди и, зажмурившись, пожал плечами. Раздался глухой, поглощённый гардинами выстрел; юноша рухнул на подушки, и из груди его заструилось голубоватое облачко дыма» [Вилье де Лиль-Адан 1975, с. 86–87]. Цитата Дадзай, тем не менее, не совсем точна — должно быть, он несколько сократил

японский перевод оригинала, акцентировав внимание лишь на факте самого выстрела. Данный суицидальный мотив проводит ещё одну параллель с образом универсального героя литературного мира эго-беллетриста.

По мнению Андо Хироси, обнажённая жестокость окружающей действительности, описанию которой посвящена большая часть новеллы Дадзай, на самом деле символизирует присущий его универсальному герою страх контакта с внешним миром, то есть — страх соприкосновения с другими людьми, кажущимися ему чужими и безразличными к нему. В связи с этим выбор Осаму женских персонажей в качестве объекта описания, являющегося частью подобной действительности, является неслучайным — Андо видит в нём противопоставление, основой которого является мужчина, испытывающий скрытый страх перед далёким от его понимания существом женщины, олицетворяющей собой чуждую, непостижимую реальность [Ando 2019, p. 72].

Можно сказать, что образ женщины занимает отдельное место в литературном творчестве Осаму — сильнейшее влияние на его восприятие женщин оказали как детские годы, с которыми ассоциируется отсутствие материнского тепла и заботы[4], так и взрослая жизнь, наполненная тайными и явными любовными связями, а также неоднократными попытками двойных самоубийств. Образы женщин-нарраторов — к примеру, в рассказах «Школьница» (*Дзёсэйто*, 女生徒, 1939), «Восьмое декабря» (*Дзю:нигацу ё:ка*, 十二月八日, 1942), «Жена Вийона» и в повести «Закатное солнце» — сочетают в себе самые возвышенные качества человеческой души, однако мужчины-нарраторы или сам Дадзай в личных размышлениях удостаивают женщин крайне нелестной, озлобленной критикой. По мнению Джейми Кокса, эго-беллетрист использовал женский нарративный образ лишь как *инструмент* для самокритики — примечателен и факт наличия у этих персонажей общих черт с типичным для литературы писателя героем [Cox 2012, p. 33]. Критика или даже неприязнь по отношению к женщинам, в свою очередь, были и естественным результатом восприятия Дадзай настроений эпохи,

[4] Мать будущего писателя не могла заниматься воспитанием сына и в без того многодетной семье по слабости здоровья, потому мальчик провёл всё детство и отрочество в обществе няни по имени Танэ, которая в каком-то смысле заменила ему мать на эмоциональном уровне.

современником которой он являлся — несмотря на успехи, достигнутые отдельными женскими организациями и феминистическим движением, в 1930-е гг. в обществе всё ещё сохранялась популярная в годы Мэйдзи *концепция хорошей жены и мудрой матери* (*рё:сай кэмбо*, 良妻賢母), рассматриваемая как единственно возможное предназначение женщины [Cox 2012, p. 16]. Одним из ярчайших примеров второго явления и служит новелла «Женская дуэль», в которой Дадзай довольно красноречиво рассуждает о сущности женщины как в качестве творца, так и в качестве отдельно взятого индивида.

Уже в начале импровизированного вступления к новелле Осаму раздражительно высмеивает женщин-учёных и исследовательниц отечественной литературы, сравнивая их «кичливое заявление о том, что они что-то там “изучают”» с «речью уличного торговца» [Dazai 1974, p. 28]. Подобным образом он заведомо высмеивает и русскую студентку, стремящуюся познать скрытую от её пристального взгляда учёного сущность искусства и его творца. Пренебрежительность к женщинам также проявляется и со стороны героя-*писателя*, не задумывающегося о действительных мотивах супруги, вызвавшей его любовницу-студентку на дуэль, а также о намерениях самой студентки, принявшей этот вызов. Его равнодушное отношение как к смерти любовницы, так и к самоубийству жены, позволяет сосредоточиться на написании задуманного произведения, однако в то время, как он заканчивает сочинять последнее предсмертное письмо Констанции (адресованное не ему), на него внезапно обрушивается осознание принципиально новой стороны женской натуры: «Именно сейчас, впервые в своей жизни он смог с предельной ясностью понять образ женщины, отвергнувшей жизнь, отвергнувшей бога, живущей в полубезумстве лишь верой в совершенное воплощение любви к одному единственному мужчине» [Dazai 1974, p. 74–75]. Однако перед тем, как перейти к детализации осознанных *писателем* новых истин, Дадзай в красках описывает некогда привычный для героя образ женоненавистника, характеризуя сущность женщины эпитетами «эгоизм», «разврат», «тщеславие», «алчность», «безрассудство», «высокомерие» и многими другими [Dazai 1974, p. 75]. *Писатель* (или же «Я (DAZAI)») всегда полагал, что в женщине нет никакой загадки — она лишь во всём подражает мужчине. Он всегда считал свою жену очень глупой, недалёкой женщиной, которая, подобно домашней утвари, была создана лишь для удобства мужчины. Однако акт *творения*,

в котором он попытался описать события с её же точки зрения, открыл ему совершенно новую сторону женской натуры: «[”]Неужели женщина — создание, живущее такой непоколебимой верой? Конечно, это глупо, но в этом безумном стремлении двигаться по избранному пути есть что-то, над чем нельзя смеяться. Есть что-то пугающее. Оказывается, женщина никогда не была чем-то примитивным вроде игрушки, спаржи или цветника. Как раз наоборот — её простодушная сила стоит рядом с богом. Есть в ней что-то нечеловеческое [”], — он был обескуражен этой правдой» [Dazai 1974, p. 76]. И далее: «Я всегда считал жену удобным для себя инструментом, но для неё я не был инструментом. Я был смыслом всей её жизни» [Dazai 1974, p. 76–77]. Однако *писатель* не замечал того факта, что обе женщины стрелялись вовсе не из любви к нему, а во имя отстаивания собственной чести [Kuzumi 2004, p. 91]. По мнению Андо Хироси, для Констанции, которая разочаровалась как в супружеской жизни, так и в жизни вообще, вызов любовницы мужа на дуэль был своеобразным способом покончить со своим жалким существованием — своего рода косвенным самоубийством [Ando 2019, p. 73]. Вероятно, в действительности Дадзай осознавал всю ошибочность своих воззрений, однако для продолжения противоречивой литературной игры в самокритику и самооправдание он выбрал объектом презрения именно женщину — будучи обделённым материнской любовью, он всю жизнь пытался ощутить теплоту женщины именно в материнской ипостаси, как он некогда отмечал в рассказе «Human Lost» (1937): «Не было ни одной ночи, чтобы я не воспользовался услугами продажной женщины для своего удовольствия. Я искал в ней мать» [Дадзай 2004, с. 333]. Однако крайне запутанные отношения с женщинами в реальной жизни, в том числе и смерть Симэко, которая символизирует стремление к самопожертвованию, присущую героиням Дадзай, позволили ему использовать их лишь как *литературный инструмент*, сочетавший в себе страх соприкосновения с действительностью и безуспешные попытки постигнуть собственное *я*.

Тем не менее, женские образы, на которых фокусируется повествование оригинальной истории Ойленберга, позволили Осаму не только провести блестящий со стилистической точки зрения литературный эксперимент, но и, возможно, довести до апогея выражение собственных взглядов на сущность женщины, которая, по его мнению, сочетает в себе противоречие примитивности и богоподобности.

На страницах «Женской дуэли», как отмечает Окуно Такэо, писателю удалось создать принципиально новое, отличное от оригинального рассказа Герберта Ойленберга произведение, в котором он размышляет как о границе между жизнью и искусством, так и о противостоянии между этими двумя чужеродными, на первый взгляд, материями — быть может, оно является наиболее характерным для жанра *ватакуси-сё:сэцу* произведением из всех сочинений Осаму [Dazai 1974, p. 289]. Будучи творцом, Дадзай смог бросить своеобразный вызов натуралистической объективности западной литературы, постулировав неотъемлемость субъективности литературного описания как важнейшего элемента познания внушающей холодный ужас действительности.

Библиографический список

Вилье де Лиль-Адан, О. (1975) *Жестокие рассказы* / ред. Н. И. Балашова. Москва: Наука.

Дадзай Осаму. (2004) Избранные произведения. *Японская классическая библиотека. XX век. IV*. сост. Т. Л. Соколова-Делюсина. Санкт-Петербург: Гиперион.

Чемодурова З. М. (2013) Рефлексивная авторская игра в метапрозе. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. Т. 7, № 2. Санкт-Петербург. С. 160–171.

Чехов А. П. (1975) *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах.* Том 2. Письма. Москва: Наука.

Шорохова Э. С. (2017) Исповедальные мотивы в творчестве Дадзай Осаму. *Ежегодник Япония*. Т. 46. С. 395–415.

References

Ando, H. (2015). *“Watashi” wo tsukuru. Kindai shosetsu no kokoromi* [Creating the “I” — An Examination of Modern Japanese Novels]. Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Ando, H. (2019). “Onna-no ketto” ron [A Theory of “Women’s Duel”] (pp. 66–79). *Nihon Kindai Bungaku Janaru*. Tokyo: Seikansha. (In Japanese).

Chekhov, A. P. (1975). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridtsati tomakh.* [A Complete Collection of Writings and Letters in Thirty Volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka. (In Russian).

Chemodurova, Z. M. (2013). Refleksivnaya avtorskaya igra v metaproze [The Authorial Reflexive Play in Metafiction]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 7 (2), 160–171. Saint-Petersburg. (In Russian).

Cox, J. W. (2012). Dazai's Women: Dazai Osamu and his Female Narrators. *Portland State University: Dissertations and Theses*, 132. https://doi.org/10.15760/etd.132

Dazai, O. (1974). Onna-no ketto [Women's Duel]. *Shin Hamuretto* [New Hamlet]. Tokyo: Shincho Bunko. (In Japanese).

Dazai, O. (2004). Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. *Yaponskaya klassicheskaya biblioteka. XX vek. IV.* By T. L. Sokolova-Delyusina. Saint-Petersburg: Giperion. (In Russian).

Kuzumi, K. (2004). *Dazai Osamu to gaikoku bungaku: hon'an shōsetsu no "genten" e no apurōchi* [Dazai Osamu and Foreign Literature: An Approach From the "Literature Adaptation" to the "Original Text"]. Osaka: Izumi Shoin. (In Japanese).

Okuni, M. (2006). Dazai Osamu "Onna-no ketto" ron [A Theory of Dazai Osamu's "Women's Duel"]. *Kawaguchi tanki kiyo*, 20, 1-18. (In Japanese).

Shorokhova, E. S. (2017). Ispovedal'nye motivy v tvorchestve Dazai Osamu [Confession and Self-reflection in Dazai Osamu's Literature Art]. *Yearbook Japan*, 46. 395–415. (In Russian).

Villiers de l'Isle-Adam, Auguste (1975). *Zhestokiye rasskazy* [Cruel Tales]. Ed. By N. I. Balashov. Moscow: Nauka. (In Russian).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 320–341
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 320–341
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-320-341

Путь японской прозы жанра *сэцува* в советском и российском японоведении

Д. Г. Кикнадзе

Аннотация: Цель данной статьи — осветить историю переводов на русский язык и изучения произведений японского жанра *сэцува* в советском и российском японоведении. Жанр *сэцува* представляет собой рассказ-притчу короткой формы с дидактической концовкой, в основе которого лежит занимательная история из жизни буддийских святых, праведных монахов, отшельников, или сюжет о грехопадении, кармическом возмездии, основных идеях буддизма. Сборники коротких буддийских историй появились в Японии вместе с распространением буддизма, ранние сборники буддийских *сэцува* относятся к рубежу VIII–IX вв. В жанре *сэцува* к XI в. происходит деление на чисто буддийские и светские истории, благодаря чему сугубо буддийские рассказы теряют суровую дидактическую окраску и приобретают новые сюжеты и героев: это придворный анекдот, забавные случаи с простолюдинами, истории о сверхъестественном, магии и волшебстве.

Сборники *сэцува*, в особенности *Кондзяку моногатари-сю:* («Собрание стародавних историй», XII в.) и *Удзи сю:и моногатари* («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.), пользовались большой популярностью среди японцев, однако официально вошли в фонд классической японской литературы в первой половине XX в. лишь благодаря усилиям реформатора японской науки Хага Яити. Если к 1970-м гг. в европейском японоведении уже существовали полные или частичные переводы и исследования таких памятников *сэцува*, как *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари*, то в советском японоведении в этом направлении в это время делались первые робкие шаги. Идеи марксизма проникали во все сферы научной жизни, не осталась в стороне и переводческо-издательская деятельность. В ранний советский период подготовка переводов произведений жанра *сэцува*, учитывая сильную религиозную и магическую составляющую в ее сюжетной канве, была немыслима и идеологически «опасна».

В статье в хронологической последовательности освещаются основные этапы изучения, переводов и популяризации жанра *сэцува* такими советскими и российскими японистами, как В. С. Санович, Т. И. Редько-Добровольская, Г. Г. Свиридов, А. Н. Мещеряков, Н. Н. Трубникова, Д. Г. Кикнадзе.

Ключевые слова: литература жанра *сэцува*, Япония, повествовательная проза, советское и российское японоведение, классическая японская литература, переводчики японской литературы.

Автор: *Кикнадзе Диана Гургеновна*, кандидат исторических наук, преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
E-mail: d.kiknadze@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Path of Japanese *Setsuwa* Prose in Soviet and Russian Japanese Studies

D. G. Kiknadze

Abstract. The purpose of this article is to highlight the history of translations into Russian and the study of works of the Japanese genre of *setsuwa* in Soviet and Russian Japanese studies. The *setsuwa* genre is a short-form parable story with a didactic ending, which is based on an entertaining story from the life of Buddhist saints, righteous monks, hermits, as well as stories about the fall, karmic retribution, and the main ideas of Buddhism. Collections of short Buddhist stories appeared in Japan along with the spread of Buddhism; the earliest collections of Buddhist *setsuwa* date back to the turn of the 8th–9th centuries. By the 11th century, there appears a division in the *setsuwa* genre between purely Buddhist and secular *setsuwa*, due to which purely Buddhist stories lose their harsh didactic coloring and acquire new plots and heroes: those of court anecdotes, funny cases with commoners, stories about the supernatural and magic.

Collections of *setsuwa*, especially *Konjaku Monogatari-shū* (今昔物語集 Tales of Times Now Past, 12th century) and *Uji Shūi Monogatari* (宇治拾遺物語, Tales Collected from Uji, 13th century), were very popular among the Japanese, but they officially entered the collection of classical Japanese literature in the first half of the 20th century only due to the efforts of the reformer of Japanese scholarship Haga Yaichi. By the 1970s, in European Japanese studies, there were already

full or partial translations and studies of such monuments of *setsuwa* as *Konjaku Monogatari-shū* and *Uji Shūi Monogatari,* but, in Soviet Japanese studies, only the first timid steps were taken. The ideas of Marxism penetrated all spheres of academic life, and translation and publishing activities were no exception. In the early Soviet period, the preparation of translations of works of the *setsuwa* genre, given the strong religious and magical component of its plot, was unthinkable and ideologically "dangerous". In chronological order, the article highlights the main stages of the study, translation, and popularization of the *setsuwa* genre by such Soviet and Russian Japanese studies scholars as V. Sanovich, T. Red'ko-Dobrovolskaya, G. Sviridov, A. Meshcheryakov, N. Trubnikova, D. Kiknadze.

Keywords: *setsuwa* genre, Japan, narrative prose, Soviet and Russian Japanese studies, classical Japanese literature, translators of Japanese literature.

Author: *Kiknadze Diana G.*, PhD (History), lecturer at the Faculty of Oriental Studies of St. Petersburg State University, Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya naberezhnaya, 7/9.

E-mail: d.kiknadze@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

В последние два десятилетия среди российских читателей и ценителей классической японской литературы, истории и культуры древней Японии, наметился большой интерес к коротким занимательным рассказам жанра *сэцува* (сказ, притча), которые берут свое начало приблизительно с VIII в. Термином *сэцува* обозначается как жанр, так и сам короткий рассказ о каком-то страшном, чудесном, забавном или необычном случае. Истории *сэцува* существуют в виде сборников, содержание и число которых варьируются согласно предпочтениям его составителей и реалиям времени [Кикнадзе 2015b, с. 59]. В рассказах жанра *сэцува* предстают буддийские божества и демоны, благодарные животные, бедняки и аристократы, плутоватые монахи и отшельники, почитающие буддийское вероучение до абсурда, маги и их волшебство. Здесь поднимаются всевозможные вечные темы: грехопадение и возмездие, милосердие и сострадание, жестокость и алчность, хитрость и глупость, похотливость и чревоугодие. В рассказах *сэцува* отражен целый мир, сотканный из многочисленных героев, чувств, религиозно-философских идей, жизненных историй и событий. Вполне возможно, что жанр *сэцува*

нашел своего благодарного читателя в России из-за своей краткой формы и увлекательного содержания.

Корни этого жанра восходят к индийским *джатакам* — назидательным притчам, в которых простым языком описывались важные постулаты буддийского вероучения, основы нравственного поведения истинных буддистов. Короткие поучительные истории распространились вместе с буддизмом в остальные государства-преемники этого вероучения. Так, первые сборники *сэцува* создавались монахами в пору активной популяризации буддизма в Японии по примеру китайских буддийских историй жанра *сяошо* и были сугубо буддийского содержания с обязательной дидактической концовкой и служили в качестве материала для проповедей. Целью таких *сэцува* было ознакомление простого люда с новой религией, ее главными идеями и пантеоном. В деле укоренения буддизма этот жанр носил воспитательский характер, составителями сборников являлись монахи. Однако к XI в. в жанре происходит деление на чисто буддийские и светские *сэцува*, а вскоре появляются сборники и смешанного содержания, как *Кондзяку моногатари-сю:* («Собрание стародавних историй», XII в.) и *Удзи сю:и моногатари* («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в). Авторами таких *сэцува* становились придворные аристократы. Отсутствие авторства привлекало их возможностью высмеивать других придворных, а также пользоваться простым разговорным языком, писать на запретные темы [Кикнадзе 2015b, с. 59].

В самой Японии *сэцува* были необычайно популярными благодаря устным сказителям — бродячим монахам-отшельникам, которые не только проповедовали, но и изображали самые яркие, гротескные сценки. Так, постепенно традиция инсценирования комичных сцен *сэцува* трансформируется в фарс *кё:гэн* и жанр устного комичного рассказа *ракуго*. Однако и письменная традиция сборников *сэцува* не стоит на месте — в Японии продолжается как компоновка старых историй на вкус очередного автора-составителя, так и создание новых сборников. Несмотря на живучесть жанра и огромную популярность историй *сэцува* в японском обществе, вплоть до начала XX в. тексты *сэцува* не считались художественной литературой, учитывая их первоначальное предназначение, и последующую трансформацию жанра с большой долей «низких», скабрезных тем. Причисление *сэцува* к классической литературе, в первую очередь это касается *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари*,

проведение сравнительного анализа между историями этих двух сборников, выявление сходства и различий, подготовка печатных изданий — всё это произошло лишь в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и стало активно развиваться в первой половине XX в. во многом благодаря писателю Акутагава Рюноскэ, который взял за основу нескольких своих рассказов сюжеты из *Кондзяку моногатари-сю:* [Акутагава 1985].

Первые шаги японской литературы *сэцува* в СССР

Свой путь в советском и российском японоведении литература жанра *сэцува* начала довольно поздно — в 70-е гг. XX в., прежде крупнейшие произведения этого жанра лишь упоминались в исследованиях литературоведов. Основное внимание советского японоведения уделялось переводам классической японской литературы. Активная работа над переводами японской классики началась в 1910–1920-е гг. Япония была известна российским читателям по дневникам путешественников, переводам сказок, очеркам об истории и культуре Японии. На фоне увлечения японской культурой на Западе — японизмом — российского читателя также стали активно знакомить с японской литературой. В этот период осуществляются фрагментарные переводы письменных источников древности, необходимые для общего ознакомления с литературным наследием Японии. Поначалу внимание переводчиков было заслуженно обращено на *Кодзики* («Записи о деяниях древности», 712 г.), *Исэ моногатари* («Повесть об Исэ», X в.), *Такэтори моногатари* (первоначальный вариант перевода — «Сказание о резчике бамбука», поздний вариант перевода — «Повесть о старике Такэтори», X в.), «Дневник путешествия из Тоса» (X в.). Поэзия занимает особое место в переводческо-издательской сфере — один за другим выходят сборники стихотворений и посвященные им эссе [Мещеряков 2018].

В середине 1930-х гг. в советском японоведении более четко наметилась специализация. Из страноведения выделились экономическая география (работы К. М. Попова и др.) и история. Книга Е. М. Жукова по истории Японии с древнейших времён по новейшее время стала вехой в марксистском изучении истории Японии. Филология разделилась на самостоятельные дисциплины — исследования языка и литературы. Были созданы теоретические труды по грамматике

(Н. И. Конрад, Е. М. Колпакчи, Е. Д. Поливанов, А. А. Холодович). Японоведы приступили к изучению истории японской литературы, к переводам классических произведений, а также произведений современных писателей, особенно пролетарской литературы 1930-х гг. (Н. И. Конрад, А. Е. Глускина, Н. А. Невский, Н. И. Фельдман). К 1940-м гг. в японоведении в основном уже сформировалась советская марксистская школа [Лещенко (сост.) 1998].

Впервые чуть более подробно памятник жанра *сэцува Кондзяку моногатари-сю:* освещается во вступительной статье отечественного японист-филолога, переводчика Е. М. Пинус (1914–1984) к разделу японской литературы в сборнике переводов классической литературы Дальнего Востока [Пинус 1975, с. 508]. В этом же издании были опубликованы рассказы из «Стародавних повестей» в переводе японист, переводчика Виктора Соломоновича Сановича (1939–2020) [Стародавние повести 1975, с. 649–657].

В 1978 г. в сборнике статей Николая Иосифовича Конрада (1891–1970) «Избранные труды. Литература и театр» встречается упоминание о *Кондзяку моногатари-сю:, Удзи сю:и моногатари* и *Кокон тё:мондзю:*, однако эти упоминания носят сугубо фрагментарный характер в контексте развития хэйанской литературы и появления простонародных сюжетов. В этом же сборнике в главе «Кодан и ракуго в эпоху Эдо» к рассказам *сэцува* автор обращается лишь в контексте изучения корней театрального жанра *ракуго*, чуть подробнее останавливаясь на структуре *Удзи сю:и моногатари* [Конрад 1978, с. 134; 228].

Примечательно, что в своей ранней монографии «Японская литература в образцах и очерках», изданной еще в 1927 г., Н. И. Конрад тщательно рассматривает этимологию литературоведческого термина *моногатари*, однако в книге не упоминаются такие *моногатари*, как *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари*.

Причиной тому является тот факт, что в японском литературоведении начала XX в. жанр *сэцува* только-только стал рассматриваться как художественная литература. Решающую роль в судьбе сборников *сэцува*, а также и в определении самого жанра, сыграл Хага Яити (1867–1927) — организатор «новой» японской науки, особенно высоко ценивший *Кондзяку* как сокровищницу сведений о японской старине, в которой без прикрас отражена жизнь общества хэйанской эпохи. Хага Яити впервые ввел в научный оборот как сам термин *сэцува*

относительно корпуса текстов жанра короткого рассказа, так и *Кондзяку моногатари-сю:* как источник по изучению истории Японии и истории японской литературы [Трубникова, Бабкова 2018, с. 168]. Таким образом, признание в самой Японии в качестве литературного жанра под термином *сэцува* сборники коротких дидактических рассказов приобрели лишь в первой половине XX в.

В советском японоведении основной акцент делался на тех произведениях японской литературы, которые, несомненно, были признаны за классические образцы и по своему идейному содержанию не вызывали вопросов. Учитывая идеи марксизма-ленинизма, на которые было необходимо оглядываться и опираться в своих трудах ученым любых специализаций, можно себе представить, какую опасность для советских востоковедов 1920–1930-х гг. представляли намерения изучать литературу зарубежной страны, граничащую и со сказочным фольклором, и мистикой, и с буддийскими идеями.

В качестве яркого примера можно привести ситуацию вокруг известного русского советского филолога-китаиста Василия Михайловича Алексеева (1881–1951), который занимался переводами китайской классической литературы. Алексеев переводил китайского писателя Пу Сунлина (1640–1715), гениального продолжателя традиции старинных фантастических историй *сяошо*, в новеллах которого основными темами выступают магия, колдовство, духи и призраки. Глубоко погрузившись в перевод, и даже отождествляя себя с писателем, Алексеев стал объектом осуждения своих коллег.

В статье отечественного китаиста А. И. Кобзева ярко проиллюстрирована реакция советских ученых-востоковедов новой формации в отношении изучения мистицизма и народного фольклора в классических произведениях: «Учёный секретарь ИВ АН СССР Х. И. Муратов (1905–1942?) отрецензировал изданную в 1937 г. в Париже книгу В. М. Алексеева “Китайская литература” как “мракобесную, политически вредную, лженаучную, основанную на патологических изысканиях”, а японист из окружения Н. И. Конрада — Я. Б. Радуль-Затуловский (1903–1987) — как “крайне вредную реакционную мракобесную расистскую галиматью… смыкающуюся с фашистскими тенденциями в синологии в некоторых западноевропейских странах и особенно в Японии”» [Кобзев 2013, с. 265]. «[…] в условиях победившего социализма главное зло усматривалось в мистике. Х. И. Муратов заклинал: “От Алексеева мы не требуем марксизма, но требуем, чтобы у него

не было мистики!”, — Я. Б. Радуль-Затуловский подпевал: “Нам не нужна мистика. Мы мистику изучаем только для того, чтобы видеть лицо врага”» [Кобзев 2013, с. 267].

Пример из жизни Алексеева и многих других востоковедов, попавших в жернова нового политического строя, поможет понять всю серьезность ситуации в отношении выбора японских *сэцува* для перевода и исследования. Сейчас сложно а, скорее всего, невозможно узнать, выполнялись ли экспериментальные переводы *сэцува* в среде советских японоведов-переводчиков или же строго соблюдались принципы отбора переводимого материала согласно идеологическим установкам того времени.

Официальная история переводов прозы *сэцува* начнется лишь в 1973 [Стародавние повести 1973, с. 517–540] и в 1975 г., когда в сборнике «Классическая проза Дальнего Востока» среди художественной классики Китая, Кореи и Японии, будут опубликованы переводы избранных рассказов двух памятников японской прозы *сэцува Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари* двух московских японоведов — В. С. Сановича и Т. И. Редько [Стародавние повести 1975, с. 649–657; Дополнения к рассказам из Удзи 1975, с. 657–659].

Безусловно, 1960–70-е гг. разительно отличались от времени становления идеологии и порядков молодой советской страны — появилось больше возможностей обращаться к новым произведениям и изучать их под иным углом. При этом переводческая деятельность по-прежнему оставалась наиболее привлекательной для многих востоковедов, как и запрещенных к печати поэтов. Как пишет А. Н. Мещеряков: «Занятие художественным переводом считалось делом «чистым» — оно позволяло не лгать. Если текст лгал, то это лгал автор, а не переводчик. Это был род эскапизма, усиливаемый тем, что многие выдающиеся поэты и переводчики старались переводить не современных авторов, а произведения тех эпох, которые не знали ни капитализма, ни социализма. Словосочетание «средневековая литература» обладало особо привлекательным ароматом и отдавало умеренным диссидентством. Люди, которые занимались средневековьем, напоминали монахов, сокрывшихся от скверны мира. Безусловно, власти ощущали чужеродность японской классики в советском контексте, а потому введение в информационный оборот позволялось лишь дозированно» [Мещеряков 2018, с. 125].

Большая заслуга в деле издания классической и современной японской прозы принадлежит Восточной редакции издательства «Художественная литература». Произведения на темы религии старательно подавались как восточная экзотика, нечто среднее между мифологией и сказочной прозой. Думается, именно по этой причине число публикуемых переводов рассказов *сэцува* поначалу было столь малочисленно. Одним из первых за переводы *сэцува* взялся В. С. Санович. Возможно, этому способствовала уникальная атмосфера, царившая в Восточной редакции, во главе которой стояла японист Тамара Прокофьевна Редько. Еще в самом конце 1950-х гг. в коллективе, наряду с переводчиком японской литературы Аркадием Стругацким, состоял еще студентом-третьекурсником и Виктор Санович — в будущем переводчик памятника прозы *сэцува* «Стародавние повести» (этот русскоязычный перевод с тех пор навсегда закрепится за *Кондзяку моногатари-сю:*) [Скаландис, 2008].

Виктор Соломонович Санович начал работу над переводом *Кондзяку моногатари-сю:* в 1960-х гг., еще в студенчестве. Выбор рассказов тогда еще был спонтанным, свои первые переводы он читал вслух Вере Николаевне Марковой (1907–1995), которую считал гением и лучшим переводчиком классической японской литературы, а также основателю советской японистики Николаю Иосифовичу Конраду. Дипломную работу, посвященную этому памятнику *сэцува*, В. С. Санович писал под руководством японист, переводчика Ирины Львовны Иоффе (1915–1989), по мнению которой молодой переводчик слишком рано взялся за такое сложное произведение, как *Кондзяку*. Сам Санович осознал всю сложность работы над *Кондзяку* позже — это и сложность языка сборника, и необходимость длительной сосредоточенной работы над переводом, что в молодости переводчика представлялось затруднительным. Отдельные переводы рассказов этого сборника увидели свет в 1973 [Стародавние повести 1973, с. 517–540], 1975 [Стародавние повести 1975, с. 649–657], 1988 [Стародавние повести 1988, с. 123–150], 2005 [Стародавние повести 2005, с. 324–346] годах.

Нам известно, что работа над переводом *Кондзяку* велась вплоть до скоропостижной смерти Виктора Соломоновича в августе 2020 г. В. С. Санович всегда скрупулезно подходил к подбору каждого слова, фразы, тщательно подбирал способы передачи прямой речи, много раз вслух проговаривая варианты перевода. В планах переводчика было

издание избранных рассказов, которые должны были располагаться в хронологическом порядке от самого первого свитка до последнего. В. С. Санович выражал надежду по мере сил продолжить работу над переводом остальных томов и издать полный перевод трех томов *Кондзяку моногатари-сю:*, считая это великое дело смыслом всей жизни: «Сейчас я готовлю к изданию небольшую подборку из “Стародавних повестей” и решил начать с этого перевода. Вообще в новом томе рассказы пойдут по порядку, от первого свитка к тридцать первому. Первый рассказ — начало земной жизни Будды, а последний — про дерево, которое давало огромную тень, им заканчивается дошедший до нас текст “Кондзяку моногатари”. Дальше буду готовить другие тома, постепенно увеличивая объём. И если буду здоров, сделаю “Кондзяку” полностью» [Санович, Трубникова, Коляда 2018, с. 111–123].

Примечательно, что впервые переводом *Удзи сю:и моногатари* занялась японист, переводчик японской художественной литературы Татьяна Ильинична Редько-Добровольская, которая подготовила перевод трех рассказов еще для издания 1975 г. «Классическая проза Дальнего Востока» [Дополнения к рассказам из Удзи 1975, с. 657–659]. Правда, в сборнике это произведение представлено как «Дополнения к рассказам из Удзи», и в этом варианте перевода названия как нельзя лучше отражается суть довольно многозначного японского слова *сю:и* (подбирать, собирать, дополнять, воссоздавать утраченное). Позднее, в 2005 г. в антологию японской классической литературы VIII–XIX вв. «Тысяча журавлей» вошло 12 рассказов в ее переводе, название произведения уже было изменено на «Рассказы, собранные в Удзи» [Рассказы, собранные в Удзи 2005, с. 516–541].

История научного исследования памятников жанра *сэцува* в советском японоведении берет свое начало лишь с 1978 г., когда в Ленинграде аспирант Института востоковедения Ленинградского филиала РАН Георгий Георгиевич Свиридов (1948–1997) подготовил диссертацию «Некоторые вопросы поэтики японской средневековой прозы сэцува». Исследование базировалось на двух крупнейших памятниках жанра *сэцува* — *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари*. В 1981 г. была опубликована монография Г. Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува. (Структура и образ)». Круг исследуемых вопросов включал систему организации материала в *сэцува*, структуру рассказа, поэтику, сюжет и композицию, построение образа, процесс обмирщения жанра. Особый интерес Свиридова еще со студенчества

вызывал памятник *сэцува Удзи сю:и моногатари*. В своем исследовании он проводит параллель не только с более крупным предшественником *Кондзяку моногатари-сю*, но и показывает большую начитанность и эрудицию, сравнивая *Удзи сю:и* с прочими сборниками *сэцува* эпохи Хэйан и Камакура. Своей монографией Свиридов произвел прорыв в научном изучении жанра *сэцува*, проложив дорогу другим переводчикам и исследователям этого жанра.

К сожалению при его жизни перевод избранных историй памятника не был опубликован в виде отдельной книги или сборника. Однако уже в 2003 г. 41 рассказ из *Удзи сю:и моногатари* в переводе Г. Г. Свиридова публикуется в сборнике переводов японской классической литературы «Японская новелла», вышедшем в серии «Золотая серия японской литературы» (Санкт-Петербург) [Удзи сюи моногатари 2003, с. 34–87]. Десять рассказов в переводе Г. Г. Свиридова вошли в сборник отечественного историка-японист и переводчика *сэцува* А. Н. Мещерякова «Книга японских символов». Книга состоит из оригинальных авторских зарисовок и статей на разные темы, которые удачно дополнены переводами рассказов японской классической литературы.

Преждевременная кончина Г. Г. Свиридова не позволила ему самому завершить работу над редактированием чернового варианта перевода, который долгое время он не решался показать широкой аудитории. Большая заслуга в деле научного редактирования и издания перевода *Удзи сю:и моногатари* после смерти Г. Г. Свиридова принадлежит его коллеге, известному японисту Александру Николаевичу Мещерякову. Летом 2019 г. вышел в свет полный художественный перевод «Рассказов, собранных в Удзи» в переводе Г. Г. Свиридова и под научным редакторством А. Н. Мещерякова. Многолетний труд этих двух выдающихся японистов, переводчиков прозы *сэцува* был высоко оценен в кругах российских японоведов и любителей японской литературы [Рассказы, собранные в Удзи 2019].

Тут будет логичным перейти к российскому японисту и переводчику Александру Николаевичу Мещерякову, который упомянут нами выше. В 1984 г. он опубликовал сборник «Японские легенды о чудесах. IX–XI вв.» [Японские легенды о чудесах. (IX–XI вв.) 1984], куда вошли переводы избранных рассказов ранних сборников *сэцува Нихон рё:ики* («Записи о стране Японии и о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела», VIII–IX вв.),

Нихон о:дзё: гокуракуки («Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости», X в.) и *Хокэ кэнки* («Записи о чудесах «Сутры лотоса», сотворенных ею в великой стране Японии, XI в.). Этот сборник стал первым самостоятельным, комментированным изданием трех ранних памятников жанра *сэцува*: рассказы были отобраны самим переводчиком и располагались в данном издании согласно рубрикации также придуманной переводчиком. Например, «Подвижники и кудесники», «След прошлого», «Исполненные молитвы», «Неотвратимое возмездие», «Чудесные статуи и сутры», «Праведный суд», «Край Вечной радости» и т. п. Издание в 1984 г. избранных рассказов на тему буддизма из памятников ранних *сэцува* тиражом в 70000 экземпляров в редакции восточной литературы авторитетного издательства «Наука» говорит само за себя — о давней необходимости подобных переводов и исследований в целом.

В 1995 г. А. Н. Мещеряков подготовил к изданию полный перевод *Нихон рё:ики* [Нихон рё:ики 1995], три свитка, 116 рассказов. Издание снабжено предисловием переводчика, комментариями и примечаниями к каждому свитку. Перевод выдержан в академическом стиле, рассказы в свитках идут согласно сквозной нумерации, а не по темам, как это было в издании 1984 г. Предисловие транслирует погруженность автора в тему раннего японского буддизма и письменных памятников буддийского содержания. Лакуну в связи с такими темами, как буддийские тексты и их циркуляция в японском раннесредневековом обществе, отношения между монахами и мирянами и значение буддийской веры вообще еще к концу 1980-х — началу 1990-х гг. заполнили ранние монографии А. Н. Мещерякова: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма» [Мещеряков 1987]; «Герои, творцы и хранители японской старины» [Мещеряков 1988]; «Древняя Япония: культура и текст» [Мещеряков 1991]. В основу последней монографии легла его докторская диссертация «Древняя Япония: культура и текст», защита которой состоялась в 1991 г. Диссертация опиралась на порядка 60 письменных источников древней и раннесредневековой Японии (*Кодзики*, *Нихон сёки*, *Манъё:сю*, *Синсэн сё:дзироку*, *Когосю:и*, *Нихон рё:ики*, *Хокэ кэнки*, *Нихон о:дзё: гокуракуки*, *Энгисики*, *Кокинвакасю:*, *Ямато-моногатари*, *Исэ моногатари*, дневниковая литература и пр.).

Переводы и исследования литературы *сэцува* после распада СССР

Начиная с момента издания монографии Александра Мещерякова «Древняя Япония: культура и текст» в российском японоведении наблюдается активность в сфере научных комментированных переводов исторических текстов древней и средневековой Японии, личных дневников хэйанских чиновников-аристократов, женской дневниковой прозы. Не остаются без внимания и сборники *сэцува*, живо иллюстрирующие те или иные события из жизни аристократов и столичного общества. Автором данной статьи исследуется сборник *сэцува* XIII в. *Удзи сю:и моногатари* в контексте культурной антропологии эпохи Хэйан. В 2016 г. состоялась защита кандидатской диссертации Дианы Кикнадзе «“Удзи сю:и моногатари” как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185)» [Кикнадзе 2016]. В диссертации основное внимание уделяется формам народного восприятия буддизма, значению бодхисаттв Каннон и Дзидзо в представлениях японцев в раннем средневековье, а также статуй этих божеств. На примерах поведения монахов и мирян выявляется общая тенденция буддизма под влиянием эсхатологической идеи Конца Закона *маппо:*. Отдельная глава касается значения магико-мантической практики *оммё:до:* и личности гадателя и мага *оммё:дзи* Абэ-но Сэймэй. Д. Кикнадзе продолжает работу над исследованием и переводом рассказов этого памятника, привлекая и его предшественника — *Кондзяку моногатари-сю:*. В целом, в сфере ее интересов лежат живые истории *сэцува*, повествующие без прикрас о грубой повседневности хэйанской эпохи [Кикнадзе 2013, с. 48–58; Кикнадзе 2015а, с. 241–259].

Большой вклад в развитие изучения и переводов литературы *сэцува* внесла московский японист, доктор философских наук, буддолог Надежда Николаевна Трубникова: в 2017 г. вышел в свет полный комментированный перевод сборника *сэцува* «Собрание песка и камней» (*Сясэкисю:*, XIII в.) дзэн-буддийского монаха Мудзю Итиэн [Собрание песка и камней… 2017]. Издание представляет собой два тома: перевод с комментариями и доскональное и всестороннее исследование этого произведения. Научное исследование текста сборника нашло выражение в нескольких статьях, работа над которыми велась Н. Н. Трубниковой с 2013 г.: «Мудзю Итиэн и его время» [Трубникова 2013а, с. 121–131], «Ватараи Иэюки и Китабатакэ Тикафуса

о началах “пути богов”» [Трубникова 2013b, с. 135–154], «Наследие индийской и китайской мысли в “Собрании песка и камней”» [Трубникова 2013c, с. 89–110], «Наследие индийской и китайской мысли в “Собрании песка и камней”: многообразие учений и выбор жизненного пути» [Трубникова 2014a, с. 123–133], «Монахи-проповедники в Японии XIII века (по “Собранию песка и камней”)» [Трубникова 2014b, с. 97–122], «Нравы буддийской общины в Японии XIII века (по “Собранию песка и камней”)» [Трубникова 2014c, с. 67–75].

Впервые это произведение упоминается Г. Г. Свиридовым в монографии «Японская средневековая проза сэцува. (Структура и образ)» [Свиридов 1981, с. 46–48]. Автор дал не только историю создания сборника, но и краткое описание идейного содержания каждого свитка. Как пишет Н. Н. Трубникова, до момента выхода в свет ее перевода *Сясэкисю:* крупным петербургским японистом, переводчиком японской классической прозы В. Н. Гореглядом (1932–2002) в труде «Японская литература VIII–XVI вв.» были опубликованы отрывки из двух рассказов этого сборника [Горегляд 2001, с. 269–270]. В это обзорное исследование японской литературы включены разделы о буддийских сборниках и поздних сборниках *сэцува* [Горегляд 2001, с. 97–102; с. 262–271].

В послесловии к своей монографии «Японская средневековая проза сэцува», изданной в 1981 г., Г. Г. Свиридов писал: «Настоящая книга — первый шаг на пути освоения богатейшего наследия прозы сэцува. Многие проблемы здесь только намечены […]. Каковы дальнейшие задачи? На очереди всестороннее изучение взаимосвязей прозы сэцува с другими литературными жанрами — в области литературной формы, приёмов поэтики, вопросов сюжетосложения. Необходимо также приступить к рассмотрению вопросов эстетического, философского, социологического содержания памятников сэцува. […] Комплексное решение этих проблем — очередная задача изучения японской средневековой прозы сэцува» [Свиридов 1981, с. 227–228].

Заключение

Сегодня с уверенностью можно сказать, что интерес российских японоведов к литературе жанра *сэцува* только растет. В наши дни перевод *сэцува* часто сопровождается обширным историко-культу-

рологическим комментарием. Рассказы *сэцува* перестали преподноситься читателю только как развлекательное чтение о страшном или забавном: в наши дни переводчик не только переводит, но и исследует полученный материал, а *сэцува* становятся бесценным источником по повседневности японского средневекового общества.

Можно смело утверждать, что в российском японоведении удалось изменить точку зрения на *сэцува* благодаря трудам и переводам Г. Г. Свиридова и А. Н. Мещерякова. К большому сожалению, в связи с кончиной Виктора Соломоновича Сановича работа над подготовкой к публикации полного перевода «Стародавних повестей» остановилась. Однако усилиями Н. Н. Трубниковой и её учеников — японистов М. С. Коляды и М. В. Бабковой — продолжается перевод и научное исследование этого крупнейшего памятника *сэцува*: регулярно публикуются статьи и переводы на самые разные темы, поднимаемые в сборнике [Трубникова, Бабкова 2018, с. 162–202].

Спустя долгие годы определенную завершенность получило изучение сборника *сэцува Удзи сю:и моногатари*: в 2019 г. под редакцией А. Н. Мещерякова был опубликован полный художественный перевод Г. Г. Свиридова. Ранее, в 1981 г. вышла монография Г. Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува. Структура и образ», в 2016 г. состоялась защита кандидатской диссертации Д. Кикнадзе, в которой этот сборник рассматривается в качестве источника по духовной культуре японского общества хэйанской эпохи, включая запрещенную к изучению в советский период магико-мантическую систему ритуалов *оммё:до:*. И, тем не менее, нельзя утверждать, что изучение этого произведения завершено — существует нехватка научного комментированного перевода сборника, всестороннего историко-антропологического исследования, как и более обширного сравнительного анализа генетических корней японских *сэцува*. *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари* по-прежнему обращают на себя пристальное внимание исследователей японской истории и религий и любителей японской старины.

Тщательные переводы и исследования произведений *сэцува* Н. Н. Трубниковой, опубликовавшей *Сясэкисю:*, задают другим японистам-переводчикам и историкам японской классики такие ориентиры, как высокое качество перевода (в первую очередь научного, а не художественного перевода) и непременное проведение глубокого исследования блоков рассказов, объединенных единой темой.

В наши дни работа над изучением прозы *сэцува* ведется активнее, чем когда-либо, а истории *сэцува* стали рассматриваться как немаловажный источник по изучению религиозной атмосферы и культуры повседневности описываемых периодов истории средневековой Японии. Стало очевидно, что наряду с уточнением и редактированием ранее опубликованных рассказов *сэцува* и переводом новых сборников этого жанра, необходимо параллельно работать и над научным, комментированным переводом с обширным исследованием непопулярных ранее тем.

Сегодня трудно представить заметно возросший интерес к жанру *сэцува* в профессиональной среде отечественных японистов, как и популярность этого жанра среди любителей японской классики, без огромного вклада старшего поколения японистов-переводчиков, работавших над переводом *сэцува* в сложной идеологической обстановке советского времени.

Библиографический список

Акутагава Р. (1985) Новеллы. Эссе. Миниатюры / пер. с яп., вступ. статья А. Стругацкого. Москва: Художественная литература.

Горегляд В. Н. (2001) Японская литература VIII–XVI вв. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Дополнения к рассказам из Удзи (1975) / пер. Т. Редько. *Классическая проза Дальнего Востока* Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 18. Москва: Художественная литература. С. 657–659.

Кикнадзе Д. Г. (2013) Магико-мантическая практика Оммёдо в средневековой Японии (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.). *Религиоведение.* Амурский государственный университет. № 4. С. 48–58.

Кикнадзе Д. Г. (2015a) Вотивные предметы простонародного японского буддизма эпохи Хэйан. (По материалам сборника прозы сэцува «Удзи сюи моногатари», XIII в.). *Страны и народы Востока*. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. Институт восточных рукописей РАН; Вост. Комиссия РГО. Москва: Наука — Восточная литература. С. 241–259.

Кикнадзе Д. Г. (2015b) Новый взгляд на сборник жанра сэцува «Удзи сюи моногатари» как на важный источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185). *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова*. Том 21. 2015. С. 59–63.

Кикнадзе Д. Г. (2016) «Удзи сюи моногатари» как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185). *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Кобзев А. И. (2013) Игрища бесовские в АН СССР. *Общество и государство в Китае:* Т. XLIII, ч. 2. Москва. С. 263–270.

Конрад Н. И. (1978) *Избранные труды. Литература и театр.* Москва: Наука.

Лещенко Н. Ф. (сост.) (1998) *Российские востоковеды.* Москва: Муравей.

Мещеряков А. Н. (1987) *Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма.* Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (1988) *Герои, творцы и хранители японской старины.* Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (1991) *Древняя Япония: культура и текст.* Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (2018) Восприятие хэйанской литературы в СССР и России. *Шаги*. 4 (1). С. 116–133.

Нихон рёики. Японские легенды о чудесах. (1995) Свитки 1-й, 2-й и 3-й. / пер. со старояп., предисловие и комментарии А. Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион.

Пинус Е. (1975) *Классическая проза Японии. Классическая проза Дальнего Востока.* Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 18. Москва: Художественная литература. С. 503–518.

Рассказы, собранные в Удзи (Удзи сюи моногатари). (2019) / пер. с яп. и коммент. Г. Г. Свиридова. Санкт-Петербург: Гиперион.

Рассказы, собранные в Удзи. Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. (2005) / пер. Т. Редько-Добровольской. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

Санович В. С., Трубникова Н. А., Коляда М. С. (2018) «Я — переводчик». Интервью с В. С. Сановичем о переводе «Стародавних повестей» и многом другом. *Японские исследования.* № 4. С. 111–123.

Свиридов Г. Г. (1981) *Японская средневековая проза сэцува. Структура и образ.* Москва: Наука.

Скаландис А. (2008). *Братья Стругацкие.* Москва: Аст. https://biography.wikireading.ru/143339

«Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. (2017) Том 1. *Собрание песка и камней.* Том 2. Исследование. Указатели.

Приложение / исследование, перевод и комментарий Н. Н. Трубниковой. Москва, Санкт-Петербург: Гиперион.

Стародавние повести (1973) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Сердце зари. Восточный альманах.* Вып. 1. Москва: Художественная литература. С. 517–540.

Стародавние повести (1975) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Библиотека всемирной литературы.* Серия первая. Том 18. *Классическая проза Дальнего Востока.* Москва: Художественная литература. С. 649–657.

Стародавние повести (1988) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Луна в тумане.* Москва: Правда. С. 123–150.

Стародавние повести (2005) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Тысяча журавлей. Антология классической японской литературы VIII–XIX вв.* Санкт-Петербург: Азбука-классика. С. 324–346.

Трубникова Н. Н. (2013a). Мудзю Итиэн и его время. *Вопросы философии*. № 4. С. 121–131.

Трубникова Н. Н. (2013b). Ватараи Иэюки и Китабатакэ Тикафуса о началах «пути богов». *Восток-Orient*. № 4. С. 135–154.

Трубникова Н. Н. (2013c). Наследие индийской и китайской мысли в «Собрании песка и камней». *Вопросы философии.* № 12. С. 89–110.

Трубникова Н. Н. (2014a). Наследие китайской и японской мысли в «Собрании песка и камней»: многообразие учений и выбор жизненного пути. *Вопросы философии*. № 4. С. 123–133.

Трубникова Н. Н. (2014b). Монахи-проповедники в Японии XIII века (по «Собранию песка и камней»). *Человек*. № 4. С. 97–122.

Трубникова Н. Н. (2014c). Нравы буддийской общины в Японии XIII века (по «Собранию песка и камней»). *Религиоведение*. № 2. С. 67–75.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. (2018) «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности. *Ежегодник Япония*. Т. 47. С. 163–203.

Удзи сюи моногатари. Японская новелла. (2003) Серия «Золотая серия японской литературы» / пер. Г. Г. Свиридова. Санкт-Петербург: Северо-Запад Пресс.

Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.) (1984) / пер. с яп. А. Н. Мещерякова. Москва: Наука.

References

Akutagawa, R. (1985). *Novelly. Esse. Miniatyury* [Novels. Essays. Miniatures]. Translation from Japanese, introductory article by A. Strugatsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Goreglyad, V. N. (2001). *Yaponskaya literatura VIII–XVI vv.* [Japanese Literature of the 8th–16th Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Dopolneniya k rasskazam iz Udzi [Additions to Tales from Uji]. (1975). In *Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka*, vol. 18 (pp. 657–659). Trans. by T. Red'ko. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Kiknadze, D. (2013). Magiko-manticheskaya praktika Ommedo v srednevekovoi Yaponii (po materialam sbornika «Udzi syui monogatari», XIII v.) [The Magical and Mantic Practice of Onmyōdō in Medieval Japan (According to the Materials of the Collection *Uji Shūi Monogatari*, 13th century)]. *Religiovedenie*, 4, 48–58. Amurskii gosudarstvennii universitet. (In Russian).

Kiknadze D. (2015a). Votivnye predmety prostonarodnogo yaponskogo buddizma epokhi Kheian. (Po materialam sbornika prozy setsuva «Udzi syui monogatari», XIII v.) [Votive Objects of Folk Japanese Buddhism of the Heian Era. (According to the Materials of the *Setsuwa* Collection *Uji Shūi Monogatari*, 13th century)]. In I. F. Popova, T. D. Skrynnikova (Eds.), *Strany i narody Vostoka.* Is. XXXVI: Religii na Vostoke (pp. 241–259). Moscow: In-t vostochnykh rukopisei RAN; Vost. Komissiya RGO. (In Russian).

Kiknadze, D. (2015b). Novyi vzglyad na sbornik zhanra setsuva «Udzi syui monogatari» kak na vazhnyi istochnik po dukhovnoi kul'ture Yaponii epokhi Kheian (794–1185) [New View of the Collection of *Setsuwa* Tales *Uji Shūi Monogatari* as an Important Source of Spiritual Culture of Japan's Heian Period (794–1185). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, 21, 59–63. (In Russian).

Kiknadze, D. (2016). «Udzi syui monogatari» kak istochnik po dukhovnoy kul'ture Yaponii epokhi Kheyan (794–1185) [*Uji Shūi Monogatari* as a Source on the Spiritual Culture of Japan in the Heian Era (794–1185)]. Candidate of Historical Sciences dissertation abstract. St. Petersburg, Institut vostochnykh rukopisei RAN. (In Russian).

Kobzev, A. (2013). Igrishcha besovskie v AN SSSR [Demon Dames in the USSR Academy of Sciences]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae:* Vol. XLIII, Part 2 (pp. 263–270). Moscow. (In Russian).

Konrad, N. (1978). *Izbrannyye trudy. Literatura i teatr* [Selected Works. Literature and Theatre]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Leshchenko, N. F. (ed.). (1998). *Rossiyskie vostokovedy* [Memory Pages: Collection]. Moscow: Muravei. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (1987). *Drevn'aya Yaponiya: buddizm i sintoizm. Problema sinkretizma* [Ancient Japan: Buddhism and Shintoism. The Problem of Syncretism]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (1988). *Geroi, tvortsy i khraniteli yaponskoi stariny* [Heroes, Creators, and Keepers of Japanese Antiquity]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (1991). *Drevnyaya Yaponiya: kul'tura i tekst* [Ancient Japan: Culture and Text]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (2018). Vospriyatie kheianskoi literatury v SSSR i Rossii [Perception of Heian Era Japanese Literature in the USSR and Russia]. *Shagi / Steps*, 4 (1), 116–133. (In Russian).

Nikhon ryoiki (1995). *Yaponskie legendy o chudesakh. Svitki 1, 2 i 3.* [Nihon Ryoiki. Japanese Legends on Miracles. Scrolls 1, 2, and 3]. Transl. from Old Japanese, foreword, and commentary by A. N. Meshcheryakov. St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

Pinus, E. (1975). Klassicheskaya proza v Yaponii [Classical prose in Japan]. In *Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka. Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya* [Classical Prose of the Far East. Library of World Literature. Series 1]. Vol 18 (pp. 503–518). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Rasskazy, sobrannye v Udzi. (2005). [A Collection of Tales from Uji]. In T. Red'ko-Dobrovol'skaya (transl.), *Tysyacha zhuravlei. Antologiya yaponskoi klassicheskoi literatury VIII–XIX vv* [Thousand Cranes. Anthology of Japanese Classical Literature, 8th–19th c.]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

Rasskazy sobrannye v Udzi (2019) *(Udzi syui monogatari)* [A Collection of Tales from Uji. (Uji Shūi Monogatari)]. Transl. from Japanese and commentary by G. G. Sviridov, ed. by A. N. Meshcheryakov. St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

Sanovich V., Trubnikova N., Kolyada M. (2018). «Ya — perevodchik». Interv'yu s V. S. Sanovichem o perevode «Starodavnikh povestei» i mnogom drugom ["I Am a Translator". Interview With Viktor Sanovich About the Translation of the *Konjaku Monogatari Shū* and Many Other Things]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 111–123. (In Russian).

Sviridov, G. (1981). *Yaponskaya srednevekovaya proza setsuva. Struktura i obraz* [Japanese Medieval *Setsuwa* Prose. Structure and Image]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Skalandis, A. (2008). *Brat'ya Strugatskie* [The Strugatsky Brothers]. Moscow: Ast. Retrieved July 20, 2021, from https://biography.wikireading.ru/143339 (In Russian).

"Sobraniye peska i kamnei" v istorii yaponskoi filosofskoi mysli. Tom 1. Sobranie peska i kamnei. Tom 2. Issledovanie. Ukazateli. Prilozhenie (2017). ["Sand and Pebbles" in the History of Japanese Philosophical Thought. Volume 1. "Sand and Pebbles". Volume 2. Research. Index. Appendix]. Research, translation, and commentary by N. N. Trubnikova. Moscow, St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

Starodavnie povesti. (1973). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Serdtse zari. Vostochnyi al'manakh* [Heart of Dawn. Oriental Almanac], 1 (pp. 517–540). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Starodavnie povesti. (1975). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya. Tom 18. Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka* [Library of World Literature. Series 1. Volume 18. Classical Prose of the Far East] (pp. 649–657). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Starodavnie povesti. (1988). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Luna v tumane* [Moon in the Mist] (pp. 123–150). Moscow: Pravda. (In Russian).

Starodavnie povesti. (2005). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Tysyacha zhuravlei. Antologiya klassicheskoi yaponskoi literatury VIII–XIX vv.* [Thousand Cranes. Anthology of Japanese Classical Literature, 8th–19th c.] (pp. 324–346). St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

Trubnikova, N. (2013a). Mudzyu Itien i ego vremya [Muju Ichien and His Time]. *Voprosy filosofii*, 4, 121–131. (In Russian).

Trubnikova, N. (2013b). Vatarai Ieyuki i Kitabatake Tikafusa o nachalakh «puti bogov» [Watarai Ieyuki and Kitabatake Chikafusa About the Beginnings of the "Path of the Gods"]. *Vostok (Oriens)*, 4, 135–154. (In Russian).

Trubnikova, N. (2013c). Nasledie indiiskoi i kitaiskoi mysli v «Sobranii peska i kamnei» [The Legacy of Indian and Chinese Thought in the "Sand and Pebbles"]. *Voprosy filosofii*, 12, 89–110. (In Russian).

Trubnikova, N. (2014a). Nasledie kitayskoi i yaponskoi mysli v «Sobranii peska i kamnei»: mnogoobrazie uchenii i vybor zhiznennogo puti [The Legacy of Chinese and Japanese Thought in the "Sand and Pebbles": The Diversity of Teachings and the Choice of the Life Path]. *Voprosy filosofii*, 4, 123–133. (In Russian).

Trubnikova, N. (2014b). Monakhi-propovedniki v Yaponii XIII veka (po «Sobraniyu peska i kamnei») [Monks-Preachers in Japan of the 13th Century (Using the "Sand and Pebbles")]. *Chelovek*, 4, 97–122. (In Russian).

Trubnikova N. (2014c). Nravy buddiiskoi obshchiny v Yaponii XIII veka (po «Sobraniyu peska i kamnei») [The Customs of the Buddhist Community in Japan of the Thirteenth Century (Using the "Sand and Pebbles")]. *Religiovedenie*, 2, 67–75. (In Russian).

Trubnikova, N., Babkova, M. (2018). *"Sobranie starodavnikh povestei" v otsenkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti* [*Konjaku monogatari-shū* in Scholars' Evaluations: Main Issues and Problems]. *Yearbook Japan*, 47, 163–203. (In Russian).

Udzi syui monogatari (2003). [Uji Shūi Monogatari]. Transl. by G. G. Sviridov. In *Yaponskaya novella. Seriya «Zolotaya seriya yaponskoi literatury»* [Japanese Novellas. Series "Golden Series of Japanese Literature]. St. Petersburg: Severo-Zapad Press. (In Russian).

Yaponskie legendy o chudesakh (IX–XI vv.). (1984). [Japanese Legends about Miracles (9th–11th Centuries)]. Translation from Japanese by A. N. Meshcheryakov. Moscow: Nauka. (In Russian).

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 342–357
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 342–357
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-342–357

Семиотическая концепция Нацумэ Фусаносукэ в исследовании выразительных средств манги

Ю. А. Магера

Аннотация. В статье рассматривается концепция японского исследователя манги Нацумэ Фусаносукэ. В отличие от других исследователей, обращающих внимание на сюжеты в манге, Нацумэ Фусаносукэ рассматривает визуальную составляющую: знаки и символы в манге, а также тип линий и функционирование кадра. Такой подход связан с областью семиотики. Мы постараемся понять, в чем заключается суть данного подхода, известного также под названием «грамматика манги» (*манга бумпо:*). Основным объектом изучения для нас послужит книга Нацумэ «Почему манга такая интересная?» (*Манга ва надзэ омосирой но ка*, 1997), первый раздел которой составлен из ранее написанной книги «Наука о манге от Нацумэ Фусаносукэ» (*Нацумэ Фусаносукэ-но манга гаку*, 1985). В книге 1997 г. исследователь обращается к творчеству различных авторов манги — Тэдзука Осаму, Сайто Такао, Адзума Хидэо, Таниока Ясудзи, Цугэ Ёсихару и др., обладающих своим неповторимым графическим стилем, а далее переходит к анализу выразительных средств манги. В статье пристальное внимание уделяется неотъемлемым элементам манги и их интерпретации Нацумэ Фусаносукэ. Подробно раскрывается функция каждого из этих элементов: функция линий, функция кадра, функция текста, функция звуковых эффектов (ономатопея) и функция символов (*мампу*). Также в статье показано, как семиотическая концепция Нацумэ Фусаносукэ, где все элементы проанализированы и систематизированы, опирается на концепции других исследователей — к примеру, теорию абстрактного рисунка Василия Кандинского («Точка и линия на плоскости», 1926).

Ключевые слова: выразительные средства манги, грамматика манги, кадр, линия, манга, Нацумэ Фусаносукэ, невидимое искусство, семиотика.

Автор: *Магера Юлия Александровна*, старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3.
ORCID: 0000-0002-6601-5032
E-mail: JuliaM14@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Semiotic Concept of Natsume Fusanosuke in the Study of Manga Expressions

Yu. A. Magera

Abstract. The article discusses the concept coined by Japanese manga researcher Natsume Fusanosuke. In comparison with other researchers who pay attention to the plots in manga, Natsume Fusanosuke paid his attention to the visual components: signs and symbols in manga, as well as the type of lines and functioning of the panel. This approach is related to the field of semiotics. We will try to understand the essence of this approach, also known as "manga grammar" (*manga bunpō*). The main object of the study for us will be Natsume's book *Why Is Manga So Interesting?* (*Manga wa naze omoshiroi no ka*, 1997), the first section of which is compiled from the previously written book *The Science of Manga by Natsume Fusanosuke* (*Natsume Fusanosuke no manga gaku*, 1985). In his 1997 book, the researcher refers to the works of various manga authors — Tezuka Osamu, Saito Takao, Azuma Hideo, Tanioka Yasuji, Tsuge Yoshiharu, etc., who have their own unique graphic style, and then proceeds to analyze manga expressions. The article pays close attention to the integral elements of manga and their interpretation by Natsume Fusanosuke. The function of each of these elements is described in more detail: the function of lines, the function of panel, the function of text, the function of sound effects (onomatopoeia), the function of symbols (*manpu*). The article also shows how Natsume Fusanosuke's semiotic concept, where all elements are analyzed and systematized, is based on the concepts of other researchers — for example, Kandinsky's theory of abstract drawing described in "Point and Line to Plane" (1926).

Keywords: manga expressions, manga grammar, panel, line, manga, Natsume Fusanosuke, invisible art, semiotics.

Author. *Magera Yulia A*., Senior Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies of HSE, Russian Federation 105066, Moscow, Staraya Basmannaya street, 21/4, building 3.
ORCID: 0000-0002-6601-5032
E-mail: JuliaM14@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Исследования манги или в международной классификации «Manga studies» (マンガ研究, *манга кэнкю:*) — достаточно молодая отрасль науки, начало которой было положено во второй половине XX в. За это время японские исследователи разных поколений обращались к манге как предмету научного интереса, рассматриваемому с разных точек зрения.

Принято считать, что первым, кто стал изучать мангу, был художник и карикатурист Хосокибара Сэйки (1885–1958). Он рисовал карикатуры и иллюстрации для японских газет «Осака Асахи симбун», «Токио Нити-нити симбун», «Токио Пак» и др. В 1924 г. он выпустил книгу «История японской манги» (日本漫画史, *Нихон манга-си*). Именно в ней он впервые обратил внимание на свиток XVI в. «Карикатуры птиц и зверей» (鳥獣戯画, *Тё:дзю гига*), в котором различные животные, преимущественно обезьяны, лягушки и зайцы, были изображены словно люди, занимаясь стрельбой из лука, приготовлением пищи, проведением богослужений, купанием в реке и др. Движения животных были забавны и понятны без лишних слов. Хосокибара изучал изобразительное искусство, пытаясь найти в нем элементы манги, и назвал автора свитка *Тёдзю гига* монаха Тоба: «“первым художником манги”, потому что [тот] работал в области, известной тем, что в ней нет разделения на живопись и литературу, а также на красоту и “правду жизни”» [цит. по: Бёрндт 2015, с. 139]. Книга Хосокибара была переиздана издательством «Иванами» в 2019 г. под заголовком «История японской манги: от *Тёдзю гига* к Окамото Иппэй» (日本漫画史: 鳥獣戯画から岡本一平まで, *Нихон манга-си: Тё:дзю гига кара Окамото Иппэй мадэ*).

В дальнейшем изучение японских комиксов было прервано Второй мировой войной и только в послевоенное время на мангу снова обратили внимание в академической среде. На сегодняшний день принято делить изучение манги в Японии на четыре периода.

1-й период (1955–1964). В эти годы выделяют таких исследователей манги, как Цуруми Сюнсукэ, Фудзикава Тисуи, Сато Тадао, которые исследовали довоенную мангу и мангу жанра *гэкига* (劇画, драматические картинки). Главный представитель этого направления философ Цуруми Сюнсукэ (1922–2015) начал писать о манге еще в 1949 г. Свои изыскания он публиковал в журнале «Наука мысли» (思想の科学, *Сисо:-но кагаку*, 1946–1996), в котором он занимал пост главного редактора. Вместе с Фудзикава Тисуи и кинокритиком Сато Тадао они вписывали мангу в историю японской массовой культуры и искали ее истоки в карикатуре и газетных комиксах. Впоследствии Цуруми разработал теорию, согласно которой манга принадлежала не к чистому (элитарному) или массовому виду искусства, а к так называемому «лиминальному искусству» (限界芸術, *гэнкай гэйдзюцу*), поскольку существовала на границе различных видов творческой деятельности.

2-й период (1965–1974). Исследователи следующего периода Исико Дзюндзо, Гондо Сусуму, Кадзии Дзюн рассматривали мангу как средство передачи социального опыта. Они основали журнал «Манга-сюги» (漫画主義, «Принцип манги», 1967–1978), в котором пытались доказать, что манга — это форма со своей особой грамматикой (マンガ文法, *манга бумпо:*) и структурой (マンガ構造, *манга ко:дзо:*), которая отличается от правил литературы или кинематографа.

В своей монографии «Размышления о современной манге» (現代マンガの思想, *Гэндзай манга-но сисо:*, 1970) Исико Дзюндзо (1929–1977) заложил основы для изучения выразительных средств манги, выделив шесть основных компонентов: «Положение наблюдателя и мотив» (подача композиции и то, как автор управляет читательским взглядом), «Стиль и персонаж» (влияние стиля на внешний вид персонажа), «Кадры и последовательность сцен» (кинематографические приемы), «Слова и образы» (передача содержания через слова и визуальные образы), «Средство и сообщение» (коммуникация между автором и читателем на основе дешифровки информации), «Выразительные средства и мировоззрение» (индивидуальные особенности графики автора и передача действия в кадре).

3-й период (1975–1984). Новая школа исследований манги была связана с именами Ёнэдзава Ёсихиро, Накадзима Адзуса, Мураками Томохико и др. Они отбросили идеи прежних критиков, видевших в японских комиксах политический посыл, и стали сторонниками

субъективного подхода, считая, что изучать мангу могут только те, кто разбирается в ней или является ее поклонником. Они сконцентрировали свое внимание на изучении истории манги и творчества отдельных авторов. Рождение такого подхода возникло в связи с развитием субкультуры поклонников анимэ и манги, называемых *отаку* (オタク). Крупнейший представитель этого периода Ёнэдзава Ёсихиро (1953–2006) с детства любил комиксы, в студенческие годы состоял в кружке критиков манги «Лабиринт», впоследствии в 1975 г. вместе с друзьями основал самый крупный фестиваль любительских комиксов «Комикет» (コミケット, от англ. Comic Market), ставший главной площадкой для начинающих художников-любителей. Его собственная коллекция книг и журналов манги впоследствии легла в основу Библиотеки комиксов при университете Мэйдзи.

4-й период (1985–1995). Он связан с семиотическими исследованиями манги, когда манга стала пониматься как набор определенных приемов и символов, с помощью которых автор вовлекает читателя в рисованную историю. В этот период происходит уход от обсуждения содержания или политических вопросов в манге. Пионерами этого направления являются Нацумэ Фусаносукэ, Ёмота Инухико и Оцука Эйдзи.

Также большую роль в формировании более глубокого подхода к изучению японских комиксов сыграла внезапная кончина легендарного Тэдзука Осаму (1928–1989) в возрасте 60-ти лет в самом конце эпохи Сёва. С именем Тэдзука Осаму связано становление индустрии анимэ и манги в Японии. Он прославился своей невероятной работоспособностью, созданием более пятисот комиксов манга и первого анимэ-сериала, а также разработкой специальных визуальных клише. Именно в это время за Тэдзука Осаму закрепилось почетное звание «бога манги» (漫画の神様, *манга-но камисама*), для многих исследователей он становится национальным героем и ключевой фигурой в истории развития послевоенных японских комиксов.

Именно в 1990-е гг. происходит осознание того, что комиксы, несмотря на свой упрощенный стиль, обладают исключительными особенностями и потенциалом. Прежде всего, это «достраивание» смысла, а также возможность изобразить невидимое — чувства и эмоции, субъективное движение и т. д. Интересно, что к семиотическому подходу в комиксах приходят практически одновременно исследователи из разных стран. В Японии это, прежде всего, Нацумэ

Фусаносукэ [Кояма 2018, с. 183–187], который стал описывать символьную природу элементов манги в своих книгах с конца 1980-х гг. Он говорит о том, что манга — это собрание условностей, при этом различные условные знаки — это не природное явление, а культурно обусловленное. Например, капельки пота на лице персонажа символически передают нервное напряжение или удивление [Natsume 1997, p. 84]. В реальности мы не можем увидеть, как пот стекает крупными каплями, это все существует лишь в нашем воображении и является условным знаком. В результате Нацумэ приходит к выводу о том, что: «Рисование вещей, которые не видны глазу, это прием, в котором манга достигла большого мастерства» [Natsume 2020, p. 4].

В это же время схожие идеи с Нацумэ Фусаносукэ выражает американский теоретик комикса и художник Скотт Макклауд, выпустивший в 1993 г. книгу «Понимание комикса». Он делает акцент на том, что комикс — это сочетание зримого и незримого и замечает по этому поводу: «Когда автор придумывает новый способ изобразить невидимое, его могут поддержать другие художники. Если их будет достаточно много, символ закрепится в языке… как это уже не раз происходило» [Макклауд 2016, с. 129]. Поэтому исследования Скотта Макклауда и Нацумэ Фусаносукэ обнаруживают множество сходств и их принято относить к области семиотики комикса. Далее мы более подробно остановимся на концепции японского ученого.

Нацумэ Фусаносукэ (р. 1950) — карикатурист и теоретик манги, внук прославленного писателя Нацумэ Сосэки. Рисовать мангу начал в 1972 г. В 1990-е гг. стал активно заниматься исследованиями японских комиксов. Он пытался преодолеть предрассудок о том, что манга — это что-то примитивное и что ее может прочесть каждый. Он обращал внимание на то, что манга оказывает большое влияние на различные сферы японской жизни, например, на современных японских писателей. В частности, в одной из своих книг он упоминает о влиянии автора манги Оосима Юмико на ранние произведения писательницы Ёсимото Банана. За выдающийся вклад в исследования манги был удостоен культурной премии Осаму Тэдзука в 1999 г. С 2008 г. в качестве профессора читает курс «Критические исследования по манге и анимации» в Университете Гакусюин в Токио.

Нацумэ Фусаносукэ первым стал продвигать новую дисциплину, «науку о манге», выпустив в 1985 г. книгу «Наука о манге от Нацумэ Фусаносукэ» (夏目房之介の漫画学, *Нацумэ Фусаносукэ-но манга*

гаку). В отличие от других исследователей, обращающих внимание на содержание манги (на ее сюжеты), свое внимание Нацумэ Фусаносукэ обратил на визуальную составляющую: знаки и символы в манге, а также тип линий и функционирование кадра. В своей книге «Наука о манге» он показал, что эти элементы строятся по определенным правилам и люди, постоянно читающие комиксы, невольно постигают эти правила, часто даже не осознавая этого.

Правила манги, которые стал описывать Нацумэ Фусаносукэ, в дальнейшем получили название «грамматика манги» (マンガ文法, *манга бумпо:*). Овладение манга-грамотностью обычно происходит интуитивным образом и приобретается благодаря личному опыту чтения японских комиксов. Также этот опыт может приобретаться при копировании и перерисовывании манги. При этом читатель не всегда может распознать все те знаки и символы, которые присутствуют в комиксе, но понять в целом, о чем комикс, он сможет. Наличие грамматики манги объясняет тот факт, почему люди не знакомые с комиксами, испытывают сложности при их чтении.

Нацумэ Фусаносукэ был первым, кто обратился к манге как совокупности различных знаков. Он показал, как формируются значения, как порождаются новые смыслы, как комбинируются знаки между собой. Такой подход, где ключевым становится толкование и систематизация различных выразительных средств манги (マンガ表現, *манга хё:гэн*), относится к семиотике — науке о знаках. В дальнейшем область семиотики манги стали развивать другие ученые, такие как Ёсимура Кадзума, Адзума Хироки, Оцука Эйдзи и др.

Нацумэ Фусаносукэ написано множество статей и свыше двадцати книг. Среди них особенно стоит упомянуть такие работы, как «В поисках Тэдзука Осаму» (手塚治虫はどこにいる, *Тэдзука Осаму ва доко-ни ир*у, 1992), «Как читать мангу» в соавторстве с Такэкума Кэнтаро (マンガの読み方, *Манга-но ёмиката*, 1995), «Почему манга такая интересная?» (マンガはなぜ面白いのか, *Манга ва надзэ омосирой но ка*, 1997), «Сила манги: повзрослевшая послевоенная манга» (マンガの力・成熟する戦後マンガ, *Манга-но тикара: сэйдзюкусу-ру сэнго манга*, 1999), «Углубленный и взрослый подход к чтению манги» (マンガの深読み、大人読み, *Манга-но фукаёми, отонаёми*, 2004), «Вызовы перед наукой о манге: развитие карты критики» (マンガ学への挑戦・進化する批評地図, *Манга гаку-э-но тё:сэн: синкасу-ру хихё: тидзу*, 2004).

В качестве ключевой монографии автора для данной статьи мы возьмем его книгу «Почему манга такая интересная?» (1997), первый раздел которой составлен из ранее написанной книги «Наука о манге от Нацумэ Фусаносукэ». В книге 1997 г. он обращается к творчеству различных авторов, а далее переходит непосредственно к анализу элементов манги: символов, линий, звуковых эффектов, слов и кадров.

Как отмечает Нацумэ в одной из своих статей: «В 1990-е я пытался разобраться в структуре выразительных средств манги, анализируя взаимосвязи между тремя основными компонентами» [Natsume 2010, p. 38]. Этими ключевыми компонентами манги были:

1) изображения (絵, э);
2) кадры (コマ, *кома*);
3) слова (言葉, *котоба*).

При этом к неотъемлемым элементам манги Нацумэ относит лишь два параметра — кадр и изображение, поскольку слова обязательным элементом не являются, что доказано существованием так называемых «немых комиксов», комиксов без письменного текста. Согласно Нацумэ, кадр очерчивает форму, а картинка отвечает за внутреннее содержание.

Прежде всего, Нацумэ начинает свой анализ с творчества «бога манги» Тэдзука Осаму. Будучи изначально автором детской манги Тэдзука впервые стал поднимать на ее страницах серьезные и взрослые темы — вопросы жизни и смерти, взаимоотношения полов, использование атомной энергии и т. д. Для того времени это было революционным и подготовило переход от детской манги к манге молодежной. К тому же, по сравнению с довоенной мангой, способы отображения эмоций в манге Тэдзука стали более разнообразными, приобрели более конкретный и недвусмысленный вид, а также усиливались дополнительными символами (формой словесных пузырей, линиями и др.).

Нацумэ сравнивает отображение эмоций персонажа манги с начертанием иероглифов. Так, при скорописном написании иероглифа его основные черты все равно угадываются. Точно такая же ситуация наблюдается при отображении различных эмоций на лице персонажа. В момент изменения мимики персонаж может быть не похож на самого себя, но мы все равно понимаем, что это один и тот же персонаж по другим внешним атрибутам — например, по прическе или шраму на лице. Таким образом, самым главным здесь становится символизм.

Если лицо персонажа не подвержено сильным изменениям в мимике, то эмоции будут выглядеть однообразно, и мы не сможем распознать психологические нюансы.

Особое внимание Нацумэ уделяет линии, которая лежит в основе любого изображения. Когда мы делаем первые шаги в рисовании, то тоже начинаем с линии. Поэтому Нацумэ Фусаносукэ обращается в своей книге к характеру нарисованных линий в манге. Именно характер нарисованных линий — это то, что отличает произведение того или иного автора. Ведь с помощью простых линий происходит отображение эмоций персонажа, закладываются стилистические особенности. Это ярко видно при сопоставлении манги Тэдзука Осаму (рис. 1) и манги Сирато Сампэй, который рисовал в жанре драматических картинок *гэкига* (рис. 2). Если для Тэдзука характерен плавный тип линий, то для Сирато — это грубые угловатые линии.

Далее Нацумэ акцентирует внимание на связи между тем, какими принадлежностями для рисования пользуется автор и какое впечатление от этого производит манга. Известно, что манга рисуется тушью и пером, при этом перья разной формы порождают разный тип линий. Также можно пользоваться ручками, которые уже заправлены тушью, но толщина стержня которых тоже может варьироваться. Для анализа Нацумэ берет персонажа манги Ямагиси Рёко «Император страны Восходящего солнца» (日出処の天子, *Хи идзуру токоро-но тэнси*, 1980–1984), нарисованного в оригинале круглым пером (丸ペン, *мару-пэн*). Далее он воспроизводит этого персонажа, принца Сётоку Тайси, с помощью других инструментов (рис. 3): ручки-кисточки (筆ペン, *фудэ-пэн*), пера Джи (Gペン, имеет по бокам желобки, напоминающие англ. букву G), пера-редиски (カブラペン, *кабура-пэн*), а также ручки с грифелем 0,2 мм（ミリペン, *мири-пэн*）и фломастера (サインペン, *саин-пэн*).

В связи с этим Нацумэ отмечает, что тонкие линии, проведенные круглым пером, способствуют созданию спокойного и холодного изображения. Более толстые линии пера-Джи хорошо подходят для живых и выразительных образов. Перо-редиска рисует линии средней толщины и порождает теплое и мягкое впечатление. Ручка-кисточка производит нарочитые линии. Ручка-линер с тонким грифелем передает суховато-нейтральное впечатление. Фломастер не может варьировать толщину линии, поэтому он не передает эмоции вовсе. Таким образом, при анализе манги мы должны обращать внимание

на технический аспект, понимать какая мода существовала в то время, какой жанр превалировал. Нацумэ призывает нас рассматривать мангу в комплексном мультимодальном подходе.

Таким образом, округлые линии всегда воспринимаются дружелюбно, а изогнутые и угловатые линии передают гнев, беспокойство, напряжение, поэтому мы интуитивно считываем эти эмоции через характер линий. При этом характер линий распространяется на различные объекты — рамки словесных пузырей, рамки кадров, форму звуковых эффектов. С одной стороны, манга кажется сложной, хотя состоит из набора линий и точек. С другой стороны, изображение, состоящее из простых линий, может трактоваться по-разному, из-за чего оно будет выглядеть более запутанным и неоднозначным. Именно простыми линиями проще нарисовать абстракцию.

Далее Нацумэ приходит к понятию «многозначности» линии (多義性, *тагисэй*). Нарисованный элемент не всегда есть то, чем кажется на первый взгляд, могут возникать дополнительные смыслы. В качестве примера Нацумэ демонстрирует страницу из немой манги «Свиток тигра» (虎の巻, *Тора-но маки*, 1982) Тайгера Татэиси, в которой два персонажа вращают веревку. При хаотичном вращении линии движения веревки по своим очертаниям напоминают бобовый стручок. В результате веревка действительно превращается в бобовый стручок, из которого выпрыгивают резвые очеловеченные горошины. На этом и строится комический эффект. Одна линия превращается в совершенно другой объект и в этом заключается юмор и абсурдность ситуации. Абстрагируясь, мы придаем линии новый смысл.

Помимо Тэдзука Осаму в поле зрения Нацумэ попадают такие авторы манги, как Сайто Такао, Адзума Хидэо (на русском языке доступен «Дневник моих исчезновений»), Таниока Ясудзи, Сугиура Сигэру и др. Каждый из авторов обладает своими особенностями графического стиля или подходом к созданию манги. Например, Сайто Такао в своей работе придерживается принципов американской комикс-индустрии, при которой за изображение в манге могут отвечать разные художники, но ключевая идея принадлежит сценаристу и именно он подбирает себе художников в команду. Главным произведением Сайто Такао является манга «Голго 13» (ゴルゴ13, 1968 — по настоящее время), рассказывающая про наемного киллера-убийцу. При этом главный персонаж манги по прозвищу «Голго 13-й», как правило, не выражает никаких эмоций на своем лице, все его чувства скрыты внутри.

Появление такого безэмоционального героя продиктовано системой производства, которой придерживается Сайто Такао. Поскольку персонажа могут рисовать разные художники, то им проще повторять «каменное» лицо киллера из номера в номер (рис. 4).

Далее Нацумэ рассматривает мангу как набор условных знаков. О первом уровне условности говорит тот факт, что даже круг с двумя точками посередине может восприниматься нами как человеческое лицо. Похожую идею излагает в своей книге «Понимание комикса» Скотт Макклауд в главе «Лексикон комиксов» [Макклауд 2016, с. 31]. В манге большое количество условностей, за которыми закреплено то или иное значение. Все смыслы таких условностей культурно обусловлены и не являются природными явлениями. Например, дрожь тела, которая в комиксе передается с помощью дополнительных изогнутых линий, но в реальной жизни мы не увидим у человека этих линий. Т.е. это преувеличение существует только в манге.

К условным знакам Нацумэ относит не только разнообразные символы в виде сердечек, спиралей, жил и т.д., получивших название *мампу* (漫符) — «манга знаки», но также фразы в виде многоточий или линии движения. Все эти элементы он объединяет под общим названием «метафора формы» (刑喩, *кэйю*).

Кэйю могут изображаться как на теле самого персонажа, так и внутри словесного пузыря. Это как дополнение, которое позволяет передать нужный смысл. В качестве одного из примеров Нацумэ приводит изображение диска небесного светила. Белый круг на темном фоне — означает ночь, круг на светлом фоне с исходящими короткими лучами — означает день или светлое время суток. Только с помощью черной заливки и коротких линий мы меняем смысл картинки, хотя круг остается один и тот же. При этом, изображая ночную сцену в манге, окружающие объекты, за исключением черного фона, остаются белыми, хотя в ночи все объекты должны быть темными. Нацумэ сравнивает такой прием с безмолвными пантомимами *даммари* в театре Кабуки, когда актер играет в темноте, но его фигура подсвечена софитами, чтобы зрители видели происходящее на сцене. Точно так же и в манге при изображении ночной сцены темным остается только фон, а объекты — белыми, чтобы читателю было понятно, что происходит.

Изложенные наблюдения касались такого элемента манги, как *изображение*. Теперь пару слов о таком параметре как *слова*. Нацумэ Фусаносукэ говорит о том, что японский комикс, в отличие от запад-

ного, является более сложной системой, поскольку основан на особенностях японского языка, где сочетается звуковое письмо (азбука *кана*) и идеографическое письмо (иероглифы *кандзи*). Именно наличие этих двух видов письма объясняет обилие символов и условных знаков в манге.

Изображения в манге сродни иероглифам, а слова (все диалоги в манге как правило пишутся слоговой азбукой) — их звуковому произношению (чтению иероглифов). При этом, согласно наблюдению ученых, за зрительное и слуховое восприятие отвечают разные центры мозга. Создание манги — это как построение предложений в японском языке. Простые формы иероглифов порождают более сложные, например, записанные вместе иероглифы «солнце» и «луна» порождают прилагательное «светлый» (日и月→明るい, *акаруй*). Точно так же и в манге сочетание и комбинация различных условных знаков приводит к передаче разнообразных чувств и ситуаций. Слова в манге, как правило, вписываются в словесные пузыри (吹き出し, *фукидаси*), которые выступают визуальным компонентом. В зависимости от формы словесного пузыря меняется и смысл сказанного, поскольку одну и ту же фразу можно произнести с разной интонацией. Поэтому очень важно оформлять рамку словесного пузыря в соответствующую форму — это может быть нейтральная овальная форма, форма с острыми краями, передающая громкую речь, форма с пунктирной линией, передающая речь шепотом, облачко с насечками, передающее речь в микрофон, и т. д. Слова при этом могут перенимать функцию изображения — Нацумэ приводит в пример мангу, в которой длинный монолог персонажа на самом деле ничего не означает, а передает исключительно нервное напряжение героя. Обычно слова принято ассоциировать с содержанием, но иногда они выполняют и функцию формы.

Также к категории *слова* Нацумэ относит звуковые эффекты или ономатопею. Ономатопея совмещает в себе не только функцию слова, но и функцию изображения, поскольку внешнее оформление ономатопеи несет определенный смысл. Округлая форма звуков передает положительные эмоции, острая форма звуков — взрыв, шум, громкую речь. При этом существуют отдельные слова и надписи, которые просто внесены в кадр, но звуковыми эффектами не являются. Все эти элементы Нацумэ объединяет под общим термином «метафора звука» (音喩, *онъю*).

Немаловажно и то, что манга порождает новую ономатопею: например, слово, передающее тишину (シーン, *си:н*). Нацумэ демонстрирует, как благодаря изобразительным средствам в манге могут озвончаться не только глухие, но и звонкие согласные, такие, например, как «н» (ん) или «мо» (も). Здесь это выступает показателем усиления эмоций и переходит в категорию условных знаков, поскольку в реальности воспроизвести такие звуки мы не в состоянии.

Последним неотъемлемым элементом комиксов Нацумэ называет *кадры*. Именно в рамках кадра манги абстрактная идея получает конкретное воплощение. При этом Нацумэ отличает четырех-кадровую мангу *ёнкома*, где форма кадров строго определена, от повествовательной манги (物語マンガ, *моногатари манга*), в которой используются кадры различной формы. Кадр Нацумэ называет минимальной единицей комикса, без которой его существование невозможно. Если нет разбивки на кадры, то становится непонятным направление движения на странице. Другими словами, функция кадра заключается в том, чтобы направлять взгляд читателя и таким образом поддерживать последовательность времени и организацию пространства в комиксе.

Размер и форма кадра в манге зависит от того, как автор управляет читательским взглядом, в качестве примера Нацумэ анализирует мангу «Бомбом» (ボンボン、1965–1968) Исиномори Сётаро. Бомбом — мальчик с экстрасенсорными способностями, стоящий в саду богатого Гонты (рис. 5). Он пытается понять, что происходит внутри дома. Сначала Бомбом показан крупным планом перед домом, затем в четырех кадрах меньшего размера показано как он прислушивается — т.е. идет акцент на деталях, что еще больше усиливается отсутствием фона в кадрах. После чего в шестом кадре неожиданно появляется крупным планом лицо другого персонажа — Гонты. Но этот переход плавный, поскольку кадры сохраняют одинаковую форму. Так читатель понимает, что действие переместилось в дом. Но в седьмом кадре происходит резкое раскрытие кадра — его форма и размеры сильно меняются. В результате такой переход от сжатия кадра (圧縮, *ассюку*) к его расширению (開放, *кайхо:*) создает у читателя чувство, что прямо сейчас что-то произойдет.

Горизонтальный кадр внизу правой страницы вдруг сменяется широким вертикальным кадром на левой странице, и испытывавший стесненность взгляд читателя внезапно раскрывается. Ощущение

большой распахнутости совпадает с развитием события, где благодаря сверхспособностям Бомбома над головой Гонты появляются истребители. Три маленьких кадра слева усиливают происходящее и показывают по порядку как летит самолет, падает бомба и происходит взрыв. Благодаря такому построению кадров, Нацумэ демонстрирует как автор манги управляет читательским взглядом, приближая его к кульминации событий.

Конечно, обычно мы не читаем мангу таким аналитическим способом, а воспринимаем эти приемы скорее на интуитивном уровне. И любой автор манги строит раскадровку наполовину подсознательно. Но несомненно, что интерес в манге создается за счет изменения размера и формы кадра, а также благодаря чередованию эффекта сжатия и расширения. Также при анализе структуры кадра манги Нацумэ Фусаносукэ опирается на концепции других исследователей — в частности, на теорию абстрактного рисунка Василия Кандинского. Так, в книге Кандинского «Точка и линия на плоскости» (издана в Японии в 1959 г. издательством «Бидзюцу сюппансия») написано о направленности основной плоскости: «“Левое” — выход во вне — это движение вдаль», «“Правое” — вход внутрь — это движение домой» [Кандинский 2005, с. 77]. Подобные замечания очень близки манге как искусству в целом, поскольку манга читается справа налево, т.е. развитие действия направлено именно в левую сторону. Нацумэ обращает внимание и на замечания Кандинского по поводу «верха» и «низа» основной плоскости. Так, в главе «Основная плоскость» Кандинский пишет, что понятие «верха» вызывает чувство «разреженности», «легкости», «свободы», а понятие «низа» вызывает чувство «уплотнения, тяжести, скованности». Если посмотреть на продолговатый вертикальный кадр из манги «Бомбом», то появившиеся вверху реактивные самолеты создают чувство легкости, а нарисованное черным сборище монстров внизу создает чувство скованности. В этом случае вертикальный кадр подчеркивает возникающее между верхом и низом чувство напряжения. После чувства устремления вверх три кадра слева со сценой бомбардировки вызывают противоположное чувство движения вниз, поэтому тут автор не случайно ставит три узких кадра.

Здесь мы видим, как Нацумэ проводит интересные параллели между мангой и другими видами искусства, в данном случае с абстрактной живописью или, как было показано раньше, с театром Кабуки. Также Нацумэ обращается к литературе. Он сравнивает

4-х кадровую мангу *ёнкома* с короткими стихами *хайку*, а многостраничную повествовательную мангу с большой прозой. Например, внутренние монологи в манге Цугэ Ёсихару напоминают ему жанр автобиографических романов *ватакуси-сёсэцу* (私小説) или путевые дневники (紀行文, *кико:бун*), поскольку диалоги персонажей часто ассоциируется со словами самого автора. Критики оценивают мангу Цугэ Ёсихару как «литературную», близкую чистой литературе *дзюн-бунгаку*, поскольку в ней отражено повседневное течение жизни и переданы тонкие грани внутреннего мира персонажей.

Нацумэ Фусаносукэ был одним из первых, кто начал изучать мангу с точки зрения ее выразительных средств. Он проанализировал каждый отдельный элемент манги — линии, словесные пузыри, звуки, кадры, рамки кадров, визуальные эффекты. Показал, как за счет умелого расположения кадров на странице (варьирования их размера и формы) происходит управление читательским взглядом, а также создается ощущение сжатия и расширения времени и пространства в кадре.

Многие положения, изложенные Нацумэ Фусаносукэ, стали ключевыми для семиотического подхода в манге и остаются актуальными до сих пор. Нацумэ пытается связать особенности манги с национальной спецификой, а именно с особенностями и структурой японского языка. Несмотря на то, что он упоминает об иностранных влияниях — например, о влиянии Уолта Диснея на творчество Тэдзука Осаму, — тем не менее в основе его подхода лежит национальная традиция, а также особенности японской индустрии комиксов, которая стала бурно развиваться с конца 1960-х гг.

Библиографический список

Бёрндт Ж. (2015) Обсуждение дискурса о манге: позиционирование, двойственность, историчность / пер. с англ. Ю. Магеры. В сб.: *Манга в Японии и России: Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса.* Москва, Екатеринбург: Фабрика комиксов. С. 117–146.

Кандинский В. (2005) *Точка и линия на плоскости* / пер. с нем. Е. Козиной. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

Кояма М. (2018) Манга хёгэнрон: история изучения и перспективы развития теории выразительных средств манги / пер. с яп. Ю. Магеры

и А. Паниной. *Манга в Японии и России*. Вып. 2. Москва, Екатеринбург: Фабрика комиксов. С. 173–206.

Макклауд С. (2016). *Понимание комикса* / пер. с англ. В. Шевченко. Москва: Белое яблоко.

References

Berndt, J. (2015). Obsuzhdenie diskursa o mange: pozitsionirovanie, dvoistvennost', istorichnost' [Considering Manga Discourse: Location, Ambiguity, Historicity], in Yu. Magera (ed.), *Manga v Yaponii i Rossii: Subkul'tura otaku, istoriya i anatomiya yaponskogo komiksa* [Manga in Japan and Russia: Otaku Subculture, History and Anatomy of Japanese Comics] (pp. 117–146). Moscow, Yekaterinburg: Comics Factory. (In Russian).

Kandinsky, V. (2005). Tochka i liniya na ploskosti [Point and Line to Plane], Saint Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

Koyama, M. (2018). Manga hyōgenron: istoriya izucheniya i perspektivy razvitiya teorii vyrazitel'nykh sredstv mangi [Manga hyōgenron: History and Perspectives of Manga Expression Theory] in Yu. Magera (ed.), *Manga v Yaponii i Rossii* [Manga in Japan and Russia], Vol. 2 (pp. 173–206). Moscow, Yekaterinburg: Comics Factory. (In Russian).

McCloud, S. (2016). *Ponimanie komiksa* [Understanding Comics]. Moscow: The white label publishing. (In Russian).

Natsume, F. (1997). *Manga wa naze omoshiroi no ka: sono hyōgen to bunpō* [Why manga is so interesting: Its expressions and grammar]. Tokyo: NHK shuppan. (In Japanese).

Natsume, F. (2010). Pictotext and panels: Commonalities and differences in manga, comics and BD / trans. by J. Bauwens-Sugimoto. In *Comics World and the World of Comics: Towards Scholarship on a Global Scale* (pp. 37–51). Kyoto: International Manga Research Center, Kyoto Seika University.

Natsume, F. (2020). The Grammar of Manga: Manga's Inherent Hyōgen 'Stylistics'. In *MANGA!: Visual Pop-Culture in ARTS Education* (pp. 1–10). Viseu: InSEA Publications.

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 358–366
Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 358–366
DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-358-366

О 3-й международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве»

Л. Т. Нечаева

Аннотация. Краткое сообщение о прошедшей 11–13 марта 2021 г. в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета международной научно-практической конференции «Японский язык в образовательном пространстве».

Первая конференция по вопросам преподавания японского языка прошла в 1994 г. в ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. В дальнейшем такие конференции стали проводиться сначала 1 раз в год, затем 2 раза в год. На этих конференциях разбираются проблемы преподавания японского языка, а также различные методические, лингвистические и лингвокультурологические вопросы. Организаторы этой конференции — Московский городской университет (МГПУ), Ассоциация преподавателей японского языка РФ и стран СНГ, Японский Фонд.

Такие конференции необходимы для повышения методического и профессионального уровня преподавателей японского языка. Большое значение они имеют для молодых преподавателей, так как есть возможность прослушать на конференции доклады по различным вопросам методики обучения японскому языку, доклады по лингвистике и лингвокультурологии. В программу включены также доклады на японском языке, что способствует повышению уровня владения языком преподавателей. По материалам выступлений на конференции издаётся сборник статей.

Ключевые слова: японский язык, методика, лингвистика, лингвокультурология, новые учебные курсы, обучение устному переводу.

Автор: *Нечаева Людмила Тимофеевна*, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией «Восточные языки в средней школе», Институт

стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 1.
E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the 3rd International Scientific and Practical Conference "Japanese Language in Educational Space"

L. T. Nechaeva

Abstract. This is a brief report about the international scientific and practical conference "Japanese Language in Educational Space", held on March 11–13, 2021 at the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University.

The first conference on teaching the Japanese language was held in 1994 at the IAAS Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Later, such conferences began to be held, first, once a year, and, later, twice a year. These conferences deal with the problems of teaching the Japanese language, as well as various methodological, linguistic, and linguo-cultural issues. The organizers of this conference are Moscow City University (MGPU), the Association of Teachers of the Japanese Language of the Russian Federation and the CIS countries, and the Japan Foundation.

These conferences are necessary to improve the methodological and professional level of Japanese language teachers. They are of great importance for young teachers, since there is an opportunity to listen to reports at the conference on various issues of methods of teaching the Japanese language, reports on linguistics and linguo-cultural studies. The program also includes reports in Japanese, which helps to improve the language proficiency of teachers. A collection of articles is published based on the materials of the presentations made at the conference.

Keywords: Japanese language, methodology, linguistics, cultural linguistics, new training courses, teaching interpretation.

Author: *Nechaeva Lyudmila T.*, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Laboratory "Oriental Languages in Secondary School", Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, p. 1.
E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

На открытии конференции с приветствиями выступили — заведующий Информационным отделом посольства Японии, Полномочный министр **Ямамото Тосио**, директор ИИЯ МГПУ **Елена Генриховна Тарева**, председатель Ассоциации преподавателей японского языка России и стран СНГ **Людмила Тимофеевна Нечаева**.

Конференция проходила 3 дня. В первый день был пленарный доклад **Оно Масаки** (小野正樹), профессора Университета Цукуба, PhD, 「ニューノーマル時代に向けて必要な日本語コミュニケーションーCEFR のドメインからの分析ー. Кроме того, работали секции:

— Методика преподавания японского языка как иностранного носителями языка (ч.1),

— Актуальные вопросы современного японского языкознания (ч. 1),

— Культурологический аспект подготовки японоведов,

— Актуальные проблемы дистанционного обучения японскому языку,

— Формирование речевых умений на японском языке,

— Особенности обучения японскому языку в средних образовательных школах.

Во второй день работы конференции было два пленарных доклада — доктора филологических наук, профессора, академика РАН **Владимира Михайловича Алпатова** «История японоведения в России» и доктора педагогических наук, профессора ИСАА МГУ **Людмилы Тимофеевны Нечаевой** «Развитие отечественной методики обучения японскому языку».

В этот день работали секции:

— Актуальные вопросы современного японского языкознания (ч. 2);

— Формирование грамматических навыков на японском языке;

— Обучение переводу с / на японский язык;

— Обучение японскому языку: ответ на потребности современного общества (ч. 1).

В этот день также были проведены 2 мастер-класса — под руководством: **Р. И. Буландо** «Техническое обеспечение домашней студии преподавателя на дистанционном обучении» и **О. В. Шашкиной** «Создание интерактивных рабочих листов на учебной платформе “Wizer.me”».

В третий день работы конференции состоялся пленарный доклад кандидата филологических наук, PhD, доцента Санкт-Петербургского государственного университета **Инги Самировны Ибрахим** «Принципы обучения приемам устного перевода с японского языка на русский».

В третий день конференции работали секции:

— Методика преподавания японского языка как иностранного носителями языка (ч. 2);

— Формирование языковых навыков на японском языке;

— Новое в разработке курсов для обучения японскому языку;

— Обучение японскому языку: «ответ на потребности современного общества» (ч. 2);

— Современные тенденции использования учебных материалов в преподавании японского языка.

В этот же день состоялось заседание Круглого стола по теме: «Разработка и описание уровней владения японским языком для иностранцев (применительно к русскоязычным обучающимся) (Уровни А1 и А2)», модератором которого была кандидат исторических наук, заведующая кафедрой японского языка ИИЯ МГПУ **Владлена Анатольевна Федянина**.

В. М. Алпатов в своём докладе рассказал об особенностях развития японистики в России. Он выделил четыре особенности развития японского языкознания в сравнении с другими областями востоковедного образования:

— позднее развитие данной дисциплины в России;

— длительное отсутствие исследований и публикаций японских рукописей, которых не было в российских библиотеках;

— малая роль носителей японского языка;

— высокая теоретичность работ учёных-японоведов.

Большую роль в развитии японоведения сыграл Н. И. Конрад. Большой вклад в развитие японистики внесла Н. И. Фельдман, оригинальные трактовки многих явлений японского языка предлагал Е. Д. Поливанов, предложивший первую в мире трактовку японских фонем. В. М. Алпатов отметил, что в настоящее время в нашей стране расширилось преподавание японского языка, однако при этом стали утрачиваться традиции его научного изучения, хотя они служат базой для решения практических задач преподавания.

Л. Т. Нечаева рассказала о методическом наследии в японоведении. В 1954 г. была защищена Н. Г. Паюсовым первая в СССР диссертация по педагогике — «Методика объяснения, закрепления иероглифов на начальном этапе обучения японскому языку». В это время методических работ по обучению японскому языку не было, определённые рекомендации можно было встретить в статьях по грамматике японского языка, основное внимание уделялось созданию языковых учебников и учебных пособий. Последовательность представления грамматического материала, выделенную в учебнике под редакцией А. А. Пашковского, можно считать классической для японского языка. Она с небольшими изменениями наблюдается в учебнике под редакцией И. В. Головнина, учебнике Л. Т. Нечаевой, учебнике Е. В. Струговой и Н. С. Шефтелевич.

И. С. Ибрахим (СПбГУ) в своём докладе подчеркнула, что обучение устному переводу должно закладываться в качестве основы уже на средних семестрах изучения японского языка в ВУЗе. Это поможет учащимся более осмысленно подходить к изучению лексики и грамматики на продвинутом уровне и осознать, что устный перевод отличается от письменного перевода и от владения разговорным языком. В докладе были рассмотрены виды устного перевода — последовательный и синхронный, подчеркнуты особенности этих видов и формы обучения разным видам устного перевода.

В секциях особый интерес вызвали доклады опытных преподавателей. **Т. М. Гуревич** (МГИМО МИД РФ) в докладе «Соматические фразеологизмы — ложные друзья переводчика» говорила о необходимости, учитывая контекст высказывания, различать фразеологизмы и свободное сочетание слов, поскольку переводчик работает не со словами и грамматикой, а со смыслами. Приводила примеры, подчеркивая, что перевод — это преобразование образов одного сознания в образы другого сознания, а не просто перекодировка знаков одного языка в знаки другого.

Т. И. Корчагина (Факультет глобальных процессов МГУ) в докладе «О склонении японских имен собственных и географических названий при переводе с японского языка на русский» рассказала о том, что не существует правил склонения имён собственных. Но в последние годы наблюдается тенденция склонять японские имена фамилии и топонимы, когда это позволяет русский язык, тогда их падежные формы воспринимаются как естественные носителями

русского языка. Такое изменение по падежам возможно по аналогии с похожими по формальным признакам русскими словами. Она высказала пожелание, чтобы совместными усилиями японистов, представителей издательств и академических институтов были выработаны единые для всех правила употребления в русском языке японских собственных имен и географических названий.

С. А. Быкова (ИСАА МГУ) в докладе «Роль дисциплины “Теория японского языка” в подготовке японоведов и методика её освоения» рассказала о содержании этой дисциплины, относящейся к частному языкознанию и являющейся обязательной в процессе подготовки филологов-японоведов. К курсам частного языкознания, несомненно, следует относить также и спецкурсы по различным проблемам изучаемого языка. Однако в отличие от спецкурсов, представляющих собой результат научной разработки или исследования какой-либо одной проблемы японского языка, разделы (курсы), включаемые в “Теорию японского языка”, знакомят студентов с основными закономерностями и категориями, терминологией, способами изучения и анализа различных подсистем японского языка. В Программу курса обязательно должны включаться три раздела, или курса, в следующем порядке: лексикология японского языка, история японского языка, теоретическая грамматика. При этом каждый из разделов обладает своей спецификой, отражающейся в тематике лекций, и диктует необходимость ознакомления с существующими концепциями и терминологией по основным проблемам разделов. Программой предусматривается проведение семинаров по наиболее значимым темам, а также подготовка докладов или рефератов.

У. П. Стрижак (НИУ ВШЭ) в докладе «Цифровые методы лингвистического анализа японского текста» говорила о том, что лавинообразный рост массивов данных в японистике затрудняет анализ исследовательского материала только традиционными методами, поэтому необходимо внедрять в исследовательскую деятельность методы и инструменты цифрового анализа. Это особенно актуально для исследований, где источниками служат иероглифические тексты. В докладе были представлены несколько примеров цифрового анализа образов японских городов и образов героев художественных произведений. Данные первичного анализа японских текстов были проверены с использованием количественных методов, например: с помощью методов лингвистического цифрового анализа (частотный

анализ, облака слов и др.), и на объемном японском текстовом материале были выделены наиболее частотные слова, репрезентирующие в текстах образы городов и других объектов.

Е. Л. Фролова (НГУ) в докладе представила структуру и содержание учебного курса по ономастике языков стран Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония), разработанного в НГУ для студентов-бакалавров старших курсов, обучающихся по профилю «Востоковедение, африканистика». Программа курса рассчитана на 36 аудиторных часов, заключительная аттестация проводится в форме теста либо устного зачета. В докладе наиболее подробно изложена часть курса «Ономастика Японии». Важной частью курса является приобретение навыка распознавания и чтения имен собственных, умения правильно оформить литературу на восточных языках в научных трудах. Курс повышает профессиональную компетенцию учащихся в теоретическом и прикладном аспектах, рекомендуется для изучения на продвинутом этапе обучения.

О. Р. Лихолетова (МГИМО МИД РФ) говорила об особенностях топонимии как специфической сферы традиционной культуры. Топонимия кодирует информацию об окружающем людей пространстве, восприятие которого отражает одну из важнейших составляющих национальной модели мира. Топоним отражает знание о фрагменте географического пространства и служит материалом для получения информации о духовной культуре и ментальности народа. Топонимическая система отражает историко-социальные, языковые и культурные особенности этноса. Топонимы условно можно разделить на четыре группы: имеющие отношения к природным условиям; не имеющие отношения к природным условиям; названия с двояким значением, которые можно отнести и к первой, и ко второй группе; трудно-объяснимые названия.

А. С. Сергеева (МГПУ ИИЯ) в докладе «Эмоциональный аспект в обучении грамматическим конструкциям японского языка» рассказала о том, что переходя от начального к среднему уровню в изучении японского языка многие студенты и преподаватели сталкиваются с проблемой схожести новых грамматических конструкций с уже изученными базовыми, что затрудняет процесс понимания, различия и, как следствие, запоминания и использования таких конструкций, также и тех, которые не имеют прямого соответствия в русской языковой картине мира. В таких случаях эмоционально-концептный подход

к обучению, который фокусируется на эмоциональном аспекте иностранного языка, может помочь лучше разобраться в тонкостях значений изучаемых языковых единиц, т.е. в том, для передачи каких мыслей и достижения каких целей в коммуникации используется та или иная конструкция, и таким образом повысить эффективность всего процесса обучения японскому языку.

Л. А. Воробьёва (ИГУ) в докладе «Языковая категоризация считаемости в японском языке и способы её репрезентации» затронула проблемы, связанные с изучением языковой категоризации знания о мире. Обращение к изучению языковой категоризации актуально в связи с типологическими характеристиками языка и этнокогнитивными характеристиками японской языковой картины мира. Особый интерес представляет языковая категоризация сущностных и функциональных характеристик представлений о мире с точки зрения отдельности его составляющих, их количественной характеристики, считаемости, нумерации.

С. В. Чиронов (МГИМО МИД РФ) в своем докладе «Опыт работы с учебником экономического перевода на японском» показал, что несмотря на широкий охват и глубокую проработку тем по стандартной программе экономистов его использование затрудняет сложность материалов, их избыточный объём. Не оправдала себя и тактика компилирования текстов из открытых источников, с которыми в аудитории оказывалось нечего делать. В новый учебник заложен иной принцип. Прежде всего, с изменением профстандартов переводческая направленность ослаблена, соответствующие упражнения будут перенесены в общий учебник по переводу для выпуска позже. Теперь это «японский для экономиста-международника», а не «экономический перевод». Заметно уменьшается общий объём, ведь в современной информационной среде найти дополнительные материалы перестало быть проблемой. Уменьшается роль вставных словариков, легко заменимых для студентов их устройствами. Резко усиливается ориентация на стилистическое разнообразие аутентичных материалов, в связи с этим в блоках предъявляются основные тексты совершенно разной природы, — от конспекта тезисов и рекламных презентаций до договоров и финансовых документов. Решено также отказаться от принципа нарастания материала в пользу модульного строения, позволяющего в принципе проходить учебник (задача освоить его в полном объёме в рамках одного курса по-прежнему не ставится) в произ-

вольном порядке, с опорой на реальные потребности слушателя. Ещё одно нововведение — большая доля коммуникативных и проектных заданий, чем смягчается проблема быстрого устаревания материала. Некоторый крен в сторону «окологосударственной» тематики объясняется как фактической направленностью вуза-издателя, так и тем, что тематика практического бизнес-взаимодействия вынесена в подготовленное ранее пособие по деловой переписке на японском языке.

Конференция проходила онлайн, в ней приняли участие 383 человека из 4 стран — России, Японии, Болгарии, Кыргызстана. 75 человек сделали доклады, 308 человек участвовали в качестве слушателей. Всего было сделано 4 пленарных доклада и 63 доклада по секциям. Было также проведено 2 мастер-класса и 1 круглый стол (3 докладчика). Все доклады были прослушаны с большим интересом, что видно из большого количества положительных отзывов на конференцию в интернете. После ее завершения готовится сборник по материалам докладов.

Иллюстрации к статье Н. С. Григорьевой «Деятельность неправительственных организаций Японии: пример Японского Фонда поощрительных стипендий для российских студентов (1992–2006)»

1. Эмблема Фонда

証　書

СВИДЕТЕЛЬСТВО

１９９９年度
(1999年９月～2000年８月)

旧ソ連学生奨学援助金

Поощрительная стипендия студенту бывшего
Советского Союза

旧ソ連学生奨学援助日本基金は、
あなたが勉学に励み、よき社会人となり、
日本との友好に寄与することを期待します。

Фонд японских поощрительных стипендий студентам бывшего Советского Союза вручает Вам эту стипендию, чтобы Вы смогли достичь ещё больших успехов в учёбе. Фонд надеется, что Вы станете достойным членом общества и внесете свой вклад в дружбу с Японией.

学生氏名
Фамилия, имя, отчество

生年月日
Дата рождения

学校名
Учебное заведение

旧ソ連学生奨学援助日本基金
代表委員・審査委員長

鳩山由紀夫

Японский фонд поощрительных стипендий студентам бывшего Советского Союза
Член руководящего совета
Председатель отборочной комиссии
Юкио ХАТОЯМА

2. Именной сертификат стипендиата Фонда

地・球・人

1993年2月25日 第1号
旧ソ連孤児奨学援助日本基金
〒204 東京都清瀬市中清戸1-607
TEL 0424-92-0521 FAX 0424-95-3331

旧ソ連孤児奨学援助日本基金の設立

この基金は91年5月19日の準備会を経て、10月28日、36名の協力者の皆さんにお集りいただき、設立総会を四谷の麹町スクワールで開き、スタートを切りました。当日は在日ロシア大使館から、サブリン公使とブーラフ一等書記官が出席してくださいました。ご出席いただけなかった伏見康治氏（元日本学術会議議長）、鳩山由紀夫氏（衆議院議員）、土井たか子氏（衆議院議員）の各氏から、メッセージや祝電をいただきました。

総会は、それまでの経過、運営要綱や協力団体である国際女性センターとの議定書の案についての了承をいただき、名称を「旧ソ連孤児奨学援助日本基金」とすることや、今年度奨学生70名を支援することなどを決定しました。

ご協力いただいた皆さんに、心からの感謝をのべますと共に、総会開催日が、ロシア側の都合により急拠変更されるというご迷惑をお詫びします。

奨学生を援助するという意義ある事業を、地道に、着実に拡げていく所存です。今後ともご協力の程をお願いしたく存じます。

［なぜ、いま援助をしなければならないか］

旧ソ連では、教育費は無料でした。ところがソ連邦が崩れ、各共和国が独立してそれぞれの奨学金の額に差が生まれてきました。物価は高騰し、生活に大きな痛手を受けたのは年金生活者や親のいない孤児学生たちです。とくに孤児学生は、折角入学した学校も経済的な理由から退学せざるを得ない現状です。

1991年9月には、モスクワで1万円が2,400ルーブルという実情の中で、1,000ルーブルで何ができるのかを、国際女性センターにきいてみました。この国際女性センターという組織は、1990年に設立された民間団体で、女性の健康、生命を守るための事業を行なったり、あのチェルノブイリの事故で汚染された地方の子供（孤児）の家や、年金生活者の老人たちの支援を行なっています。日本の女性団体などからの救援物資を確実に送りとどける信頼できる組織です。

このセンターが、1991年から年間10人の孤児学生に、年1,000ルーブルの奨学金制度をつくって活動をしているとのことでした。

そこで私たちは、国際女性センターのイニシアチブを尊重し、人道的にも大切な事業であることを認めて、共同の事業として取り組むことにしたのです。

私たちには、旧ソ連の孤児学生がどの大学に入っているのかというデータはありません。それらの調査を同センターが引き受けてくれることも、心よく承諾してくださいました。

新しい国づくりのためには、能力のある青年の力が大きな役割りを果たすことを考えるとき、悪条件を乗りこえて高等教育を受けている学生たちに支援の手をさしのべ、隣国日本のやさしい心を伝えたいと思っております。

3. Газета Фонда *Тикюдзин* (*«Землянин»*)

Японский фонд поощрительных стипендий российским студентам
ロシア学生奨学援助　日本基金

Naka-kiyoto 1-607
Kiyose-shi, Tokyo, Japan 〒204-0012

тел: 0424-92-0521
факс: 0424-95-3331

ВЫПУСКНИКУ 2001 ГОДА

Искренне поздравляем Вас с окончанием обучения, которое приходится на начало 21 века. Отдаем должное Вашей воле и целеустремленности, благодаря которым Вы смогли закончить учебу в столь сложных жизненных обстоятельствах.

Завершая учебу, Вы становитесь полноправным гражданином общества. В Вашей судьбе начинается новый большой и важный этап. Нам хотелось бы пожелать, чтобы, творя собственную судьбу и преодолевая натиск проблем реальной жизни, Вы сохранили ту твердость духа, которая помогала Вам выстоять в студенческие годы.

В далекой Японии мы постоянно помним о Вас и желаем Вам счастья и крепкого здоровья. Будем счастливы, если Вы станете достойным гражданином Земли и в этом качестве будете прилагать усилия во имя мира и дружбы во всем мире. Надеемся поддерживать с Вами отношения и в дальнейшем и будем рады любому Вашему письму или открытке.

От имени Японского фонда поощрительных стипендий российским студентам

Юкио ХАТОЯМА – Председатель Попечительского совета фонда

鳩山由紀夫

Тосико ЙОКОСКА – Ответственный секретарь Фонда

横須賀壽子

4. Письмо выпускнику Фонда

5. Председатель Японского Фонда поощрительных стипендий Т. Ёкоска и координатор Фонда в странах СНГ Н. С. Григорьева после завершения деятельности Фонда

Иллюстрации к статье Е. С. Бакшеева «Погребальные сооружения периодов Яёй-Кофун и зарождение японской государственности»

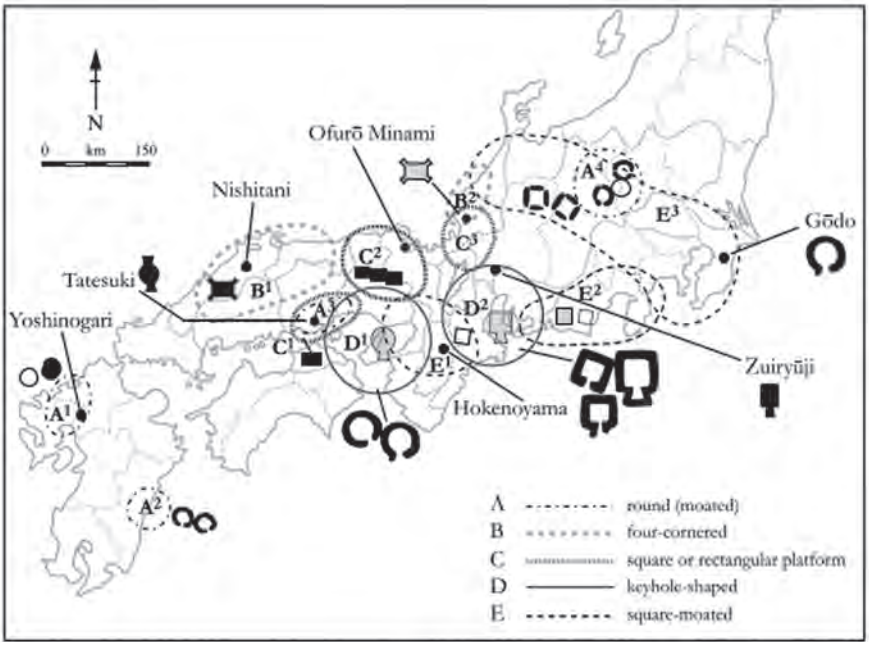


Рис. 1. Распространение основных типов погребальных сооружений с насыпью в период Яёй в различных регионах Японии

A) «Круглые могильные насыпи со рвом» *энкэй сю:ко:бо* 円形周溝墓

B) «Могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами» *ё суми тоссюцу гата функю:бо* 四隅突出型墳丘墓

C) «Квадратные могильные насыпи-платформы» *хо:кэй дайдзё:бо* 方形台状墓

D) «Могильные насыпи *функю:бо* квадратно-круглой *дзэмпо: ко:эн* (D-1) и квадратно-квадратной *дзэмпо: ко:хо:* (D-2) формы»[1].

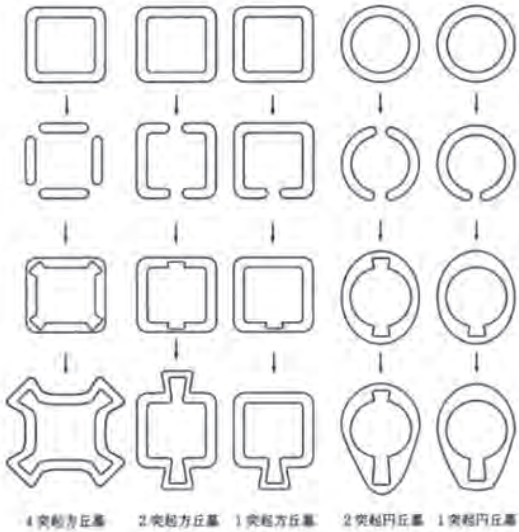
E) «Квадратные могильные насыпи со рвом» *хо:кэй сю:ко:бо* 方形周溝墓

---

[1] Необходимо особо отметить, что в данном случае речь идет не о курганах *кофун* периода Кофун, а о могильных насыпях *функю:бо* периода Яёй или погребальных сооружениях с насыпью переходного периода от Яёй к Кофун (напр., Макимуку Исидзука кофун, Хокэнояма кофун).

Рис. 2. «Квадратная могильная насыпь со рвом» *хо:кэй сю:ко:бо* 方形周溝墓, пам. Хиратэ-тё: 平手町遺跡 (период Яёй; г. Нагоя); в центре – следы деревянного гроба типа *фунагата моккан* («в форме лодки»)

Рис. 3. Разновидности квадратных и круглых могильных насыпей, окруженных рвом, *сю:ко:бо* 周溝墓 (в том числе, с прерыванием рва и выступом – передней «квадратной» частью)



弥生時代墳丘墓の変遷
（都出比呂志 1998『NHK人間大学　古代国家の胎動』より）

Рис. 4. Примерные схемы развития круглых и квадратных могильных насыпей Яёй с одним, двумя и четырьмя выступами (масштаб не соблюдается)

Рис. 5. «Круглая могильная насыпь со рвом» *энкэй сю:ко:бо* 円形周溝墓, пам. На-хигаси 名東遺跡 (пер. Яёй; преф. Токусима, Сикоку)

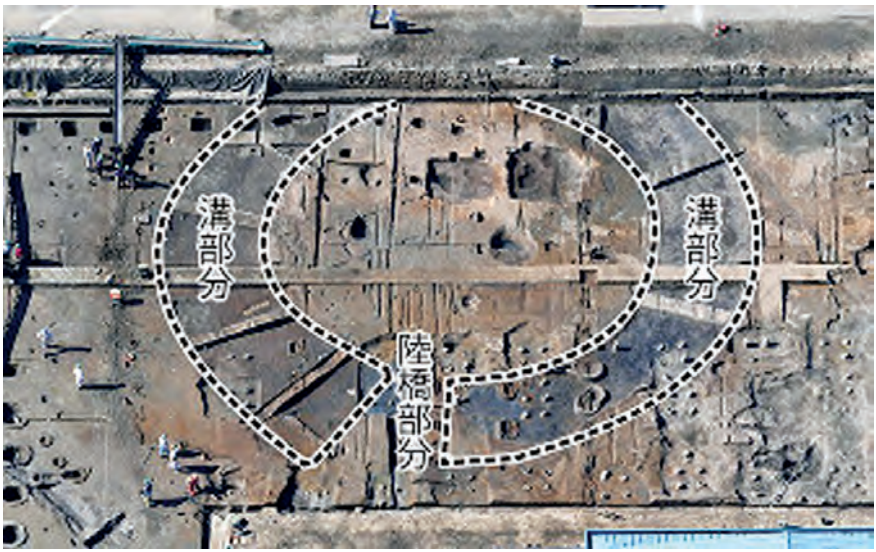


Рис. 6. Круглая могильная насыпь со рвом и перемычкой (букв. «с сухопутным мостом») 陸橋付円形周溝墓 (перемычка на фото внизу в центре), пам. Сэта 瀬田遺跡 (конец периода Яёй, вторая пол. II в. н. э.; преф. Нара, г. Касихара)

Рис. 7. Процесс развития цилиндрических *ханива* из комплекта (кувшин и подставка) погребальной посуды.

(1) Кувшин *цубо* 壺 и подставка кидай 器台
(2) «Особый кувшин» *цубо* 特殊壺 и особая подставка 特殊器台
(3) *Ханива* в виде «особой подставки» 特殊器台形埴輪

第５図　楯築墳丘墓中心主体埋葬後
の特殊器台群復元像
近藤義郎 2001 から

Рис. 8. Установка «особых подставок» с «особыми кувшинами» *цубо* на могильной насыпи Татэцуки функю:бо (преф. Окаяма; реконструкция)

Рис. 9. «Квадратная могильная насыпь с четырьмя угловыми выступами» 四隅突出形墳丘墓 Нисидани №2 西谷2号墓 (пам. Нисидани, Идзумо; пер. Поздний Яёй; реконструкция)

Рис. 10. Могильные насыпи *функю:бо* различных районов и курган Хасихака (преф. Нара).
Вверху слева направо (III в. н. э.)[2]: Татэцуки (область Биттю[3]); Нисидани № 3 (Идзумо); Якуяма № 5 養久山5 (Харима);
В центре слева направо (IV в. н.э.)[4]: Мияяма[5] (область Биттю), Го:до №4 (область Кадзуса[6]);
Внизу: промежуточная форма между насыпью *функю:бо* и стандартным курганом *кофун* — Макимуку Исидзука кофун (Сакураи, преф. Нара);
Справа: курган Хасихака кофун (Сакураи, преф. Нара)

---

[2] Так указано в источнике, однако приведенные здесь датировки являются устаревшими и требуют удревнения примерно на 100 лет.

[3] Соответствует западной части современной преф. Окаяма.

[4] См. сноску 2.

[5] Мияяма фумбо-гун 宮山墳墓群 — это группа захоронений периода от Позднего Яёй к Начальному Кофун; она состоит из коллективного могильника 集団墓 и могильной насыпи (общая длина 38 м) по типу квадратная передняя часть и круглая задняя (前方後円形墳丘墓), иначе могильной насыпи в форме квадратно-круглого кургана (前方後円墳状の墳丘墓) для особы высокого ранга.

[6] Находилась на п-ове Босо (о. Хонсю), соответствует центральной части современной преф. Тиба.

Рис. 11. Курганные группы Макимуку 纒向古墳群,
Янагимото 柳本古墳群 и О:ямато 大和古墳群 на равнине Нара.
Справа — гора Мива 三輪山; в центре пунктирной линией очерчен
археологический памятник Макимуку («полития Мива»)

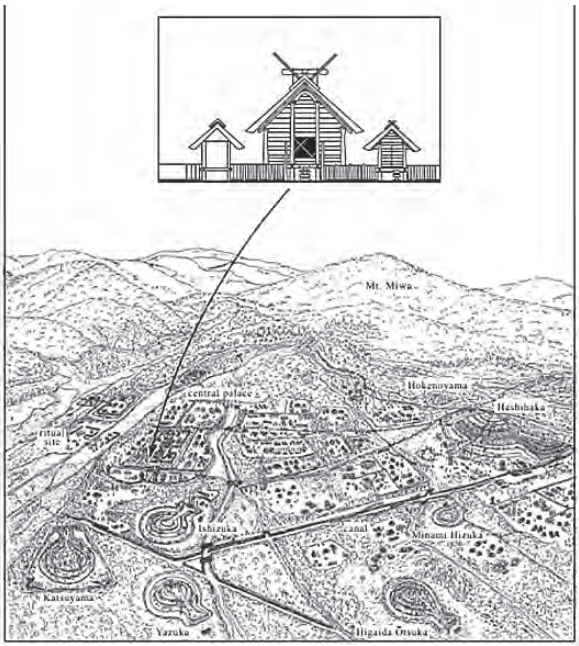


Рис. 12. «Полития Мива» (III–IV в. н. э.). Реконструкция памятника Макимуку с административно-ритуальным центром и курганной группой Макимуку (г. Сакураи, преф. Нара)

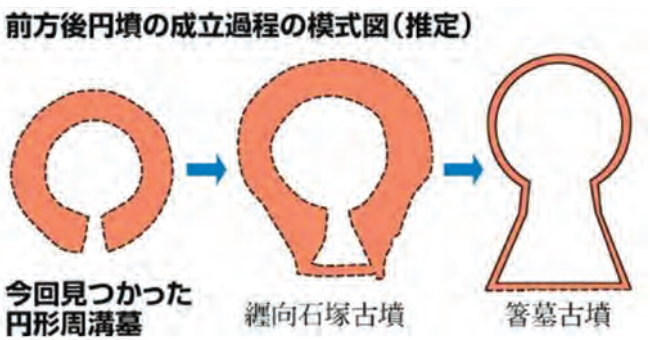


Рис. 13. Общая схема развития формы «квадратно»-круглых курганов. Развитие (на схеме слева направо) от «круглой могильной насыпи со рвом» (памятник Сэта) периода Яёй через промежуточную форму нестандартного «кургана типа Макимуку» (Макимуку-Исидзука кофун) к раннему стандартному кургану (Хасихака кофун)

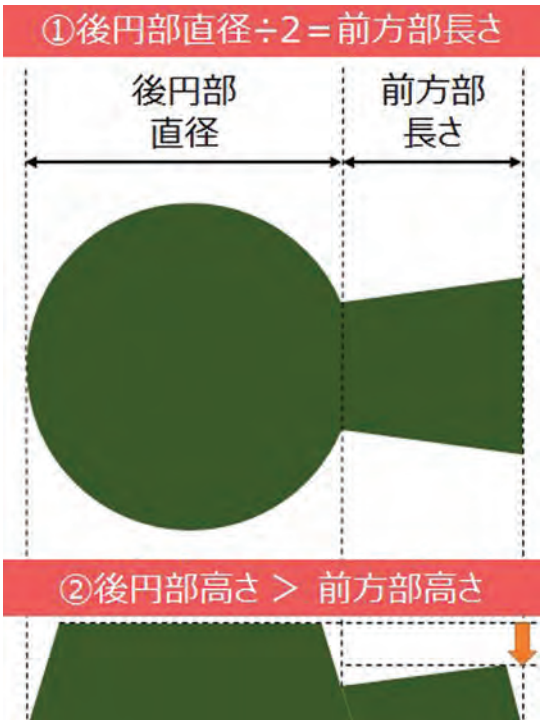


Рис. 14. «Квадратно-круглый» курган типа Макимуку
纒向型前方後円墳.

(1) Соотношение диаметра задней круглой части кургана и передней «квадратной» как 2:1.

(2) Высота задней круглой части кургана больше, чем у передней «квадратной».

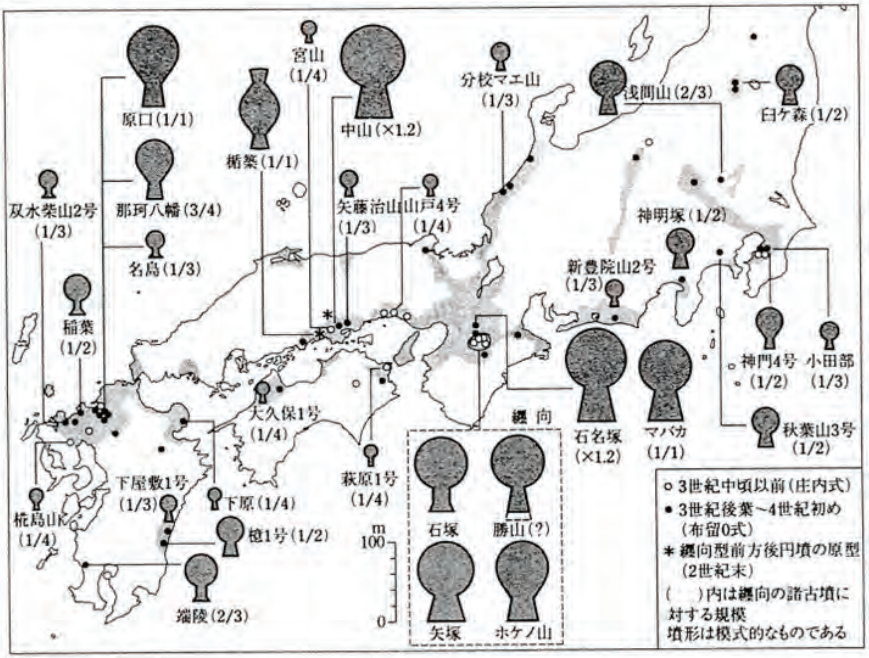


図3　纒向型前方後円墳
寺沢薫，2008，文庫版『王権誕生』日本の歴史02，講談社

Рис. 15. Карта распространения «квадратно-круглых курганов типа Макимуку» по территории Японии
На рисунке в круглых скобках — соотношение размеров данного сооружения и курганов группы Макимуку.
(в среднем ок. 90 м): так, Го:до № 4 神門4号 (преф. Тиба) составляет ½ от среднего кургана Макимуку.

Иллюстрации к статье К. О. Саркисова «Инцидент в Тяньцзине: «дальневосточный Мюнхен»

Концессии в Тяньцзине

Второй раунд переговоров.
Арита и Крейги
у здания японского МИДа

a French cartoonist's idea of the way Japan is dealing with John Bull.
Low © All Countries and Le Rire, Paris.

Французская карикатура: пинком под зад Япония вышвыривает Англию из Китая [New York Times, July 9, 1939]

Доля сырья, сырьевой и готовой продукции и баланс внешней торговли Японии (1937–1940 гг.) [Yamamoto 2021, p. 49]

貿易収支表（単位100万円）(в млн иен)

	сырье 原料品		сырьевая продукция 原料用製品		готовая продукция 全製品	
год	экспорт 輸出	импорт 輸入	экспорт 輸出	импорт 輸入	экспорт 輸出	импорт 輸入
1937 年	133	1,995	5	1,095	1,900	421
1938	105	1,296	2	702	1,570	448
1939	181	1,410	1	864	1,940	397
1940	141	1,632	8	900	2,071	448

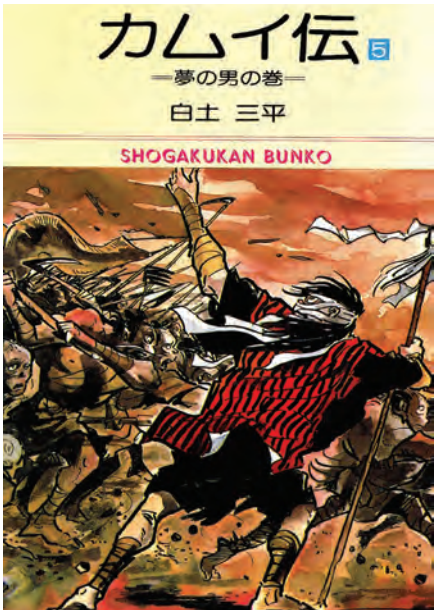
Last year (1938), this country imported $126,820,137 worth of goods from Japan and in 1937 took $204,201,032 worth.

In 1937 Americans exported $288,-558,170 worth of merchandise to Japan and last year shipped a total of $239,575,201.

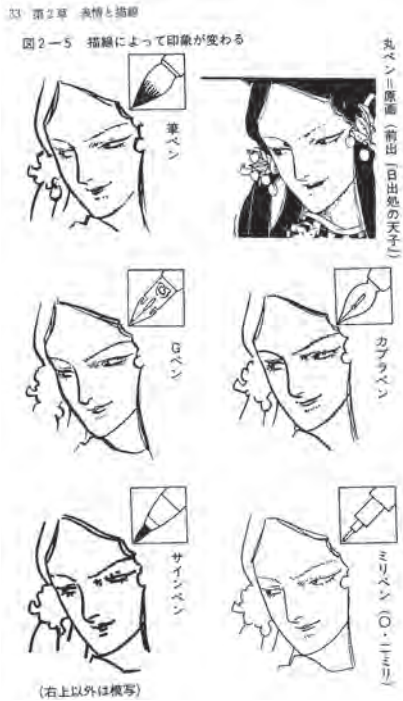
Объем японо-американской торговли в 1937–1938 гг. [New York Times, July 28, 1939]

Иллюстрации к статье Ю. А. Магеры «Семиотическая концепция Нацумэ Фусаносукэ в исследовании выразительных средств манги»

Обложка манги Тэдзука Осаму «Император джунглей» (том 1), 1953 (переиздание 1977)

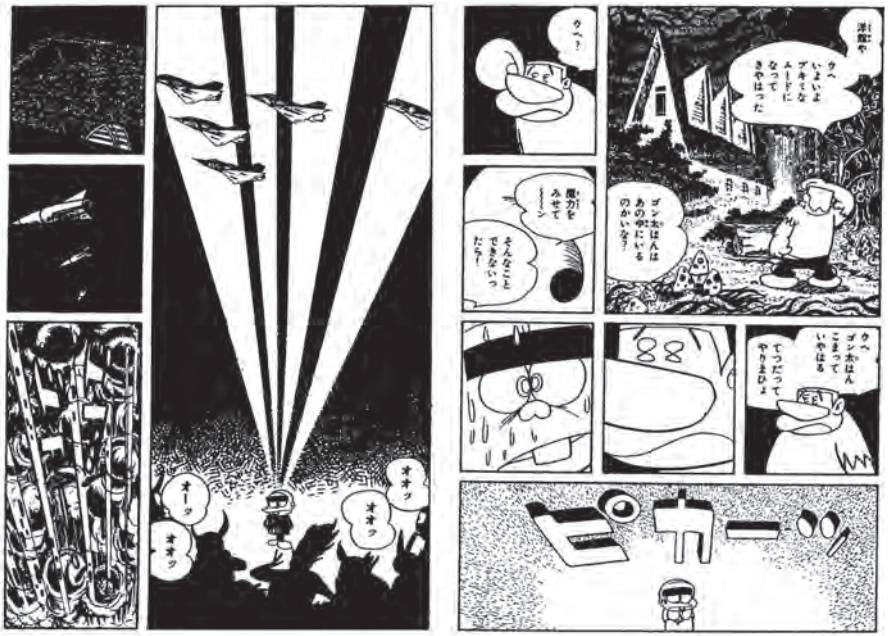


Сирато Сампэй «Легенды Камуи» (том 5), 1966 (переиздание)



Разный тип линий
в зависимости
от использования того
или иного инструмента
для рисования на примере
персонажа манги «Император
страны Восходящего солнца»
Ямагиси Рёко (из книги Нацумэ
Фусаносукэ «Почему манга
такая интересная?», стр. 33)

Обложка 9-го тома «Голго 13»,
выпущенная в честь 50-летия
манги в 2018 г.



Исиномори Сётаро «Бомбом», 1965–1968
(из книги Нацумэ Фусаносукэ «Почему манга такая интересная?»,
стр. 140–141)

Уважаемые авторы Ежегодника!

Просим направлять свои статьи для публикации в нашем издании на **e-mail japanstudiesinrussia@gmail.com.** Дата прихода статьи на данный электронный адрес является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется ежегодно с апреля по июнь. О начале и об окончании срока подачи статей оповещает объявление на сайте Ассоциации японоведов **www.japanstudies.ru**, публикуемое обычно в середине апреля.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации – обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Ниже приведены основные наукометрические данные нашего издания, которые могут быть полезными авторам публикаций в справочных целях.

Ежегодник Япония является базовым ежегодным изданием отечественного японоведческого сообщества. Решение о его издании было принято 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР. Издание Ежегодника, начатое в 1972 г. инициативной группой советских японоведов, ни разу не прерывалось.

С 1994 г. Ежегодник издается Межрегиональной общественной организацией Ассоциация японоведов и Институтом востоковедения Российской Академии Наук. Ежегодник получает финансовую поддержку Японского фонда и Международного фонда Шодиева.

Сайт издания: http://yearbookjapan.ru

ISBN 978-5-02-039883-2
ISSN 2687-1432 Print
ISSN 2687-1440 Online
Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, – 0235-8182 Print

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-61497

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека
  и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
  http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33360
- Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»
  http://cyberleninka.ru/journal/n/yearbookjapan
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
  https://doaj.org/toc/2687-1440

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ
2021. Том 50

Научный редактор	Стрельцов Д. В.
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Научный редактор	Торопыгина М. В.
Ответственный редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.
Редактор сайта	Казаков О. И.

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов

103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
E-mail: japanassos@gmail.com
Http://japanstudies.ru